

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 7, №4 2021

Издательство Амурского государственного университета



Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4

Выпуск 7, № 4, 2021

Номер посвящается памяти выдающегося лингвиста А. А. Бурькина

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартковский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюарт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com



Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4

Volume 7, Issue 4, 2021

The Issue is dedicated to the memory of an outstanding linguist A. A. Burykin

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Elena A. Buraya
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
helen812@list.ru

Prosodic rhythm in Australian English (Gender differentiation)

Abstract

This paper develops the concept of rhythmic classes through the approaches based on metrics designed to quantify speech rhythm. The emergence of a number of PC software packages, that considerably facilitate the analysis of a speech signal, inspired linguists to renew their interest in speech rhythm which waned when Rhythm Class Hypothesis did not prove to be supported with experimental data. New approaches to speech rhythm study are based on the so-called rhythmic metrics – the Deltas, the PVI and those based on voice timing which are viewed as acoustic rhythmic correlates. Thus, the idea of the paper is to test within the scope of one study the validity of all the three methods using the material of Australian English. The paper also aims at analyzing rhythmical patterns of Australian English, comparing the obtained data with the results on other varieties of English and finding out whether the gender factor has any influence on Australian English speech rhythm. The evaluation of the research data testifies to the ability of each of the three methods to be quite reliable in quantifying speech-rhythm differences. The profiles of the metrics provide acoustic evidence for gender differentiation in Australian English speech rhythm with female speech being more stress-timed.

Keywords: rhythm, gender, Australian English, rhythm acoustic correlates, metrics, PVI, Deltas, voice timing

© Buraya E. A. 2021

For citation: Buraya, E. A. Prosodic rhythm in Australian English (Gender differentiation). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 5–15. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_5_15

Бурая Елена Анисимовна
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
helen812@list.ru

Просодический ритм в австралийском варианте английского языка (гендерный аспект)

Аннотация

В работе развивается идея разделения языков на ритмические классы, в основе которой лежат подходы, основанные на методиках, предназначенных для измерения речевого ритма. Развитие компьютерных технологий позволило создать программы, которые открывают новые возможности в исследовании речи. Это возродило интерес лингвистов к изучению речевого ритма, угасшего, когда стало ясно, что гипотеза Пайка-Аберкромби о типологическом различии ритмических классов не была подкреплена экспериментальными данными. Новые подходы к изучению речевого ритма базируются на так называемых ритмических метриках – дельтах, PVI и метриках, вычисленных на основе периодов звонкости, которые рассматриваются как акустические корреляты речевого ритма. В связи с этим в работе на материале австралийского варианта английского языка предпринимается попытка проверить в рамках одного исследования надёжность каждой из трёх методик. В исследовании также проводится сравнение полученных результатов с данными по другим вариантам английского языка. Анализ и сопоставление эксперимен-

тальных данных позволяют говорить о надёжности каждой из трёх методик для измерения речевого ритма. Значения ритмических метрик также свидетельствуют о гендерной дифференциации ритма австралийского варианта английского языка: экспериментальные данные говорят о более выраженном тактосчитающем характере женской речи.

Ключевые слова: ритм, гендер, австралийский вариант английского языка, метрики, PVI, дельты, периоды звонкости

© Буряя Е. А. 2021

Для цитирования: Buraya E. A. Prosodic rhythm in Australian English (Gender differentiation) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 5–15. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_5_15

1. Introduction

The current research sets out to investigate Australian English speech rhythm. Australian English (AusE) is a major variety of the English language. It differs from other English speaking varieties in vocabulary, grammar, spelling and of course, pronunciation. While phoneticians have already described AusE segmental phonology, its suprasegmental level, including rhythm, has so far been poorly investigated.

With evolving computer technology there appeared new software designed for studying speech and thus new methods of analyzing speech rhythm, namely, the Deltas, the Pairwise Variability Index and the method based on voice timing, have been developed. The paper is an attempt to apply the mentioned approaches to AusE rhythm and assess their validity. The research also focuses upon gender differences in AusE speech rhythm.

2. Typological approach in the study of rhythm

A classical view on speech rhythm maintains that languages fall into two distinct rhythm classes, namely stress-timed and syllable-timed. The terms were evidently coined by Pike [Pike, 1945] to describe the rhythm of Romance languages on the one hand, and Germanic languages on the other hand. The -timed component here points to an isochronous repetition of an element. In syllable-timed languages such an element is a syllable, so successive syllables, whether stressed or unstressed, are supposed to be of equal duration. In stress-timed languages such an element is an interstress interval, so time periods between stressed syllables are said to be equal.

Pike's ideas were later developed by his British follower Abercrombie who claimed that the two types of timing are strictly categorical, that is, there are two and only two types of rhythmic classes. And "...every language in the world is spoken either with one kind of rhythm or with the other" [Abercrombie, 1967, p. 97].

The ideas put forth by Pike and Abercrombie marked the beginning of a typological study of speech rhythm.

The theory of the two types of speech rhythm was suggested by the authors on the basis of their authority impressions, but later experiments failed to provide any acoustic evidence for the isochrony of the mentioned intervals [Roach, 1982].

However, the idea has already become appealing to linguists and appeared to be backed by perceptual data. This has obliged some researchers to retreat from 'objective isochrony' in favour of 'subjective isochrony'. Isochrony became to be accepted as a concept that relates to speech perception. And it is possible to say that "... every language in the world is perceived with one kind of rhythm or with the other..." [Cauldwell, 2002, p. 18].

Some linguists [Dauer, 1983, among others] attributed the impression of stress- or syllable-timing to phonotactic properties of a language: the syllabic structure and the degree of vowel reduction. It is common knowledge that stress-timed languages allow for a greater complexity in syllable onsets and codas. Syllable-timed languages have a very limited number of syllable types with consonant clusters being rare. Vowel reduction is a property of stress-timed languages. In syllable-timed languages there is practically no vowel reduction.

Dauer also advocates a continuous model of rhythm. This suggests that there exists a variety of rhythmic types that could be viewed as a continuum on which languages may be placed depending on how syllable- or stress-timed their rhythm is. Thus, it is not the duration of certain units as Pike and Abercrombie supposed, but rather the syllable complexity and vowel reduction that are especially relevant to rhythmic differences.

3. Rhythmic acoustic correlates

At the turn of the XXI century the distinction between two rhythmic classes received renewed interest. Up-to-date approaches to speech rhythm are based on the so-called rhythmic metrics which, as linguists believe, are able to measure speech rhythm and compare it in different languages. The metrics are derived from the segmentation of speech into vocalic and consonantal intervals.

3.1. The Deltas

One of the approaches was initiated by Ramus and his co-workers [Ramus et al., 1999]. They measured the duration of consonantal and vocalic segments and calculated three parameters (or metrics): the standard deviation of consonantal intervals (marked ΔC), the standard deviation of vocalic intervals (marked ΔV) and the proportion of vocalic intervals in a sentence (marked %V). These parameters were later called ‘the Deltas’.

The standard deviation of consonantal intervals (ΔC) is expected to point to syllable complexity: the more complex the syllabic structure the higher the value of the metric. So stress-timed languages are expected to have higher values of this parameter.

The standard deviation of vocalic intervals (ΔV) is expected to point to the degree of vowel reduction in unstressed syllables, so stress-timed languages are supposed to have a higher value of this parameter too.

The vocalic percentage (%V) points to both the presence/absence of vowel reduction and the complexity of the syllabic structure. This parameter is thought to be higher in syllable-timed languages.

The researches computed these metrics for some languages and in order to better visualize the results put the data on three planes: ΔV - ΔC , %V- ΔC and %V- ΔV .

The correlation %V- ΔC in figure 1¹ appeared to be most illustrative for language discrimination.

Figure 1 shows that the languages are not scattered randomly in the plane, they form groups that resemble rhythmic classes. British English and Dutch (stress-timed) cluster together in the left upper part of the plane. French, Italian and Spanish (syllable-timed) cluster together too, but away from stress-timed languages. Though the languages form two groups, the values of their metrics within each group are slightly different which means that there is a weak rhythmical distinction between them and this distinction is gradual.

¹ Figure 1 is a modified version of Figure 1 from Ramus et al. (1999).

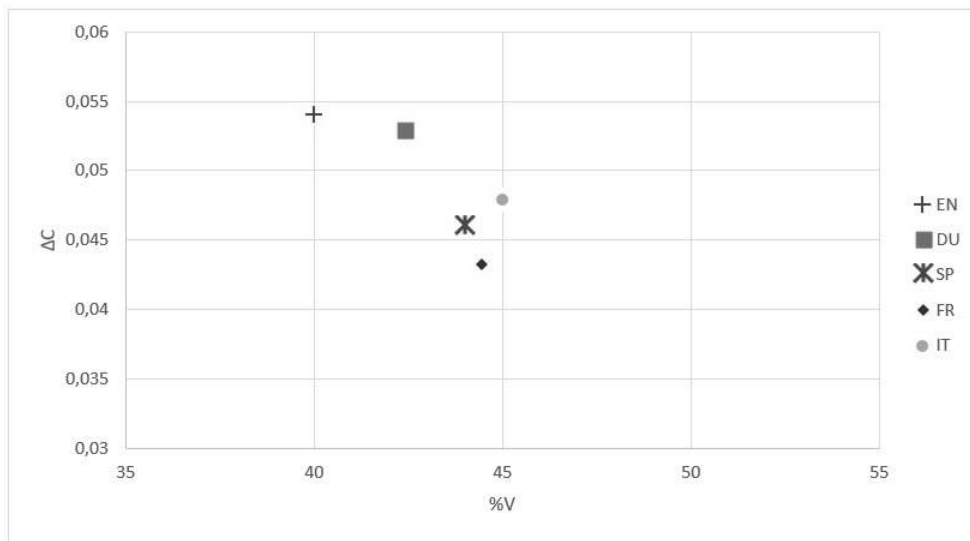


Figure 1. Distribution of languages over the %V-ΔC plane

3.2. Pairwise Variability Index

Another research designed to quantify speech rhythm was carried out by Grabe and Law [Grabe, Law, 2002]. They evolved an approach to speech rhythm analysis based on a different metric which they called “The Pairwise variability index – PVI”. The PVI is also based on the segmentation of speech into vocalic and consonantal intervals.

To calculate the index they worked out the following equation:

$$rPVI = \sum_{k=1}^{m-1} |d_k - d_{k-1}| / (m-1)$$

where m is the number of items in an utterance and d is the duration of the k th item.

To eliminate the effect of speaking rate the linguists used a normalised version of the Index which they applied to vocalic intervals. The equation for this version, $nPVI$, is

$$nPVI = 100 \times \left[\sum_{k=1}^{m-1} \left| \frac{d_k - d_{k-1}}{(d_k + d_{k+1})/2} \right| / (m-1) \right]$$

The researchers suppose that there is no need to normalize the index for speech rate while calculating it for consonantal intervals ($rPVI$), as their duration mostly depends on the character of articulatory gestures, necessary for consonant production.

PVI shows the level of variability in neighbouring syllables. In the so-called stress-timed languages where unstressed vowels are heavily reduced and the syllable structure is varied, the value of the index is supposed to be high. And in the so-called syllable-timed languages, which do not allow for vowel reduction, and where the syllable structure is rather limited, it is expected to be low. Then the researchers computed the values of the indexes for several languages and put them on a plane (fig. 2²).

In figure 2, three stress-timed languages – British English, Dutch and German – are grouped close to each other in the upper part of the plane, whereas two syllable-timed languages – French and Spanish – are located in its lower part. The position of the data projections in the planes (fig. 1 and fig. 2) clearly illustrate that rhythmic distinction between languages is not strictly categorical, as Pike and Abercrombie assumed, but rather gradual as Dauer supposed.

² Figure 2 is a modified version of Figure 1 from Grabe, Low (2002).

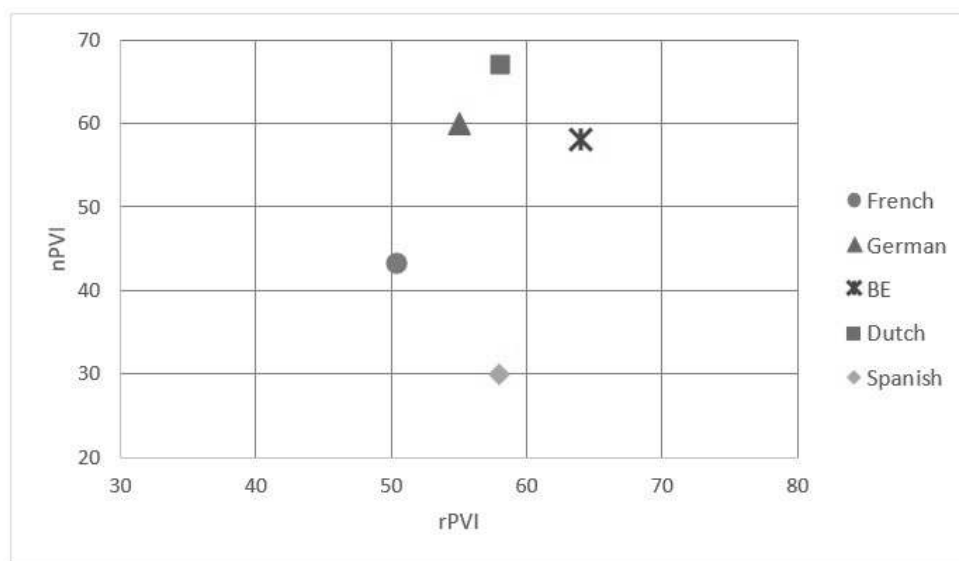


Figure 2. Distribution of languages over the rPVI-nPVI plane

The new approaches to speech rhythm mean a conceptual shift in its analysis. Pike and Abercrombie believed that the type of rhythm is a categorical concept with the members of the same category being equal. The new approaches assume that there exists a diversity of rhythms. The distinction between them has a gradient character, i.e. one language may be more or less stress-timed than another.

These rhythmic metrics (the Deltas and the PVIs [Grabe, Low, 2002]) began to be treated by linguists as acoustic correlates of speech rhythm, as units that measure rhythm. The metrics have provided rhythmologists with a precise method for calculating, analyzing and comparing rhythmic differences.

3.3. Indexes based on voice timing

The third line of research was initiated by Fourcin and Dellwo [Fourcin, Dellwo, 2009]. Their work was inspired by experiments with French infants' behaviour [Nazzi et al., 1998]. These experiments have proved that infants seemed to distinguish speech in French, Italian and Spanish from phrases spoken in Dutch and English. Fourcin and Dellwo supposed that the ability of newborns to differentiate between rhythmic classes might mean that there are firm signals in speech that allow drawing such kind of distinction. The researchers assumed that the cues for language differentiation might be influenced by whether they are physically voiced or voiceless. For this reason, they concluded that infants may prefer voiced-voiceless variability cues to distinguish between rhythmic classes.

Using this prediction as a benchmark, the linguists changed the unit of segmentation. They used the durations of voiced (VO-) and unvoiced (UV-) periods in the speech signal.

Fourcin and Dellwo applied the metrics developed by Ramus et al. and those developed by Grabe and Low to voiced and unvoiced intervals. Thus, the newly derived metrics are called:

- %VO: the percentage of total time over which speech is voiced
- ΔUV : the standard deviation of voiceless intervals.
- nPVI-VO: the rate normalised difference between consecutive voiced intervals.
- rPVI-UV: the non rate normalised difference between consecutive unvoiced intervals.

The main experimental advantage of this method is that the segmentation does not depend on any linguistic knowledge about the language, and it is much less time-consuming

than the methods based on the segmentation into vocalic and consonantal units as it relies only on the F0 measurements.

4. Gender differences in speech rhythm

Gender speech differences have lately been the subject of many researches. However, very few works tackle the issue of gender differences in speech rhythm. Nokes and Hay [Nokes, Hay, 2003] found proof of speech rhythm gender differentiation in the New Zealand variant of the English language. However, Szakay [Szakay, 2006], who also considered this problem, failed to find significant gender distinction. Callier [Callier, 2011] investigated the problem in Chinese. The study appeared to be quite positive about rhythmic gender differences.

5. Material and tools

The research material includes 20 realizations of the same text read by ten Australian men and ten Australian women. The recordings were taken from accent.gmu.edu, the speech accent archive. Each sample lasts 50 seconds. The sounding material was downloaded to the computer. To calculate the metric values, the segmentation of the text was done in Praat (Version 6.1.01) [Boersma, Weenink, 2019].

The files annotated in PRAAT were further processed using Correlatore (2010) to calculate the rhythmic metrics. This program does it automatically on the basis of TextGrid file.

6. Australian English speech rhythm. Results and evaluation

6.1. Delta values

As mentioned earlier, the ratio $\%V-\Delta C$ (fig. 1) demonstrably shows the difference between languages in speech rhythm. The larger the ΔC value and the smaller the $\%V$ value the more stress-timed the language is. First, the $\%V$ and ΔC values for each of the 20 AusE speakers were calculated, and then the data were averaged. The average $\%V$ value equals 42.2 points and the average ΔC value amounts to 5.4 points. Figure 3 presents the results.

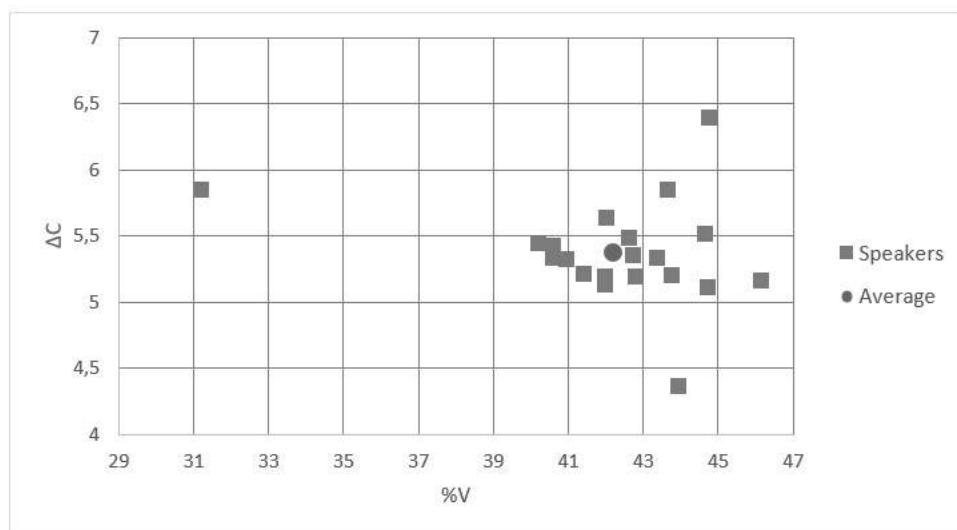


Figure 3. $\%V-\Delta C$ values for 20 AusE speakers

Then the average $\%V-\Delta C$ values for AusE were put on another plane to compare them with those for other languages (See fig. 4). It is evident that AusE clusters with other stress-timed languages, British English and Dutch, being more syllable-timed than BE, though.

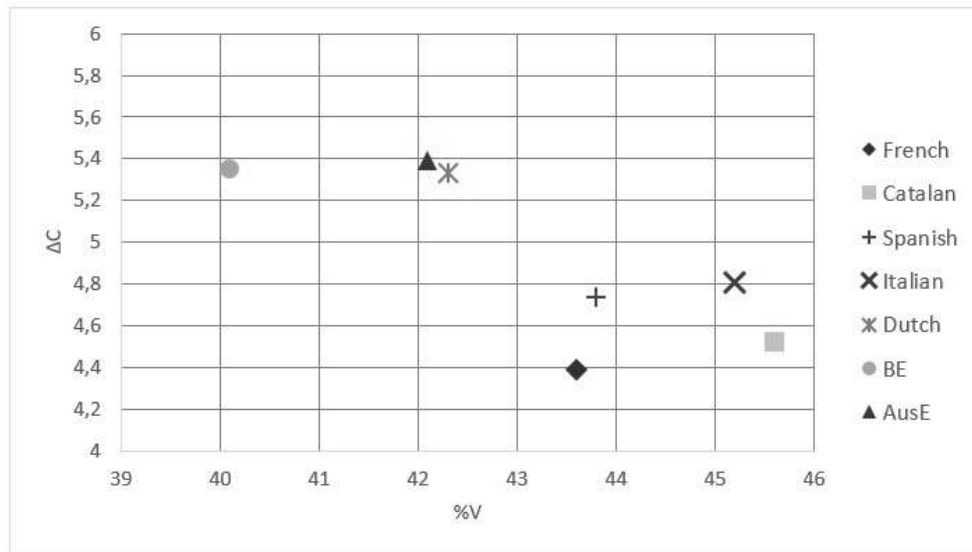


Figure 4. Distribution of AusE and other languages over the %V- Δ C plane

Since the research also concentrates on gender differences, the average Δ C and %V values were computed for male and female speakers separately. The average Δ C value for male speech amounts to 5.3 points vs 5.4 points for female speech. The average %V value for male speech equals 42.5 points vs 41.8 points for female speech. Figure 5 shows the location of the metrics on the plane together with the average data.

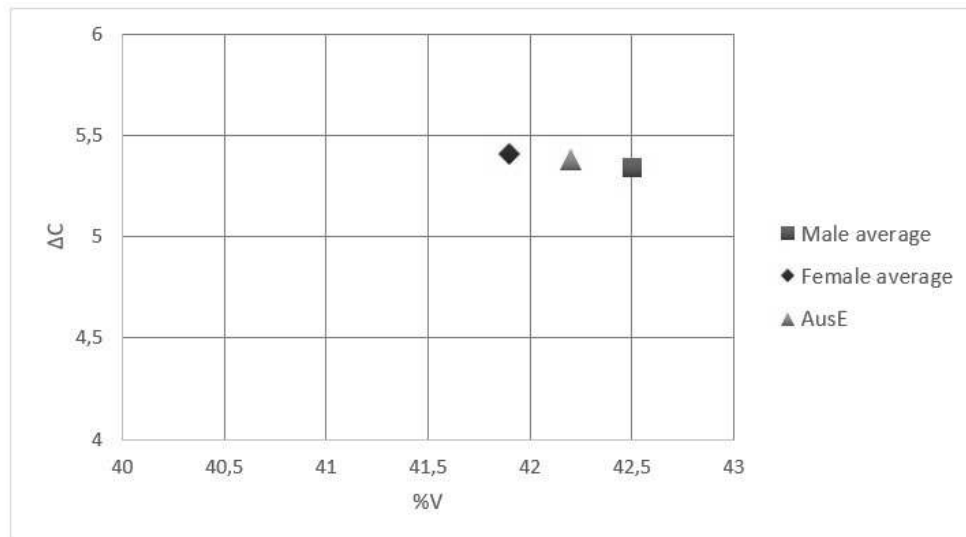


Figure 5. AusE gender differences (%V- Δ C ratio)

The position of the values in the graph points to gender differences in AusE speech rhythm. The figure also shows that AusE female speech appears to be more stress-timed than male speech, as it displays slightly lower %V and higher Δ C values compared to male speech.

6.2. PVI values

Sections 3.1 and 3.2. made it clear that rhythmically languages form a continuum. Even typologically the same languages display a slight difference in their metric values.

The nPVI value (which is most informative than rPVI) appears to be larger for stress-timed languages. For the purpose of this study, the nPVI and rPVI data for each of the 20 AusE speakers were calculated and then the average values were obtained. Figure 6 demonstrates the results. It turned out that, the average nPVI value for AusE speech amounts to 57.9 points and the average rPVI value equals 85.8 points.

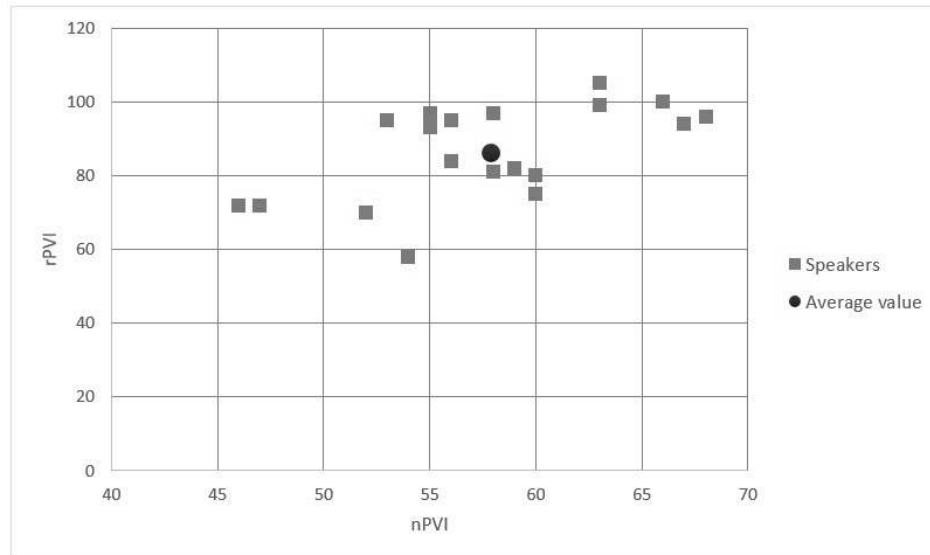


Figure 6. PVI values for 20 AusE speakers

Now it is possible to compare the PVI data on AusE with those on other English varieties, namely, British English (BE), Singaporean English (SE) (the data are taken from Grabe, Low 2002), Pakeha English³ and Maori⁴ English (the data are borrowed from Szakay 2006).

Figure 7 shows that British, New Zealand and Australian varieties have very close but slightly different PVI values with AusE being somewhat more stress-timed than BE. Singaporean and Maori English show much lower values of the index. It is known that nativised varieties of English tend to be more syllable-timed, as they are strongly affected by their syllable-timed substrate languages.

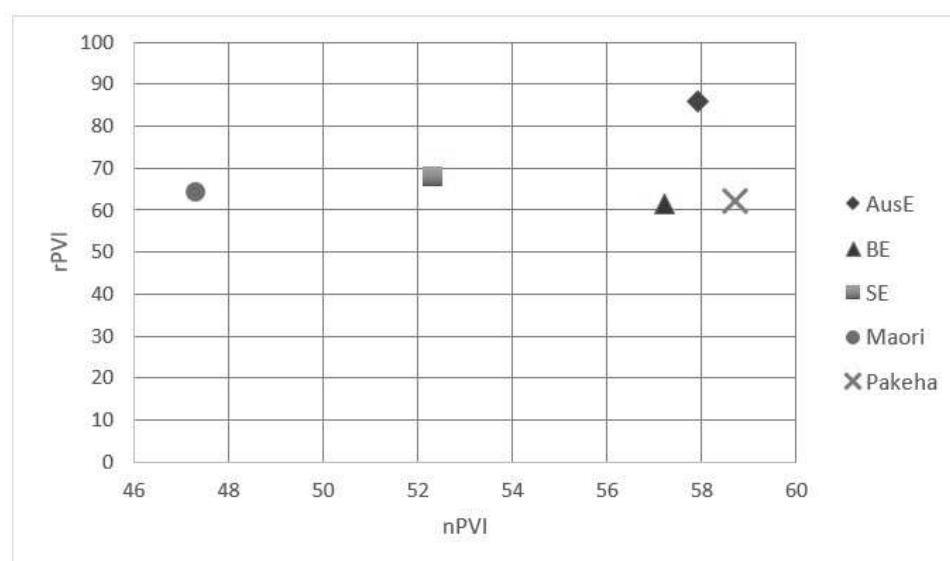


Figure 7. Distribution of varieties of English over the rPVI-nPVI plane

³ Pakeha English – New Zealand English spoken by the population of European descent.

⁴ Maori – the aboriginal people of New Zealand.

Average nPVI and rPVI values for male and female speakers were then computed. The results show that the average nPVI value for AusE male speech equals 55.8 points vs 60.0 points for female speech while the average rPVI value for male speech reaches 82.1 points vs 80.0 points for female speech.

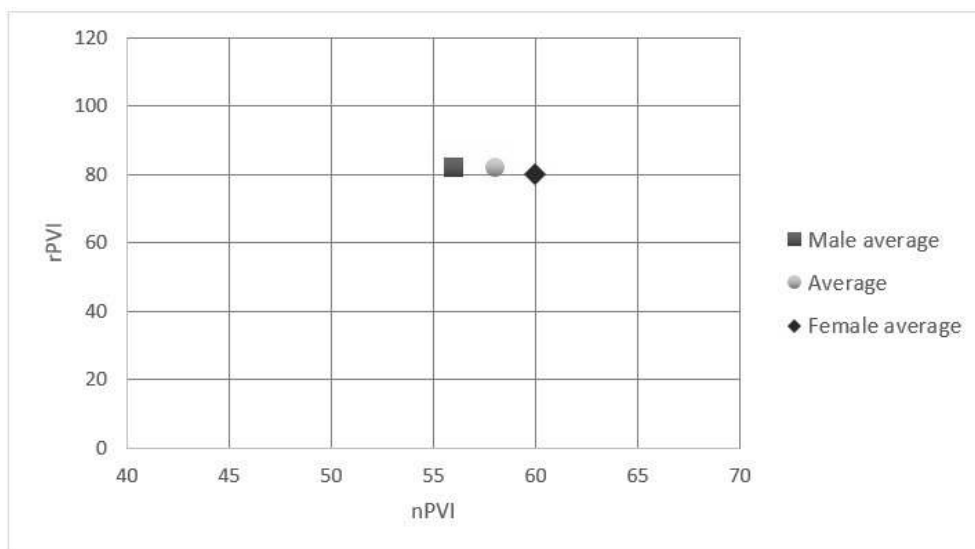


Figure 8. AusE gender differences (rPVI-nPVI ratio)

The position of the metric values in figure 8 visualises gender differentiation in AusE speech rhythm. Both vocalic and consonantal PVI values vary for male and female speakers. The figure also shows that AusE female speech tends to be more stress-timed than male speech, as its average nPVI value is higher.

6.3. Delta and PVI values based on voice timing

The research is also an attempt to test the metrics based on the voice timing segmentation pattern [Dellwo, Fourcin, 2007]. As mentioned earlier, Fourcin and Dellwo promote the idea of voiced (VO-) and unvoiced (UV) intervals. They are defined on the basis of the F0 measurements: intervals between two F0 markers were labelled 'unvoiced' (UV), sequences of F0 markers were labelled 'voiced' (VO). The authors, however, have not provided any data obtained when using these metrics. Thus, it does not seem possible to compare the results on AusE with the results on other English varieties. However, we found it reasonable to apply this method for gender differentiation.

6.3.1. Delta values based on voice timing

The measurements of the average %VO- Δ UV ratio were computed first. Then the same metrics were calculated for male and female speech. The findings show, that the average Δ UV value for male speech amounts to 5.2 points vs 5.3 points for female speech and the average male %VO value equals 65.5 points vs 60.3 points for female speech.

The position of the metrics in figure 9 suggests gender differences in AusE speech-rhythm. The figure also convincingly demonstrates that AusE female speech appears to be more stress-timed, than male speech, as it displays lower %VO and higher Δ UV values compared to the data on male speech.

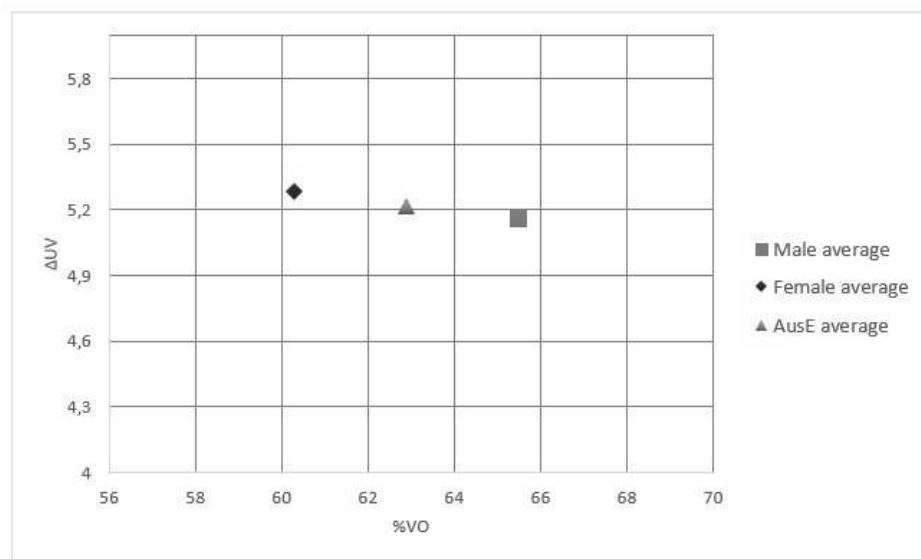


Figure 9. AusE gender differences based on voice timing (the Deltas)

6.3.2. PVI values based on voice timing

The same procedure was applied to the PVIs. The average UV-PVI value for AusE male speech amounts to 74.4 points vs 67.2 points for female speech. The average male VO-PVI value equals 63.8 points vs 74.5 points for female speech. The results are presented in the UV-PVI – VO-PVI plane shown in figure 10.

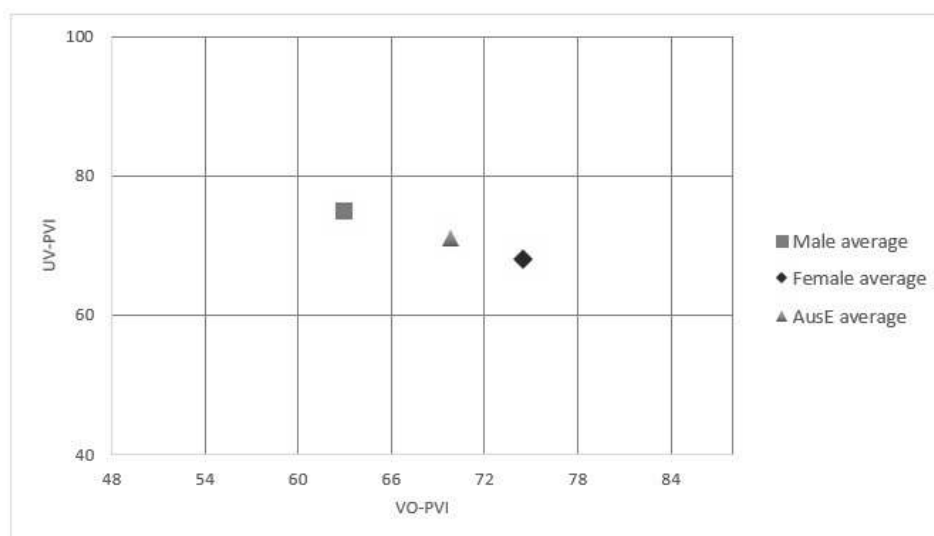


Figure 10. Gender differences based on voice timing (the PVIs)

Figure 10 shows that the projections of both voiced and unvoiced PVI values are different for male and female speech with female speech being more stress-timed as its average VO-PVI value is somewhat higher.

7. Conclusion

The computation of different sets of rhythmic acoustic correlates – %V-ΔC, nPVI-rPVI, %VO-ΔUV and nPVIVO-rPVIUV – aimed at quantifying AusE speech rhythm have yielded the following results:

1. As expected, AusE belongs to the cluster of stress-timed languages. Its metrics – the Deltas and the PVIs – are very close to those of British English. Opposing tendencies were, however, recorded: the Delta method defined AusE as a more syllable-timed variant, whereas the PVI method characterized it as slightly more stress-timed than British English. The issue needs to be investigated further.

2. The application of the three tested methods to measure gender differences in speech rhythm led to comparable results, as at every step of the investigation the tendencies are all consistent with each other. This attests to the reliability of the methods, at least in gender differentiation.

3. AusE speech-rhythm has marked gender differences.

4. AusE female speech appears to be more stress-timed than AusE male speech.

References

- Abercrombie, D. (1967). *Elements of General Phonetics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 203 p.
- Boersma, P., Weenink, D. (2019). *Paat: Doing phonetics by computer*: Computer program (Version 6.1.01). Retrieved February 11, 2019 from <<http://www.fon.hum.uva.nl>>.
- Callier, P. (2011). Social Meaning in Prosodic Variability. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, 17 (1), 41–50.
- Cauldwell, R. (2002). The Functional Irrhythmicality of Spontaneous Speech: A Discourse View of Speech Rhythms. *Apples – Journal of Applied Language Studies*, 2 (1), 1–24.
- Dauer, R. M. (1983). Stress-timing and syllable-timing reanalyzed. *Journal of Phonetics*, 11 (1), 51–62.
- Grabe, E., Low, T. L. (2002). Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis. In C. Gussenhoven, N. Waner (Eds.), *Papers in Laboratory Phonology 7*. (pp. 515–546). Cambridge University Press.
- Fourcin, A., Dellwo, V. (2009). *Rhythmic classification of languages based on voice timing*. Retrieved September 25, 2016 from <[discovery.ucl.ac.uk](http://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/15122/1/15122/)>id/eprint/15122/1/15122/>.
- Mariano, P., Romano, A. (2010). Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore. In S. Schmid, M. Schwarzenbach, D. Studer (Eds.), *La dimensione temporale del parlato: Proc. of the V National AISV Congress, 4–6 February* (pp. 79–100). University of Zurich, Collegiengebaude, Torriana (RN): EDK.
- Nazzi, Th., Bertoni, J., Mehler, J. (1998). Language Discrimination by Newborns: Toward an Understanding of the Role of Rhythm. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 24 (3), 756–766.
- Nokes, J., Hay, J. (2012). Acoustic correlates of Rhythm in New Zealand English: A Diachronic Study. *Language Variation and Change*, 24 (1), 1–31.
- Pike, K. (1945). *The Intonation of American English*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ramus, F., Nespor, M., Mehler, J. (1999). Correlates of linguistic rhythm in the speech signal. *Cognition*, 73 (3), 265–292.
- Roach, P. (1982). On the distinction between ‘stress-timed’ and ‘syllable-timed’ languages. In D. Crystal (Ed.), *Linguistic Controversies* (pp. 73–79). London: Edward Arnold.
- Szakay, A. (2006). Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English. In P. Warren, C. Watson (Eds.), *Proc. of the 11th Australian International Conference on Speech Science & Technology* (pp. 421–426). Retrieved April 2016 from <<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.551.4291&rep=rep1&type=pdf>>.

Статья поступила в редакцию 25.02.2021; одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 26.09.2021.

The article was submitted 25.02.2021; approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 26.09.2021.

Васина Ксения Сергеевна, Тё Ольга Евгеньевна ✉
Московский Государственный Технический Университет имени Н. Э. Баумана
г. Москва, Российская Федерация
tyo_olga@bmstu.ru

Неологизмы в общественно-политических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID-19)

Аннотация

В данной статье представлен анализ неологизмов, которые возникли в китайском языке в период пандемии коронавируса. Любые перемены, происходящие в социуме, в первую очередь отображаются на страницах общественно-политических СМИ, поэтому в качестве материала исследования были отобраны новостные публикации из влиятельных СМИ Китая (газета «Жэньминь жибао», информационное агентство «Синьхуа», газета «Гуанмин жибао» и др.), которые пользуются огромным доверием у народа. Цель исследования – определить особенности формирования и специфику использования новых слов и выражений в период 6–8 месяцев с момента начала пандемии. В ходе работы было проанализировано около 500 статей о коронавирусной инфекции, в результате чего выявлено более 30 неологизмов. В статье представлен подробный анализ 10 самых частотных неологизмов, которые были реализованы в 289 контекстах. В результате выявлено, что наиболее продуктивным словообразовательным способом оказалось словосложение (60%); наименее продуктивным – приобретение дополнительной коннотации (30%); самым редким – омофония (10%).

Ключевые слова: неологизмы, китайский язык, словообразование, словосложение, новые коннотации, заимствования, омофония

© Васина К. С., Тё О. Е. 2020

Для цитирования: Васина К. С., Тё О. Е. Неологизмы в общественно-политических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 16–28. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

Ksenia S. Vasina, Olga E. Te ✉
Bauman Moscow State Technical University
Moscow, Russian Federation
tyo_olga@bmstu.ru

Neologisms in socio-political texts in Chinese during the coronavirus (covid-19) pandemic

Abstract

This article examines neologisms that emerged in the Chinese language during the coronavirus pandemic. Any changes taking place in society are primarily reflected in social and political media, therefore, news publications in influential Chinese media (People's Daily, Xinhua News Agency, Guangming Daily) were selected as the research material because these sources enjoy the confidence among people. The aim of the research is to determine the building patterns and usage of neologisms that appeared during the period of 6–8 months since the pandemic outbreak. About 500 articles discussing coronavirus were analyzed in the course of the work, as a result, more than 30 neologisms were identified. In this paper, we present a detailed analysis of 10 most frequent neologisms found in 289 contexts. It was discovered that compounding was the most frequent neologism-

building pattern (60%), additional connotation acquisition turned out twice less frequent (30%), and the rarest pattern was homophony (10%).

Keywords: neologisms, Chinese language, word-building patterns, compounding, loanwords, new connotations, homophony

© Vasina K. S., Te O. E. 2021

For citation: Vasina, K. S., Te, O. E. Neologizmy v obshchestvenno-politicheskikh tekstakh na kitayskom yazyke v period pandemii koronavirusa (COVID-19) [Neologisms in socio-political texts in Chinese during the coronavirus (covid-19) pandemic]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 16–28. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

1. Введение [Introduction]

В современном обществе изменения происходят с немыслимой скоростью. Мы живем в период глобализации, которая характеризуется в первую очередь активным развитием науки, техники, культуры, искусства. Эти перемены оказывают огромное влияние на язык, прежде всего отражаясь на его лексическом строе: язык пополняется новыми словами, которые постепенно включают в словари, и таким образом лексический запас языка в целом становится богаче. Благодаря исследованию подобных явлений в языке можно проследить и проанализировать трансформацию всех сфер жизни общества на современном этапе развития.

Как известно, некоторые слова исчезают, постепенно выходя из употребления, а другие, наоборот, появляются, начинают активно использоваться. Именно вторая категория доказывает жизнеспособность языка, его стремление выразить богатство человеческих знаний и прогресса цивилизаций. Л. Ю. Касьянова отмечала: «Новое всегда возникает в результате углубленного осмысления (переосмысления) действительности, открытия неизвестных ранее свойств и признаков познаваемых объектов. Поэтому особую значимость приобретает проблема выявления нового знания, свойственного неологизмам, специфики объективируемой в них информации» [Касьянова, 2009, с. 4].

Можно долго рассуждать о природе и причинах коронавирусной инфекции нового типа, которая потрясла всё человечество в конце 2019 года, но одно останется очевидным: мир уже не станет прежним. Пандемия коронавируса впервые в истории привела к изоляции мирового масштаба. Учёным ещё предстоит изучить этот революционный исторический период с разных точек зрения, и попытки уже активно предпринимаются, в том числе лингвистами, работающими на китайском материале (см. анализ лозунгов, напр., в работах [Дубинина, 2021; Ли Синь, Стародубцева, 2021]). Отмечается и высокий лингводидактический потенциал различных текстов о коронавирусе и пандемии, в том числе злободневных юмористических материалов [Шамина и др., 2020]. Но если говорить в аспекте лингвистики, то неоспорим факт того, что в разных языках, и в первую очередь в китайском, произошли серьёзные изменения. В настоящей статье предпринята попытка провести анализ ряда неологизмов, которые появились и уже активно используются носителями языка на протяжении нескольких месяцев с начала пандемии.

В первую очередь необходимо определиться с терминологией. Под неологизмом (新词语, досл. «новый оборот речи»), вслед за выдающимся китаистом, лингвистом В. И. Гореловым, мы понимаем «Новые слова, которые ещё не вошли в общий активный словарный состав, не закрепились в языке, и новизна которых ощущается говорящими» [Горелов, 1984, с. 156].

Если говорить о китайском языкознании, то стоит выделить три точки зрения, которые на сегодняшний день служат основой для изучения неологизмов:

1. Ван Текунь под неологизмами понимает в первую очередь новые лексические единицы, которые подходят по всем категориям словообразовательному процессу в китайском языке. Кроме того, он включает в этот класс все заимствованные слова, взъязынизмы (文言词: слова из классического китайского языка, сохранившего морфологию и синтаксис древнекитайского), диалектизмы [Ван, 1991, с. 10].

2. Яо Ханьмин несколько расширяет предыдущий пункт, полагая, что неологизмы – это и собственно новые слова, и те слова, которые уже давно входят в лексику языка, но приобрели новое значение в результате определенных событий [Яо, 1998, с. 8].

3. Дяо Яньбинь определяет неологизмы как те слова, которые люди вынуждены создавать для обозначения новых предметов и явлений, появившихся в ходе эволюции науки и техники [Дяо, 2003, с. 5].

В данной статье рассмотрим в первую очередь те слова, которые уже присутствовали в словарном составе китайского языка, но приобрели новые значения.

2. Анализ неологизмов в период коронавирусной инфекции [Covid-19 neologisms]

Распространение вируса COVID-19 началось с китайского города Ухань в декабре 2019 года, и уже 30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала вспышку нового коронавируса (COVID-19) чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. 11 марта 2020 года ВОЗ объявила, что распространение болезни приобрело характер пандемии, поскольку число случаев заражения в разных точках мира стало стремительно возрастать.

Невозможно оставить незамеченным тот факт, что происходящие события оказывают огромное влияние на язык: за обозначенный период лексика китайского языка пополнилась набором новых слов и выражений. По словам известного китайского социолингвиста Чэнь Юаня, китайские неологизмы первыми сигнализируют об изменениях в социальной жизни Китая [Чэнь, 1999].

Следует отметить, что средства массовой информации, являясь социальным институтом, обеспечивают важную часть информационного обмена в современном обществе. Они играют весомую роль в процессах, связанных с направляемыми социальными и политическими изменениями. Без необходимого информационного обеспечения сегодня невозможно принятие эффективных решений на всех уровнях управления государством, без достаточного потока информации трудно представить полноценную жизнь индивида в современных условиях общества.

В связи с этим было решено проанализировать статьи за 6–8 месяцев с момента начала пандемии, опубликованные ведущими СМИ Китая, среди них интернет-версии изданий «Жэньминь жибао» (人民日报), официального информационного агентства правительства КНР «Синьхуа» (新华), «Гуанмин жибао» (光明日报), «China Daily» и др. Все эти издания являются влиятельными источниками информации как в КНР, так и за её пределами. Из указанных СМИ неологизмы отбирались методом сплошной выборки вручную. При отборе мы ориентировались на следующие критерии: тематический и хронологический (все слова непосредственно связаны с ситуацией коронавируса и периодом пандемии); частотность употребления в текстовых реализациях и отсутствие закреплённости в лексикографических источниках (в первую очередь в электронных справочниках и словарях). Несмотря на то, что ощущение новизны, которое возникает у исследователя при восприятии определённой языковой единицы, является достаточно субъективным, этот критерий тоже учитывался. Как оказалось, в процессе отбора естественным образом происходило наложение одного критерия на другой, что формировало комплексный под-

ход. В ходе анализа около 500 статей было выявлено более 30 неологизмов, которые были реализованы в 319 контекстах. В статье представлен подробный анализ 10 неологизмов с наиболее высокой частотностью употребления, реализованных в 289 контекстах. Для анализа неологизмов использовались методы лингвистического наблюдения и описания, контекстный анализ, семантический анализ и метод описательной статистики (простого количественного подсчёта). Перейдём к изложению полученных результатов.

В первую очередь необходимо отметить статью от 12 февраля 2020 года о появлении лексической единицы *коронавирусная инфекция нового типа* в лексике китайского языка. В ней говорится о том, что 11 февраля Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Аданом Гебреисус объявил о том, что новая коронавирусная пневмония будет официально названа «Коронавирусная болезнь 2019» (COVID-19) 新型冠状病毒: «CO» означает «Корона (Corona)», VI – «Вирус (Virus)», «D» – заболевание, а «19» указывает на 2019 год, когда заболевание было обнаружено. «Однако присвоение имён вирусам или болезням не всегда обстоит так. Возможно, мы слышали о некоторых известных вирусах и заболеваниях, включая «вирус Эбола» (埃博拉病毒), Ближневосточный респираторный синдром (中东呼吸综合症), болезнь Марбурга (马尔堡病), японский энцефалит (日本脑炎), немецкая корь (德国麻疹) и др.», – сказал Тедрос Аданом Гебреисус [Лин, Лю, 2020].

Из этих методов присвоения названия можно понять следующее: все они связаны с географическими названиями. Однако, как известно, в 2015 году ВОЗ обнародовала «Руководящие принципы для обозначения вновь выявленных болезней» – нейтральные, общие термины должны использоваться вместо имён людей, мест, животных, продуктов питания и профессий для обозначения болезней. По этой причине в 2003 году, когда в Китае свирепствовал тяжёлый острый респираторный синдром (严重急性呼吸系统综合症), ВОЗ не стала называть грипп «китайским», чтобы не задеть чувства китайского народа и соблюсти все этические нормы, а приняла аббревиатуру SARS. Аналогичным образом ВОЗ объявила о коронавирусе – «新型冠状病毒».

Итак, 新型冠状病毒 'коронавирусная инфекция нового типа' – это неологизм, образованный путём сложения трёх слов:

- 1) 新型 xīn xíng 'новый тип, новая модель, новый вид';
- 2) 冠状 xīn guān 'корональный, в форме короны';
- 3) 病毒 bìng dú 'вирус, вирусное заболевание'.

В таблице 1 представлены некоторые выражения, которые часто встречались с данным неологизмом в проанализированных статьях (перевод примеров наш – К. В., О. Т.).

Т а б л и ц а 1. Устойчивые выражения с неологизмом «коронавирус»

[Table 1. Set expressions with neologism “coronavirus”]

Выражение	Транскрипция (пиньинь)	Перевод
防控新型冠状病毒	Fángkòng xīnxíng guānzhuàng bìngdú	Профилактика и контроль коронавируса
冠病感染群	Guānbìng gǎnrǎn qún	Зараженная коронавирусом группа
冠病患者	Guānbìng huànzhe	Больной коронавирусом
冠病病例	Guānbìng bìnglì	Случаи заболевания коронавирусом
冠状病毒检测试剂	Guānzhuàng bìngdú jiǎncè shìjì	Реагенты для обнаружения коронавируса
冠状病毒抗体	Guānzhuàng bìngdú kàngtǐ	Антитела к коронавирусу
冠状病毒的传染性	Guānzhuàng bìngdú de chuánrǎnxìng	Контагиозность коронавируса

Следующий неологизм 宅家经济 'домашняя экономика' образован сложением двух слов:

- 1) 宅家 zháijiā 'дом, домашний';
- 2) 经济 jīngjì («экономика»).

Прежде всего речь идёт о том, что с момента введения полной изоляции во многих городах и районах Китая вся социальная активность человека была перенесена в квартиру или дом: сотрудники стали работать удалённо, школьники и студенты – заниматься в дистанционном режиме, даже занятия у детей дошкольного возраста начали проводиться в онлайн-формате. Но к чему здесь упоминание об экономической сфере? Дело в том, что подобный образ жизни в четырёх стенах невольно увеличил спрос на Интернет-услуги в несколько раз. Согласно последним данным, в Китае уже более 900 млн. интернет-пользователей.

В статье информационного агентства «Синьхуа» от 20 июля 2020 года под названием «Домашняя экономика»: какие ещё есть «окошки» для новых инвестиций?» подчёркивается, что «домашняя экономика» способствует увеличению прибыли предприятий. «Домашняя жизнь» приносит пользу многим отраслям. Количество пользователей программного обеспечения для удалённого офиса и обучения, такого как Dingding, Tencent Conference, BaiduNetdisk и Yuanjiao, резко возросло...» [Цзян, Ян, 2020 а].

Авторы статьи «Прорывающая «домашняя экономика»: неожиданный подъём или будущие перспективы?» на эту же тему отмечают, что «домашняя экономика» знаменует новый этап цифровизации общества: «13 департаментов, включая Национальную комиссию по развитию и реформам, недавно объявили о поддержке здорового развития новых форм бизнеса и новых моделей, активизации потребительского рынка и стимулировании расширения занятости, включая 15 типов онлайн-образования, интернет-здравоохранения, онлайн-офисов и др» [Цзян, Ян, 2020 б].

Правительство в срочном порядке приступило к введению различных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в марте 2020 года. Соответственно, для обозначения данных мероприятий в китайском языке, как и в других языках, стали появляться неологизмы. Разумеется, основными источниками по-прежнему являются как общественно-политические СМИ, так и социальные сети.

Таким неологизмом стал 战疫 'война с эпидемией' / 'воевать с эпидемией'. В словаре современного китайского языка [Словарь, 2016] есть слово 阻击 zǔjī, которое интерпретируется как «выслать подкрепление, бежать или атаковать, чтобы сдерживать противника». В качестве примера приводится предложение: 疫情阻击战就是把病毒比喻为敌人 – 'В борьбе за сдерживание эпидемической ситуации врагом выступает вирус', где «вирусное заболевание является метафорой «враг, враги». Неологизм 战疫 zhànyì 'война с эпидемией' – это омоним 战役 zhànyì, который означает 'битва, операция, военная кампания'.

Необходимо отдельно упомянуть о том, что само слово 疫 'эпидемия' появилось в китайском языке с древнейших времён. В словаре «Шовэньцзецзы» («说文解字»), или «Толкование самостоятельных смысловых единиц и разбор составных знаков», первом систематизированном словаре китайского языка (который актуален и поныне), выдающийся учёный периода Восточная Хань Сюй Шэнь (许慎) писал о заразности чумы: «Иероглиф «эпидемия» означает массовое заболевание. Ключом является элемент 疒 (болезнь), а фонетиком – 役 yì («疫, 民皆疾也. 从疒, 役省声») [Шовэнь..., 2020].

Лю Си (刘熙) в эпоху Восточная Хань в своём этимологическом словаре «Шимин» («释名») дал определение иероглифу 疫 как бедствию, возникшему в результате воздействия мистических сил. В условиях профилактики и контроля эпидемии часто стали применить иероглиф 疫 для замены омофонов в составе некоторых слов. Таким образом, получились совершенно новые слова и выражения. Рассмотрим следующий контекст:

“疫”外收获：浙江公安一个月抓获在逃人员 678 名 – ‘Сбор урожая, выходящего за рамки эпидемиологической профилактики и контроля: полиции провинции Чжэцзян в течение месяца удалось задержать 678 сотрудников офисов, нарушивших режим карантина (букв. находившихся в бегах)’ [Го, Чжоу, 2020]. Как видно, в слове意外 yìwài ‘случайность, непредвиденный случай’ иероглиф 意 yì был заменён на омофон 疫 yì ‘эпидемия’.

В китайских социальных сетях можно встретить фразеологизмы с новым значением, в связи с тем, что в них произошла аналогичная замена на омофон 疫 (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Изменение значения фразеологизмов с неологизмами
[Table 2. Meaning change of phraseological units with neologisms]

Исходный фразеологизм	Фразеологический неологизм
一意孤行 yīyì gūxíng ‘действовать самовольно, не считаясь с мнением других’	一疫孤行 yīyì gūxíng («если заболел, то следует изолироваться, нельзя контактировать с людьми») [Ма, 2020]
麻痹大意 mábì dàyì ‘потерять бдительность; ротозейничать’	麻痹大疫 mábì dàyì («халатное отношение к мерам профилактики, которое приводит к крупным вспышкам заражений») [Baidu, 2020]
薄情寡义 báóqíng guǎyì ‘бездружный, досл. чувство равнодушия и заниженное чувство долга’	薄情寡疫 báóqíng guǎyì («настроить себя на то, чтобы не ходить в гости и не контактировать с людьми, тем самым снизить риски заражения») [Ли Тун, 2020]
艺不压身 yìbù yāshēn ‘мастерство на плечи не давит’	疫不压身 yìbù yāshēn («эпидемия не продавит нас») [Эпидемия..., 2020]

Анализируя неологизм 战疫 ‘война с эпидемией’ / ‘воевать с эпидемией’, важно отметить, что это новое слово может употребляться и как существительное, и как глагол. Например: «金银潭医院是这场战“疫”中，最早收治、收治病人最多的“主战场” – ‘Во время войны с пандемией больница «Цзиньиньтань» стала главным местом сражений, так как самая первая начала принимать самое большое количество больных’ [Тан и др., 2020]. В этом примере неологизм 战疫 употреблён как существительное, к нему относится такое же именное счётное слово 场, как и для слова 战 ‘война, военное действие’. Этот же неологизм 战疫 выполняет роль глагола в заголовке статьи «老党员发动，儿孙齐战“疫” ‘Пожилые члены партии выступают с инициативой, а дети и внуки приведут в порядок войну с эпидемией’ [Ли Ган, 2020].

До 2019 года были известны лишь единичные случаи появления данного неологизма на страницах СМИ Китая. Например, удалось найти всего одну статью за 2013 год в журнале «Наньфэнчуан» (南风窗): «禽流感战“疫”，应急得与失» – ‘Война с эпидемией «птичьего гриппа», экстренный случай – приобретения и потери’, что объясняется не столь глобальным характером заболеваний. В период пандемии коронавируса неологизм употребляется всё чаще и чаще, и некоторые лингвисты, журналисты, комментаторы Китая делают предположения о том, что, спустя определённый период времени, данный неологизм обязательно войдёт в список общеупотребительных [Ду, 2020].

Неологизм 封城 представляет собой сокращённую версию нового словосочетания 封锁城市 ‘закрытый город / закрыть город’ или ‘изолироваться’. В период коронавируса в СМИ появляется много статей о том, где вводится режим карантина или самоизоляции с целью сдержать распространение болезни. Неологизм образован соединением двух первичных слов:

1) 封 fēng ‘плотно закрывать, запира́ть, запечатывать, закупоривать, опечатывать, блокировать’;

2) 城 chéng ‘город, городская стена, территория города’.

По аналогии были образованы неологизмы 封村 'закрытая деревня / закрыть деревню', 封区 'закрытый район / закрыть район' и т. д.

Одна из самых значимых статей вышла в апреле 2020 года в «ChinaDaily» под заголовком «11 миллионов человек приостановили свой путь. От закрытия до открытия. Что пережил Ухань за 76 дней?». В статье подробно описывается героизм и стойкость жителей Уханя, самоотверженность врачей и волонтеров, строгое соблюдение карантинных мер [Лю, 2020]. В тексте статьи мы встречаем неологизм 解封城 'освобождение города / открывать город', который является антонимом предыдущего неологизма.

Неологизм 社交距离 'социальная дистанция', соединивший два слова: 1) 社交 shèjiāo 'общественный, знакомства, социальный', 2) 距离 jùlí 'расстояние, дальность, дистанция', является заимствованием, образованным гибридным способом. Отметим, что, во-первых, словосочетание имеет схожесть в звучании с английским словом *social* 'общественный, социальный', а во-вторых, каждый иероглиф имеет своё собственное значение. Очевидно, что данный термин не является новым, и до разразившейся пандемии коронавирусной инфекции данное словосочетание использовалось, однако с 2020 года определение термина «социальная дистанция» приобрело несколько иное значение. Буквально до 2019 году под этим понятием подразумевали соблюдение дистанции от окружающих, равной длине вытянутой руки, и минимизацию массовых скоплений людей. С начала 2020 года – «избегание общественных мест, массовых собраний, мероприятий, поддержка дистанции в 2 метра от других людей» [Как защитить себя и других, 2020]. Наиболее часто употребляемые фразы с неологизмом «социальная дистанция» в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. Устойчивые выражения с неологизмом «социальная дистанция»
[Table 3. Set expressions with neologism "social distance"]

Выражение	Транскрипция (пиньинь)	Перевод
保持社交距离	Bǎochí shèjiāo jùlí	Соблюдать социальную дистанцию
安全社交距离	ānquán shèjiāo jùlí	Безопасная социальная дистанция
社交距离措施	Shèjiāo jùlí cuòshī	Меры соблюдения социальной дистанции
规定社交距离	Guīdìng shèjiāo jùlí	Установить социальную дистанцию

Другое новое словосочетание, появившееся в 2020 г. – это 无接触配送 'бесконтактная доставка' – образовано сложением двух слов:

- 1) 无接触 wújiēchù («бесконтактный»);
- 2) 配送 pèisòng («рассылка, доставка, поставка»).

В статье «快递外卖 “无接触配送” 标准实施» 'Внедрение стандарта «бесконтактной доставки» для экспресс-доставки', опубликованной на сайте «Синьхуа» в марте 2020 года, как раз сообщается о том, что новая форма или модель доставки товаров является обязательной и повсеместной [Чжан, 2020].

Неоспорим тот факт, что изоляция, в которой находились люди разных стран в одно время, может привести (и уже приводит) к тяжёлым психологическим последствиям: от повышенного уровня тревожности, бессонницы и эмоциональной нестабильности до посттравматического синдрома (ПТСР) и депрессии. В лексике китайского языка закономерно появляются неологизмы с негативной коннотацией. В исследуемом материале таких два: 信息疫情 xìnxi yùqíng 'информационная пандемия' ('инфодемия') и 你别来我无恙 nǐ biélái wǒ wúyàng 'Не надо приходить, я в порядке'.

信息疫情 'информационная пандемия' ('инфодемия') – это неологизм, которым характеризуют на страницах общественно-политических изданий слухи и дезинформацию о коронавирусе. Образован сочетанием двух слов:

- 1) 信息 xìnxi 'информация, сведения, известия, сообщения';
- 2) 疫情 yìqíng 'эпидемическая ситуация (обстановка); эпидемия, пандемия'.

В статье «信息疫情” 是全球携手抗疫的更大挑战» '«Информационная пандемия» представляет собой более серьёзный вызов в глобальной борьбе с эпидемией' подробно описаны причины появления ложной информации. Во-первых, человечество столкнулось с абсолютно новым видом вируса, поэтому медицинское сообщество не выработало действенного оружия против него. Следовательно, рождаются всё новые слухи и ложные утверждения, умозаключения, наблюдается процесс мистификации. Во-вторых, эпидемия новой коронной пневмонии носит агрессивный, сложный и крайне опасный характер, сея огромную панику в человеческом обществе. В-третьих, бездействие политиков, уход чиновников от ответственности, умалчивание реальных статистических данных – всё это порождает новые слухи и домыслы.

«Информационная пандемия» – характерная черта современного мира. Интернет-технологии меняются с каждым днём. Широко используются различные новые медиаресурсы и социальное программное обеспечение. В определённой степени каждый может стать создателем новостей, информации, и люди полностью открыты для различных информационных потоков», – делают заключения авторы статьи, Ван Лэй и Чэн Цинвэнь [Ван, Чэн, 2020].

Новое выражение 你别来我无恙 nǐ bié lái wǒ wúyàng 'Не надо приходить, я в порядке' является производным от известного выражения 别来无恙 'Сколько лет, сколько зим!' (досл. 'Все ли в порядке с момента разлуки?') как одной из форм приветствия. Изначально коннотация выражения положительная, но в период пандемии коронавируса форма выражения изменилась и приобрела негативный оттенок. Позитивная коннотация базируется на таком значении как 'забота о близких и родных'. В статье о главном китайском празднике Чунцзе (Празднике Весны), автор Хао Сысы (郝思斯) пишет: 此时的不回乡是一种孝顺, 此时的不出门是一种定力, 此时的不聚会是一种修养, 此时的不见面是一种科学 [Хао, 2020] – 'Не навещать отчий дом в это время – это своего рода проявление сыновней почтительности, не выходить на улицу в это время – это своего рода решительность, не собираться в это время – это своего рода воспитание характера, не встречаться в это время – это целая наука'. Негативная же коннотация выражается в том, что говорящий, боясь заразиться от собеседника, то есть потенциального переносчика инфекции, может довольно резко оборвать всякое общение. Прежде всего это, конечно, передаётся интонационно. В статье «Неологизмы, которые появились в период коронавируса» сообщается, что «эта дань истории, которая, казалось бы, выглядит довольно забавно, однако может принимать вполне грубую форму. Например: «Если ты вообще хочешь, чтобы я нормально жил, просто держись подальше!» [Чэн, 2020].

В завершение данного раздела проанализируем ещё один интересный неологизм: 抄作业 chāozuòyè 'списывать домашнюю работу', состоящий из двух слов:

- 1) 抄 chāo 'переписывать, копировать, совершать плагиат, списать';
- 2) 作业 'домашнее задание, работать, действовать'.

Новое значение, которое приобрело данное выражение в период пандемии Covid-19 – копировать действия Китая в борьбе с коронавирусной инфекцией нового типа. Впервые данный неологизм появился в статье от 23 марта 2020 года 美国开始抄作业! 加州、华盛顿多地建方舱, 收治新冠肺炎患者 – 'США начинают копировать домашнее задание! В Калифорнии и Вашингтоне построены приюты из модульных блоков-контейнеров для пациентов с новой коронарной пневмонией'. В статье сообщается о том, что в конце марта Соединённые Штаты побили мировой рекорд по заражению

коронавирусом. С целью сдержать распространение болезни американское правительство предпринимает те же действия, что и китайское в декабре-январе: отменяют все массовые мероприятия, учёба и работа переводится в дистанционный формат, многие крупные здания переоборудуются под больницы для приёма больных людей и т. д. [Цзяцзы, 2020].

3. Заключение [Conclusion]

В период глобализации вслед за развитием всех сфер жизни общества активно меняется и лексический состав языка. Проведённое исследование позволило продемонстрировать 10 самых частотных из более чем 30 обнаруженных неологизмов, реализованных в 289 контекстах, которые возникли в китайском языке во время пандемии коронавирусной инфекции.

Как и все неологизмы, они выполняют важную роль пополнения словарного запаса современного китайского языка. Результаты, представленные в настоящей статье, показали, как уже имеющиеся в языке слова приобретают новые лексические значения и как могут адаптироваться заимствования, приобретая свойственную китайскому языку-реципиенту фонетическую форму и грамматические признаки.

По нашим подсчётам частоты употребления 10 неологизмов в текстах общественно-политических СМИ Китая вырисовывается следующая картина: 新型冠状病毒 xīnxíng guānzuàng bìngdú 'коронавирусная инфекция нового типа' – ранг 1 (78 контекстов); 社交距离 shèjiāo jùlí 'социальная дистанция' – ранг 2 (52 контекста); 封城 fēng chéng 'закрытый город / закрыть город' или 'изолироваться' – ранг 3 (40 контекстов); 解封 jiěfēng chéng 'освобождение города / открывать город' – ранг 4 (36 контекстов); 无接触配送 – ранг 5 (26 контекстов); 你别来我无恙 nǐ biélái wǒ wúyàng 'Не надо приходить, я в порядке' – ранг 6 (19 контекстов); 宅家经济 zháijiā jīngjì 'домашняя экономика' – ранг 7 (12 контекстов); 信息疫情 xìnxi yìqíng 'информационная пандемия' ('инфодемия') – ранг 7 (12 контекстов); 战疫 zhànyì 'война с эпидемией' – ранг 9 (9 контекстов); 抄作业 chāozuòyè 'списывать домашнюю работу' – ранг 10 (5 контекстов).

В ходе исследования материала выявлено, что самым распространённым способом образования неологизмов оказалось словосложение (60% неологизмов): зафиксировано сложение вторичных слов (чаще), а также первичных слов друг с другом и первичных со вторичными. Кроме того, показано, что для образования неологизмов использовались возможности омофонии, но этот способ встречается реже всего (10%). Последний зафиксированный способ – приобретение дополнительной (добавочной) коннотации, когда форма слова остаётся прежней, а в семантической структуре происходит процесс переосмысления и расширения значения – всего встретилось 30% от общего числа рассмотренных неологизмов.

Библиографический список

- Горелов, 1984 – Горелов В. И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1984. 216 с.
- Дубинина, 2021 – Дубинина М. Н. Семантический анализ лозунгов эпохи пандемии в Китае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, Вып. 2. С. 475–483.
- Касьянова, 2009 – Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Касьянова Людмила Юрьевна ; Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2009. 401 с.
- Ли Синь, Стародубцева, 2021 – Ли Синь, Стародубцева Н. С. Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 116–130. doi : 10.22250/24107190_2021_7_3_116_130.

- Шамина и др., 2020 – Шамина Е. А., Беседина Е. И., Кузьмич И. В. Современный англоязычный дискурс в условиях пандемии: методический потенциал // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 170–181. doi : 10.22250/2410-7190_2020_6_4_170_181.
- Ван, Чэнь, 2020 – 王磊, 陈倩文. «信息疫情» 是全球携手抗疫的更大挑战 // 光明思想理论网 [Ван Лэй, Чэнь Цинвэнь. «Информационная пандемия» представляет собой более серьезный вызов в глобальной борьбе с эпидемией // Теория мысли Гуанмин : офиц. сайт]. URL : https://theory.gmw.cn/2020-05/11/content_33821286.htm (дата обращения: 18.11.2020).
- Ван, 1991 – 王铁琨. 十年来的汉语新词语研究 // 语文建设通讯. 1991 年. 第 4 期. 第 9–13 页 [Ван Текунь. Исследование неологизмов китайского языка в последние десятилетия // Языковое планирование. 1991. № 4. С. 9–13].
- Го, Чжоу, 2020 – 郭扬, 戴谦. “疫” 外收获: 浙江公安一个月抓获在逃人员 678 名 // 人民网 [Го Ян, Чжоу Ван. Сбор урожая, выходящего за рамки эпидемиологической профилактики и контроля: полиции провинции Чжэцзян в течение месяца удалось задержать 678 сотрудников офисов, нарушивших режим карантина // Газета «Жэньминь»: офиц. сайт]. URL : <http://zj.people.com.cn/n2/2020/0229/c228592-33838227.html> (дата обращения : 18.11.2020).
- Ду, 2020 – 杜翔. “战疫” 的造词理据 // 光明日报 [Ду Сян. Мотивация для борьбы с эпидемией // Газета «Гуанмин жибао»: офиц. сайт]. URL : https://news.gmw.cn/2020-03/21/content_33670745.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Дяо, 2003 – 刁宴斌. 近 10 年新词语研究述评 // 辽宁师范大学学报. 2003 年. 第 1 期. 第 4-10 页 [Дяо Яньбинь. Обзор неологизмов, возникших за последние 10 лет // Вестник Ляонинского пед. ун-та. 2003. № 1. С. 4–10].
- Как защитить себя и других, 2020 – 如何保护自己和其他人 // CDC [Как защитить себя и других // Центр по контролю и профилактике Covid-19: офиц. сайт]. URL : <https://chinese.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/prevent-getting-sick/social-distancing.html> (дата обращения : 18.11.2020).
- Ли Ган, 2020 – 李刚. 广州市从化区良口镇米埗村——老党员发动儿孙齐战“疫” // 乡村干部报 [Ли Ган. Деревня Мибу, город Лянкоу, район Цунхуа, город Гуанчжоу – пожилые члены партии выступают с инициативой, а дети и внуки приведут в порядок войну с эпидемией // Газета активистов деревни: офиц. сайт]. URL : http://www.xcgbb.com/zt/zyfy/ds/202002/t20200211_6504987.shtml (дата обращения : 18.11.2020).
- Ли Тун, 2020 – 李童. 面对薄情寡义, 我们以独攻毒 // 凤凰网 [Ли Тун. Перед лицом пандемии мы противоборствуем в одиночку // Телевидение «Феникс»: офиц. сайт]. URL : http://hebei.ifeng.com/a/20200221/8439726_0.shtml (дата обращения : 18.11.2020).
- Лин, Лю, 2020 – 凌馨, 刘曲. 世卫组织将新冠肺炎命名为“COVID-19” // 中华人民共和国中央人民政府 [Лин Синь, Лю Цюй. ВОЗ назвал новую коронавирусную инфекцию “COVID-19” // Центральное народное правительство КНР: офиц. сайт]. URL : http://www.gov.cn/xinwen/2020-02/12/content_5478891.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Лю, 2020 – 刘军. 1100 万人暂停轨迹, 从封城到解封, 武汉 76 天经历了什么? // 中国日报 [Лю Цзюнь. 11 миллионов человек «проделали» свой путь от изоляции до освобождения, что пережил Ухань за 76 дней? // Чайна дейли: офиц. сайт]. URL : <http://cn.chinadaily.com.cn/a/202004/08/WS5e8db15ca310395ca8f747b3.html> (дата обращения : 18.11.2020).
- Ма, 2020 – 马奎荣. 铁路的一“疫” 孤行, 带去了人民的关心 // 中国山东网 [Ма Куйжун. «Эпидемия» железной дороги пошла своим путем, что вызвало обеспокоенность людей // Шаньдун (Китай): офиц. сайт]. URL : <http://news.sdchina.com/show/4484210.html> (дата обращения : 18.11.2020).
- Словарь..., 2016 – 现代汉语词典/北京: 商务印书馆, 2016 年, 1894 页. [Словарь современного китайского языка. Пекин : Изд-во «Коммерческая пресса», 2016. 1894 с.].
- Тан и др., 2020 – 唐卫彬、廖君、屈婷、李劲峰、黎昌政. 武汉, 负重前行 // 人民网 [Тан Вэйбинь, Ляо Цзюнь, Цюй Тин, Ли Цзиньфэн, Ли Чанчжэн. Ухань, ты справишься с этими трудностями // Газета «Жэньминь»: офиц. сайт]. URL : http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2020-01/31/nw.D110000renmrb_20200131_5-04.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Хао, 2020 – 郝思斯. 字里行间 | 别来无恙:你别来,我无恙 // 中央纪委国家监委网站 [Хао Сысы. Между строк: не подходи и будь в безопасности; не подходи, я в порядке // Гос.контрольный комитет ЦКПД: офиц. сайт]. URL : http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202001/t20200130_210532.html (дата обращения : 18.11.2020).

- Цзянь, Ян, 2020 а – 姜琳、阳建. 宅经济”：还会有哪些投资新“风口 // 新华网 [Цзянь Линь, Ян Цзянь. «Домашняя экономика»: какие еще есть «окошки» для новых инвестиций? // ИА «Синьхуа» : офиц. сайт]. URL : http://www.xinhuanet.com/fortune/2020-07/20/c_1126258998.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Цзянь, Ян, 2020 б – 姜琳、阳建. 火红“宅经济”：意外崛起还是未来趋势? // 新华网 [Цзянь Линь, Ян Цзянь. «Прорывающаяся «домашняя экономика»: неожиданный подъем или будущие перспективы? // ИА «Синьхуа»: офиц. сайт]. URL : http://www.xinhuanet.com/fortune/2020-07/19/c_1126257572.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Цзяцзы, 2020 – 甲子光年. 美国开始抄作业! 加州、华盛顿多地建方舱, 收治新冠肺炎患者 // 百度 [Цзяцзы Гуанянь. США начинает копировать меры по борьбе с коронавирусом! В Калифорнии и Вашингтоне построены приюты для пациентов с новой коронарной пневмонией // Байду : офиц. сайт]. URL : <http://baijiahao.baidu.com/s?id=1661965329855748056> (дата обращения : 18.11.2020).
- Чжан, 2020 – 张楠. 快递外卖“无接触配送”标准实施 // 新华网 [Чжан Нань. Внедрение стандарта «бесконтактной доставки» для экспресс-доставки // ИА «Синьхуа» : офиц. сайт]. URL : http://www.xinhuanet.com/info/2020-03/17/c_138885850.htm (дата обращения : 18.11.2020).
- Чэн, 2020 – 程千千. 新冠疫情下涌现的新词: Covidiot、抄作业 // 澎湃新闻 [Чэн Цяньцян. Неологизмы, которые появились в период коронавируса: ковидиот, списывать домашнюю работу... // Пэнпай : офиц. сайт]. URL : https://m.thepaper.cn/rss_newsDetail_7045808?from= (дата обращения : 18.11.2020).
- Чэнь, 1999 – 陈原. 语言与社会生活/北京: 生活. 读书. 新知三联书店, 1999 年, 122 页. [Чэн Юань. Язык и общественная жизнь. Пекин : Совместная издательская компания «Жизнь. Чтение. Новые знания», 1999. 122 с.].
- Шовэнь..., 2020 – 说文解字 [Шовэнь цзэцзы] : сайт. URL : <https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi/zhs> (дата обращения : 18.11.2020).
- Эпидемия..., 2020 – “疫”不压身, 建筑学院线上教学总有一“招”吸引你 // 哈工大 [«Эпидемия» не сокрушает ваше тело, в онлайн-обучении школы архитектуры всегда есть «уловка», чтобы привлечь вас // Харбинский технол. ин-т : офиц. сайт]. URL : <http://www.hitsz.edu.cn/article/view/id-84641.html> (дата обращения : 18.11.2020).
- Яо, 1998 – 姚汉铭. 新词语. 社会. 文化/ 上海: 上海辞书出版社, 1998 年, 228 页. [Яо Ханьмин. Новые выражения. Общество. Культура. Шанхай : Шанхайское лексикографическое изд-во, 1998. 228 с.].

References

- Gorelov, V. I. (1984). *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Chinese lexicology]. Moscow : Prosveshhenie Press. (In Russ.).
- Dubinina, M. N. (2021). Semanticheskiy analiz lozungov epokhi pandemii v Kitae [Semantic analysis of slogans during the pandemic in China]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (2), 475–483. (In Russ.).
- Kas'yanova, L. Y. (2009). *Kognitivno-diskursivnye problemy neologizatsii v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late XX – early XXI centuries]. PhD in Philological sci. diss. Astrakhan : Astrakhan State University. (In Russ.).
- Li Xin, Starodubtseva, N. S. (2021). Lozungi na rabotakh masterov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Kitaya kak sredstvo bor'by s epidemiej koronavirusnoy infektsii (COVID-19) [Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID-19)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 116–130. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130. (In Russ.).
- Shamina, E. A., Besedina, E. I., Kuzmich, I. V. (2020). Sovremennyy angloyazychnyy diskurs v usloviyakh pandemii: metodicheskiy potentsial [Contemporary English language discourse during the pandemic: Methodological potential]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 170–181. doi : 10.22250/2410-7190_2020_6_4_170_181. (In Russ.).

- Wáng Lěi, Chén Qiánwén. (2020). *Xīnxī yìqíng» shì quánqiú xiéshǒu kàng yì de gèng dà tiǎozhàn*// *Guāngmíng sīxiǎng lǐlùn wǎng* [«Information Epidemic» A greater challenge for the global fight against the epidemic. Thought theory of Guangming]. Retrieved November 18, 2020 from <https://theory.gmw.cn/2020-05/11/content_33821286.htm>. (In Chinese).
- Wáng Tiěkūn. (1991). Shí niánlái de hànyǔ xīn cíyǔ yánjiū [Investigation of neologisms of the Chinese language in recent decades]. *Yǔwén jiànshè tōngxùn* [Language planning], 4. 9–13. (In Chinese).
- Guō Yáng, Dài Qiān. (2020). “Yì” wài shōuhuò: Zhèjiāng gōng’ān yīgè yuè zhuāhuò zàitáo rényuán 678 míng [Harvest outside the "epidemic": Zhejiang police arrested 678 fugitives in one month]. *Rénmín wǎng* [People's Daily Online]. Retrieved November 18, 2020 from <<http://zj.people.com.cn/n2/2020/0229/c228592-33838227.html>>. (In Chinese).
- Dù Xiáng. (2020). “Zhàn yì” de zào cí lǐjù [Reasons for "War Epidemic"]. *Guāngmíng rìbào* [Guangming Daily]. Retrieved November 18, 2020 from <https://news.gmw.cn/2020-03/21/content_33670745.htm>. (In Chinese).
- Diāo Yǎnbīn. (2003). Jìn 10 nián xīn cíyǔ yánjiū shùpíng [Review of neologisms that have arisen over the past 10 years]. *Liáoníng shīfàn dàxué xuébào* [Journal of Liaoning Normal University], 1. 4–10. (In Chinese).
- Rúhé... (2020). Rúhé bǎohù zìjǐ hé tā rén [Keep social distance]. *CDC* [Centers for Disease Control and Prevention]. Retrieved November 18, 2020 from <<https://chinese.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/prevent-getting-sick/social-distancing.html>>. (In Chinese).
- Lǐ Gāng. (2020). Guǎngzhōu shì cóngguà qū liáng kǒu zhèn mǐ bù cūn — lǎo dǎngyuán fādòng érsūn qí zhàn “yì” [Mibu Village, Liangkou Town, Conghua District, Guangzhou City-Old party members launched their children and grandchildren to fight the "epidemic"]. *Xiāngcūn gàn bù bào* [The Village Cadre]. Retrieved November 18, 2020 from <https://www.gdzz.gov.cn/dyjj/xjdx/content/post_4000.html>. (In Chinese).
- Lǐ Tóng. (2020). Miàn duì bóqíng guǎyì, wǒmen yǐdú gōngdú [Faced with the pandemic, we fight alone]. *Fènghuáng wǎng* [Phoenix Television]. Retrieved November 18, 2020 from <http://hebei.ifeng.com/a/20200221/8439726_0.shtml>. (In Chinese).
- Líng Xīn, Liú Qū. (2020). Shìwèi zǔzhǐ jiāng xīngguān fèiyán míngmíng wèi “COVID-19” [Who names new type of coronavirus pneumonia "COVID-19"]. *Zhōnghuá rénmin gònghéguó zhōngyāng rénmin zhèngfǔ* [The Central People's Government of the People's Republic of China]. Retrieved November 18, 2020 from <http://www.gov.cn/xinwen/2020-02/12/content_5478891.htm>. (In Chinese).
- Liú Jūn. (2020). 1100 Wàn rén zàntíng guǎijī, cóng fēng chéng dào jiě fēng, wǔhàn 76 tiān jīnglì shénme? [11 million people suspended their trajectory. From the lockdown to the release, what has Wuhan experienced in 76 days?]. *Zhōngguó rìbào* [China Daily]. Retrieved November 18, 2020 from <<http://cn.chinadaily.com.cn/a/202004/08/WS5e8db15ca310395ca8f747b3.html>>. (In Chinese).
- Mǎ Kuíróng. (2020). Tiělù de yī “yì” gūxíng, dài què rénmin de guānxīn [The "epidemic" of the railway drove the people's concern]. *Zhōngguó shāndōng wǎng* [China Shandong Net]. Retrieved November 18, 2020 from <<http://news.sdchina.com/show/4484210.html>>. (In Chinese).
- Xiàndài hànyǔ cídiǎn [Contemporary Chinese Dictionary]. (2016). Beijing: Shāngwù yìn shūguǎn. (In Chinese).
- Tāng Weibin, Liào Jūn, Qū Tíng, Lǐ Jinfeng, Lǐ Chāngzhēng. (2020). Wǔhàn, fùzhòng qián xíng [Wuhan, you cope with these troubles]. *Rénmín wǎng* [People's Daily Online]. Retrieved November 18, 2020 from <http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2020-01/31/nw.D110000renmrb_20200131_5-04.htm>. (In Chinese).
- Hǎo Sīī. (2020). Zìlǐhángjiān | bié lái wúyàng: Nǐ bié lái, wǒ wúyàng [Between the lines | Don't come and be safe: Don't come, I'm safe]. *Zhōngyāng jìwěi guójiā jiān wěi wǎngzhàn* [Central Commission for Discipline Inspection and State Supervision Commission]. Retrieved November 18, 2020 from <http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/202001/t20200130_210532.html>. (In Chinese).
- Jiāng Lín, Yáng Jiàn. (2020 a). Zhái jīngjì: Hái huì yǒu nǎxiē tóuzī xīn “fēngkǒu” [“House economy”: what other new investment "outlets"]. *Xīnhuá wǎng* [Xinhuanet]. Retrieved November 18, 2020 from <http://www.xinhuanet.com/fortune/2020-07/20/c_1126258998.htm>. (In Chinese).

- Jiāng Lín, Yáng Jiàn (2020 b). Huǒhóng “zhái jīngjì”: Yìwài juéqǐ háishì wèilái qūshì? [Flaming "home economy": unexpected rise or future trend?]. *Xīnhuá wǎng* [Xinhuanet]. Retrieved November 18, 2020 from <http://www.xinhuanet.com/fortune/2020-07/19/c_1126257572.htm>. (In Chinese).
- Jiǎzǐ Guāngnián (2020). Měiguó kāishǐ chāo zuòyè! Jiāzhōu, huáshèngdùn duō de jiàn fāng cāng, shōuzhì xīnguān fèiyán huànzhe [The United States starts copying homework! Shelter cabins built in California and Washington to treat patients with new coronavirus pneumonia]. *Bǎidù*. Retrieved November 18, 2020 from <<http://baijiahao.baidu.com/s?id=1661965329855748056>>. (In Chinese).
- Zhāng Nán. (2020). Kuàidì wàimài “wú jiēchù pèisòng” biāozhǔn shíshī [Implementation of the "Contactless Delivery" standard for express delivery]. *Xīnhuá wǎng* [Xinhuanet]. Retrieved November 18, 2020 from <http://www.xinhuanet.com/info/2020-03/17/c_138885850.htm>. (In Chinese).
- Chéng Qiānqiān. (2020). Xīnguān yìqíng xià yǒngxiàn de xīn cí: Covidiot, chāo zuòyè... [New words emerging under the pandemic coronavirus: Covidiot, copy homework...]. *Péngpài xīnwén* [The Paper]. Retrieved November 18, 2020 from <https://m.thepaper.cn/rss_newsDetail_7045808?from=>>. (In Chinese).
- Chén Yuán. (1999). *Yǔyán yǔ shèhuì shēnghuó* [Language and social life]. Beijing: Shēnghuó•dúshū•xīnzhī sānlíán shūdiàn. (In Chinese).
- Shuōwén jiězhì. Retrieved November 18, 2020 from <<https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi/zhs>>. (In Chinese).
- Yì (2020). “Yì” bù yā shēn, jiànzhù xuéyuàn xiàn shàng jiàoxué zǒng yǒuyī “zhāo” xīyǐn nǐ [The “epidemic” does not crush your body, there is always a trick to attract you]. *Hāgōngdà* [Harbin Institute of Technology [site]]. Retrieved November 18, 2020 from <<http://www.hitsz.edu.cn/article/view/id-84641.html>>. (In Chinese).
- Yáo Hànmíng. (1998). *Xīn cíyǔ. Shèhuì. Wénhuà* [New expressions. Society. Culture]. Shanghai: Shànghǎi císhū chūbǎn shè. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 26.11.2020; одобрена после рецензирования 03.10.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 26.11.2020; approved after reviewing 03.10.2021; accepted for publication 03.11.2021.

УДК 81'22; 81'36; 81'34

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_29_38

Гусева Светлана Ивановна
Независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
s_guseva@mail.ru

К вопросу о небуквенных знаках письма **Восклицательный знак**

Аннотация

Статья посвящена изучению фраз с восклицательным знаком в пространстве поэтического дискурса на материале стихотворения А. А. Блока. На основе результатов аудиторского эксперимента определяется степень эмоциональной нагруженности фраз в произнесении дикторов – мастеров художественного слова. Обсуждается комплекс причин, вызывающих разную эмоционально-интонационную трактовку дикторами одного и того же поэтического произведения. Отмечается, что многомерность и подвижный семиозис поэтического дискурса, несовпадение пресуппозиций и отсутствие общей коммуникативной базы у автора и читателя приводят к различиям в актуализации дополнительной функции небуквенного знака письма. Экспериментально подтверждается факт высокой степени вариативности интонационных оттенков, графическим референтом которых выступает восклицательный знак. Постулируется наличие иерархии в распределении эмоциональной нагрузки, в частности, её возрастание к концу стихотворения, что, в целом, соответствует стратегии коммуникативной организации высказывания.

Ключевые слова: система письма, небуквенные знаки, восклицательный знак, поэтический дискурс, восприятие, эмоциональная нагруженность

© Гусева С. И. 2021

Для цитирования: Гусева С. И. К вопросу о небуквенных знаках письма. Восклицательный знак // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 29–38. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_29_38

Svetlana I. Guseva
Independent researcher
Saint Petersburg, Russian Federation
s_guseva@mail.ru

Non-letter characters in writing system. Exclamation mark

Abstract

The article examines phrases with the exclamation mark in poetic discourse. Perceptual experiment was used to determine the degree of their emotional load. The material for the study was A. A. Block's poem read by professional performers. The paper discusses a set of reasons that cause different emotional interpretation of the same poetic work and varying intonation patterns employed by the readers. It is argued that the multidimensional and mobile semiosis of poetic discourse, the mismatch of presuppositions and the lack of a common communicative base between the author and the reader account for differences in the actualization of the non-letter symbol additional function in writing. The results of the experiment show high degree of intonation shades variability whose graphic referent is the exclamation mark. The results also indicate the existence of a hierarchy in distributing emotional load, particularly, its increase towards the end of the poem which, in general, corresponds to the strategy of communicative patterns arrangement in the utterance.

Keywords: writing system, non-letter symbols, exclamation mark, poetic discourse, perception, emotional load

© Guseva S. I. 2021

For citation: Guseva, S. I. K voprosu o nebukvennykh znakakh pis'ma. Vosklitsatel'nyy znak [To the question of non-letter characters of the letter. Exclamation mark]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(4), 29–38. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_29_38

1. Введение [Introduction]

Письменная речь выполняет одну из главных функций языка – функцию передачи информации из поколения в поколение (просветительскую, цивилизационную функцию), поэтому различные проблемы письма давно находятся в поле зрения исследователей. В меньшей степени это касается так называемых небуквенных знаков письма, остающихся нередко на периферии лингвистического анализа.

Между тем, ещё в 1957 году была опубликована написанная Л. В. Щербой в 1942–1943 гг. монография «Теория русского письма», отдельная глава которой посвящена небуквенным знакам [Щерба, 1983]. Несмотря на сравнительно небольшой объём, с общefonетической точки зрения глава эта, как отметил в предисловии к книге редактор издания Л. Р. Зиндер, представляет исключительный интерес [Зиндер, 1983, с. 4].

К небуквенным обозначениям Л. В. Щерба относит не только знаки пунктуации, но и пробел, прописные буквы как символы членения на слова, а также другие знаки, предназначенные для членения речи и обозначения интонации. Автор по существу предлагает методологию изучения небуквенных знаков, акцентируя внимание на их функциях, взаимосвязи с ритмикой и интонацией, а также с грамматической теорией [Щерба, 1983, с. 123–132].

Десятилетия, прошедшие со времени выхода работы Щербы, характеризуются постепенным ростом интереса лингвистов к различным проблемам пунктуации. Авторы исследований рассматривают с разной степенью глубины проработки такие вопросы, как лингвистический статус знаков пунктуации [Будниченко, 2004], её полифункциональный характер [Шубина, 1999], семиотическое содержание одиночных и двойных знаков препинания [Орехова, 2001], авторская пунктуация и явление пунктуационной синонимии [Мельничук, 2007], роль авторских знаков пунктуации в формировании стратегий и тактик художественного дискурса [Андросова, 2018], особенности функционирования в тексте периферийных знаков пунктуации [Меркулова, 2001] и др. Многие авторы сравнивают пунктуацию с нотным письмом, называя знаки препинания «нотами для чтения»¹.

Разные подходы к анализу фактов письменной речи приводят к появлению новых понятий и терминов, различиям в структурном описании и определении функциональной нагруженности небуквенных знаков. Нередко это обусловлено тем, какой принцип пунктуации признается ведущим в том или ином языке: синтаксический, семантический или интонационный.

При всём многообразии точек зрения в процессе обсуждения вопросов пунктуации все исследователи сходятся во мнении, что главная функция знаков препинания и прочих небуквенных знаков письма (абзац, прописная буква, пробел) – функция членения речи². Некоторые знаки обладают, кроме того, дополнительными функциями. Так, дополнительной функцией восклицательного знака является обозначение повышенной эмоциональной нагрузки в высказывании. Логично предположить, что использование (или неиспользование) этого знака может служить признаком дискурса определённого

¹ Ср.: А. П. Чехов в письме к Н. А. Хлопову, прочитав рассказ драматурга, замечает: «...знаки препинания, *служащие нотами при чтении*, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек» (курсив наш) [Чехов, 1975, с. 199].

² Т. М. Николаева называет пунктуационные знаки «сегментными указателями», т. к. они выступают в качестве указателей границ сегментов [Николаева, 1968, с. 54].

типа. Совершенно очевидно, что, например, в канцелярском дискурсе (как разновидности официально-делового) употребление восклицательного знака – явление редкое, нетипичное³, в то время как для поэтической речи этот знак, несомненно, может рассматриваться в качестве одного из маркеров, отличающих поэтический дискурс от всех иных.

В стихотворной речи эмоция нередко достигает столь высокой интенсивности, что эмоциональная нагрузка может сообщаться каждому отдельному слову и каждому звуковому «обертону» стиха [Макарова, 2005, с. 116]. Яркой иллюстрацией этого утверждения может служить стихотворение А. А. Блока «О, весна, без конца и без краю», в котором на 28 строк приходится 12 восклицательных знаков.

Анализ этого произведения на основе антропоцентрического подхода положен в основу нашего исследования. Антропоцентрический ракурс предполагает при описании языковых фактов учёт человеческого фактора, языковой личности, иными словами, изучение «языкового поведения» как субъекта речи (адресанта), так и реципиента (адресата).

В качестве объекта исследования в работе определены дополнительные функции восклицательного знака, в частности степень экспрессивности фраз, маркированных в поэтическом дискурсе восклицательным знаком.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Целью экспериментального исследования было изучение реализации дополнительной функции восклицательного знака в пространстве поэтического дискурса. Задачами исследования предусматривались следующие этапы эксперимента:

- запись из ресурсов Интернета стихотворения А. А. Блока «О, весна, без конца и без краю» в произнесении трёх дикторов – опытных мастеров художественного слова, владеющих навыками нормативно-выразительного чтения⁴;
- проведение аудиторского эксперимента с целью определения уровня эмоциональной нагруженности поэтического произведения в произнесении каждым из дикторов, в частности фраз с восклицательным знаком, а также всего стихотворения в целом;
- количественный анализ результатов эксперимента и интерпретация полученных данных.

В качестве аудиторов выступили мужчины и женщины (всего 9 человек) с высшим образованием в возрасте от 30 до 75 лет.

Задание аудиторам было сформулировано следующим образом: «Прослушайте художественное чтение стихотворения в исполнении разных дикторов-чтецов (Д1, Д2, Д3) и оцените по 10-балльной шкале уровень эмоциональности прочтения предложений с восклицательным знаком, имея в виду, что самый высокий уровень эмоциональности равен 10 баллам. Заполните предложенную таблицу». На следующем этапе предлагалось оценить уровень эмоциональности прочтения диктором всего стихотворения в целом.

³ В этой связи уместно вспомнить чеховского героя Ефима Фомича Перекладина, который за время служения в качестве коллежского секретаря ни разу не поставил в своих бумагах восклицательного знака: «Что за оказия! Сорок лет писал и ни разу восклицательного знака не поставил... Гм!.. Но когда же он, чёрт длинный, ставится? ... – Марфуша! – обратился он к своей жене, которая часто хвасталась тем, что кончила курс в пансионе. – Ты не знаешь ли, душенька, когда в бумагах ставится восклицательный знак? – Ещё бы не знать! Недаром в пансионе семь лет училась. Наизусть всю грамматику помню. Этот знак ставится при обращениях, восклицаниях и при выражениях восторга, негодования, радости, гнева и прочих чувств. ... Коллежский секретарь задумался. ... Сорок лет писал он бумаги, написал он их тысячи, десятки тысяч, но не помнит ни одной строки, которая выражала бы восторг, негодование или что-нибудь в этом роде. ... – Да нечто в бумагах нужны чувства? Их и бесчувственный писать может...» [Чехов, 1976, с. 269].

⁴ Нормативно-выразительное чтение определяется нами, вслед за З. И. Клычниковой, как активный процесс осмысленного чтения, при котором читающий воспроизводит звуковую материю по наиболее частотным и употребительным образцам интонации языка, включающим соответственно фразовое ударение, мелодику, синтагматическую паузацию [Клычникова, 1983, с. 54].

В процессе аудиторского эксперимента по восприятию эмоционально маркированных фраз происходит автоматическое сличение аудитором услышанного с хранящимся у него в памяти моделями коммуникативной организации высказывания [Гусева, 2015, с. 20]. Знание коммуникативных моделей, стратегий и тактик входит во все типы когнитивных пространств языковой личности; без этого общего «разделенного знания», общего языка общения, общих правил речевого взаимодействия коммуникация невозможна [Койт, Ыйм, 1999, с. 65].

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Полученные в ходе аудиторского эксперимента данные были проанализированы, обобщены и представлены в таблицах 1 и 2. Следует пояснить, что в таблицах приведены усредненные значения по всем 9-ти аудиторам.

В связи с основной целью исследования напомним, что восклицательные предложения / фразы выражают эмоциональное отношение к высказываемому. Эмоциональные коннотации определяются (или навязываются) семантикой высказывания и коммуникативной интенцией говорящего. Это могут быть как положительные коннотации (восхищение, радость, вдохновение, вера и т. д.), так и отрицательные (гнев, ирония, презрение, сожаление, тревога и т. д.). В большинстве случаев при помощи интонационных средств восклицательные фразы выражают с повышенной эмоциональной нагрузкой интеллектуальную оценку, обращение или побуждение к действию.

Т а б л и ц а 1. Оценка эмоциональности прочтения фраз с восклицательным знаком в стихотворении А. А. Блока «О, весна без конца и без краю»
[Table 1. Assessment of the emotionality of read phrases with an exclamation mark in A. A. Blok's poem "Oh, spring without end and without edge"]

Стихотворение	Дикторы-чтецы		
	Д1 (А. Кутепов)	Д2 (В. Качалов)	Д3 (А. Пир-Будагян)
	Оценка эмоциональности при прочтении предложений с восклицательным знаком (по 10-балльной шкале)		
1	2	3	4
<i>О, весна без конца и без краю —</i>			
<i>Без конца и без краю мечта!</i>	5,3	7,5	3,8
<i>Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!</i>	4,2; 4,0	7,0; 7,3	3,8; 3,8
<i>И приветствую звоном щита!</i>	4,7	7,8	2,8
<i>Принимаю тебя, неудача,</i>			
<i>И удача, тебе мой привет!</i>	4,3	8,7	3,5
<i>В заколдованной области плача,</i>			
<i>В тайне смеха — позорного нет!</i>	4,7	8,2	2,8
<i>Принимаю бессонные споры,</i>			
<i>Утро в завесах темных окна,</i>			
<i>Чтоб мои воспаленные взоры</i>			
<i>Раздражала, пьянила весна!</i>	5,2	8,7	3,8

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
<i>Принимаю пустынные веси!</i>	4,5	7	3,5
<i>И колодцы земных городов!</i>	4,3	6,5	3,3
<i>Осветленный простор поднебесий</i>			
<i>И томления рабских трудов!</i>	4,8	6,5	3
<i>И встречаю тебя у порога —</i>			
<i>С буйным ветром в змеиных кудрях,</i>			
<i>С неразгаданным именем бога</i>			
<i>На холодных и сжатых губах...</i>			
<i>Перед этой враждующей встречей</i>			
<i>Никогда я не брошу щита...</i>			
<i>Никогда не отроешь ты плечи...</i>			
<i>Но над нами — хмельная мечта!</i>	5	8	3,8
<i>И смотрю, и вражду измеряю,</i>			
<i>Ненавидя, кляня и любя:</i>			
<i>За мученья, за гибель — я знаю —</i>			
<i>Все равно: принимаю тебя!</i>	5,7	8,5	3,8
Среднее значение (в баллах)	4,7	7,6	3,2

Т а б л и ц а 2. Общая оценка эмоциональности дикторов-чтецов при прочтении стихотворения А. А. Блока «О, весна без конца и без края»

[T a b l e 2. General assessment of the emotionality of the readers when reading the poem by A. A. Blok “Oh, spring without end and without edge”]

Дикторы-чтецы	Д 1 (А. Кутенов)	Д 2 (В. Качалов)	Д 3 (А. Пир-Будагян)
Ср. значение (в баллах)	6,8	9,7	5,2

Представленные в таблицах 1 и 2 результаты убедительно свидетельствуют о различиях в эмоциональной окраске прочтения одного и того же стихотворения разными чтецами. Особенно заметны различия между Д2 и Д3 (табл. 1). Данные по этим дикторам разнятся более чем в два раза (7,6 и 3,2 соответственно).

Вместе с тем, несмотря на разную степень эмоциональной трактовки стихотворения в исполнении разными чтецами, нельзя не заметить, что, согласно полученным в ходе аудиторского эксперимента данным, некоторые строки произведения характеризуются одинаково высокими или одинаково низкими значениями относительно остальных значений (табл. 1). Особенно показательны в этом отношении оценки эмоциональности Д1, Д2 и Д3 в рематической части произведения – последней строке: 5,7, 8,5 и 3,8 соответственно («Все равно: принимаю тебя!»). Они закономерно превосходят средние оценки по диктору (4,7, 7,6 и 3,2), но уступают показателям общей оценки эмоциональности Д1, Д2 и Д3 (6,8, 9,7 и 5,2 соответственно) (табл. 2). Этот факт, по-видимому, объясняется разным характером восприятия стихотворения аудиторами в зависимости от

поставленной перед ними задачи. В первом прослушивании, определяя степень эмоциональности фраз с восклицательным знаком, аудиторы решали задачу пошагово, а во втором – оценивали эмоциональность стихотворения в целом.

Чтобы понять комплекс причин, вызвавших разную эмоционально-интонационную трактовку мастерами художественного слова одного и того же поэтического произведения, необходим анализ, включающий две стороны любой дискурсивной практики – порождение и восприятие дискурса, в нашем случае порождение и восприятие поэтического текста⁵.

Процесс порождения стихотворения, наряду с техникой его сочинения, т.е. приёмами стихосложения, включает пресуппозицию и авторскую интенцию, которые, как правило, определяются событийным контекстом творчества автора. Большинство исследователей полагают, что любое художественное произведение неотделимо от его создателя; замысел автора может быть реконструирован только из текста, в котором он воплощен; физический, реальный автор выражает в своем произведении собственное мировоззрение, а читатель, в свою очередь, реконструирует модель авторского сознания [Андросова, 2018, с. 80–81].

Стихотворение «О, весна, без конца и без краю» было написано А. А. Блоком осенью 1907 г. в период разрыва его взаимоотношений с женой, Л. Д. Менделеевой [Блок, 2019]. Осенью, в кризисный период жизни, в творчестве поэта появляется тема весны и сопутствующей ей мечты... Но образ мечты является сквозным во всей поэзии Блока; для поэта мечта – это надежда на будущее, тайна будущего, предвкушение счастья и движение к нему [Жесткова, 2014, с. 70]. Мечта лирического героя – носителя авторской, сочинительской функции, – роднящего его с реальным автором [Ильенков, 2002, с. 6], воплотилась в звонкие, оптимистические строки, маркированные в тексте восклицательным знаком («О, весна без конца и без краю – Без конца и без краю мечта! Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!» и т. д.).

В конце весны 1907 г. Менделеева уезжает в Шахматово и шлёт оттуда Блоку нежные письма, как будто ничего и не было. Блок отвечает ей тем же [Вульф, 2002, с. 3]. История эта имела продолжение в творчестве поэта осенью того же года в форме восторженного поэтического отклика на события предшествовавшей весны.

Примечательно, что стихотворение «О, весна, без конца и без краю», с восторженной патетикой лирической исповеди, открывает в цикле «Фаина»⁶ группу стихотворений под общим заглавием «Заклятие огнём и мраком». Эта, на первый взгляд, кажущаяся парадоксальность, исчезает, если принять во внимание многомерность поэтического смысла произведения. С одной стороны, стихотворение отражает тяжёлое состояние духа поэта, его мученическую, трагическую судьбу, а с другой – стремление к счастью, движение навстречу новой жизни. А весна, без сомнения, и есть символ новой жизни.

В поэтическом дискурсе как разновидности художественного дискурса отражается сложный духовный мир человека. Многомерность и подвижный семиозис поэтического произведения осложняют его восприятие неподготовленным читателем или слушателем.

⁵ Поэтический дискурс репрезентируется в поэтическом тексте, который может рассматриваться как дискурсивное звено, непосредственно доступное восприятию и анализу [Евграфкина, 2013, с. 8]. Употребляя термин «поэтический дискурс», мы исходим из ситуационного и социально обусловленного характера дискурсивных практик человека и придерживаемся такого толкования термина, когда под «дискурсом» понимается общая идея о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которым соответствуют высказывания людей в различных сферах общественной и культурной жизни, например: «медицинский дискурс», «новостной дискурс», «политический дискурс», «религиозный дискурс», «поэтический дискурс» и т. д. [Йоргенсен, Филипс, 2008, с. 352]. Полагаем, что такая дефиниция не противоречит широко известному словарному определению дискурса, данному Н. Д. Арутюновой [ЛЭС, 1990, с. 685], а лишь отражает разные грани лингвистического феномена.

⁶ Цикл стихотворений «Фаина» А. А. Блок посвящает актрисе Наталье Волоховой, отношения с которой у поэта начались в ноябре 1907 г. [Вульф, 2002, с. 3].

Феномен восприятия текста рассматривается нами, как и большинством исследователей, в неразрывной связи с его пониманием. Многочисленные работы, посвящённые изучению парадигм понимания, направлены на поиск причин вариативности толкования текстов [Гусева, 2014, с. 11]. Чаще всего вариативность в процессах понимания связывают с различием между индивидуальными полями сигнификатов собеседников [Васильев, 1987, с. 43]. Источником вариативности в процессах понимания называют превращённый характер текста, не прямое отражение действительности, опосредованное миром идеальных образов автора и его знанием этой действительности [Тарасов, Соснова, 1985, с. 32]. Таким образом, уникальность каждого акта восприятия создаётся не только миром идеальных образов автора, но и воспринимающего текст реципиента (читателя, слушателя).

Декодирование сложных поэтических текстов, к числу которых, без сомнения, относится поэзия А. А. Блока, без высокой степени литературной и языковой компетентности представляет известную трудность. В отличие от популярной поэзии мейнстрима, интеллектуальная поэзия, как справедливо отмечается в литературе, является квинтэссенцией творческой работы с языком и его семиотическими возможностями [Евграфкина, 2013, с. 3]. Самоценность слова, изменение его функциональной нагрузки, создание необычных способов построения речи, деформации языковой формы и образа реальности – характерные особенности поэтической дискурсивной деятельности, которые исключают возможность пересказа поэтического произведения другими словами без искажения его сути [Там же, с. 7]. И, как показало наше исследование, порождают разнообразный отклик у воспринимающих поэтический текст реципиентов (читателей, слушателей).

4. Заключение [Conclusion]

Экспериментальное исследование, проведённое на основе антропоцентрического подхода к анализу фактов языка, убедительно свидетельствует о высокой вариативности устного воспроизведения феноменов, обозначаемых так называемыми небуквенными знаками письма, в частности восклицательным знаком. Изучение эмоциональной насыщенности поэтического произведения в исполнении мастеров художественного слова показало, что однозначная, универсальная звуковая актуализация фраз, маркированных восклицательным знаком, невозможна. В этой связи обозначение знаков пунктуации «нотами для чтения» следует признать весьма и весьма условным.

Многомерность и подвижный семиозис поэтического дискурса, несовпадение пресуппозиций и отсутствие общей коммуникативной базы у автора и читателя приводят к различиям в актуализации дополнительной функции небуквенного знака письма. Таким образом, восклицательный знак выступает на письме графическим референтом интонационных значений высокой степени вариативности.

Изучение устного поэтического текста позволило выявить наличие иерархии в распределении эмоциональной нагрузки, в частности, её возрастание к концу стихотворения, что, в целом, соответствует стратегии коммуникативной организации высказывания.

Библиографический список

- Андросова, 2018 – Андросова Ф. С. Пунктуационные знаки в художественном тексте: коммуникативно-прагматический аспект. СПб. : Изд-во Лань, 2018. 156 с.
- Блок, 2019 – Блок Л. Д. И был и небылицы о Блоке и о себе. Воспоминания. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 86 с.
- Будниченко, 2004 – Будниченко Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте. На материале языка газет : дис. докт. филол. наук : 10.01.10 / Будниченко Лариса Александровна ; СПбГУ. СПб, 2004. 283 с.

- Васильев, 1987 – Васильев Л. Г. Понимание и научные парадигмы // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 38–43.
- Вульф, 2002 – Вульф В. Я. Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок: прекрасная Дама русской поэзии. Записала: Серафима Чеботарь // «L'Officiel». 2002. № 37. URL. : <http://www.v-vulf.ru/officiel/officiel-37-4.htm#>
- Гусева, 2014 – Гусева С. И. Восприятие спонтанной речи: информационный подход // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. № 3. С. 11–21.
- Гусева, 2015 – Гусева С. И. Реализация немецкого вокализма: семантикоцентрический подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 16–34.
- Евграшкина, 2013 – Евграшкина Е. Е. Языковая природа герметизма в поэтическом дискурсе (на материале немецкоязычной поэзии второй половины XX века): автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Евграшкина Екатерина Евгеньевна ; Самарский гос. ун-т. Самара, 2013. 22 с.
- Зиндер, 1983 – Зиндер Л. Р. Предисловие редактора // Щерба Л. В. Теория русского письма. Л. : Наука, 1983. С. 3–6.
- Ильенков, 2002 – Ильенков А. И. Лирическая трилогия Александра Блока: формы авторского сознания : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.01.01 / Ильенков Андрей Игоревич ; Уральский гос. ун-т. Екатеринбург, 2002. 23 с.
- Йоргенсен, Филлипс, 2008 – Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Клычникова, 1983 – Клычникова З. И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1983. 207 с.
- Койт, Ыйм, 1999 – Койт М., Ыйм Х. Диалог с компьютером на естественном языке // Прагматический аспект исследования языка : тр. по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. П. Тарту, 1999. С. 58–67.
- ЛЭС, 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Макарова, 2005 – Макарова Л. С. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. С. 116–118. URL. : <http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova>.
- Мельничук, 2007 – Мельничук О. А. Авторская пунктуация и явление пунктуационной синонимии в произведениях современных франкоязычных авторов // Романские языки в прошлом и настоящем : сб. ст. к 80-летию Т. А. Репиной. СПб : Филологический фак. СПбГУ, 2007. С. 178–188.
- Меркулова, 2001 – Меркулова И. Г. Периферийные знаки пунктуации в современной французской прозе : дис. канд. филол. наук : 10.02.05 / Меркулова Инна Геннадьевна ; Ин-т языкознания Рос. Академии Наук. М., 2001. 167 с.
- Николаева, 1968 – Николаева Т. М. О соотношении сегментных указателей и суперсегментных языковых средств // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 49–57.
- Орехова, 2001 – Орехова Н. Н. Пунктуационная система языка: формирование и динамика развития : автореф. дис. докт. филол. наук : 10.02.19 / Орехова Наталья Николаевна ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2001. 39 с.
- Тарасов, Соснова, 1986 – Тарасов Е. Ф., Соснова М. Л. О формах существования текста // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1986. С. 30–44.
- Чехов, 1975 – Чехов А. П. Восклицательный знак. Святочный рассказ // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 4 : Рассказы, Юморески, 1885–1886. М. : Наука, 1975. С. 266–270.
- Чехов, 1975 – Чехов А. П. Письмо Хлопову Н.А. 13 февраля 1888 г. Москва // Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2 : Письма, 1887 – Сентябрь 1888. М. : Наука, 1975. С. 199–201.
- Шубина, 1999 – Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского языка : дис. д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шубина Наталья Леонидовна ; СПбГУ. СПб, 1999. 455 с.
- Щерба, 1983 – Щерба Л. В. Теория русского письма. Л. : Наука, 1983. 134 с.

References

- Androsova, F. S. (2018). *Punktuatsionnye znaki v khudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Punctuation marks in fiction: Communicative and pragmatic aspects]. St Petersburg : Lan' Press. (In Russ.).
- Blok, L. D. (2019). *I byl' i nebylitsy o Bloke i o sebe. Vospominaniya* [True story and fables about Block and myself. Memories]. Moscow ; Berlin : Direkt-Media. (In Russ.).
- Budnichenko, L. A. (2014). *Ekspressivnaya punktuatsiya v publitsisticheskom tekste. Na materiale yazyka gazet* [Expressive punctuation in non-fiction. Based on newspaper language]: Doctoral in Philological sci. diss. St Petersburg : St Petersburg State University. (In Russ.).
- Vasil'ev, L. G. (1987). Ponimanie i nauchnye paradigmy [Understanding and scientific paradigms]. *Yazykovoe obshchenie: edinit'sy i regul'yativy* [Language communication: Units and regulations] (pp. 38–43). Kalinin. (In Russ.).
- Vulf, V. Ya. (2002). Lyubov' Dmitrievna Mendeleeva-Blok: prekrasnaya Dama russkoy poezii. Zapisala: Serafima Chebotar' [Lyubov' Dmitrievna Mendeleeva-Blok: A fair lady of Russian poetry]. *L'Officiel*, 37. Retrieved from <<http://www.v-vulf.ru/officiel/officiel-37-4.htm#>>. (In Russ.).
- Guseva, S. I. (2014). Vospriyatie spontannoy rechi: informatsionnyy podkhod [Perception of spontaneous speech: an information approach]. *Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshey shkoly)* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 3, 11–21. (In Russ.).
- Guseva, S. I. (2015). Realizatsiya nemetskogo vokalizma: semantikotsentricheskoy podkhod [Realization of the German vowel system: Semantic-centric approach]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (1), 16–34. (In Russ.).
- Evgrashkina, E. E. (2013). *Yazykovaya priroda germetizma v poeticheskom diskurse (na materiale nemetskoyazychnoy poezii vtoroy poloviny XX veka)* [Linguistic nature of Hermetism in poetic discourse (Based on second half of the 20th century German poetry)]: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Samara : Samara State University. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1983). Predislovie redaktora [Editor foreword]. *Shcherba, L. V. Teoriya russkogo pis'ma* [The theory of Russian writing system] (pp. 3–6). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Il'enkov, A. I. (2002). *Liricheskaya trilogiya Aleksandra Bloka: formy avtorskogo soznaniya* [Alexandr Blok's lyrical trilogy: Forms of author's thought]: Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Ekaterinburg : Ural State University. (In Russ.).
- Jorgensen, M. V., Phillips L. (2008). *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method]. Translation from English. 2nd edition with corrections. Gumanitarnyy tsentr Press. (In Russ.).
- Klychnikova, Z. I. (1983). *Psikhologicheskie osobennosti obucheniya chteniyu na inostrannom yazyke* [Psychological issues of reading a foreign language]: Teacher's book. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Koyt, M., Yym, Kh. (1999). Dialog s komp'yuterom na estestvennom yazyke [Dialog with computer in natural language]. *Pragmaticheskiy aspekt issledovaniya yazyka* [Pragmatic aspect of language study]: Papers in Russian and Slavic Philology. Lingvistika. Novaya seriya. II [Linguistics. New series. II] (58–67). Tartu. (In Russ.).
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' (LES). (1999). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Makarova, L. S. (2005). Poeticheskiy diskurs i perevod [Poetic discourse and translation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal], 116–118. Retrieved from <<http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova>>. (In Russ.).
- Mel'nichuk, O. A. (2007). Avtorskaya punktuatsiya i yavlenie punktuatsionnoy sinonimii v proizvedeniyakh sovremennykh frankoyazychnykh avtorov [Author punctuation and punctuation synonymy phenomenon in the works of modern French-speaking authors]. *Romanskie yazyki v proshlom i nastoyashchem* [Romance languages in past and present]: A collection of papers dedicated to 80th anniversary of T. A. Repina birthday (pp. 178–188). St Petersburg : Philological Faculty of St Petersburg State University. (In Russ.).

- Merkulova, I. G. (2001). *Periferiynye znaki punktuatsii v sovremennoy frantsuzskoy proze* [Periphery punctuation in modern French prose]: PhD in Philological sci. diss. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1968). O sootnoshenii segmentnykh ukazateley i supersegmentnykh yazykovykh sredstv [On the interrelation of segmental and suprasegmental linguistic means]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 49–57. (In Russ.).
- Orekhova, N. N. (2001). *Punktuatsionnaya sistema yazyka: formirovanie i dinamika razvitiya* [Punctuation system of the language: Forming and developing dynamics]: Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.).
- Tarasov, E. F., Sosnova, M. L. (1986). O formakh sushchestvovaniya teksta [Forms of text Existence]. *Rechevoe obshchenie: tseli, motivy, sredstva* [Speech communication: Purposes, motives, means] (pp. 30–44). Moscow. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1975). Vosklitsatel'nyy znak. Svyatochnyy rasskaz [Exclamation mark. A Christmas story]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete collection of essays and letters] in 30 volumes. Vol. 4: Rasskazy, Yumoreski [Stories and humoresks], 1885–1886 (pp. 266–270). Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1975). Pis'mo Khlopovu N. A. 13 fevralya 1888 [A letter to Khlopov N. A. February 13, 1888. Moscow]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of essays and letters]. In 30 volumes. Vol. 2: Pis'ma, 1887 – Sentyabr' 1888 [Letters, 1887 – September, 1888] (pp. 199–201). Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (1999). *Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoy sisteme russkogo yazyka* [Punctuation in communicative and pragmatic aspects and its place in the Russian language semiotic system]: Doctoral of Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1983). *Teoriya russkogo pis'ma* [The theory of Russian writing system]. Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 30.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.

УДК 81'44

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна ✉, Алексеева Инга Дмитриевна
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
soelma_d@mail.ru

Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии

Аннотация

В статье рассматриваются концепты «Мать» и «Отец» в бурятской, русской и китайской фразеологии, составляющие базовый и наиболее культуроносный фрагмент языковой картины мира, в котором зафиксирован духовно-нравственный опыт человека и нации в целом. Гендерный подход в изучении терминологии родства значительно обогащает и расширяет границы фразеологической единицы, содержащей в себе лексемы *мать* и *отец*, которые являются исходной точкой и ядром семейно-родственных отношений. Исследование института семьи представляется особенно актуальным для бурятской, русской и китайской лингвокультур, которые находятся в активном взаимодействии на территории Республики Бурятия. В результате анализа соответствующих фразеологизмов выявлены следующие черты, общие для трёх языков: 1) установка на авторитарную модель семьи с отцом – главой семьи; 2) ключевая роль концепта «Мать» с неразрывной физиологической связью с ребёнком, любовью, теплом и прощением. Уникальной чертой для бурятского языка является равнозначная репрезентация отца и матери, для русского – главенствующей роли матери, для китайского – абсолютной власти отца, особенно над сыном, и строгость матери. Выявление и понимание универсальных и уникальных особенностей менталитета тесно контактирующих этнических групп поможет осуществлению эффективной и грамотной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: бурятский язык, русский язык, китайский язык, фразеологическая картина мира, мать, отец

© Дашиева С. Ц-Д., Алексеева И. Д. 2021

Для цитирования: Дашиева С. Ц-Д., Алексеева И. Д. Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 39–46. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

Soelma Ts.-D. Dashieva ✉, Inga D. Alekseeva
Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation
soelma_d@mail.ru

Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology

Abstract

The article examines the concepts “Mother” and “Father” in Buryat, Russian and Chinese phraseology, which constitute the basic and most culturally significant fragment of the linguistic picture of the world, which records the spiritual and moral experience of a person and the nation as a whole. The gender approach to the kinship terminology study significantly enriches and expands the phraseological unit boundaries containing the lexemes mother and father, which are the starting point and core of family-kinship relations. The study of the family institution seems to be especially relevant for the Buryat, Russian and Chinese linguistic cultures increasingly interacting on the territory of the Republic of Buryatia. The results of investigating the corresponding phraseological units enable to indicate the following features common for the three languages: 1) setting

authoritarian family model headed by father; 2) key role of concept “Mother” having unbreakable physiological ties with child, giving love, warmth and forgiveness. Unique features include equal representation of father and mother in Buryat, dominating role of mother in Russian, absolute power of father particularly over son and strictness of mother in Chinese. Identification and understanding the universal and unique mentality features of closely contacting ethnic groups will help implement effective and competent intercultural communication.

Keywords: Buryat language, Russian language, Chinese language, phraseological picture of the world, mother, father

© Dashieva S. Ts.-D., Alekseeva I. D. 2021

For citation: Dashieva, S. Ts.-D., Alekseeva, I. D. Kontsepty “mat” i “otets” v prizme buryatskoy, russkoy i kitayskoy frazeologii [Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 39–46. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46

1. Введение [Introduction]

Отражение человека в языке – достаточно важное и актуальное явление не только в лингвистике, но и в смежных лингвистике науках, таких как социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика. Широкая трансляция антропоцентризма на всех уровнях лингвистических исследований диктует рассмотрение архетипического симбиоза «мужчина – женщина», как одного из культурно маркированных гендерных стереотипов.

Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы ещё в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Ян [Маслова, 2001, с. 121]. А. В. Кирилина под категорией «гендер» понимает социальную модель женщины и мужчины, определяющую их роль и положение, нормы поведения, касающиеся лиц мужского и женского пола в конкретно взятом социуме (семье, экономике, политике, культуре и т. д.) [Кирилина, 1999, с. 20]. Мы согласны с мнением А. Г. Фомина о том, что гендер – это «психолингвистическая категория, которая представляет собой многокомпонентную структуру, модель социальных отношений, созданную основными институтами общества и построенную самими индивидами в соответствии с их гендерной идентификацией, которая находится в языке и речи» [Фомин, 2003, с. 84]. Гендер выступает как совокупность биологической, психологической и социальной модели человека как представителя своего этноса, языка и культуры.

Социальная модель «Мать» – «Отец» является наиболее ярким фрагментом отдельно взятой этнокультуры и представляет большой интерес для познания материальной и духовной культуры и национального менталитета в целом, поскольку система родственных отношений отражает не только языковую, но и культурную картину мира. Изучение фразеологической картины мира в рамках данного концептуального поля, представляется особенно актуальной для осуществления эффективной межкультурной коммуникации на территории Республики Бурятия, где наблюдается активное смешение бурятской, русской и китайской лингвокультур. Особенно это важно для бурят как представителей немногочисленных народов, язык и национально-культурная идентичность которых находятся под угрозой исчезновения.

Фразеологизмы обладают сложной семантической структурой, где отражаются наиболее распространённые национальные стереотипы мышления, и, являясь «самым культуроносным компонентом языка в действии» [Телия, 2004, с. 19], дают нам возможность исследовать бурятские, русские и китайские фразеологические единицы с целью выявления универсальных и уникальных гендерных показателей столь разных язы-

ковых культур, где семейные отношения строятся по конкретному историческому и культурно обусловленному сценарию.

Фразеологизмы бурятского (37), русского (86) и китайского (42) языков (всего 165 единиц), которые явились материалом исследования, были отобраны методом сплошной выборки из фразеологических и толковых словарей. В работе был использован описательно-сопоставительный метод, позволяющий выявить национально-культурную специфику фразеологизмов, а также лингвокультурологический анализ для извлечения и интерпретирования культурной информации.

2. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с компонентом «Мать» и «Отец» бурятского, русского и китайского языков [Linguocultural analysis of phraseological units with the components “mother” and “father” in Buryat, Russian and Chinese]

Концепты «Мать» и «Отец» являются базовыми в системе родственно-семейных отношений. «Родные человека – это люди, связанные с ним узами, которые нельзя разорвать, и ценимые, и нежно любимые им как неотъемлемая часть его жизни и его идентичности, люди, к которым он в некотором смысле “прикреплён” как экзистенциально, так и эмоционально» [Вежицкая, 2001, с. 142].

Фундаментальной и общекультурной константой является концепт «Мать». Мать, являясь исходной точкой человеческого бытия несёт в себе символическую, сакральную информацию о традициях, обычаях, стереотипах, связанных с детьми и их воспитанием. В гендерной лингвистике подчёркивается, что материнство, деторождение и воспитание являются одними из наиболее выделенных областей в женской картине мира [Кирилина, 1999]. Несомненно, в любой лингвокультуре мать ассоциируется прежде всего с эмоциональным теплом и безусловной любовью к детям, заботой и добротой: бур. *эхын жаргал үхиүүдтээ* 'счастье матери в детях'; *эжытэй хүн эльгэ дүүрэн* букв. 'у кого есть мама – печень полна'. Соматизмы *печень* и *сердце* в бурятских фразеологизмах выступают как трансляторы чувств и некая эмоциональная сфера внутренних переживаний, часто соотносящаяся со значением 'душа'. Сакральное значение имеет и материнское тело, которое может исцелить ребёнка. Если заболевшего ребенка раздеть догола и прижать к материнской груди, то его болезнь переходит в тело матери [Дондокова, 2002, с. 60].

Мать в семье пользовалась большим уважением и почётом со стороны детей. Непослушание, неуважительное или грубое отношение к матери считалось совершенно недопустимым. Дети-подростки были первыми её помощниками. Взрослые дети окружали мать теплом и вниманием, предоставляя ей полное право по своему усмотрению распоряжаться дома [Басаева, 1991, с. 49]. Стоит отметить, что у монголоязычных народов во многих фразеологизмах упоминаются и мать, и отец вместе: *эхэ хүн эльгэнһээ, эсэгэ хүн зүрхэнһөө* букв. 'мать к детям от (печени) души, а отец – от сердца'; *эхэ эсэгэ хоёр – наран һара хоёр* 'мать и отец – солнце и луна'. Об исключительной важности матери и отца в жизни каждого человека гласит следующая монгольская поговорка: *ах нар олон боловч аавтай адилгүй, эгч нар олон боловч ээжтэй адилгүй* букв. 'хотя у тебя много братьев, они не заменят отца, хотя у тебя много сестер, они не заменят мать'.

Слова великого бурят-монгольского учёного Цыбена Жамцарано ещё раз демонстрируют значимость обоих родителей:

абайнш үгүһэн юумэ,

алта мүнгүн болог,

эжшин үгүһэн юумэ

эрдэни шандамани болог!

отцом твоим данная вещь

золотом, серебром пусть будет,

матерью данная вещь

драгоценностью, сокровищем пусть станет!

В то же время в русской картине мира акцентируется первостепенность матери: *без отца – полсироты, а без матери и вся сирота; отцов много, а мать одна; одна у человека родная мать, одна у него и Родина; лучшие матери друга не сыщешь; вдовец – детям не отец, а сам круглый сирота*. Значимость матери выше значимости отца, и это объясняется тем, что мать в культуре любого народа – доминирующий образ, поскольку мама – это первый человек, которого видит и чувствует ребёнок, с ней связаны первые телесно-эмоциональные контакты, которые ассоциируются у ребёнка с добром, лаской и нежностью. При тесном общении с ней к ребёнку приходит «первое осознание себя как личности, своего места в семье, а позже в обществе» [Литус, 2019, с. 190].

Душевный и физический комфорт, который испытывает ребёнок рядом с матерью ярко демонстрируют следующие фразеологизмы: *при солнце тепло, а при матери добро; материнская ласка конца не знает; сердце матери греет лучше солнца; у кого есть матка, у того и голова гладка*.

Сила материнской любви может спасти от неминуемой смерти, а проклятие имеет разрушительную силу: *материнская молитва со дна моря достанет; материнское благословение на воде не тонет, в огне не горит; если мать хорошее пожелает – жизнь счастливой будет, проклянёт – всё прахом пойдёт*.

Немало примеров о сходстве матери и ребёнка, а также о результатах правильного и неправильного воспитания: *какая мать, такая и дочь; конь рождается от кобылицы, богатырь – от матери; у хорошей матери и дети хорошие; добрая мать добру и учит*.

Образ китайской матери включает в себя не только безмерную любовь, заботу и самоотверженность, но и строгость и настойчивость в воспитании детей: 舐犊情深 'ласковая, как корова, облизывающая своего телёнка' о матери, которая безумно любит своих детей; 掌上明珠 'жемчужина на ладони' о горячо любимом ребёнке, особенно дочери; 母亲的心是太阳变暖 'материнское сердце как солнечное тепло'; 妈妈是最伟大的老师, 一个充满慈爱和富于无畏精神的老师 'мама – великий учитель, сердце которого наполнено любовью и бесстрашием'. Мать может и ударить ребёнка для его же блага: 妈妈打儿子 – 心上有数 'если мать поднимает руку на ребёнка, значит так нужно'. Слава сына возвеличивает мать или мать стала высокопоставленной (знатной) благодаря положению сына: 母以子贵 'мать стала благородной успехами сына'; выражение 画荻丸熊 'материнская наука' используется, чтобы выразить восхищение или одобрение матери, знающей толк в воспитании детей. В основе этого фразеологизма лежит притча о матери Оуян Сю (государственный деятель, поэт), которая учила его, чертя камышом знаки на земле [БКРС, 2021].

Трудно переоценить степень важности отца в семье. Отец становится для ребёнка путеводителем в жизнь, в социум. Влияние отца представляется наиболее важным для мальчиков, поскольку именно отец формирует в сыне маскулинное самосознание, указывает ему первые жизненные ориентиры, помогает ребёнку усвоить правильные социальные стандарты. Совершенно верно отметил Б. Э. Петри, что влияние умного отца имело глубокое воспитательное значение для мальчика [Петри, 1925, с. 6]. Достойным членом общества он мог стать благодаря мудрым наставлениям отца: бур. *хүбүүдые хургажа, эсэг болодог, хүлхөө гаргажа хүн болодог* букв. 'воспитав детей, становятся отцом, вспотев от труда, становятся человеком'; *эсэгийн нэрээр хубууень сэгнэхэ* букв. 'именем отца ценят и сына'; *эсэгийн хургаагуй хубууе хамаг зон хургаха* букв. 'сын, которого отец не научит, весь народ проучит'; *гарынь ганзагада, хулынь дүрөөдэ хүргэхэ* 'поставить на ноги, вывести в люди', букв. 'руки до тороков, ноги до стремня довести', т. е. подготовить сына к самостоятельной взрослой жизни.

Являясь главой семейства, «отец считался полным и единоличным хозяином всего состояния. Это определяло и его положение в семье. Он имел право распоряжаться судьбой своих дочерей до их замужества, после чего они попадали под власть мужа, и держать в повиновении сыновей до их “полной зрелости”» [Басаева, 1980, с. 43].

Проявление неуважения и непочтительности, неповиновение и пренебрежение наказами отца, равно как и матери, расценивалось как большой грех: *эсэгэ хүүе гомойлгоо ло болоо хада – хүмэр уула шэргэхэ юм гэхүй дуулаа нам. Эхэ хүүе гомойлгоо болходоо – хүн далай ширгэхэл гэхүй дуулаа нам* – 'Если обидеть отца, рухнет Сумэр-гора, если обидеть мать, высохнет Молочное море' [Абай Гэсэр Могучий, 1995, с. 216]. Как мы можем наблюдать, в текстах устного народного творчества очень ярко отражается этнический менталитет, культурное и социальное самосознание народа.

Мы можем судить о значительном сходстве статуса отца в бурятской и русской культурах, где он предстаёт путеводителем в социальный мир, прививая ребёнку определённые критерии приемлемости: *не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил; отец наказывает, отец и хвалит; отец сына не на худо учит; для дитяти отец всегда сильнее всех*.

Основными признаками, которые входят в концептосферу «Отец», являются глава семьи, авторитет, кормилец. Отец как образец настоящего мужчины оказывает большое влияние на становление личности и формирование мужских черт.

В средневековой Руси большое внимание уделялось физическому, нравственному и религиозному развитию, но о воспитании дочерей и сыновей говорится отдельно, что свидетельствует о разных подходах к формированию половой идентичности мальчиков и девочек, при этом подчёркивается отсутствие эмоциональности при воспитании сына. Однако телесное наказание ребёнка было одним из частых способов воспитания. На Руси наказание детей воспринималось как благо. Считалось, что ребёнка били и держали в строгости из любви к нему: *наказывай детей в юности, успокоят тебя в старости; без строгости и щенка не вырастишь; пусти детей по воле, сам будешь в неволе; кого журят, того и любят*.

Воспитывать мальчиков полагалось как будущих продолжателей рода и кормильцев, которым надлежит обеспечивать семью и престарелых родителей: *муж дому строитель, нищете отгонитель; любишь жену, люби и детей кормить; без хозяина двор и сир и вдов; умный сын – отцу замена, а глупый – не в помощь; не оставляй отца-матери на старости лет; кто родителей почитает, тот во веки не погибает; дети родителям не судьи; живы родители – почитай, померли – поминай*.

Обязанности духовного и нравственного наставничества не снимались с отца и после достижения сыном совершеннолетия. Исходя из этого, мы можем утверждать, что в многообразии социальных ролей мужчины, одной из главных является его роль отца-воспитателя. И о том, какой он отец, обычно судят по поступкам сына: *слава сына – отцу отрада; из-за плохого сына бранят и отца; отец богатый, да сын неудатный; что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял; сын запоёт – и отец не уймёт; дал Бог отца, что и родного сына не слушается; в глупом сыне и отец не волен; глупому сыну не в помощь наследство (не впрок наследство); глупому сыну и родной отец ума не пришьёт; блудный сын – ранняя могила отцу*.

Отношения отцов и детей заметно отличаются в зависимости от национального, культурного, классового типа семьи. Роль наказания, особенно физического, значительно выше в русских и китайских семьях: 棍棒底下出孝子 'из-под розг вырастают почтительные дети'; 父严子孝 'отец строгий – сын почтительный'; 溺爱孩子等于害子, 棍棒底下出孝子 'баловать сына – все равно, что погубить его: только из-под палки выходят почтительные дети'. Считалось, что плохо воспитанный ребёнок станет недостойным членом общества, чем может опозорить отца, семью. Отец мог наказать даже взрослого сына, у которого есть дети.

Порка нерадивых учеников в Китае и вообще детей в семье были в порядке вещей. Существовал даже обычай, по которому ученик, придя впервые в школу, преподносил учителю завернутую в красную подарочную бумагу палку [Малявин, 2000, с. 551].

Функционирование семьи и основа воспитания детей в Китае сконцентрированы на нормах конфуцианской морали «сыновней почтительности», т. е. внушения детям с младенчества беспрекословного повиновения и подражания отцу. Конфуцианские нормы поведения на первое место выдвигают уважение к старшему, преклонение перед его авторитетом и подчинение ему. В свою очередь старший покровительствует младшему, учит его и помогает ему в жизни.

Воспитание сына представляется как возвращение дракона – одного из самых могущественных зооморфных образов в китайской мифологии: 望子成龙 'ожидать, что твой сын станет драконом', т. е. возлагать большие надежды на сына, верить в его способности и талант; 父望子成龙, 子望父升天 'отец желает, чтобы сын стал драконом, сын желает, чтобы отец воспарил к небесам'; 龙生龙 'у дракона рождается дракон' в значении, что у хорошего отца и сын хороший. Отец несёт большую ответственность за сына: 子不教, 父之过 'отец отвечает за низкий уровень образования сына'; 爹不识耕田, 子不识谷种 'отец не умеет пахать – сын не умеет сеять'.

Следует заметить, что заветным желанием отца было женить сына и увидеть внуков, поскольку это давало надежду на достойную старость, заботу и уход: 人养子女防老年, 树留根芽待来春 'человек растит детей, чтобы обеспечить старость, дерево пускает побеги, чтобы пришла весна'; 人留子孙草留根 'человек оставляет после себя детей и внуков так же, как трава пускает корни'; 养儿防老, 积谷防饥 'вырастить ребёнка, чтобы обеспечить себе старость, запастись зерном на случай голода'.

Почтительность к старшему поколению и забота о нём считались началом всех добродетелей. Китайские нравы не допускали неповиновения и проявления агрессии по отношению к родителям: 永言孝恩, 天经地义 'никогда не забывай почитать и благодарить родителей – это закон неба и принцип земли'; 生前不 给父母吃, 何必死后去祭坟 'если не почитали и не кормили живых родителей, то не почитают их и мёртвых'. Хотя, в соответствии с моральными нормами, дети должны были проявлять высокую степень уважения в равной мере как к отцу, так и к матери, однако вся китайская нравственность основывалась на естественной власти отца и безропотном повиновении сына [Дашиева, 2011, с. 83].

Тем самым, культ предков приобретает всеобъемлющее социальное значение: добродетельный сын – от простолюдина до императора – посвящает свою жизнь служению родителям при их жизни и после смерти. Это является залогом социального порядка в государстве, объединяющем отдельные семьи в единую огромную семью. Преданный сын – верный подданный государства. Так конфуцианство преобразовало религиозный культ в социальную доктрину, придав ей универсальное значение и государственный статус.

3. Заключение [Conclusion]

Рассмотренные в данной статье концепты «Мать» и «Отец», составляющие базу семейно-родственных отношений, представляют большой интерес для исследования, поскольку стереотипы и нормы поведения, зафиксированные в языковой картине мира, несут в себе этномаркированную информацию о человеке и нации в целом.

Изученный материал даёт основание утверждать, что во всех трёх разносистемных языках концепт «Мать» занимает ключевую позицию. Это самый близкий и дорогой человек для ребёнка, готовый на любые жертвы, способный силой своей любви оградить своё дитя от бед и несчастий. Что бы ни случилось, мать поймёт и простит своих детей. Как мы можем наблюдать из вышеприведённых примеров, доминантная роль матери в жизни ребёнка обусловлена неразрывной физиологической связью, которая возникает уже во время беременности и вскармливания.

Наличие соматизмов также можно отнести к панкультурному признаку. Это объясняется тем, что соматизмы являются древнейшим пластом фразеологии, содержат в

себе символическую информацию. Например, *сердце*, бур. *печень* несут в себе метафору чувств, переживаний, *руки* символизируют защиту, тепло.

В китайской лингвокультуре мать может быть строгой, требовательной, а в некоторой степени и фанатичной. По мнению многих китайских матерей, жёсткое воспитание является залогом успешного будущего ребенка, а в глобальном смысле – основой развития и процветания Поднебесной.

В ходе исследования выявлено, что для всех лингвокультур характерна авторитарная модель семьи, где главой, как правило, считается мужчина. Помимо важной обязанности кормильца и содержателя семьи, мужчина положительно коннотируется в роли отца-воспитателя, что можно отнести к универсальному признаку. В бурятской картине мира отец и мать представлены равнозначно, нет явного доминирующего образа, тогда как в русской картине мира, несмотря на сильное влияние отца, его роль всё же второстепенна после матери. Несмотря на то, что в языковой картине мира монголоязычных народов мать и отец репрезентированы равнозначно, тем не менее, отец является главным в семейной иерархии, и его мнение неоспоримо. Мы можем наблюдать совпадение патриархальных установок в институте семьи бурят и китайцев, где воспитание детей основано на абсолютной власти отца и безропотном повиновении сына. Главным условием сыновней почтительности в Китае является послушание, которое составляет основу китайского менталитета.

Следует отметить, что фразеологизмы, содержащие уникальные признаки, являются трансляторами национальной идентичности: *тороки*, стремени маркируют бурят-кочевников, а дракон – это главный тотем китайцев, которому поклоняются и по сей день. Концептуальные образы, изученные в данной статье, отражают менталитет трёх тесно контактирующих лингвокультур. Каждая культура имеет свои этноспецифические маркеры, зафиксированные в языке, понимание которых поможет реализации грамотной и продуктивной межкультурной коммуникации.

Библиографический список

- Абай Гэсэр Могучий, 1995 – Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М. : Восточная литература, 1995. 526 с.
- Басаева, 1980 – Басаева К. Д. Семья и брак у бурят: вторая половина XIX в. – начало XX в.. Новосибирск : Наука, 1980. 223 с.
- Басаева, 1991 – Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. 2-е изд., испр. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- БКРС, 2021 – Большой китайско-русский словарь. URL : <https://bkrs.info/> (дата обращения : 28.04.2021).
- Вежбицкая, 2001 – Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Дашиева, 2011 – Дашиева С. Ц-Д. Фразеологическая вербализация гендера: лингвокультурологический аспект (на материале бурятского, монгольского, русского и китайского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2011. 172 с.
- Дондокова, 2002 – Дондокова Л. Ю. Положение женщины в бурятском обществе (вторая половина XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дондокова Людмила Юрьевна ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2002. 190 с.
- Кирилина, 1999 – Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.
- Литус, 2019 – Литус Е. В. Лексема «мать» в контрастивном словаре народных песен казаков Кубани (опыт составления словарной статьи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 188–193. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.40>
- Малявин, 2000 – Малявин В. В. Китайская цивилизация. М. : Астрель ; АСТ ; Дизайн. Информатика. Картография, 2000. 632 с.

- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Петри, 1925 – Петри Б. Э. Внутриродовые отношения северных бурят // Изв. Биол.-геогр. науч. исслед. ин-та при ИГУ. Т. 2. Вып. 1. Иркутск, 1925. 71 с.
- Телия, 2004 – Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
- Фомин, 2003 – Фомин А. Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. М. ; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. 236 с.

References

- Abay Geser Moguchiy. (1995). *Buryatskiy geroicheskiy epos* [Buryat heroic epic]. Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Basaeva, K. D. (1980). *Sem'ya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Family and marriage for the Buryat: Second half of the 19th – beginning of 20th century]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Basaeva, K. D. (1991). *Sem'ya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Family and marriage for the Buryat: Second half of the 19th – beginning of 20th century]. 2nd edition with corrections. Ulan-Ude : Buryat knizhnoe Press. (In Russ.).
- Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [Big Chinese-Russian dictionary] (BKRS). Retrieved April 28, 2021 from <<https://bkrs.info/>>. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through their key words]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Dashieva, S.C-D. (2011). *Frazeologicheskaya verbalizatsiya gendera: lingvokul'turologicheskiy aspekt (na materiale buryatskogo, mongol'skogo, russkogo i kitayskogo yazykov)* [Phraseological verbalization of gender: Linguistic and cultural aspects (Based on Buryat, Mongolian, Russian and Chinese)]: PhD in Philological sci. diss. Ulan-Ude : Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. (In Russ.).
- Dondokova, L. Yu. (2002). *Polozhenie zhenshchiny v buryatskom obshchestve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Woman position in Buryat society (Second half of the 19th – beginning of 20th century)]: PhD in Historical sci. diss. Ulan-Ude : Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. (In Russ.).
- Kirilina, A. V. (1999). *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow : Institute of Sociology RAS Press. (In Russ.).
- Litus, E. V. (2019). Leksema «mat'» v kontrastivnom slovare narodnykh pesen kazakov Kubani (opyt sostavleniya slovarnoy stat'i) [Lexeme mother in contrastive dictionary of the Kuban Cossacks' folk songs (Attempt of compiling a dictionary entry)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (2), 188–193. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.40> (In Russ.).
- Malyavin, V. V. (2000). *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese civilization]. Moscow : Astrel' Press. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and cultural studies]: A coursebook. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Petri, B. E. (1925). *Vnutrirodovye otnosheniya severnykh buryat* [Inner-tribe relations of the Northern Buryat]. *Izv. Biol.-geogr. nach. issled. in-ta pri IGU* [Izvestiya of the Institute for Biology and Geography Studies at Irkutsk State University] (Vol. 2, Iss. 1). Irkutsk. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (2004). *Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinicakh frazeologicheskogo sostava yazyka* [Cultural and linguistic competence: Its probability and deep sacredness expressed in phraseological units of the language]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Fomin, A. G. (2003). *Psicholingvisticheskaya kontseptsiya modelirovaniya gendernoy yazykovoy lichnosti* [Psycholinguistic concept of gender linguistic personality]. Moscow ; Кемерово : Kuzbassvuzizdat Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.05.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 26.05.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Ермакова Людмила Витальевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
lyucy@inbox.ru

Языковая репрезентация категории модальности в новостном дискурсе

Аннотация

Настоящее исследование имеет целью выявление языковых особенностей актуализации категории модальности в новостном дискурсе. Материалом для исследования послужило 65 информационных статей отобранных методом сплошной выборки из американских журналов Time и Newsweek. Морфологические, синтаксические и лексические средства актуализации модальных смыслов реальности и ирреальности были идентифицированы и интерпретированы с применением грамматического, семантического и контекстного анализа. Полученные результаты показали следующее. Категория модальности в новостном дискурсе реализуется в пяти частных смыслах: 1) в значении актуальности в ситуациях настоящего узувального; 2) в значении актуальности в ситуациях настоящего актуального; 3) в значении актуальности, отнесённой к прошлому; 4) в значении модальности реальности в широком смысле; 5) в значении модальности ирреальности. Это объясняется целью адресанта, состоящей в оперативном детальном информировании адресата о каком-либо значимом событии. Описывая то или иное событие, автор сознательно подходит к выбору морфологических, синтаксических и, в очень редких случаях, лексических средств, которые позволяют представить субъективно-оценочную позицию адресанта на фоне объективного изложения фактов, что и составляет категорию модальности. Основным морфологическим средством выражения модальности выступает видо-временная форма глагола-сказуемого. В качестве синтаксических средств используются различные вопросительные конструкции, том числе параллельные.

Ключевые слова: категория модальности, реальность, ирреальность, субъективно-оценочная позиция адресанта, адресат, новостной дискурс

© Ермакова Л. В. 2021

Для цитирования: Ермакова Л. В. Языковая репрезентация категории модальности в новостном дискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 47–55. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_47_55

Lyudmila V. Ermakova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
lyucy@inbox.ru

Language representation of modality category in news discourse

Abstract

The present paper aims to examine language patterns of modality category actualization in news discourse. Continuous sampling was used to select 65 informational articles from 2 American journals – “Time” and “Newsweek” that served as the material for the study. Morphological, syntactical and lexical means of reality and irreality manifestation were identified and further interpreted using grammatical, semantic and contextual analysis. The obtained results indicate the following. The modality category in the news discourse was realized

in 5 particular meanings: 1) actuality in present usual situations; 2) actuality in present current situations; 3) actuality related to the past; 4) reality in a broad sense; 5) unreality. It can be explained by the author's aim to provide updated detailed informing of readers about any significant event. Describing this or that event, the author intentionally chooses morphological, syntactical and, very rarely, lexical means which give an opportunity to reveal subjective evaluative attitude amid the objective narrative that makes up the modality category. A major morphological means was a tense-aspect verb form. Syntactical instruments involved various interrogative constructions including parallel ones.

Keywords: category of modality, reality, unreality, evaluative addresser's attitude, addressee, news discourse

© Ermakova L. V. 2021

For citation: Ermakova, L. V. Yazykovaya reprezentatsiya kategorii modal'nosti v novostnom diskurse [Language representation of modality category in news discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 47–55. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_47_55

1. Введение [Introduction]

Несмотря на то, что в последнее время во всем мире огромную популярность в качестве источников новых сведений приобретают различные социальные сети (Twitter, Facebook, LinkedIn, MySpace и др.), СМИ, включая электронные, по-прежнему остаются важнейшим и актуальным способом получения той или иной информации. При этом читая СМИ, человек не только оказывается в информационном поле, но и подвергается воздействию с определённых идеологических позиций. В связи с этим изучение языковых особенностей СМИ остаётся востребованным направлением исследований в лингвистике.

В рамках доминирующей на сегодняшний день в языкознании антропоцентрической парадигмы объектом изучения является речемыслительная деятельность человека. Одним из методов исследования такой деятельности выступает когнитивно-дискурсивный анализ категории модальности, поскольку ключевым элементом объективации любой модальности является говорящий (языковая личность), с точки зрения которого выражаются те или иные аксиологические (ценностные) смыслы. Учёт говорящего индивида при изучении категории модальности позволяет подходить к ней как к категории, выражающей антропоцентрическую сущность языка [Ковалева, 2008 ; Серганова, 2021].

Следует отметить, что существует несколько подходов к изучению категории модальности: 1) модальность в терминах структуры «модус – диктум» (Ш. Балли, О. В. Трунова, И. М. Кобозева и др. (анализ работ указанных авторов см. [Васильева, 2010, с. 50–52]); 2) модальность как комплекс функционально-семантических полей, в более современных работах как функционально-семантическая категория [Беляева, 1985 ; Бондарко, 2005 ; Давлетбаева, 2019]; 3) модальность как текстообразующая категория [Гальперин, 2007 ; Ваулина, Девина, 2010 ; Серганова, 2021]; 4) модальность как когнитивное пространство (иными словами, концептосфера), в рамках данного направления выделяются когнитивно-прагматические и когнитивно-дискурсивные исследования [Павловская, 2000 ; Биктимирова, 2008 ; Васильева, 2010].

Кроме того, исследователи по-разному подходят к выделению видов (типов) модальности (в других терминах аксиологических смыслов). Так, О. А. Кобриной рассматриваются такие аксиологические смыслы, как реальности, вероятности, предположительности, достоверности, желательности, возможности, необходимости и др. [Кобрина, 2006]. Другие лингвисты предлагают изучать деонтическую (предписывающую), эпистемическую (описывающую), аксиологическую (оценивающую) и эвиденциальность модальности [Биктимирова, 2008 ; Клемёнова, Кудряшов, 2018 ; Shamina, 2020]. Интерпретируя модальность как когнитивное пространство, Н. Ю. Павловская

считает, что она структурирована взаимодействием следующих параметров: 1) реальность / потенциальность; 2) дескриптивность / креативность; 3) вероятность / волитивность [Павловская, 2000].

Наиболее распространённой позицией в данном вопросе считается, на наш взгляд, выделение объективной и субъективной модальности [Барашева, Петрова, 2018]. При этом под объективной модальностью понимается выражение отношения содержания высказывания к действительности, а субъективная модальность трактуется как категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания. Считаем, что не совсем целесообразно выделение данных видов модальности, поскольку, как было указано выше, ключевым элементом объективации любой модальности является говорящий (адресант). Та или иная доля субъективности присутствует даже в рамках высказываний, актуализирующих объективную модальность [Panasenکو et al., 2020], т. к. именно говорящий оценивает и описывает происходящие вокруг события и строит любые высказывания, включая и те, в которых выражается лишь содержание высказывания к действительности. Поэтому в рамках настоящего исследования будем рассматривать реализацию аксиологических смыслов согласно подходу О. А. Кобриной. Настоящее исследование имеет целью выявление языковых особенностей актуализации категории модальности в новостном дискурсе.

2. Актуализации категории модальности в новостном дискурсе [Modality category actualization in news discourse]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В связи с обозначенной целью исследования, под модальностью мы будем понимать модусную аксиологическую категорию, выражающую отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности с точки зрения субъективно-оценочной позиции говорящего (адресанта) [Васильева, 2010]. Пропозитивная основа содержания высказывания (номинативная основа / пропозиция) представляет собой семантическое ядро предложения, обозначающее действительное или возможное положение дел [БЭСЯ, 1998, с. 401]. Такой подход позволит чётче представлять роль и позицию адресанта вышеназванного типа дискурса.

Поскольку данное исследование проводится в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к категории модальности, материалом для исследования послужили тексты новостного дискурса, которые представляют собой информационные статьи двух популярных американских журналов Time и Newsweek, относящихся к качественной прессе. Материал был подобран методом сплошной выборки из следующих рубрик: “US”, “Politics”, “World”, “Health”, “Business”. В ходе исследования было проанализировано 30 новостных сообщений из журнала “Time” и 35 сообщений из журнала “Newsweek” за период с февраля по сентябрь 2021 г. В связи с тем, что мы придерживаемся подхода О. А. Кобриной, предлагаем остановиться на рассмотрении языковой актуализации таких модальных смыслов, как реальность и ирреальность. Языковые средства актуализации этих смыслов – грамматические и лексические – были идентифицированы и интерпретированы с применением грамматического, семантического и контекстного анализа.

2.2. Результаты исследования [Research results]

Итак, по признаку реальности отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности выражается в узком и широком смыслах (термины А. В. Бондарко). При этом по признаку реальности в узком смысле модальность реализуется в нижеследующих частных значениях (смыслах).

1. В значении актуальности в ситуациях настоящего узуального (связь между объектом и признаком существует вообще) для обозначения в большинстве случаев регулярности действия, положения дел в настоящем, места события, часто с референцией участников события. Данное значение объективируется через глагол-сказуемое в форме настоящего простого времени (Present Simple):

(1) *With a federal eviction moratorium ending on June 30, 2021, millions **face** an uncertain future* (Time, June 9, 2021) – 'В связи с окончанием действия федерального моратория на лишение граждан имущества 30 июня 2021 г. миллионы американцев **ожидает** неизвестность' (здесь и далее перевод наш).

(2) *The fire, which **measures** at around 355 square miles, is currently more than five times the size of Washington, D.C. and about one-fifth as big as Grand Canyon National Park* (Newsweek, July 16, 2021) – 'В настоящее время пожар **охватывает** территорию, которая более чем в 5 раз превышает площадь Вашингтона, и составляет 1/5 территории национального парка «Гранд-Каньон»'.

2. В значении актуальности в ситуациях настоящего актуального для обозначения действия, которое может происходить / не происходить непосредственно в момент говорения, но будет происходить в течение продолжительного ограниченного периода времени (*these days, this week*). Данное значение объективируется через глагол-сказуемое в форме настоящего длительного времени (Present Progressive):

(3) *The E.U. **is also discussing** creating a new designation to ease movement around the bloc: travelers from "green zones," areas identified as having low infection rates, would not be subject to restrictions, such as quarantine or testing on arrival* (Time, March 11, 2021) – 'Евросоюз также **обсуждает** возможность создания новых предписаний, чтобы облегчить передвижение по его территории: путешественники из так называемых «зеленых зон», территорий с низким уровнем заболеваний Ковид-19, по прибытии не будут подвергаться таким ограничениям, как карантин или тест на наличие заболевания'.

(4) *Hamas **is pushing** for Israel to end a crippling blockade that has devastated Gaza's economy, while Israel **is demanding** that Hamas free two captive Israeli civilians and return the remains of two dead Israeli soldiers* (Newsweek, September 13, 2021) – 'Группировка Хамас **призывает** Израиль покончить с мощнейшей блокадой, которая разрушила экономику сектора Газа, в то время как Израиль **требует** от Хамас освободить двоих пленных Израильцев и вернуть останки двоих израильских солдат'.

3. В значении актуальности, отнесённой к прошлому – то, что было актуальным, наблюдаемым. Данное значение отображает достоверную осведомлённость адресанта о реализации или нереализации глагольного действия. Необходимо сказать, что данный смысл является доминирующим среди указанных выше, что можно объяснить целью адресанта, заключающейся в детальном информировании о произошедших событиях. Для описания различных прошедших действий адресантом используются, главным образом, такие видовременные формы глагола, как простое прошедшее, прошедшее длительное, настоящее совершённое и прошедшее совершённое (Past Simple, Past Progressive, Present Perfect Simple, Past Perfect Simple). При этом преобладающим языковым средством объективации актуальности, отнесённой к прошлому, является глагол в Past Simple для обозначения произошедшего действия (события) или последовательности действий, локализованных во времени, часто с указанием даты произошедших событий и референцией участников события:

(5) *All of this meant that by mid-April 2020 Taiwan **had** only about 400 confirmed cases. At the same time, the U.S. **was reporting** more than 30,000 infections per day* (Time, May 21, 2021) – 'Всё это означало, что к середине апреля 2020 г. в Тайване **было** только 400 подтверждённых случаев заболевания. В то время как США **сообщали** о появлении более 30 тыс. заболевших в день'.

(6) *It was a smart move. By 2019, bitcoin, a famously volatile digital currency, **had dropped** to less than \$4000. In recent months, however, it **has** once again **started** a steep upward trajectory* (Newsweek, March 24, 2021) – 'Это **был** умный ход. К началу 2019 г. биткоин, знаменитая неуловимая электронная валюта, **снизилась** до 4 тыс. долларов. Однако за последние месяцы её стоимость снова **начала** резко расти'.

Модальность реальности в широком смысле представлена в языковом содержании пропозиций новостного дискурса, относящих ситуации к будущему времени. В таких ситуациях будущее действие не является фактом объективной реальности и может быть представлено как намерение, план одного из участников события совершить какое-либо действие. Основным языковым средством выражения данного значения, которое не является частотным, выступает глагол-сказуемое в форме простого будущего времени (Future Simple). В редких случаях используются глаголы-сказуемые в формах будущего длительного и будущего совершенного времён (Future Continuous, Future Perfect). В редких случаях возможна объективация будущего запланированного действия через лексические средства: например, глагол *to plan*, употребляемый в форме Present Simple. В некоторых ситуациях осуществление будущего действия может быть детерминировано выполнением каких-либо условий, которые выражаются через придаточные предложения с глаголом-сказуемым в форме Present Simple и союзами времени *when, before*, условия *if*.

(7) *Tourist buses **will take** a new route, and the Check Barcelona app **will warn** visitors of already busy attractions, beaches and parking lots* (Time, June 9, 2021) – 'Туристические автобусы **будут следовать** по новым маршрутам, а контролирующие органы Барселоны через приложения **будут предупреждать** туристов об уже посещаемых в данный момент достопримечательностях, занятых пляжах и паркингах'.

(8) *But he ... **plans** to retire early instead of acquiescing to the city's ultimatum of get vaccinated or get terminated* (Newsweek, September 8, 2021) – 'Но он ... **планирует** уйти на пенсию вместо того, чтобы неохотно согласиться на ультиматум городских властей: либо вакцинироваться, либо быть уволенным'.

(9) *If a majority of the ballots cast in today's recall election **are** in favor of retaining Newsom, Elder's lead in the polls **will not matter*** (Newsweek, September 14, 2021) – 'Если большинство поданных избирательных бюллетеней на сегодняшних выборах, при которых голосующие могут отстранять от должности должностное лицо, будет в пользу удерживающего власть Ньюсона, лидирующая, согласно опросам, позиция Элдера не будет иметь значения'.

Что касается «модальности ирреальности», следует сказать, что данный вид модальности выражает гипотетичность связи объекта и признака, осуществление которой могло бы быть детерминировано отсутствующим в момент речи условием. Наше исследование показывает, что данный смысл очень редко объективируется в новостном дискурсе, поскольку цель адресанта новостного сообщения состоит в описании событий, произошедших в реальном мире. Если представить количество реализаций данного значения в процентном соотношении, то случаи модальности ирреальности составляют примерно 3% (2 новостные статьи) от общего количества новостных материалов (общее количество – 100% или 65 новостных статей). Считаем целесообразным привести пример реализации такого значения далее, когда будем рассматривать случаи актуализации изучаемых модальных смыслов в вопросительных предложениях.

Переходя к анализу вышеуказанных случаев, необходимо отметить, что вопросительные конструкции встречаются в 23 новостных сообщениях, что составляет примерно 35% от общего количества изученных новостных материалов. Безусловно, такие случаи представляют интерес для лингвиста. В таких типах предложений сочетаются морфологические и синтаксические средства выражения модальности. В качестве морфологических средств используются те же видо-временные формы глагола-сказуемого,

что и в повествовательных предложениях. Выявлено, что реализация различных частных смыслов в рамках модальности реальности возможна как в вопросительных конструкциях внутри новостных сообщений, так в их заголовках и подзаголовках. Нередко адресант использует несколько вопросительных конструкций в одном и том же новостном сообщении:

(10) “*Mega Million Numbers for 09/11/2021: Did Anyone Win the \$368 Million?*”

“*How Does Mega Millions Work?*”

There was a top prize of \$368 million and a cash option of \$266 million up for grabs, but did anyone take home the big one? (Newsweek, September 11, 2021)

‘«Результаты розыгрыша лотереи «Мега миллион» от 11.09.2021: **выиграл ли** кто-нибудь эти 368 миллионов долларов?»

«**Каковы условия** лотереи «Мега миллион»?»

Главный приз розыгрыша – 368 миллионов долларов, другие призы наличными составили 266 миллионов долларов. Интересно, **выиграл ли** кто-нибудь самую крупную сумму?»

(11) “*COVID-19 Cases Are Rising in Europe, and the Vaccine Rollout Is Lagging. How Did It All Go So Badly Wrong?*” (Time, March 11, 2021) – ‘Количество заболевших Ковид-19 в Европе увеличивается, выпуск вакцины затягивается. **Почему сложилась** такая ситуация?’

(12) *So why did those protocols fail after holding out successfully through the worst of the pandemic?* (Time, March 21, 2021) – ‘Тогда **почему** эти протокольные соглашения, которые действовали даже в самый худший период пандемии, **провалились?**’

В некоторых случаях адресант использует такие синтаксические средства выражения модальности, как параллельные вопросительные конструкции. Например:

(13) *But what if things should change? What if the smart money starts to run for the exits and Novogratz finds himself once again among a mob of Paris Hilton fans?* (Newsweek, March 24, 2021) – ‘Но **что если** все изменится? **Что если** умные деньги потеряют популярность, и Новогратц вновь окажется среди поклонников Пэрис Хилтон?’

(14) *When does a pandemic end? Is it when life regains a semblance of normality? Is it when the world reaches herd immunity, the benchmark at which enough people are immune to an infectious disease to stop its widespread circulation? Or is it when the disease is defeated, the last patient cured and the pathogen retired to the history books?* (Time, February 4, 2021) – ‘Когда закончится пандемия? **Тогда, когда жизнь вновь достигнет** видимости нормального состояния? **Или, когда в мире выработается** коллективный иммунитет, при котором достаточное количество людей не будет подвергаться инфекционному заболеванию, что позволит остановить его распространение? **Или же, когда люди победят это заболевание**, будет вылечен последний пациент, а про возбудителя болезни можно будет узнать только из исторических книг?’

Далее приведём пример использования глагола-сказуемого в форме сослагательного наклонения:

(15) *What would the world look like, for example, if eligibility to work, socialize and generally live a public life were contingent on vaccination status?* (Time, February 4, 2021) – ‘**Как бы**, например, **выглядел** мир, **если бы** право работать, социализироваться и жить в обществе **определялось** статусом вакцинации?’

Приведённые выше примеры показывают, что автор не просто информирует адресата о произошедшем, а пытается поразмышлять над актуальной проблемой, сложившейся ситуацией, предугадать некоторые варианты развития событий в завуалированной форме, не предлагая свои ответы на поставленные вопросы. На наш взгляд, таким способом адресант стремится ещё больше заинтересовать постоянных читателей и, возможно, привлечь новых интернет-читателей.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Категория модальности в новостном дискурсе реализуется в нескольких частных смыслах. Это объясняется целью адресанта, состоящей в оперативном детальном информировании адресата о каком-либо значимом событии. Однако описывая то или иное событие, автор сознательно подходит к выбору морфологических и синтаксических языковых средств, которые позволяют представить субъективно-оценочную позицию адресанта на фоне объективного изложения фактов. В связи с этим следует сказать, что новостной дискурс лишь в определении лишён субъективности. В реальности же он наполняется субъективными смыслами, нередко выраженными в завуалированной форме. Перспективой дальнейшей работы может стать сравнительное изучение языковых особенностей реализации категории модальности в двух типах дискурса СМИ: новостного и информационно-аналитического. Это даст возможность яснее представлять позицию адресанта СМИ и, таким образом, внести вклад в теоретические положения современной журналистики.

Библиографический список

- Барашева, Петрова, 2018 – Барашева Д. Е., Петрова А. Н. Категория модальности в свете современного языкознания: объективная и субъективная модальность // Ученые записки Ульяновского гос. ун-та. Актуальные проблемы теории языка. Сер. «Лингвистика». 2018. С. 182–187.
- Беляева, 1985 – Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 1985. 179 с.
- Биктимирова, 2008 – Биктимирова Г. Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в аргументативном дискурсе (на материале англоязычных СМИ) // Вестник Башкирского ун-та. 2008. Т. 13, № 1. С. 86–89.
- Бондарко, 2005 – Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. РАН, Институт лингвистических исследований. М. : Языки славянских культур. 2005. 624 с.
- Ваулина, Девина, 2010 – Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник российского гос. ун-та им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 13–21.
- Васильева, 2010 – Васильева Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Васильева Людмила Витальевна ; Дальневос. гос. гуманитар. ун-т. Хабаровск, 2010. 224 с.
- Гальперин, 2007 – Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Ком-книга. 2007. 144 с.
- Давлетбаева, 2019 – Давлетбаева А. В. Репрезентация категории модальности в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Давлетбаева Айгуль Фидусовна ; Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2019. 236 с.
- Донскова, 2016 – Донскова Е. Ю. Субъективная модальность как маркер идиостиля: когнитивно-прагматический аспект // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 53 (79). С. 103–106.
- Клемёнова, Кудряшов, 2018 – Клемёнова Е. Н., Кудряшов И. А. Заголовки-суждения в англоязычных массмедийных текстах: эпистемическая модальность, деонтическая модальность, эвиденциальность // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2018. Т. 17, № 6. С. 97–107.
- Кобрина, 2006 – Кобрина О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90–100.
- Ковалева, 2008 – Ковалева Л. М. Английская грамматика: предложение и слово. Иркутск, 2008. 397 с.

- Павловская, 2000 – Павловская Н. Ю. Модальность достоверности: лингвистический статус, когнитивный подход в изучении // Когнитивная семантика: материалы второй школы-семинара. Тамбов, 2000. С. 75–78.
- Серганова, 2021 – Серганова Д. А. Модальность и текст: смещение акцентов в исследовании категории модальности // E-Scio. 2021. № 5 (56). С. 586–592. URL : http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/06/E-SCIO-5_2021.pdf
- Ярцева, 1998 – Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь (БЭСЯ). 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Newsweek – Newsweek. URL : <https://newsweek.com> (дата обращения : 20.09.2021).
- Panasenko et al., 2020 – Panasenko N., Pravdova H., Kryachkov D. A. Category of modality in belles-lettres and journalistic styles // Journal of history culture and art research. 2020. Vol. 9, № 3. P. 197–208. <https://doi.org/10.7596/taksad.v9i3.2654>
- Shamina, 2021 – Shamina N. V. The characteristics of English preference-comparison modal phrases in the evaluation modality system // Russian linguistic bulletin. 2021. № 1 (25). P. 81–85. <https://doi.org/0.18454/RULB.2021.25.1.38>
- Time. URL : <https://time.com> (дата обращения : 20.09.2021).

References

- Barasheva, D. E., Petrova, A. N. (2018). Kategoriya modal'nosti v svete sovremennogo yazykoznaniiya: ob'ektivnaya i sub'ektivnaya modal'nost' [Modality category in view of modern linguistics: objective and subjective modality]. *Uchyetnye zapiski Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Ulyanovsk State University : Linguistics], 182–187. (In Russ.)
- Belyaeva, T. I. (1985). *Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh* [Functional semantic modality fields in English and Russian]. Voronezh : Voronezh State University Press. (In Russ.)
- Biktimirova, G. R. (2008). Kognitivno-pragmaticheskiy aspekt modal'nosti v argumentativnom diskurse (na material angloyazychnykh SMI) [Cognitive pragmatic modality aspect in the argumentative discourse (English mass media studies)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 1 (13), 86–89. (In Russ.)
- Bondarko, A. V. (2005). *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issle-dovaniya* [Morphological categories theory and aspectological reserach]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.)
- Vaulina, S. S., Devina O. V. (2010). Avtorskaya modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya (k postanovke problemy) [The author modality as a text productive category (problem setting)]. *Vestnik rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of Kant Russian State University], 8, 13–21. (In Russ.)
- Vasil'eva, L. V. (2010). *Issledovanie modusnykh kategoriy v evolyutsii mediadiskursa (na materiale amerikanskoy pressy XX veka)* [Research of modus categories in the mass-media discourse evolution (The 20th century American newspapers studies)]. PhD in Philological sci. diss. Khabarovsk : Far-Eastern State University for Humanities. (In Russ.)
- Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow : Komkniga Press. (In Russ.)
- Davletbaeva, A. V. (2019). *Reprezentatsiya kategorii modal'nosti v russkom i kitayskom yazykakh* [Modality category representation in Russian and Chinese]. PhD in Philological sci. diss. Ufa : Bashkir State University. (In Russ.)
- Donskova, E. Yu. (2016). Sub'ektivnaya modal'nost' kak marker idiostilya: kognitivno-pragmaticheskiy aspekt [Subjective modality as an individual style marker: cognitive pragmatic aspect]. *Novaya nauka: problemy i perspektivy* [New Science: Challenges and Outlook], 53 (79), 103–106. (In Russ.)
- Klemyanova, E. N., Kudryashov, I. A. (2018). Zagolovki-suzhdeniya v angloyazychnykh massmediynykh tekstakh: epistemicheskaya modal'nost', deonticheskaya modal'nost', evidentsial'nost' [Titles as judgements in English massmedia texts: epistemic modality, deontic modality, evidentiality]. *Vestnik*

- Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, philologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 17 (6), 97–107. (In Russ.)
- Kobrina, O. A. (2006). Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub"ektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu [Modus categories as expression means of the subjective personal attitude to statements]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 90–100. (In Russ.)
- Kovaleva, L. M. (2008). *Angliyskaya grammatika: predlozhenie i slovo* [English grammar: sentence and word]. Irkutsk. (In Russ.)
- Pavlovskaya, N. Y. (2000). Modal'nost' dostovernosti: lingvisticheskiy status, kognitivnyy podhod v izuchenii. *Kognitivnaya semantika: materialy vtoroy shkoly-seminara* [Cognitive semantics: The 2nd seminar school proceedings] (pp. 75–78). Tambov. (In Russ.)
- Serganova, D. A. (2021). Modal'nost' i tekst: smeshchenie aktsentov v issledovanii kategorii modal'nosti [Modality and text: A shift of emphasis in modality research]. *E-Scio*, 5 (56), 586–592. (In Russ.)
- Yartseva, V. N. (Ed.). (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Great encyclopedic dictionary]. Moscow : Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Press. (In Russ.)
- Newsweek. Retrieved September 20, 2021 from <<https://newsweek.com>>.
- Panasenko, N., Pravdova, H., Kryachkov, D. A. (2020). Category of modality in belles-lettres and journalistic styles. *Journal of history culture and art research*, 9 (3), 197–208. <https://doi.org/10.7596/taksad.v9i3.2654>
- Shamina, N. V. (2021). The characteristics of English preference-comparison modal phrases in the evaluation modality system. *Russian linguistic bulletin*, 1 (25), 81–85. <https://doi.org/0.18454/RULB.2021.25.1.38>
- Time. Retrieved September 20, 2021 from <<https://time.com>>.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Коряжкина Оксана Витальевна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
lilac_kor@mail.ru

Особенности формирования семантики компонента *-out* в глагольно-наречных композитах

Аннотация

Несмотря на то, что вопросы словообразовательной семантики получили широкое освещение, недостаточно внимания уделялось возможным различиям в природе производного слова на уровне системы языка и речи. Проблемы деривации рассматриваются в статье с когнитивной точки зрения на примере механизма формирования актуальных значений компонента *-out* в глагольно-наречных композитах. Целью исследования является представление лексического значения сателлита *-out* не как списка лексико-семантических вариантов, как это принято в традиционном семантическом подходе, а как пучка самых общих семантических признаков, необходимых для понимания речевого контекста. Анализ показывает, что за всей семантической структурой глагольно-наречного компонента *-out* стоит инвариант *'beyond the limits of a container'* как совокупность наиболее устойчивых семантических признаков, которые закрепляются в языковом сознании носителя языка и в одной из своих конфигураций участвуют в процессе декодирования конкретного контекстуального значения в соответствии с интуицией среднего носителя языка. Этот пучок признаков и являет собой системное значение слова. Именно оно соответствует вербализованному концепту, не данному нам непосредственно, а выводимому лишь из процессов речи на основе формы слова и с учётом условий конситуаций.

Ключевые слова: концепт контейнера, системное значение, речевое значение, лексический прототип

© Коряжкина О. В. 2021

Для цитирования: Коряжкина О. В. Особенности формирования семантики компонента *-out* в глагольно-наречных композитах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 56–66. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_56_66

Oksana V. Koryazhkina
Saint-Petersburg State Institute of Technology (Technical University)
Saint-Petersburg, Russian Federation
lilac_kor@mail.ru

Patterns of semantics forming for the *-out* component in verb-adverbial compounds

Abstract

Despite the fact that the issues of word-formation semantics were widely covered, not enough attention was paid to possible differences in the nature of the derived word at the level of the system language and speech. In this article, the issues of derivation are considered from the cognitive point of view on the example of the mechanism of formation of the actual meanings of the component *-out* in verb-adverbial compounds. The aim of the study is to present the lexical meaning of the satellite *-out* not as a list of lexico-semantic variants, as is customary in the traditional semantic approach, but as a cluster of the most general semantic features necessary for understanding

the speech context. The analysis shows that behind the entire semantic structure of the adverbial component *-out* is the invariant «*beyond the limits of a container*», as a set of the most stable semantic features that are fixed in the language consciousness of a native speaker and in one of their configurations participate in the process of decoding a specific contextual meaning in accordance with the intuition of the average native speaker. This cluster of features is the system meaning of the word. It corresponds to the verbalized concept, not given directly, but only inferred from the processes of speech on the basis of the word form and in terms of the conditions of consituations.

Keywords: the concept of a container, system meaning, speech meaning, lexical prototype

© Koryazhkina O. V. 2021

For citation: Koryazhkina, O. V. Osobennosti formirovaniya semantiki komponenta *-out* v glagol'no-narechnykh kompozitakh [Patterns of semantics forming for the *-out* component in verb-adverbial compounds]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(4), 56–66. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_56_66

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование имеет целью продемонстрировать специфику единиц системы языка и речи и указать на то, что они характеризуются незеркальными отношениями: различным лексико-семантическим вариантам многозначного слова на уровне речи соответствует одна единица системы языка. Многие учёные указывали на то, что в значениях следует искать не многочисленные различия, а сходство и призывали при определении общности значений к поиску центрального или ядерного, стержневого, внеконтекстного значения, указывая на чрезвычайную трудность таких исследований [Будагов, 1947; Аллендорф, 1965, с. 67–68; Палмер, 1982, с. 48; Скляриевская, 1993, с. 50; Аперсян, 1995, с. 179].

Анализ проводился на основе наречного компонента *out* в составе глагольно-наречных композитов. Наречие *out*, восходящее к древнеанглийскому *ut* и приставке *ud* в санскрите, определяется как “*adverb of motion or position beyond certain limits*”. Данная лексема осмысляется через концепт контейнера, обладающего определёнными границами. Впервые Марк Джонсон упоминает его, описывая образные схемы и их значение для анализа человеческого опыта. Схема, соответствующая лексеме *out*, будучи противопоставленной схеме, обозначенной лексемой *in*, помогает ориентироваться во времени и пространстве, связывая два противоположных начала, понятия «внутри» и «снаружи». Позднее Джон Лакофф добавляет в список элементов схемы ещё и концепт «границы» [Лакофф, 1995, с. 169–171].

Е. С. Кубрякова подчёркивает значимость схемы контейнера для моделирования такого важного принципа человеческого познания, как принцип обратимости позиции наблюдателя. Перспектива видения ситуации, а также контуры и очертания контейнера могут трансформироваться в ходе наблюдения за движущимися объектами. Объёмные, трёхмерные объекты, удаляясь от нас, превращаются в двухмерные, плоские и, в конце концов, могут становиться точкой [Кубрякова, 1999, с. 10].

Инвариантное (системное) значение лексемы *out* основывается на образной схеме контейнера. Частные значения *out* развиваются в соответствии с разнообразными модификациями схемы контейнера, отражающими чувственный опыт общения человека с миром. Вместилище рассматривается вслед за Е. С. Кубряковой как трёхмерный (объёмный), двухмерный (плоскостный), одномерный (интервал) и безмерный (точка) объект. Такое осмысление предметов строится на основе того, как человек видит пред-

меты окружающего мира при их удалении на расстояние. Понимание контейнера зависит от его физической сущности и качественной специфики. В качестве контейнеров рассматриваются не только сосуды и физические объекты, способные что-то вмещать, но и определённая среда, чувства, состояния.

Прототипическое значение сателлита *out* было выявлено в работе О. В. Плотниковой как «*beyond the limits of a container or beyond the “limits” of a “container”*», где кавычки указывают на переносное употребление. Автор построила образную схему, лежащую в основе прототипа и подробно описала механизмы развития речевых смыслов высказываний с сателлитом *out* [Плотникова, 2004, с. 99–101]. Данное содержание есть продукт переосмысления сложившейся семантической структуры слова, представляющий некоторый набор интегральных и дифференциальных признаков, он соответствует системному значению единицы и служит основой для вывода всех актуальных значений с учётом речевого контекста. Этот концепт включает в себя минимальный пучок признаков, составляющих суть понятия, своеобразный лексический прототип, знание, разделяемое говорящим и слушающим, осуществляемое референцию к одному и тому же фрагменту действительности.

Метафорические значения *out* выводятся путём перенесения пространственных отношений, представленных в лексическом прототипе и образной схеме, в другие ментальные пространства (кондициональное, эмотивное, акциональное, социальное и множественное). Механизм переноса всегда одинаков – концептуальные сущности уподобляются вместилищам с мыслимыми границами и способными содержать что-либо в себе [Плотникова, 2004, с. 157–158].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В нашем исследовании, располагая определением системного значения или лексического прототипа для сателлита *out*, мы предлагаем схемы вывода его актуальных лексико-семантических вариантов, возникающих в сленговых глагольно-наречных композитах, типа *wipe-out*, *hide-out*. Общий список указанных лексем составляет более 250 единиц. Выборка примеров производилась из словарей общеупотребительной лексики и словарей сленга [Hornby, 1982 ; Random House, 1983 ; БАРС, 1987–1988 ; Spears, 1991 ; Chapman, 1994 ; Cobuild Phrasal Verbs, 1996 ; Ayto, 1998 ; Green, 2000 ; Collins, 2001 ; Webster, 2002 и др.].

Методологической основой исследования послужили работы ведущих специалистов в области когнитивной лингвистики [Fillmore, 1988 ; Langacker, 1988 ; Лакофф, 1995 ; Кубрякова, 1999 ; Talmy, 2000] и прототипической семантики [Lyons, 1978 ; Lipka, 1992 ; Архипов, 1998, 2004].

Для анализа использовался контекстный метод, дифференцирующий речевые значения основы *-out*. «Прикладывая» лексический прототип лексемы *out* к ситуациям его проявления в составе указанных единиц, мы тем самым показываем его действенность в отношении неформальной лексики. А также подтверждаем, что реализация речевых значений единицы – это процесс одномоментного соотнесения образа материальной формы с концептом (в нашем случае, с концептом контейнера). Форма единицы ассоциируется с одним и тем же системным значением. С помощью формы выводится лишь один концепт, который с ней связан, а именно системное значение. Его роль заключается в том, что он служит основой для вывода (*inference*) всех актуальных значений с учётом условий конситуаций. Множественность значений сленговых композитов обусловлена не полисемией основ в системе языка, а актуализацией одного системного значения в результате референции.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В большинстве исследуемых слов наречный компонент *out* употреблён в переносных значениях, основанных на метафоризации пространственных отношений. Пространство – одна из основных бытийных категорий и не удивительно, что в процессе познания многие пространственные представления, первично связанные с материальными объектами, были перенесены на более абстрактные, нематериальные сущности.

Надо сказать, что среди сленговых композитов с сателлитом *out* очень мало единиц, отражающих статическую ситуацию. В основном, производные мотивированы глаголами динамики. Поэтому, наиболее актуально здесь рассмотрение концептуальной структуры *out* как «движения из контейнера».

Напомним, что в когнитивистике объект, движущийся в физическом или гипотетическом пространстве, называют траектором (Trajector), а область референции (объект, точку, плоскость, контейнер), относительно которой происходит движение или выполняется действие – ориентиром (Landmark).

Движение из контейнера может быть представлено через сложные слова сленга как осуществляемое траектором, представляющим собой физический предмет (или абстрактное понятие), причём он не всегда движется по своей воле, но «выдворяется» за пределы контейнера кем-то или чем-то. Контейнер тоже мыслится по-разному: чаще всего как трёхмерный объект, соотносимый с наблюдаемыми в реальном мире предметами (*room, house, school, glass, sea*). Тогда речевой смысл сателлита *out* в составе композитов представлен как 'from beyond the limits of a material source':

get-out – *an outfit, a suit of clothes worn when one gets out beyond the limits of a container (house);*

push-out, flunk-out – *a student pushed out (flunked out) beyond the limits of a container (school or college) for unsatisfactory performance;*

pop-out – *a mass-produced surfboard which pops out (moves with a sharp though not very loud explosive sound) beyond the limits of a container (sea);*

stop-out – *one who stops out (stays out) enjoying themselves longer than the speaker considers respectable beyond the limits of a container (their own home);*

hang-out – *a place where one hangs out (lives or often visits) beyond the limits of a container (their own home);*

pullout – *any item (car stereos, jewellery, computer games, etc.) that can be pulled out (stolen and carried away) beyond the limits of a container (car).*

Часто трёхмерным материальнымместилищем выступает сам человек, чьи знания, мнения, действия и поступки концептуализируются как движущиеся за пределы его тела:

sell-out – *1) an instance of selling out one's beliefs and principles beyond the limits of a container (man); 2) a person who sells out his beliefs and principles beyond the limits of a container (himself) for money or position.*

sort-out – *dealing forcefully with, punishing violently, when bad acts or behaviour are sorted out beyond the limits of a container (man or group of people)* (отделение от ориентира-человека можно представить как сортировку, «вытаскивание наружу» плохих поступков, чтобы прояснить их и выявить виновных).

punch-out – *a fist fight, brawl, fisticuffs in which "lights" are punched out beyond the limits of a container (man). "Lights" происходит от фразеологизма "to punch someone's lights out" – to beat or defeat severely от более раннего "beat out someone's liver and lights", где "lights" является среднеанглийским вариантом "lungs", особенно, если речь шла об убийстве домашних животных или охоте на дичь. Сегодня "lights" часто интерпретируется как "eyes".*

shoot-out – 1) a gun battle or 2) a decisive confrontation in which brain or some other part of human flesh is shot out beyond the limits of a container (man).

Когда метрические пространственные отношения переносятся в другие понятийные сферы (действий, эмоций, физических состояний и т. д.), ориентиром движения служат абстрактные вместилища со значениями «работа, общество с его установками, сделка, поведение» и др. Движение из подобных ориентиров может осознаваться по-разному: как намерение скрыться, сделаться невидимым, уклониться; как возможность выделиться, предстать незаурядным; как отклонение от нормы, стандарта; выход за границы своего собственного существования; переход в сферу невидимого и т. п. Сами контейнеры относятся к разным типам пространств:

– а к ц и о н а л ь н о е, в котором действия или деятельность воспринимаются как контейнер. *Out* указывает на то, что участник ситуации (траектор) находится за пределами воображаемой деятельности:

bug-out – a shirker, sluggard, one who bugs out (walks slowly – the pace of the insect) beyond the limits of a container (work).

take-out – a percentage of profits taken out beyond the limits of a container (deal).

– с о ц и а л ь н о е, моделируемое как среда с однородным по своему составу множеством одушевленных объектов. Лицо, осознаваемое как траектор, в ситуации с *out* выделяется из данного социального окружения:

bug-out – one who avoids military service bugging out beyond the limits of a container (army);

cop-out (изгой) – a person who cops out beyond the limits of a container (society) (drops out of it);

stand-out – one who stands out beyond the limits of a container (crowd), thus thought of as conspicuous, better than average;

stick-out – an outstanding sportsman who sticks out beyond the limits of a container (group of competing people).

– к о н д и ц и о н а л ь н о е, включающее, чаще всего, в глагольно-наречных композитах психические состояния:

freak-out – 1) any unpleasant experience caused by drug use (esp. LSD) when one freaks out (moves out feeling at the same time extremely surprised, upset, angry, confused, etc.) beyond the limits of a container (normal physical and mental state); 2) anxiety ranging from twinge of fear to a full nervous breakdown when one freaks (moves) out beyond the limits of a container (normal psychological state).

– м н о ж е с т в е н н о е, близкое к социальному, но представляющее множество однородных предметов, не являющихся субъектами социума:

stick-out – a horse that sticks out beyond the limits of a container (a group of horses participating in a race).

В сленговых глагольно-наречных композитах метафорическое употребление *out* основано, как правило, не на физическом сходстве реального контейнера с другими концептами, а на более сложном и не наглядном структурном сходстве. Такой вид когнитивной метафоры М. В. Никитин называет структурной онтологической. Она делает сходными моделирующий и моделируемый признаки в результате их сходной роли в структуре двух денотатов, а не как следствие их природной тождественности (физической однородности). Второе характерно для прямой онтологической метафоры [Никитин, 2001 б, с. 37].

Механизм метафоры в исследуемых сленгизмах не отличается от любого образного словоупотребления. Возьмем для примера *flip-out*. Концепт непрямозначно обозначенного денотата – концепт 1 («эксцентричный, сумасшедший человек») начинает своё существование до метафоры. Сама метафора представляет собой поиск подходящей

аналогии, т. е. поиск такого денотата с его прямозначным именем (*to flip out – to make a quick light movement beyond the limits of a container (norm)*), концепт которого (концепт 2) напоминал бы какими-то своими признаками (моделировал) и прояснял бы концепт 1. Таким образом, метафора представляет моделированное взаимодействие концептов на аналогической основе [Никитин, 2001 а, с. 19–20].

Рассмотрим, какие варианты основного значения сателлита *out (beyond the limits of a container)* развиваются благодаря механизму когнитивной метафоры.

1. Одним из таких вариантов является речевой смысл 'beyond the limits of the norm'. Это значение можно проиллюстрировать следующими примерами:

Space-out – *one who spaces out (departs) into euphoria, either drug-induced or not beyond the limits of a container (his present normal state).*

Flip-out – *an eccentric, a madman who flips out (makes a quick, light movement) beyond the limits of a container (standard (norm) of behaviour).*

Freak-out – *a gathering of young people (esp. hippies to enjoy music and take drugs) who freak out (move out feeling surprise, frustration, anger, confusion, etc.) beyond the limits of a container (socially accepted standards of behaviour).*

В этих примерах в качестве метафорического места в пространстве мыслится состояние человека. Контейнер, из которого движется траектор-лицо, осознаётся как норма этого состояния.

Выход за пределы нормы – не обязательно смена состояния. Он может быть связан с интенсивностью действия. Тогда *out* указывает на «превышение» качества действия, конвенционально принятого, как норма, стандарт:

Pig-out – *overindulging in food, overeating massively; hence overindulging in anything when one pigs (overeats) out beyond the limits of a container (normal portion of food).*

Bust-out – *an enormous feast where people bust out (start eating, drinking, etc. suddenly and violently so that their energy or force goes beyond the limits of a container (conventionally accepted standard of behaviour).*

2. Состояния, эмоциональные или физические, но не представленные как норма, можно выделить как отдельный тип вместилища. В концептуальном пространстве состояний локализованы как наши представления, ощущения, мысли, так и состояния и признаки вещей и явлений. Такой речевой смысл обозначим как 'beyond the limits of a state':

Knock-out – 1) *a pleasant gratifying surprise when one knocks somebody out (hits causing him move out) beyond the limits of a container (his former indifferent state); 2) a person or thing of outstanding quality, attractiveness or excellence knocking somebody out beyond the limits of a container (his former psychological state) into the condition when one feels admiration, surprise, etc.*

Lay-out – 2. *an association of persons such as a gang or team laid out beyond the limits of a container (its former unorganised, disordered state); 3. 1) a plan, a scheme laid out beyond the limits of a container (its former unsystematised state); 2) an apartment, a house laid out beyond the limits of a container (its former unbuilt state); 4. an undemanding, easy job laid out beyond the limits of a container (its generally considered complicated state).*

3. Предыдущий речевой смысл в отдельных случаях может конкретизироваться: состояние некоторого сложного или компактно собранного предмета меняется, когда происходит его «размещение, расстановка, распределение или простираание». Здесь выход за пределы состояния оказывается близким расширению за пределы определённых границ 'expansion beyond the limits of certain boundaries'. Это особая образная схема вместилища, описанная С. Линднер и представляющая движение траектора не как выходящее за рамки другого объекта, а за свои собственные границы, то есть движение траектора осуществляется относительно ориентира – себя самого. Данное явление в пространственной грамматике называется рефлексивной траекторией [Линднер, 2000, с. 62]:

lay-out – various accoutrements – pipe, box, needle, etc. required for smoking and laid out beyond the limits of a container (their former boundaries, when they were in the assembled state).

Этот пример предполагает расширение занимаемого дискретного пространства, и в то же время он связан с изменением физического состояния объектов. Идея простирается объясняется понятием рефлексивизации. Оно также связано с выходом за пределы обладания:

hand-out – 1) food or money for a beggar handed out beyond the limits of a container (their present location); 2) money handed out as a donation beyond the limits of a container (their present possession); 3) a leaflet or flyer handed out on the street or a press release, communiqué handed out beyond the limits of a container (their present location) for official purposes.

whip-out – money, esp. a first payment or investment whipped out (given suddenly, quickly) beyond the limits of a container (its present location or possession).

4. Ещё одним речевым смыслом *out*, указывающим на выход из контейнера довольно высокой степени абстрактности, является 'beyond the limits of reality':

cop-out – 1) a flight, an escape, a cowardly compromise or evasion, when one cops out (avoids) beyond the limits of a container (reality); 2) a coward, a weakling who cops out (runs away) beyond the limits of a container (problems of life).

space-out – a mad, eccentric person who spaces out beyond the limits of a container (reality).

5. При интерпретации той или иной образной схемы большое значение отводится позиции наблюдателя. В частности понимание сателлита *out* может зависеть от того, в каком состоянии (скрытом или открытом для наблюдения) предстаёт траектор. Перемещаясь по пути, описываемому наречием *out* в составе анализируемых композитов, объект движется из области, доступной наблюдателю, в недоступную для восприятия зону. Такой речевой смысл обозначим 'beyond the limits of the perceived into unperceived':

hold-out – (gambling) a playing card sneakily held out beyond the limits of a container (perceived, seen) into unperceived.

Hide-out – 1) (prison) an inmate who hides out beyond the limits of a container (perceived, seen) into unperceived with the intention of escaping at night; 2) a shelter, a place of hiding into which one hides moving out beyond the limits of a container (perceived, seen) into unperceived.

blow-out – a binge of eating and drinking when food and drinks are blown out (сдуваются со стола) beyond the limits of a container (perceived, seen) into unperceived (stomach).

6. Модификацией схемы 'beyond the limits of the perceived into unperceived' О. В. Плотникова предлагает считать переход из состояния существования в состояние не существования: 'from beyond the limits of existence into non-existence'. Примеры, подтверждающие подобную трактовку, есть среди сленговых глагольно-наречных композитов:

rub-out – assassination in gang warfare, annihilation, killing when one is rubbed out (killed) beyond the limits of a container (existence).

wipe-out – assassination in gang warfare, annihilation when one is wiped out (killed) beyond the limits of a container (existence).

wash-out – a total failure, the result of washing out a game, event or activity (as if with rain) beyond the limits of a container (existence) into a ruined state.

7. Анализируемая структура сложных слов дает нам также близкие к предыдущим смыслам примеры перехода из состояния функционирования в состояние непригодности: 'from beyond the limits of functioning into a useless state' [Плотникова, 2004, с. 150]:

burnout – 1) mental or physical exhaustion, often in the result of taking drugs and thus burning one's digestive and other organs beyond the limits of a container (their

functioning); 2) *an abuser of drugs or liquor who burns his brains and liver out beyond the limits of a container (their functioning).*

workout – *a period of physical exercise or training during which one works his body out (causes it move out) beyond the limits of a container (functioning) but in some time it becomes fit and strong.*

pout-out – *a failure in a hot rod when a car (or an engine) pouts out – as if gives a pouting sound of annoyance showing its going beyond the limits of a container (functioning).*

Последние три смысла, тесно связанные между собой, часто представляют траектор как «безвольный» объект, который если и движется (изменяется), то лишь постольку, поскольку на него воздействует другой предмет, не являющийся ориентиром, но выступающий активной сущностью. Образно подобные ситуации можно определить как «исчезновение, подавление» траектора другим движущимся объектом (инструментом). Предикат подобных ситуаций актуализирует такие их составляющие, как «инструмент», «способ», «цель». Сравните образы, возникающие при интерпретации сложных слов: смыть дождем (*wash out*), выжечь огнем (*burn out*), вытереть тряпкой (*wipe out*), стереть стеркой (*rub out*) и т. д.

Наша попытка жёстко разграничить и развести смысловые варианты концептуальной структуры многозначного слова, каковым является сателлит *out*, сознательно искусственна. В действительности, его значения составляют единую схему или концептуальную модель. Такая намеренная структуризация подтверждает наличие лишь одного прототипического значения у модификатора *out*: 'beyond the limits of a container'. Все речевые смыслы выводятся путём приложения системного значения (лексического прототипа) к различным речевым ситуациям. Выделенные «подсмыслы» лексемы *out* в составе глагольно-наречных композитов – не более чем представления, речевые (бесконечные) реализации (representations) системного обозначения контейнера, одного образа – источника всех смыслов. Сколько бы «подсмыслов» не было выделено, всегда остаётся опасность неполного охвата семантической структуры изучаемой единицы.

В актуализации значений компонента *out* в составе глагольно-наречных композитов большую роль играет не только сочетание предиката с мысленно восстанавливаемыми именами, но и семантика самого мотивирующего глагола. Именно благодаря ей, когнитивная модель частицы получает определённую степень предсказуемости.

3. Заключение [Conclusion]

В данной работе с когнитивных позиций была исследована семантика сателлита *-out* в составе глагольно-наречных композитов. Сопоставление структуры данного многозначного слова со структурой когнитивной категории контейнера показывает и обосновывает существование содержательного ядра полисеманта, очерчивающего границы его системного значения как 'beyond the limits of a container'. Данный инвариант позволяет с относительной точностью определить направление развития многозначности исследуемой лексемы. Анализ демонстрирует преимущества когнитивного подхода к осмыслению семантики слова и указывает на то, что представления о системном значении не могут строиться на основе каталогизации значений, зафиксированных в тексте.

Значения не хранятся в памяти в виде списка лексико-семантических вариантов как нечто готовое, а формируются как единство образов формы и содержания в сознании говорящего и слушающего. Может ли носитель языка запомнить десятки значений многозначного слова и рассказать их наизусть без запинки? Едва ли. Но при этом он не испытывает никаких трудностей, идентифицируя нужный смысл в конкретной ситуации.

Задумывая тонкие оттенки смысла компонента *-out*, говорящий выдаёт лишь его общее значение – «лексический прототип», связанный с материальной формой. На основе единства образов формы и содержания слушающий выводит максимально широкий круг

частных значений и оттенков, соответствующих широкому диапазону речевых ситуаций. Опорой слушающему для декодирования служит речевой и языковой контекст. Хотя номенклатура речевых значений в составе композитов широка, но, как показал анализ, схема «контейнера» и «лексический прототип» единицы *-out* являются тем ядром, которое объединяет разные актуализации, передаваемые с помощью компонента *-out*.

Поиски содержательного ядра слова открывают перспективы дальнейших исследований, касающихся репрезентации знаний в сознании человека, функционирования языкового лексикона, дихотомии «языка и речи», роли образов при актуализации системного значения слова. Сегодня решение этих проблем возможно, потому что лингвисты больше не смотрят на семантическое содержание слова как на закрытую автономную систему, а исследуют его с точки зрения его отношения к миру и с учётом познающего сознания человека.

Библиографический список

- Алендорф, 1965 – Алендорф К. А. Значение и изменение значений слов // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Е. 32. М. : МГПИИЯ, 1965. С. 3–172.
- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. М. : Языки русской культуры, 1995. 463 с.
- Архипов, 1998 – Архипов И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // *Studia Linguistica*. Вып. VI : Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. С. 5–22.
- Архипов, 2004 – Архипов И. К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 4 (7) : Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). С. 75–85.
- БАРС, 1987–1988 – Большой англо-русский словарь : в 2-х т. / Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург [и др.]. 4-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Русский язык, 1987–1988. Т. 1: А-М. 1037 с. Т. 2: N-Z. 1071 с.
- Будагов, 1947 – Будагов Р. А. Слово и его значение. М. : Наука, 1947. 167 с.
- Коряжкина, 2006 – Коряжкина О. В. Когнитивный анализ семантики глагольно-наречных композитов с компонентом *-out* (на примере сложных слов типа *a fall-out*) : дисс... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Дальневост. гос. ун-т. Петропавловск-Камчатский, 2006. 222 с.
- Коряжкина, 2018 – Коряжкина О. В. Поиск семантического центра леммы: когнитивный анализ формирования речевых значений производных // Вестник Краунц. Сер. «Гуманитарные науки». 2018. № 2 (32). С. 30–39.
- Кубрякова, 1999 – Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–12.
- Лакофф, 1995 – Лакофф Дж. Когнитивная семантика (Из кн. «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1995. С. 143–184.
- Линднер, 2000 – Линднер С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out*. // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова, М. : Русские словари, 2000. С. 55–82.
- Никитин, 2001 а – Никитин М. В. Концепт и метафора. // *Studia Linguistica* 10. Проблемы теории европейских языков. СПб : Тригон, 2001 а. С. 16–35
- Никитин, 2001 б – Никитин М. В. Метафорический потенциал слова и его реализация // *Studia Linguistica* 10. Проблемы теории европейских языков. СПб : Тригон, 2001 б. С. 36–50.
- Плотникова, 2004 – Плотникова О. В. Когнитивно-дискурсивный анализ сателлита *out* в современном английском языке : дисс...канд. филол. наук : 10.02.04 / Плотникова Ольга Валентиновна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб, 2004. 176 с.
- Палмер, 1982 – Палмер Ф. Р. Семантика : [Введ. в совр. семасиологию. Очерк] / предисл. и коммент. М. В. Никитина. М. : Высшая школа, 1982. 111 с.
- Скляриевская, 1993 – Скляриевская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб : Наука, 1993. 151 с.

- Филлмор, 1988 – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка / пер. с англ. сост. и ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. М. : Прогресс. 1988. С. 52–93.
- Ayto, 1998 – Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. New York : Oxford University Press. 1998. 474 p.
- Chapman, 1994 – American Slang / Ed. by R. L. Chapman Ph. D. Abridged edition of the New Dictionary of American Slang. New York : Haper Paperbacks, 1994. 500 p.
- Cobuild Phrasal Verbs, 1996 – Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. The University of Birmingham, Harper Collins Publishers, 1996. 492 p.
- Collins, 2001 – Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. The University of Birmingham. Harper Collins Publishers, 2001. 1824 p.
- Green, 2000 – Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London : Cassell, 2000. 1316 p.
- Langacker, 1988 – Langacker R. W. A view of linguistic semantics // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 49–90.
- Lipka, 1992 – Lipka L. An outline of English lexicology: Lexical structure, word semantics, and word formation. 2nd ed. Tübingen : Max Niemer Verlag, 1992. 212 p.
- Lyons, 1978 – Lyons J. Basic problems of semantics // Proc. of the 12th International Congress of Linguists. Innsbruck, 1978. P. 13–19.
- Hornby, 1982 – Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford University Press – Russian Language Publishers. Moscow, 1982. Vol. I. 509 p., Vol. II. 527 p.
- Random House, 1983 – Random House Unabridged Dictionary. 2nd ed. / Ed. by S. B. Flexner. New York : Random House, 1983. 2478 p.
- Spears, 1991 – Spears R. A. Dictionary of American slang and colloquial expressions (Special edition). Lincolnwood : National Textbook Company ; М. : Рус. яз., 1991. 528 p.
- Talmy, 2000 – Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. Vol. II : Typology and process in concept structuring. Cambridge, 2000. 357 p.
- Webster, 2002 – Webster's third new international dictionary of the English language (Unabridged) / Ed. by Ph. B. Gove. Springfield : Merriam-Webster Inc., 2002. 2663 p.

References

- Alendorf, K. A. (1965). *Znachenie i izmenenie znacheniy slov* [Word meaning and word meaning change]. *Uchenye zapiski MGPIYA im. M. Toreza* [Scientific Notes of The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages], E. 32, 3–172. (In Russ.).
- Apresyan, Yu D. (1995). *Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected papers. Lexical semantics. Synonymic means of language]. Vol. 1. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Arhipov, I. K. (1998). Problemy yazyka i rechi v svete prototipicheskoy semantiki [Issues of language and speech in the light of prototypical semantics]. *Studia Linguistica. Vol. VI : Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Issues of linguistics and foreign language teaching] (pp. 5–22). St Petersburg : Herzen University Press. (In Russ.).
- Arhipov, I. K. (2004). Kommunikativnyy tseytnot i prototipicheskaya semantika [Communicative time trouble and prototypical semantics]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 4 (7), 5–85. (In Russ.).
- Amosova, N. N., Apresyan, Yu. D., Gal'perin, I. R., Ginzburg, R. S. et al. (1987–1988). *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [Big English-Russian dictionary] (BARS): In 2 volumes. 4th edition, with corrections and addenda. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Budagov, R. A. (1947). *Slovo i ego znachenie* [Word and its meaning]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Koryazhkina, O. V. (2006). Kognitivnyy analiz semantiki glagol'no-narechnykh kompozitov s komponentom -out (na primere slozhnykh slov tipa a fall-out): PhD in Philological sci. diss. Petropavlovsk-Kamchatsky : Far Eastern State University. (In Russ.).
- Koryazhkina, O. V. (2018). Poisk semanticheskogo tsentra leksemy: kognitivnyy analiz formirovaniya rechevykh znacheniy proizvodnykh [The search for the semantic centre of a lexeme: Cognitive analysis of the formation of speech meanings of derivatives]. *Vestnik Kraunc. Ser. «Gumanitarnye nauki»* [Vestnik KRAUNTs. The Humanities], 2 (32), 30–39. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. (1999). Semantika v kognitivnoy lingvistike (o kontsepte konteynera i formakh ego obektivatsii v yazyke [Semantics in cognitive linguistics (The concept of container and forms of its objectivation in the language)]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 58 (5–6), 3–12. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1995). Kognitivnaya semantika (Iz knigi «Zhenshchiny, ogon i opasnye predmety») [Cognitive semantics (From a book “Women, fire and dangerous things”)]. *Yazyk i intellect* [Language and intellect]: Translation from English and German (pp. 143–184). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Lindner, S. (2000). To, chto dvizhetsya vverh (up) ne obyazatelno mozhet sledovat vniz (down): sopostavlenie in i out [A thing that moves up (up) doesn't have to necessarily go down (down)]. In D. Pajar, O. N. Seliverstova (Eds), *Issledovaniya po semantike predlogov* [Studies in preposition semantics]: A collection of papers (pp. 55–82). Moscow : Russkie slovari Press. (In Russ.).
- Nikitin, M. V. (2001 a). Kontsept i metafora [Concept and metaphor]. *Studia linguistica 10. Problemy teorii evropeyskikh yazykov* [Studia linguistica 10. Issues of European languages] (pp. 16–35). St Petersburg, Trigon Press. (In Russ.).
- Nikitin, M. V. (2001 b). Metaforicheskiy potentsial slova i ego realizatsiya. *Studia linguistica 10. Problemy teorii evropeyskikh yazykov* [Studia linguistica 10. Issues of European languages] (pp. 36–50). St Petersburg, Trigon Press. (In Russ.).
- Plotnikova, O. V. (2004). *Kognitivno-diskursivnyy analiz satellita out v sovremennom angliyskom yazyke* [Cognitive and discursive analysis of the satellite out in modern English]: PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Herzin State Pedagogical University of Russia. (In Russ.).
- Palmer F. R. (1982). *Semantika (Ocherk)* [Semantics: A new outline]. Foreword and comments by M. V. Nikitin. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Sklyariyevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in language system]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Fillmore, Ch. (1988). Freymy i semantika ponimaniya [Frame semantics]. In V. V. Petrov, V. I. Gerasimov (Eds), *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive aspects of language] (pp. 52–93). Moscow : Progress Press.
- Ayto, J. (1998). *The Oxford Dictionary of Slang*. New York : Oxford University Press.
- Chapman, R. L. (1994). *American Slang* : Ed. by R. L. Chapman Ph. D. Abridged edition of the New Dictionary of American Slang. New York : Harper Paperbacks.
- Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs (1996). The University of Birmingham, Harper Collins Publ.
- Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners (2001). The University of Birmingham. Harper Collins Publishers.
- Green J. (2000). *Cassell's Dictionary of Slang*. London : Cassell.
- Langacker R. W. (1988). A view of linguistic semantics. In B. Rudzka-Ostyn, Topics in cognitive linguistics [pp. 49–90]. Amsterdam ; Philadelphia.
- Lipka L. (1992). *An outline of English lexicology: Lexical structure, word semantics, and word formation*. 2nd ed. Tübingen : Max Niemer Verlag.
- Lyons J. (1978). Basic problems of semantics. *Proc. of the 12th International Congress of Linguists* (pp. 13–19). Innsbruck.
- Hornby A. S. (1982). Oxford advanced learner's dictionary of current English. Vol. I–II. Oxford : Oxford University Press ; Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Flexne, S. B. (Ed.). (1983). *Random House Unabridged Dictionary*. 2nd ed. New York : Random House.
- Spears R. A. (1991). Dictionary of American slang and colloquial expressions (Special edition). Lincolnwood : National Textbook Company ; Moscow : Russkiy yazyk Press.
- Talmy L. (2000). *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. II : Typology and process in concept structuring. Cambridge.
- Gove, Ph. B. (Ed.). (2002). Webster's third new international dictionary of the English language (Unabridged). Springfield : Merriam-Webster Inc.

Статья поступила в редакцию 27.01.2021; одобрена после рецензирования 29.05.2021; принята к публикации 01.10.2021.

The article was submitted 27.01.2021; approved after reviewing 29.05.2021; accepted for publication 01.10.2021.

Лаухина Светлана Сергеевна
Омский автобронетанковый инженерный институт
г. Омск, Российская Федерация
svetlau@mail.ru

Коннотативная окраска как критерий омонимичности терминологических словосочетаний и фразеологизмов

Аннотация

В статье анализируются особенности омонимических отношений между фразеологизмами и терминологическими словосочетаниями, определяется специфика этих отношений. Цель статьи – на основе сопоставительного анализа семантико-стилистических свойств терминов и образованных от них фразеологических единиц доказать, что коннотативная окраска является одним из критериев их омонимичности. Материалом для исследования послужила оригинальная картотека, включающая 245 фразеологизмов, омонимичных терминологическим словосочетаниям. В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, наблюдения, научного анализа и описания, систематизации, количественной обработки данных. В качестве основного критерия дифференциации фразеологических омонимов и составных терминов рассматриваются различия в их семантике. На основе анализа языковых единиц установлено, что составные термины и образованные от них фразеологизмы имеют несовмещающиеся значения: у терминов значения специальные, лишённые коннотации; в значениях фразеологизмов выделяются коннотативные семы: 147 фразеологизмов терминологического происхождения содержат в своей семантической структуре яркий коннотативный компонент. В статье осуществляется попытка осмыслить место коннотации в семантической структуре фразеологизма и специфику коннотации фразеологизмов. Выводы, сделанные в статье, основаны на анализе данных фразеологических словарей и речевых употреблений исследуемых единиц.

Ключевые слова: составной термин, фразеологизм, омонимия, семантическая структура, коннотация, экспрессивность, эмоциональность

© Лаухина С. С. 2021

Для цитирования: Лаухина С. С. Коннотативная окраска как критерий омонимичности терминологических словосочетаний и фразеологизмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 67–76. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_67_76

Svetlana S. Laukhina
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute
Omsk, Russian Federation
svetlau@mail.ru

Connotative coloration as a criterion of homonymity of terminological phrases and phraseological units

Abstract

The article analyzes the features of homonymous relations between phraseological units and terminological phrases, determines the specificity of these relations. The aim was to prove, on the basis of a comparative analysis of the semantic and stylistic properties of terms and phraseological units formed from them, that connotative coloring is one of the criteria of their homonymy. The material for the research was the original card index, which included 245 phraseological units homonymous with terminological phrases. In the course of the

study, methods of continuous sampling, observation, scientific analysis and description, systematization, and quantitative data processing were used. Differences in their semantics are considered as the main criterion for differentiating phraseological homonyms and compound terms. Based on the linguistic units analysis, it has been established that compound terms and phraseological units formed from them have inconsistent meanings: the terms have specific meanings, devoid of connotation; in the meanings of phraseological units, connotative semes are identified: 147 phraseological units of terminological origin contain a bright connotative component in their semantic structure. The article makes an attempt to comprehend the place of connotation in the semantic structure of phraseological units and the specifics of the connotation of phraseological units. The conclusions made in the article are supported by the data from phraseological dictionaries and speech usage of the units under study.

Keywords: compound term, phraseological unit, homonymy, semantic structure, connotation, expressivity, emotionality

© Laukhina S. S. 2021

For citation: Laukhina, S. S. Konnotativnaya okraska kak kriteriy omonimichnosti terminologicheskikh slovosochetaniy i frazeologizmov [Connotative coloration as a criterion of homonymity of terminological phrases and phraseological units]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(4), 67–76. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_67_76

1. Введение [Introduction]

В современной лингвистике терминология признаётся источником образования новых единиц языка – фразеологизмов. В то же время, статус отношений между терминами и фразеологизмами, образованными от них, не решен до сих пор. Так, Р. Н. Попов [Попов, 1979], О. С. Ахманова [Ахманова, 2004], Э. В. Кузнецова [Кузнецова, 1989], Н. М. Шанский [Шанский, 1985] признают близость терминологических словосочетаний фразеологизмам. Б. А. Ларин [Ларин, 1977], А. Н. Кожин [Кожин, 1969] и другие пишут о том, что составные термины по своим признакам ближе к свободным словосочетаниям. Мы определяем характер отношений между терминологическими словосочетаниями и фразеологизмами как омонимический, поскольку полагаем, «что в процессе детерминологизации терминологические словосочетания утрачивают ряд характерных для них признаков: системность, дефинитивность, лексическую и грамматическую самостоятельность терминологических элементов, стилистическую нейтральность, тенденцию к моносемичности, отсутствие коннотации. Образовавшиеся фразеологизмы приобретают качественно новые семантические признаки: цельность и единство значения, широту и отвлеченность, дополнительную коннотацию» [Лаухина, 2006, с. 10]. В связи с изложенным выше, считаем, что присутствие коннотативных сем в семантической структуре фразеологизма и их отсутствие в структуре составных терминов может являться одним из критериев омонимичности данных единиц.

Говоря о коннотации, отметим, что видим её место в семантической структуре фразеологизма, а не за его пределами.

Учёные по-разному видят сущность коннотации: как дополнительную оценочность [Ахманова, 1966 ; Апресян, 1995 ; Ефимов, 1957], как стилистическую окрашенность [Шмелев, 2008], как экспрессивную окраску единиц языка [Алефиренко, Золотых, 2000], как ассоциации, связанные со значением той или иной единицы [Барт, 1975 ; Шаховский, 2008], как социокультурный аспект значения [Блумфилд, 2002 ; Верещагин, 1980]). Под коннотацией мы, вслед за Л. П. Юздовой, будем понимать «специфическую семантическую категорию, входящую в структуру значения фразеологизма, включающую в себя оценочный, эмотивный, экспрессивный и стилистический компоненты» [Юздова, 2012, с. 229].

В лингвистике спорным остаётся вопрос о присутствии коннотативных сем в структуре значения терминологических словосочетаний. Ряд исследователей [Прохорова, 2011, с. 14; Кожин, 1969, с. 46] настаивают на том, что терминологические словосочетания, образуясь от свободных сочетаний слов, сохраняют часть их образности. Другие [Реформатский, 1961; Капанадзе, 1965, с. 75–85; Шелов, 2003, с. 17 и др.], полагают, что термин лишается экспрессии как только покидает пределы своего терминологического поля. Н. Головин [Головин, 1987, с. 42–43] находит у терминологических словосочетаний признаки свободных сочетаний слов и фразеологизмов: структурная организация составных терминов и свободных словосочетаний аналогична, но воспроизводимость и целостность значения сближает составные термины с фразеологизмами.

В то же время Н. Головин в числе наиболее важных признаков фразеологической единицы называет непереводаемость на другие языки, фиксированный порядок слов-компонентов, наличие экспрессивной окраски. Все эти признаки не характерны для терминологического словосочетания [Головин, 1987, с. 42–43]. Р. Г. Пиотровский пишет, что «любая лексическая единица из любой разновидности языка, использованная для выражения научно-технического понятия, становится термином, но... каждая терминологическая лексическая единица, перемещенная в непривычный для нее контекст и потерявшая связь своего значения с соответствующей системой научно-технических или специальных понятий, перестает быть термином» [Пиотровский, 1952, с. 33]. Далее ученый отмечает, что термин, изменивший сферу употребления, приобретает дополнительную коннотацию и становится единицей совершенно иного уровня. Подобного мнения придерживаются также А. А. Реформатский и П. А. Капанадзе. Исследователи едины в том, что термин, выходя за пределы своей терминосистемы, утрачивает ряд системных характеристик: точность, объективность, регламентированность, стилистическую нейтральность, отсутствие эмоциональности и экспрессивности, связь с терминологическим полем [Реформатский, 1961; Капанадзе, 1965, с. 75–85]. Г. О. Винокур [Винокур, 1939] также считает отсутствие образности и эмоциональности одним из критериев принадлежности слова или словосочетания к терминологической системе языка.

Нам представляется убедительным аргумент о наличии у термина специального значения, которое в силу своей строгости не может выражать разнообразные отношения к обозначаемому. В основе семантики научных терминов лежит научная картина мира. Термин обозначает понятия определенных областей знания, является именем дефиниции, следовательно передает узкоспециальную информацию, что исключает наличие в его семантической структуре коннотативных сем.

Присутствие в структуре значения фразеологизма коннотативного компонента, передающего информацию об отношении говорящего к реалиям действительности, отличает его от значения терминологического словосочетания.

Элементами коннотации, которые очень тесно связаны между собой, являются экспрессивность, указывающая на меру и степень проявления того или иного признака; эмоциональность как способность фразеологизмов выражать эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения; оценочность – выражение положительного или отрицательного отношения говорящего к предмету сообщения. Б. А. Ларин отмечает «добавочную оценочность» в качестве специфики фразеологического значения. По его мнению, «в языке сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма «значений» отдельных слов» [Ларин, 1977, с. 36].

М. С. Пестова отмечает, что идеи «нового смысла», «приращения смысла», «семантической добавочности», «добавочной оттеночности» чаще всего выдвигают и отстаивают именно те фразеологи, которые изучают функционирование фразеологических единиц в художественной или живой речи [Пестова, 2010, с. 132].

Ц е л ь настоящего исследования – определение роли коннотативной окраски в образовании фразеологических омонимов от терминологических словосочетаний.

2. Коннотативная окраска как дополнительный критерий омонимичности терминологических словосочетаний и фразеологизмов [Connotative coloring as an additional criterion of homonymy of terminological phrases and phraseological units]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования стала оригинальная картотека, включающая 245 фразеологических единиц терминологического происхождения, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей. Иллюстративным материалом для картотеки послужили произведения русской художественной литературы, публицистические, научные и научно-популярные тексты.

Основными методами работы являлись следующие: сопоставительный метод, использующийся для выявления дифференциальных признаков терминов и фразеологизмов терминологического происхождения; описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и классификации материала (метод использовался при описании семантико-стилистических свойств фразеологизмов терминологического происхождения); количественно-симптоматический метод, применявшийся для выявления частотности различных свойств, связей и отношений фразеологизмов и омонимичных им терминологических словосочетаний с целью установления их типичности или единичности. Методологической основой работы является принцип системности и взаимосвязанности языковых явлений, сознания и действительности, признание взаимосвязи между подсистемами языка, лингвистическая теория фразеологии и терминологии.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ данных нашей картотеки показал, что из 245 фразеологизмов терминологического происхождения 147 фразеологических единиц, согласно данным фразеологических словарей, имеют коннотативную окраску. В значениях изучаемых фразеологических единиц содержатся коннотативные семы: 1) 'ирония' (14 ФЕ): *атмосфера низкого давления, в кавычках, дойная корова, крестовый поход, поток сознания, сторожевой пёс, тяжёлая артиллерия, тёртый калач* и др.; 2) 'одобрение / неодобрение' (11 ФЕ): *абсолютный нуль, железный занавес, звезда первой величины, игра в одни ворота, первый сорт* и др.; 3) 'шутливый' (5 ФЕ): *торричеллиева пустота, подножный корм, склонять во всех падежах (кого, что), сиамские близнецы, бросать / бросить якорь (где, во что)*; 4) 'грубый' (4 ФЕ): *сушить вёсла, метать икру, закрыть (заткнуть) клапан, короткое замыкание*; 5) 'пренебрежительность' (4 ФЕ): *тянуть канитель, топорная работа, перекапти-поле, второго (третьего) сорта*; 6) 'презрение' (2 ФЕ): *подсадная утка, колорадский жук*; 7) 'шутливо-ироничное' (3 ФЕ): *божья коровка, вещь в себе, звезда первой величины*; 8) 'бранный' (1 ФЕ): *купоросное масло* и пр. Пометой «экспрессивный» в словарях снабжены 86 ФЕ терминологического происхождения: *вечный двигатель, вещественное доказательство, в тисках, бить карту, острый угол, порочный круг, точка замерзания, правая рука, играть / сыграть ва-банк, краеугольный камень, перелётная птица, брать / взять в клещи, вариться в собственном соку* и др.

Фразеологизмы, образованные от терминологических словосочетаний, теряют связь с терминологическим полем, переходят в число общеупотребительных номинативных единиц и используются в живой разговорной речи. Представим некоторые примеры стилистически маркированных фразеологизмов терминологического происхождения, зафиксированных в словарях (табл. 1).

**Т а б л и ц а 1. Фразеологизмы терминологического происхождения
с коннотативной окраской**
[T a b l e 1. **Phraseological units with connotative meaning derived from the term**]

Фразеологизм терминологического происхождения	Коннотативные пометы в словарях
Абсолютный нуль	<i>Разг. Неодобр.</i>
Атмосфера низкого давления	<i>Устар. Ирон.</i>
Божья коровка	<i>Разг. Шутл. - ирон.</i>
Брать/взять на вооружение	<i>Книжн. Ирон.</i>
Вещь в себе	<i>Шутл. Ирон. Книжн.</i>
Дойная корова	<i>Прост. Ирон.</i>
Звезда первой величины	<i>Книжн. Одобрит. или Шутл.- ирон.</i>
Игра в одни ворота	<i>Нов. Прост. Неодобр.</i>
Крестовый поход	<i>Нов. Ирон.</i>
Колорадский жук	<i>Разг. Презр.</i>
Короткое замыкание	<i>Разг. Груб.</i>
Купоросное масло	<i>Прост. Бран.</i>
Куриная слепота.	<i>Разг. Экспрес.</i>
Ломовая лошадь (ломовой конь)	<i>Ирон. Разг.</i>
Метать икру	<i>Грубо – прост.</i>
Первый сорт (первого сорта)	<i>Разг. Одобрит.</i>
Перекасти-поле	<i>Разг. Пренебр.</i>
Перелётная птица	<i>Разг. Экспрес.</i>
Подножный корм	<i>Разг. Шутл.</i>
Порочный круг	<i>Книжн. Неодобр. Экспрес.</i>
Пустая порода	<i>Нов. Неодобр.</i>
Родимое (родное) пятно	<i>Книжн. Неодобр.</i>
Склонять во всех падежах (кого, что)	<i>Разг. Шутл.</i>
Тёртый калач	<i>Разг. Ирон.</i>
Тихой сапой	<i>Разг. Ирон.</i>
Торричеллиева пустота	<i>Книжн. Шутл.</i>
Тяжёлая артиллерия	<i>Разг. Ирон.</i>
Холостой выстрел	<i>Разг. Ирон.</i>

Как видно из содержания таблицы, коннотации фразеологизмов включают яркий эмоционально-оценочный компонент.

Рассмотрим специфику значения, в частности коннотации, на примере анализа фразеологизма холостой выстрел 'бесполезное, бесцельное действие, бесполезная трата сил'. С составным военным термином холостой выстрел 'выстрел, служащий для имитации стрельбы' данный фразеологизм имеет общую категориальную сему 'предметность', периферийную сему 'видимость действия'. При этом семантическая структура предметного фразеологизма качественно отличается от структуры термина, поскольку содержит групповую сему 'активная деятельность', дифференциальные семы 'бесполез-

ность', 'бесцельность'. В семантической структуре фразеологизма содержится коннотативная сема 'ирония'. Образность, входящая в структуру коннотации как элемента значения фразеологизма, обусловлена формированием фразеологизма: от первичного образа свободного сочетания, терминологического словосочетания, к вторичному – стереотипному, фразеологическому. Отметим, что оценочный компонент коннотативного значения связан с предметно-логическим компонентом, вернее, синкретичен с ним. Так компонент холостой выводит на эмоциональность, экспрессивность. Значения лексической единицы – 'неженатый, одинокий, неоплодотворенный, не имеющий пули'. В словаре В. И. Даля [Даль, 1881, с. 576] находим следующие заметки: холостой что бешеный; холостой – полчеловека. Стилистическое значение слова явно оценивается как сниженное. В составе фразеологизма данный компонент придаёт эмоциональность всей фразеологической единице, обогащая её новым коннотативным значением иронии. Данная коннотация сформировалась на основе эмпирического, культурно-исторического знания говорящих на данном языке; эмоционального отношения к обозначаемому понятию; стилистических условий использования фразеологизма в речи.

Проиллюстрируем примерами речевых употреблений:

(1) *Всё то, что Власич называл подвигом или честным порывом представлялось ему бесполезною тратою сил, ненужными **холостыми выстрелами**, на которые шло очень много пороху* (А. Чехов).

(2) *Бакиев в Минске – это **холостой выстрел** и никаких политических последствий для Киргизии это иметь не будет* (Иносми. ру 24.04.2010).

(3) *Заявление президента страны Петра Порошенко являются не более чем **холостым выстрелом*** (Парламентская газета 10.07.2017).

Ю. Н. Куликова числу языковых явлений, функционирование которых способствует возникновению коннотаций в значении фразеологических единиц, относит такие способы семантических трансформаций, как метафора и метонимия. В метафорически употребленном слове первоначальное денотативное значение вытесняется контекстуальным, переносным, благодаря чему термин приобретает коннотативное значение [Куликова, 2011, с. 182]. Примеры ассоциативно-метафорической связи между составными терминами и омонимичными им фразеологизмами широко представлены в нашем материале. Сравним составной термин ботаники перекаати-поле 'степное или пустынное растение, при созревании отрывающееся от корня и перекаатываемое ветром' и фразеологизм перекаати-поле 'человек, постоянно переходящий, переезжающий с места на место':

(4) *Да ведь она **перекаати-поле**. Писала, что в Одессе, а где теперь носит её победную головушку – один Бог ведает* (К. Станюкович).

В данном случае метафорический перенос происходит на основе сходства производимого впечатления. Фразеологизм приобретает дополнительную коннотативную окраску пренебрежительности, которой не было в значении терминологического словосочетания.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Терминологические словосочетания являются активным источником пополнения фразеологического состава современного русского языка. Данные нашего материала насчитывают 245 фразеологизмов терминологического происхождения. Вопрос о характере отношений между составными терминами и фразеологизмами в лингвистике однозначно не решён. Полученные результаты позволяют определить характер отношений между данными

единицами как омонимический. Критериями омонимичности фразеологизмов и терминологических словосочетаний являются: семантический, квалифицируемый как основной (определяющий); морфологический, синтаксический, стилистический – определяются семантикой сопоставляемых языковых единиц и являются дополнительными. Стилистические различия фразеологических единиц и терминологических словосочетаний проявляются в сфере употребления данных языковых единиц и стилистическом разнообразии фразеологизмов терминологического происхождения. Значения фразеологизмов, в отличие от значений составных терминов, обладают способностью оценивать, выражать разнообразные отношения к обозначаемому. В семантической структуре фразеологизма, кроме категориальной, субкатегориальной, групповой и дифференциальной, выделяются яркие коннотативные семы. В структуру коннотативного компонента значения входят экспрессивность, эмоциональность, оценочность и стилистический компонент. Значение составных терминов аналитическое, в нём отсутствуют коннотативные семы. Таким образом, данные исследования показывают, что значения терминологических словосочетаний и фразеологизмов не совпадают. Общими для терминологического словосочетания и фразеологизма являются категориальная и периферийная семы. Поскольку омонимия – семантическое явление, основным критерием дифференциации составных терминов и образованных от них фразеологизмов следует считать различия в их семантике.

Данные об особенностях существования и функционирования внешних омонимов – фразеологизмов и терминологических словосочетаний – расширяют представление об омонимии как языковом явлении и уточняют общие закономерности существования омонимических отношений в языке. Проведенное исследование не ставит точку в изучении проблемы внешней омонимии фразеологизмов и терминологических словосочетаний и предполагает уточнение критериев омонимичности данных единиц посредством анализа их морфологических, синтаксических и грамматических особенностей.

Библиографический список

- Алефиренко, Золотых, 2000 – Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). Астрахань : Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 220 с.
- Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 256 с.
- Ахманова, 2004 – Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
- Барт, 1975 – Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / под ред. Е. Я. Басина. М. : Прогресс, 1975. С. 114–163.
- Блумфилд, 2002 – Блумфилд Л. Язык. 2-е изд-е, стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2002. 608 с.
- Верещагин, 1980 – Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980. 320 с.
- Винокур, 1939 – Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского ин-та истории, философии и литературы. Т. 5. М. : Литера, 1939. С. 3–54.
- Головин, Кобрин 1987 – Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М. : Высшая школа, 1987. 104 с.

- Даль, 1881 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М., 1881. Т. 4. С. 576.
- Ефимов, 1957 – Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М. : Изд-во МГУ, 1957. 448 с.
- Капанадзе, 1965 – Капанадзе П. А. О понятиях термин и терминология // Развитие лексики современного русского языка / под ред. Е. А. Земской. М. : Наука, 1965. С. 75–85.
- Кожин, 1969 – Кожин А. Н. Составные наименования в русском языке // Мысли о современном русском языке / под ред. В. В. Виноградова. М. : Просвещение, 1969. С. 32–48.
- Кузнецова, 1989 – Кузнецова Э. В. Лексикология современного русского языка. М. : Высшая школа, 1989. 216 с.
- Куликова, 2011 – Куликова Ю. Н. Способы формирования коннотативных значений концепта «Russie» во французской прессе (на материале газет «Le monde» и «Le figaro») // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 180–184.
- Ларин, 1977 – Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание М. : Просвещение, 1977. 224 с.
- Лаухина, 2006 – Лаухина С. С. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук; 10.02.01 / Лаухина Светлана Сергеевна ; Омский гос. пед. ун-т. Омск, 2006. 216 с.
- Пестова, 2010 – Пестова М. С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе в русском и английском языках // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 128–137.
- Пиотровский, 1952 – Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина // Ученые записки ЛГУ. 1952. № 161. С. 18–25.
- Попов, 1979 – Попов Р. Н. Семантико-стилистические особенности устойчивых составных наименований и их отличие от экспрессивных фразеологических единиц // Формирование значения лексических и фразеологических единиц. Курск, 1979. С. 92–99.
- Прохорова, 2011 – Прохорова В. Н. Русская терминология (Лексико-семантическое образование). М. : Книга по требованию, 2011. 125 с.
- Реформатский, 1986 – Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии / отв. ред. В. П. Даниленко. М. : Наука, 1986. С. 163–198.
- Реформатский, 1961 – Реформатский А. А. Что такое термин терминология // Вопросы терминологии / отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 46–54.
- Шаховский, 2008 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : Едиториал УРСС, 2008. 208 с.
- Шелов, 2003 – Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 280 с.
- Шмелев, 2008 – Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.
- Шанский, 1985 – Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.
- Юздова, Сагандыкова, 2012 – Юздова Л. П., Сагандыкова Д. Ф. Специфика фразеологической коннотации (на примере анализа коннотации адвербиальных фразеологизмов-характеризаторов качества процесса) // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2012. № 12. С. 227–234.

References

- Alefirenko, N. F., Zolotykh, L. G. (2000). *Problemy frazeologicheskogo znacheniya i smysla (v aspekte mezhurovnevoego vzaimodeystviya)* [Problem of phraseological meaning and sense (In the aspect of interlevel interaction of language units)]. Astrakhan : Astrakhan State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1995). Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova [Connotations as part of the word pragmatics]. *Isbrannye trudy* [Selected papers]. (Vol. II: Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of the language and systemic lexicography]). Moscow : Yazyki russkoi kul'tury Press. (In Russ.).

- Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2004). *Ocherki po obshhey i russkoy leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Bart, R. (1975). Osnovy semiologii [Fundamentals of semiology]. In E. Ya. Basina (Ed.), *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pros and cons] (pp. 114–163). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Bloomfield, L. (2002). *Yazyk* [Language]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Vereshchagin, E. V. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of the word]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Vinokur, G. O. (1939). *O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii* [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. Moscow : Litera Press. (In Russ.).
- Golovin, B. N., Kobrin, R. Yu. (1987). *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* [Linguistic foundations of terminology]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Dal', V. I. (1881). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. St Petersburg – Moscow. (In Russ.).
- Efimov, A. I. (1957). *Stilistika hudozhestvennoy rechi* [Stylistics of artistic speech]. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Kapanadze, P. A. (1965). O ponyatiyakh termin i terminologiya [On the concepts of term and terminology]. In E. A. Zemskaya (Ed.), *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of modern Russian vocabulary] (pp. 75–85). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kozhin, A. N. (1969). Sostavnye naimenovaniya v russkom yazyke [Compound names in Russian]. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Mysli o sovremennom russkom yazyke* [Thoughts on the modern Russian language] (pp. 32–48). Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (1989). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian lexicology]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Kulikova, Yu. N. (2011). Sposoby formirovaniya konnotativnykh znacheniy kontsepta «Russie» vo frantsuzskoy presse (na materiale gazet «Le monde» i «Le figaro») [Ways of connotative meanings development of the concept «Russia» in French press (On the basis of Le Monde and Le Figaro newspapers)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 130, 180–184.
- Larin, B. A. (1977). *Istoriya russkogo yazyka i obshee yazykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Laukhina, S. S. (2006). *Omonimiya frazeologizmov i terminologicheskikh slovosochetaniy v sovremennom russkom yazyke* [Homonymy of phraseological units and terminological phrases in modern Russian]. PhD in Philological sci. diss. Omsk : Omsk State Pedagogical University. (In Russ.).
- Pestova, M. S. (2010). Emotivnost' i otsenchnost' kak osnovnye komponenty konnotatsii disfemistichnykh frazeologicheskikh edinits, postroyennykh na giperbole v russkom i angliyskom yazykakh [Emotiveness and evaluativeness as key components of the connotation of dysphemistic phraseological units based on hyperbole in Russian and English]. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], 4, 128–137. (In Russ.).
- Piotrovskiy, R. G. (1952). K voprosu ob izuchenii termina [To the question of studying the term]. *Uchenye zapiski LGU* [Scientific Notes of Leningrad State University], 161, 18–25. (In Russ.).
- Popov, R. N. (1979). Semantiko-stilisticheskie osobennosti ustoychivyykh sostavnykh naimenovaniy i ikh otlichie ot ekspressivnykh frazeologicheskikh edinits [Semantic and stylistic features of stable compound names and their difference from expressive phraseological units]. *Formirovaniye znacheniya leksicheskikh i frazeologicheskikh edinits* [Lexical and phraseological units: Forming of meaning] (pp. 92–99). Kursk. (In Russ.).
- Prohorova, V. N. (2011). *Russkaya terminologiya (Leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian terminology (Lexical and semantic education)] Moscow : Kniga po trebovaniyu Press. (In Russ.).
- Reformatskiy, A. A. (1986). Mysli o terminologii [Thoughts on terminology]. In V. P. Danilenko (Ed.), *Sovremennye problemy russkoy terminologii* [Current issues of Russian terminology] (pp. 163–198). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).

- Reformatskiy, A. A. (1961). Chto takoe termin terminologiya [What is the term terminology]. In Y. D. Desherievb (Ed.), *Voprosy terminologii* [Terminology issues] (pp. 46–54). Moscow : USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Shahovskiy, V. I. (2008). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Shelov, S. D. (2003). *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya* [Term. Terminology. Terminological definitions]. St Petersburg : St Petersburg State University Press. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (2008). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [The issues of semantic analysis of lexis]. Moscow : LKI Press. (In Russ.).
- Shanskiy, N. M. (1985). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of modern Russian]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Yuzdova, L. P., Sagandykova, D. F. (2012). Spetsifika frazeologicheskoy konnotatsii (na primere analiza konnotatsii adverbial'nykh frazeologizmov-kharakterizatorov kachestva protsessa) [Specific character of phraseological connotations (By the example of the adverbial phraseological units connotation analysis characterizing the process quality)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 12, 227–234. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 01.02.2021; одобрена после рецензирования 24.10.2021; принята к публикации 29.10.2021.

The article was submitted 01.02.2021; approved after reviewing 24.10.2021; accepted for publication 29.10.2021.

УДК 81.373

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85

Лельхова Федосья Макаровна**Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок****г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация**

lelhovafm@yandex.ru

Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ

Аннотация

В статье проведён этнолингвистический анализ наименований ягодных растений в западных диалектах хантыйского языка с целью определения мотивирующих признаков и способов образования. Материалом для исследования послужили лексикографические источники по сынскому, шурышкарскому, приуральскому, казымскому, среднеобскому диалектам хантыйского языка, полевые диалектные записи и экспедиционные материалы автора, полученные в 2017–2018 гг. Для выявления способов образования фитонимов применялись словообразовательный анализ, элементы семантического и морфологического анализа. Для изложения результатов был использован описательный метод. В ходе исследования методом сплошной выборки найдено 56 народных наименований дикорастущих ягодных растений. Обнаружены вариативные названия ягодных кустарников в хантыйском языке, выделены диалектные особенности номинаций. Зафиксированы случаи вариативного написания (слитное или раздельное) и произношения (с различной степенью стяжения и разными огласовками). Систематизированы мотивационные признаки номинаций: сходство по цвету, сходство одной ягоды с другой, морфологические особенности растения, места произрастания, названия животных, пищей которых служит данная ягода. Самым частотным способом образования исследуемых номинаций оказалось сложение, семантический и суффиксация были менее частотны. Среди изученных номинаций заимствований практически не обнаружено.

Ключевые слова: лексические единицы, ягодные растения, способы образования, мотивировочный признак, хантыйский язык, диалект

© Лельхова Ф. М. 2021

Для цитирования: Лельхова Ф. М. Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 77–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85

Fedosia M. Lelkhova**Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development****Khanty-Mansiysk, Russian Federation**

lelhovafm@yandex.ru

Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno-linguistic study

Abstract

The article presents the results of ethno-linguistic study of berry plant names aimed to determine the motivating features of the nominations and word-building patterns in Western Khanty dialects. The material for the study comprised dictionaries of Synskiy, Shuryshkar, Ural, Kazym, Middle Ob dialects, dialect field recordings and expedition materials obtained by the author of this paper in 2017–2018. To identify word-building patterns, morpheme analysis was applied together with semantic and morphological analysis. Descriptive method was

used to present the results. During continuous sampling, 56 folk names of wild berry plants have been found. Variability of naming was noticed. The names were also characterized by variable spelling (separate vs joint up) and variable pronunciation (with liaisons and vowel alternations). Motivational features of the names included color resemblance, similarity of one kind of berry to another, morphological features of the plant, places of growth, names of animals feeding on the berries. Compounding turned out the most frequent word-building pattern, semantic derivation and suffixation were also present but much less frequent. Among the names, practically no loan words were found.

Keywords: lexical units, berry plants, word-building patterns, motivational feature, Khanty language, dialect

© Lelkhova F. M. 2021

For citation: Lelkhova, F. M. Motivatsionnye priznaki nominatsiy dikorastushchikh yagodnykh rasteniy v khantyyskom yazyke: etnolingvisticheskiy analiz [Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno-linguistic study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 77–85. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_77_85

1. Введение [Introduction]

Исследования лексики по принципу изучения тематических групп являются актуальными и перспективными в современном языкознании. Названия ягодных кустарников и ягод представлены богатым лексическим материалом и отражают национальное своеобразие языка. Настоящая статья призвана внести вклад в заполнение существенной лакуны, образовавшейся в описании хантыйского языка в связи с недостаточным количеством работ, посвящённых семантике слова. В лингвистике проявляется стремление полнее и глубже исследовать семантические особенности лексем, поскольку изучение семантики слова даёт необходимый материал для описания лексико-семантической системы языка. В данной работе проведён этнолингвистический анализ названий ягодных растений в северных диалектах хантыйского языка, относящихся к западной группе диалектов¹, с целью выявления мотивационных признаков. Цель предлагаемой статьи – комплексное изучение особенностей лексических единиц, обозначающих названия ягодных растений и их плодов, выявление лексических и структурных особенностей номинаций в диалектах исследуемого языка. Систематизация и описание семантики данной лексико-семантической группы были выполнены в предыдущей работе [Лельхова, 2020, с. 6–11]. Имеется немало лингвистических исследований по финно-угорским и уральским языкам, посвящённых фитонимической лексике. Так, М. В. Боброва рассматривает вариативность в области диалектной фитонимической номенклатуры, зафиксированной в русских говорах Пермского края, выявляет общерусские закономерности и региональные особенности. Анализируя литературу, автор обращает внимание на недостаточное количество работ, посвящённых ягодам [Боброва, 2017, с. 59–77]. Среди рассмотренной литературы, упоминаются работы И. В. Бродского и В. Б. Колосовой, в которых изучались наименования ягод, включающие 'медвежьи' компоненты [Бродский, 2007; Колосова, 2012]. Названия ягод брусники и морошки в финно-угорских языках исследованы И. В. Бродским. Автор ставит под сомнение древнее происхождение названий брусники и морошки в прибалтийско-финских языках, угорских и самодийских языках на основании отсутствия «древних уральских» названий ягод в финно-пермских языках: мордовских, марийском, удмуртском, диалектах коми-пермяцкого языка; в доказательство приведено множество примеров автохтонных названий этих растений [Бродский, 2014, с. 124–139].

¹ Западные диалекты можно назвать собственно хантыйскими, а восточные – кантыкскими, так как носители первых именуют себя yantdy Jay, а восточные – qantdy Jay. В западную группу входят северные диалекты (диалекты обдорской группы (обдорский), диалекты приобской группы (Шурышкарский, Березовский, казымский, среднеобский) и южные диалекты (Иртышский, Кондинский, демьянский).

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили 1) словарные статьи лексикографических источников по диалектам хантыйского языка, 2) полевые диалектные записи, как устные, так и письменные, автора настоящей статьи, сделанные в экспедициях 2017–2018 гг. Интересующие лексические единицы были отобраны методом сплошной выборки. Далее применялись методы словарных дефиниций, семантического, словообразовательного, морфологического анализа. Результаты изложены с помощью описательного метода.

В ходе исследования было найдено 56 наименований ягодной флоры, растущей на территории проживания хантыйского этноса: общие названия – 8, голубика – 5, черника – 3, водяника – 4, морошка – 3, брусника – 5, клюква – 9, княженика, поленика, косяника, дикая земляника – 6, малина – 5, чёрная смородина – 2, красная смородина – 2, толокнянка – 4. Ниже представлены результаты этнолингвистического анализа, направленного на выявление их мотивационных признаков.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Общее (родовое) название. Лексема *ягода* имеет общевидовое значение 'небольшой сочный плод кустарниковых или травянистых растений'. Обобщающее значение 'ягода' в диалектах хантыйского языка представлено 8 лексическими единицами с разными степенями стяжения и фонетических огласовок в зависимости от говора: сын. *во̆нцэ̆м̆от* / к. *во̆нцэ̆мут* / ср.-об. *во̆нцимот*; *во̆нцт̆от* / *во̆нцт̆ут* / *во̆нцтот*; *рых* / пр. *рэх* / ср.-об. *рих*; сын., ш. *лэ̆вэ̆пса*, сын., ш. *унт лэ̆вэ̆пса*. В диалектологическом источнике отмечается самостоятельно не используемое родовое название *вөл* казымского диалекта (*вө̆цвөл*) [ДА, 2017, с. 159]. Поскольку в хантыйском языке не выработаны нормы единого правописания, в словарях и литературе наблюдается как слитное, так и раздельное написание слов (*во̆нцэ̆м̆ от*, *во̆нцимот*, *во̆нцэ̆мут*).

Родовым названием для лесных ягод можно назвать и слова *лэ̆вэ̆пса*, *унт лэ̆вэ̆пса*. Народ ханты не занимался выращиванием садовых ягод, ягоды собирали в природе. В сынском диалекте, по словам пожилых диалектоносителей (информация М. И. Лонгтортова), всё что растёт в лесу, на природе, добывается человеком для пропитания, называется словом *лэ̆вэ̆пса*, *унт лэ̆вэ̆пса* в дословном переводе 'лесная пища (еда)' (от глагола *лэ̆вантэ̆ты* 'питаться'), в первую очередь эти лексемы относятся к ягодам, шишкам. В этом заключается отличие семантики лексемы *лэ̆вэ̆пса* от значения слова *лэ̆т̆от* 'еда, пища, продукты'.

Общевидовым словом для наименований ягод, растущих в борах, являются лексемы *йохэм рых* / *ёхым рих*, *йохэм во̆нцэ̆м̆от* / *йохэм во̆нцэ̆мут* (букв. 'боровая ягода'). По устному сообщению В. К. Пырысей, в борах, в светлых сосновых, смешанных лесах растут брусника (*ёрты рых*), толокнянка (*лук рых*), голубика, черника, водяника, в числе конкретных названий для обозначения перечисленных ягод используется сочетание *боровая ягода*.

Голубика. В хантыйском языке название голубики сын. *тохтан рых* 'лопающаяся ягода', к. *тохтэ̆вөл*. По словам жителей реки Сыня М. И. Лонгтортовой и В. К. Пырысей, голубика получила своё название потому, что, после того, как ягода созреет, её кожа становится тонкой и при сборе лопается. М. И. Лонгтортова сообщила: «В детстве у меня не было такой ассоциации, что наименование этой ягоды связано с гагарой. Ягода голубика из всех ягод раньше всех начинает лопаться, рваться, как созрела, пачкает руки; я и не думала, что название ягоды связано с птицей гагарой». Следовательно, в основе номинации лежит глагол действия *тохты* 'рваться, лопаться'.

В дикой природе голубика растёт в хвойных и смешанных лесах, в борах, в каменистой тундре, а также в заболоченных и мшистых местах. По наблюдениям ханты, в берёзовых лесах голубика не растёт. Голубику ханты именуют и боровой ягодой *йохам рых* / *ёхым рих* (Л. В. Кашлатова), в названии отражено произрастание ягоды в светлых боровых лесах.

В основе следующего наименования ягоды сын. *вёсты рых* (букв. 'синяя / зелёная ягода') лежит характеристика, основанная на установлении сходства денотата по цвету: зелёный цвет листьев и синий цвет плодов растения. В среднеобском диалекте название голубики представлено диалектным устойчивым сочетанием *тохтау вот*. Этимология слова неясна. Итак, выявлено шесть диалектных номинаций многолетней ягоды, в которых задействованы основосложение, словосложение и семантический способы.

Черника. Наименование многолетнего ягодного кустарничка черники представлено в диалектах языка тремя лексическими единицами: сын., ш. *сэвэпсы* / к. *сэвупсы* / ср.-об. *сэвумса*, сын. *йохам рых* / *йохым рих*, *йохам воъицэмёт*. Черника в природе произрастает преимущественно в северных лесах, главным образом сосновых, еловых и берёзовых, любит хорошо увлажнённые территории, поэтому растёт и на болотах. Низкорослые кустики, которые практически стелятся по земле. У растения разветвлённый, ползучий корень. Побеги гибкие, ветвистые. Их цвет меняется от зелёного до тёмно-коричневого по мере взросления экземпляра. Поскольку кустарник листопадный, с приходом поздней осени на побегах не остаётся ни одного листочка. Ягоды черники расположены поодиночке. Когда черника созреет, кожица плодов становится тёмно-синей, ближе к чёрной. Её покрывает сизоватый (белёсый) налёт. По словам информанта Н. К. Лонггортвой (Макаровой), черника так называется потому, что листья её сильно переплетаются: *сэваццэт*. В основе номинации лежит глагол действия, так как название ягоды сын. *сэвэпсы* произошло от глагола *сэваццты* 'переплетаться' с помощью словообразовательного суффикса *=эпсы* / *=амсэ*. Стебли, листья черники, как было отмечено, растут сильно переплетаясь.

Водяника. Для обозначения водяники в диалектах хантыйского языка используются четыре лексические единицы: сын. *амп рых*, к. *ампвөл* (букв. 'собачья ягода'), ср.-об. *амп вот*. В названии ягоды устойчивое сочетание с затемнённой этимологией. Названия ягод в средне-обском диалекте записаны Л. В. Кашлатовой, диалектоносители не смогли уточнить происхождение наименований, имеющих в своём составе устойчивые сочетания.

Водяника обитает, преимущественно, в болотистых местностях, при наличии вокруг мха. Встретить разновидности кустарника можно на прохладных каменистых склонах, в сосновых лесах. Также растение обитает в тундре, преимущественно, в местах, покрытых мхом и лишаем. Водяника чёрная (шикша) представляет собой стелющийся кустарничек небольшого размера. В мякоти ягоды содержится большое количество сока, поэтому в русском языке её чаще всего именуют водяникой (другие названия – шикша, сикса, психа, чёрная трава, синявишна трава, багновка, вороника, медвежья ягода, лыха, верис). Подолгу собирая в лесу ягоды, ощущая жажду, ханты ели вдоволь вкусную ягоду водянику, много воды в лесу не пили, жажду утоляли водяникой. Если и собака ела водянику, то говорили: *ампем па йицк йиъицтыя ўратэл*. Часто водяника растёт в сосновых борах, поэтому эта лесная ягода относится к группе *йохам рых* / *ёхым рих*, мотивационным обоснованием выступает место произрастания растения. Итак, в хантыйском языке номинация образована способом сложения.

Брусника. Брусника в диалектах представлен пятью наименованиями: сын. *ўрты рых* / ш. *вурты рых* / ср.-об. *рых*, *вурты рых*; *ўрты воъицэмёт* / к. *вурты воъицэмут* (букв. 'красная ягода'); *йохам рых*; *йохам воъицэмёт* / *йохам воъицэмут* / *ёхым воъицимот* (букв. 'боровая ягода'), азов. *ўрты воъ*.

«В с. Азовы, находящемся в непосредственной близости с ареалом распространения казымского диалекта, зафиксировано название *ўрты воь*» [Диалектологический атлас..., 2017, с. 159]. Наименование растения в диалектах мотивировано цветом ягоды (красная ягода), а также местом произрастания растения. В исследовании В. Г. Лебединской, посвящённой названиям ягод в славянских языках, также указывается на данный мотивационный признак: образование названий от корня *бор* = для растений, растущих в бору, закономерно и имеет место во многих языках и диалектах: *бор-овинка* (болг.), *бор-івка* (укр.), *bor-owka* (польск., чеш., н.-луж.), *бор-овица* (серб.), *bor-ov-nica* (словацк., серб., словенск.) и др. [Лебединская, 2017, с. 33–35]. Брусника именуется боро-вой ягодой и во многих финно-угорских языках: эрз. *пиче умарь*, мокш. *пиче* || *марь* 'сосновая ягода', мар. *пӧчыж* 'брусника' (луг.) / 'клюква' (гор.) букв. 'сосна', удм. *ляг* || *мульы* || *пуд*, яг || *мульы* || *пу(д)* букв. 'боровое ягодное дерево' [Бродский, 2014, с. 127–128].

Клюква. Клюква в диалектах хантыйского языка именуется множеством народных названий, представлено девять лексических единиц: сын. *кал рых* (букв. 'болотная ягода'), сын. *ьарсув рых* 'ягода, [растущая] на сфагнуме', ш. *сота рых* 'болотная ягода', ш. *ьурам рых* (букв. 'лесотундровая ягода'), пр. *лӧпта рэх* (букв. 'низинная ягода'), к. *хумӓсвӓл* 'клюква', сын. *хӧмалы рых* (разновидность клюквы) (букв. 'вогнутая ягода'), сын. *хӧмӓс рых* (разновидность клюквы) (букв. 'ягода [растущая] на кочках'), сын. (заим.) *куьик*.

В казымском диалекте хантыйского языка клюква – *хумӓсвӓл*. Лексический вариант данной диалектной единицы сын. *хӧмӓс рых* (кочка + ягода), а также *хӧмалы рых* (вогнутость + ягода) на реке Сыня – это разновидности клюквы, растущие во влажных местах в лесу, в борах, в местах, где имеется мох, сфагнум. Эта ягода растёт на кочках, ягоды некрупные, небольшие, продолговатой формы. Ханты не собирали её и не употребляли в пищу. Последнее название ягоды в виде слова *куьик* является заимствованием из русского языка – трансформированной формой лексемы *клюква* (информация представлена В. В. Куртямовой). Наименования ягоды являются по форме сложными и, в основном, указывают на место произрастания ягоды (7 названий).

В наименовании сын. *хӧмӓс рых* (разновидность клюквы) и его вариации к. *хумӓсвӓл* (кочка + ягода) также отражён принцип номинации по признаку географического распространения (место и условие произрастания). В дословном переводе лексическая единица сын. *хӧмалы рых* (разновидность клюквы) (вогнутость + ягода). Из этого следует, что номинационным признаком разновидности клюквы в данном случае является «обозначение особенностей морфологического строения растения».

Морошка. Северная ягода морошка является травянистым многолетним растением, относится к роду «Малина». Для обозначения морошки используются три лексемы. Лексема сын. *мурӓх* с фонетическими вариантами в диалектах к. *мӧрӓх* / ср.-об. *мурых*. Ягоды морошки очень полезны для здоровья. Когда плод морошки не совсем спелый, то его костянка издаёт хруст, когда её едят, поэтому мы склоняемся к тому, что в основе номинации лежит глагол действия *мӧрӓлӓтты* 'издавать хруст при поедании', 'есть с хрустом'. Семантический способ образования наименования морошки можно объяснить мотивировочным признаком – морфологическое строение растения: в плодах ягоды морошки присутствуют косточки, которые при поедании издаются звуки хрустения. В сынском диалекте повсеместно сохранилось сакральное наименование морошки – ягода старика *ин икен лӓты ӧт* 'медвежья ягода' (букв. 'еда старика'), *ин икен воьыцӓтӧт*, в качестве мотивемы выступает признак растения «название животного, у которого ягода выступает источником питания». По словам Н. К. Лонгоровой, морошку красного цвета, с трёхлопастными листьями, с двумя 2–3 семечками нельзя собирать и употреблять в пищу людям. Данный факт описан и в научной литературе: «Женщины не брали ягоды с двумя-тремя глазками. Их оставляли для птиц и зверей. Эта традиция была связана с деторождением» [Лапина, 1998, с. 27].

Чёрная смородина. Сморо́дина чёрная – листопадный кустарник с душистыми ягодами, принадлежит к семейству крыжовниковых, представлена номинациями из одного-двух слов: сын. *шупши* 'смородина', *шупши рых* 'смородина ягода', с различными фонетическими вариациями в диалектах: к. *шөмиши* / ср.-об. *шумши*. В название ягоды, вероятно, положена форма плодов. Форма ягод смородины округлая, овально-продольная или несколько сдавленная с полюсов. Так, существительное *шупши* 'чёрная смородина', (ср. *шуп* 'часть, кусок, половина') произошло от слова *шуп* 'половина' (ягоды приплюснутой формы, как бы немного половинчатые), возможно, от глагола *шумэжтэм* букв. 'сделать зарубку, отметину'.

Красная смородина. Наименований, обозначающих красную смородину, в диалектах хантыйского языка два: сын. *ўры-мõлы* / *ўр-мõлы*, к. *вўрмаь* / ср.-об. *вурмаь* 'красная смородина'. Лексема *ўры-мõлы*, по нашим предположениям, образована от глагольных основ *ўрты*=*-мõлы*= 'краснеться + хрустеть', путём присоединения именного словообразовательного аффикса =ы к первому корню, во втором корне причастный суффикс выпал. Семантика слова объясняется цветом плода смородины (ярко красного цвета), также в основе номинации лежит глагол действия *мõлыты* 'хрустеть'.

Малина. Листопадный кустарник из семейства розовых. Малина имеет несколько вариаций названий ягоды в зависимости от ареала распространения. Нами обнаружено пять диалектных единиц. По форме они являются сложными и имеют в своём составе названия животных. Как отмечает А. Н. Ракин, зоонимический компонент в названии указывает на те животные, которыми преимущественно поедаются соответствующие растения [Ракин, 2005, с. 174]. У северных ханты дикая малина – ягода священного животного, в состав наименования входят два сложных слова: сын. *йивпõхийэн воьщэм õт* (букв. 'сыном медведем собранное'), *ин икен воьщтõт* (букв. 'собираемое стариком медведем'). В шурышкарском диалекте зафиксировано наименование *мойпәр воьщтот*. Таким образом, мотивировочным признаком номинации ягоды является «название животного, у которого ягода выступает источником пищи». В казымском диалекте малину называют *вөщвөж*, в азовском говоре именуется как *вущвул*. В среднеобском диалекте для обозначения ягоды малины употребляется устойчивое словосочетание *усь вот*.

Княженика, поленика, костяника, дикая земляника. Для обозначения лесных ягодных растений – княженики, поленики, костяники – используется шесть лексических единиц. Номинацией сын. *щищки рых* (букв. 'птичья ягода') северные ханты именуют лесную ягоду княженику и похожую на неё ягоду поленику (в некоторой литературе поленика рассматривается как простонародное название-синоним). В литературе по хантыйскому языку ошибочно эту ягоду переводят как земляника, но земляника на севере не растёт, в настоящее время её специально выращивают в огороде, в сильные морозы она может вымерзнуть. Небольшая сладкая ягода, которую всегда ели ханты, в ботанической литературе называется княженикой, или поленикой. В сынском диалекте княженика (поленика) номинируется как 'ягода медведя', при этом употребляется сакральное имя зверя: сын. *ин икен воьщты õт*, *ин икен лэты õт* 'княженика'. Ягодой птички – *щищки рых* – называют также и костянику, которая повсеместно растёт на севере, на территории проживания народа ханты. Это многолетнее травянистое растение, относящееся к семейству розоцветных, из того же рода, что малина, ежевика и другие. Плоды костяники состоят из 3–6 сросшихся сочных костянок ярко-красного цвета. На вкус они кислые. Отличие ягоды костяники от малины в том, что косточка у неё крупнее и жёстче, поэтому заметна при еде. Отсюда и название ягоды – костяника. На языке казымских ханты – *щищкивөж* 'княженика'. Таким образом, в диалектах хантыйского языка

основным признаком номинации указанных ягод является «название птицы, животного, у которого ягода выступает источником пищи». Семантический способ образования следующего названия ягоды можно объяснить двумя мотивировочными признаками: размер ягоды (ягоды княженики, костяники значительно меньше морошки) и форма ягоды (внешнее сходство княженики с морошкой): к. *ай мөрэх* (букв. 'небольшая морошка'). В основе номинации лежит форма плода, так как ягоды княженики имеют внешнее сходство с ягодой морошки, что и явилось мотивировочным признаком. Для обозначения лесной ягоды – княженики – носители среднеобского диалекта употребляют устойчивое сочетание *щищики вот*.

Толокнянка. Толокнянка – это многолетний, вечнозелёный, карликовый, стелющийся кустарничек с подземными побегами, относящийся к семейству вересковых. В сынском диалекте толокнянка – это *лүк рых* 'глухарина ягода', *лүк лэты рых* (букв. 'ягода, которой питаются глухари'), также известна сакральная номинация: *ин икев воьщтот* 'медвежья ягода' (букв. 'собираемое стариком-медведем'), номинация *моми рых* (букв. 'лесных существ ягода'), здесь имели ввиду, что это ягода хищных лесных зверей, её нельзя собирать, *моми* – одно из сакральных имён животных. В хантыйской культуре сформировалось особое отношение к толокнянке – она считается почитаемой, священной ягодой: *йэмэу воьщтот*. Толокнянкой питаются глухари, медведи, лисы, россомахи и другие животные, человеку употреблять её в пищу не рекомендуется. Особо обращали на это внимание детей, ненавязчиво, в целях сохранения здоровья, объясняя им про ягоду, которой питаются лесные дикие звери, птицы, в связи с чем в хантыйской языковой картине мира данная ягода представляется как источник пищи для птиц и животных, что и является обоснованием для мотивации.

3. Заключение [Conclusion]

В диалектах хантыйского языка названия растений имеют большое количество вариаций. Источники возникновения диалектных вариантов названий обусловлены многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В ходе исследования выявлены и систематизированы 56 наименований ягодных растений. Выявлены мотивационные признаки, побудившие носителей языка к созданию номинаций фитонимов. Типичными признаками, которые могут быть определены в качестве основы наименования растения являются следующие: особенность морфологического строения растения (специфика переплетения, форма, размер), внешний вид (схожесть с другим ягодным растением), название животного/птицы, у которого ягода выступает источником питания, географическое распространение (место и условия произрастания), цветовая окраска и т. д. В основе номинации некоторых ягодных растений лежит глагол действия.

Систему названий ягодных кустарников и их плодов составляют исконные лексические единицы. В названиях ягод отсутствуют иноязычные компоненты, единственное зафиксированное от не говорящей на русском языке пожилой женщины заимствованное название ягоды *кулык* является трансформированной формой лексемы *клюква*. В проанализированных лексических единицах выделяются непроемные основы, большее количество названий растений образованы основосложением, словосложением. Данный способ номинации является самым продуктивным, с помощью него образовано 63,15% наименований ягодных растений. Некоторые лексемы совмещают в себе сложение основ и суффиксацию. Менее частотен семантический способ (8,7% названий). Ещё меньшей производительностью характеризуется суффиксация, с помощью которой было образовано 5,2% фитонимов. Для обозначения наименований некоторых ягод на территории распространения среднеобского диалекта употребляются устойчивые сочетания с компонентом *вот*, этимология идиоматических выражений неясна.

Благодарности [Acknowledgments]

Автор благодарит проект Pohjoishantin Šuryškarin kirjakielen kieliopin ja muiden aruneuvojen laatiminen, а также Koneen Säätiö в рамках которого были организованы экспедиции к северным ханты для сбора диалектологического материала.

Информанты: 1) М. И. Лонгорт – Лонгорт Макара Иванович, 1938–2019 г. г., д. Овалынгорт, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа; 2) В. В. Куртямова (Лонгортова) – Варвара Васильевна Куртямова, 1935 г. р., д. Вутвожгорт, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа; 3) М. И. Лонгортова – Лонгортова Мавра Ильинична, 1966 г. р., д. Овалынгорт, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа; 4) Н. К. Лонгортова – Лонгортова (Макарова) Нина Кирилловна, 1967 г. р., д. Овалынгорт, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа; 5) В. К. Пырысева (Макарова) – Пырысева Валентина Кимовна, 1968 г. р., д. Ямгорт, Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа; 6) Л. В. Кашлатова (Лыскова) – Кашлатова Любовь Васильевна, 1954 г. р., пгт. Березово (род. д. Мулигорт), Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа. Данные приведены с разрешения информантов.

Список сокращений и условных обозначений

аз. – азовский говор хантыйского языка; к. – казымский диалект хантыйского языка; пр. – приуральский диалект хантыйского языка; ср.-об. – среднеобский диалект; сын. – сынский диалект хантыйского языка; ш. – шурышкарский диалект хантыйского языка.

Библиографический список

- Боброва, 2017 – Боброва М. В. Названия ягод и ягодных растений в русских говорах Пермского края и иных территорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 59–77.
- Бродский, 2007 – Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб. : Наука, 2007. 210 с.
- Бродский, 2014 – Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 124–139.
- Диалектологический атлас..., 2017 – Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Н. Б. Кошкарева [и др.] / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Калининград : Изд. Дом «РОСТ-ДООФК», 2017. 256 с.
- Колосова, 2012 – Колосова В. Б. 'Медвежьи' растения в русских говорах // Русская речь. 2012. № 5. С. 94–97.
- Лапина, 1998 – Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 115 с.
- Лебединская, 2017 – Лебединская В. Г. Наименования ягод в славянских языках: сравнительно-сопоставительный анализ // Международный научно-исследовательский журнал. Вып. 3, № 57, Ч. 2. 2017. С. 33–35. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.098>
- Лельхова, 2020 – Лельхова Ф. М. Номинации ягодной флоры в диалектах хантыйского языка // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 6–11.
- Ракин, 2005 – Ракин А. Н. Названия животных в составе фитонимов коми языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов : материалы III Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 173–175.

References

- Bobrova, M. V. (2017). Nazvaniya yagod i yagodnykh rasteniy v russkikh govorakh Permskogo kraia i inykh territoriy [Berry and berry plant names in Perm local accents and on other territories]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2017* [Lexical Atlas of

- Russian local accents (Research materials)] (pp. 59–77). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Brodskiy, I. V. (2007). *Nazvaniya rasteniy v finno-ugorskikh yazykakh (na materiale pribaltiysko-finskikh i komi yazykov)* [Plant names in Finno-Ugric languages (Based on Pre-Baltic, Finnic and Komi languages)]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Brodskiy, I. V. Vozvrashchayas' k drevneyshim nazvaniyam yagod v finno-ugorskikh yazykakh (brusnika i moroshka) [Back to ancient berry names in Finno-Ugric languages (Cowberry and cloudberry)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical Atlas of Russian local accents (Research materials) 2104] (pp. 124–139). St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Koshkareva, N. B. (Ed.). (2017). *Dialektologicheskiy atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialect Atlas of Uralic languages in Yamal-Nenets Autonomous Area]. Kaliningrad: ROST-DOAFK Press. (In Russ.).
- Kolosova, V. B. (2012). 'Medvezh'i' rasteniya v russkikh govorakh [Plants related to bears in the Russian dialects]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 5, 94–97. (In Russ.).
- Lapina, M. A. (1998). *Etika i etiket khantov* [Khaty ethics and etiquette]. Tomsk : Tomsk University Press. (In Russ.).
- Lebedinskaya V. G. (2017). Naimenovaniya yagod v slavyanskikh yazykakh: sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz [Names of berries in Slavic languages: Comparison and collation]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 3 (57), Part 2, 33–35. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.57.098> (In Russ.).
- Lel'khova, F. M. (2020). Nominatsii yagodnoy flory v dialektakh khantyyskogo yazyka [Nominations of berries in the dialects of the Khanty language]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 12 (1), 6–11. (In Russ.).
- Rakin, A. N. (2005). Nazvaniya zhivotnykh v sostave fitonimov komi yazyka [Animal names in fitonyms of the Komi language]. *Istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya yazykov i kul'tur finno-ugorskikh narodov* [Finno-Ugric languages and cultures: Diachrony, synchrony and perspectives] : Proc. III All-Russia Scientific Conference in Finno-Ugric studies] (pp. 173–175). Syktyvkar. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.03.2021; одобрена после рецензирования 03.06.2021; принята к публикации 03.11.2021.

The article was submitted 04.03.2021; approved after reviewing 03.06.2021; accepted for publication 03.11.2021.

Озонова Айяна Алексеевна
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
ajanao@mail.ru

Структурные типы целевых конструкций в алтайском языке (в сопоставлении с тувинским и якутским)

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть структурные типы полипредикативных конструкций, выражающих целевые отношения в алтайском языке, в сопоставлении тувинским и якутским. Материалом исследования послужила выборка примеров из фольклорных и художественных текстов, периодических изданий на алтайском языке. Для сопоставления использованы статьи и монографии по синтаксису тувинского и якутского языков, академические грамматики данных языков. В ходе исследования применялись дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы и метод структурного моделирования. Выявлено, что в рассматриваемых языках целевые отношения выражаются монофинитными (причастно-падежными, причастно-послеложными, деепричастными) и бифинитными конструкциями союзного типа. В результате установлено, что система целевых конструкций рассматриваемых языков различаются составом синтаксических конструкций, а также составом послелогов и причастно-падежных форм, участвующих в их образовании. В алтайском языке выделены 6 моделей целевых конструкций, в тувинском – 8 (по исследованиям Л. А. Шаминой), в якутском – 14 (по данным Н. Н. Ефремова). Установлено, что система целевых конструкций является наиболее развитой в якутском языке, во всех привлеченных к анализу языках доминируют монофинитные конструкции. Выявлены две общие для этих языков конструкции: монофинитная причастная с причинно-целевым послелогом *учун / ужун / иһин* 'из-за; чтобы' и бифинитная с общетюркской скрепой *деп / диэн* 'чтобы'. Деепричастные целевые конструкции в рассматриваемых языках являются моносубъектными, причастно-падежные и причастно-послеложные – вариативно-субъектными. Перспективу исследования составит изучение функционально-семантических типов целевых конструкций алтайского языка и сопоставление их с другими сибирскими тюркскими языками.

Ключевые слова: тюркские языки, алтайский язык, синтаксис, полипредикативная конструкция, целевая конструкция

© Озонова А. А. 2021

Для цитирования: Озонова А. А. Структурные типы целевых конструкций в алтайском языке (в сопоставлении с тувинским и якутским) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 86–96. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_86_96

Aiiana A. Ozonova
Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ajanao@mail.ru

Patterns of semantics forming for the *-out* component in verb-adverbial compounds

Abstract

The current paper aims to analyze structural types of polypredicative sentences of purpose in the Altai language in comparison with Tuvan and Yakut. The material for this study was obtained by continuous sampling from

folklore, fiction and Press in the Altai language. For comparison with Tuvan and Yakut, books and articles covering grammar issues of those languages, particularly syntax, were used. In the course of study, descriptive and comparative methods were applied together with the method of structural modeling. It was found that in order to express purpose, the following patterns are used: (i) monofinite (participial-case, participial-postpositional, adverbial-participial), and (ii) bifinite with conjunctions. The comparison showed that the systems of patterns expressing purpose in the languages differ in syntactic arrangement, postpositions and participial-case forms. This study enabled to identify 6 patterns of purpose in Altai compared to 8 in Tuvan described by L. A. Shamina and 14 in Yakut identified by N. N. Efremova. Clearly, Yakut demonstrates the most developed system of the patterns. It was also found that in all the three languages, monofinite patterns are dominant. Two patterns were identified as common for the three languages: (i) monofinite participial pattern with reason-purpose postposition учун / ужун / уһун 'because of, in order to', and (ii) bifinite pattern with the common Turkic link *ден / дүэн* 'in order to'. Another finding was that adverbial-participial patterns are mono-subject while participial-case and participial-postpositional patterns are variable-subject. The outlook for further study will include semantic types and functioning analysis of the patterns of purpose in Altai compared to other Siberian Turkic languages.

Keywords: Turkic languages, Altai language, syntax, complex sentence, purpose construction

© Ozonova A. A. 2021

For citation: Ozonova, A. A. Strukturnye tipy tselevykh konstruksiy v altayskom yazyke (v sopostavlenii s tuvinskim i yakutskim) [The structural types complex sentences with clauses of purpose in the Altai language (Compared to Tuvan and Yakut)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(4), 86–96. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_86_96

1. Введение [Introduction]

Ц е л ь статьи — описать структурные типы целевых полипредикативных конструкций (далее — ППК) в алтайском языке в сопоставлении с тувинским и якутским. Выбор языков сопоставления обусловлен тем, что все они, с одной стороны, географически относятся к сибирским языкам, с другой стороны, в существующих классификациях тюркских языков входят в разные языковые группы. Кроме того, в тюркологии целевые ППК наиболее полно описаны на материале якутского, тувинского и казахского языков [Ефремов, 1998, 2016 ; Шамина, 2001, 2017 ; Тажибаева, 2001]. В алтайском языке основные целевые конструкции рассматривались в коллективной монографии по осложнённым предложениям [Тыбыкова и др., 2013], а также привлекались для сопоставления при описании каузальных конструкций казахского языка [Тажибаева, 2001].

Целевые предложения, наряду с причинно-следственными, условными, уступительными, входят в круг конструкций, выражающих отношения обусловленности или каузальности [Русская грамматика, 1980, с. 562 ; Евтюхин, 1996, с. 138–174 и др.]. В целевых ППК «ситуация-1, размещённая в главной части, нацелена на осуществление ситуации-2, выступающей одновременно и в качестве стимула-причины, и в качестве потенциального результата» [Скрибник, Даржаева, 2016, с. 223]. Субъект целеполагания — сознательно действующее лицо, поскольку достижение запланированного, желательного события-цели предполагает сознательную, активную деятельность субъекта. Целевые конструкции в большинстве своём моносубъектны, либо употребляются преимущественно в моносубъектном варианте, поскольку цель, как правило, ставят и достигают для себя.

Главная часть целевой конструкции выражает целенаправленные действия, зависящая часть — цель, которая должна быть достигнута в результате этих действий. Целенаправленные действия могут быть реальными или потенциальными, но цель всегда даётся как потенциальная, даже если реально она уже достигнута или никогда не будет достигнута.

М а т е р и а л о м для исследования послужила выборка примеров из фольклорных и художественных текстов, периодических изданий на алтайском языке. Всего

было проанализировано 36 разножанровых произведений: 12 фольклорных (включая 2 эпоса и 10 фольклорных произведений малых жанров) и 24 художественных произведения. По этим произведениям была получена выборка из 160 фраз содержащих целевые конструкции. Для сопоставительного анализа были использованы статьи и монографии по синтаксису тувинского языка [Шамина, 1983, 2001, 2017], якутского языка [Ефремов, 1996, 1998, 2016], а также академические грамматики данных языков. При анализе языкового материала использованы следующие методы исследования – дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, метод структурного моделирования.

1.1. Структурные типы целевых конструкций [Structural types of clauses of purpose]

В таблице 1 схематично суммированы результаты анализа нашего языкового материала по алтайскому языку, синтаксических работ по тувинскому языку [Шамина, 1983, 2001, 2017], трудов по якутскому языку [Ефремова, 1996, 1998, 2016]. Исследование показало, что в алтайском, тувинском и якутском языках целевые конструкции представлены монофинитными и бифинитными конструкциями. Предикаты зависимой предикативной единицы (далее – ЗПЕ) как монофинитных, так и бифинитных целевых конструкций могут иметь различную морфологическую форму. Для современного алтайского языка нами выделено 6 целевых ППК (5 монофинитных и 1 бифинитная) по сравнению с 8 конструкциями (6 монофинитными и 2 бифинитными), выделенными Л. А. Шаминой для тувинского языка, и 14 конструкциями (12 монофинитными и 2 бифинитными), выделенными Н. Н. Ефремовым для якутского языка. Сравнение показало, что в трёх языках монофинитные конструкции доминируют над бифинитными.

Т а б л и ц а 1. Форма предиката ЗПЕ в целевых конструкциях
[Table 1. Predicate form of a dependent predicative unit in clauses of purpose]

Структурные типы	Языки		
	алтайский	тувинский	якутский
Монофинитные			
Tv=CV			
Tv=п	+	+	
Tv=аары			+
Tv=маары			+
Tv=a			+
Tv=PART=POSS=CASE			
Tv=ap=DAT	+		+
Tv=ap//=DAT			+
Tv=ыах//=ACC			+
Tv=PART=POSS=CASE + POSTP			
Tv=ap//=DAT + болуп	+		
Tv=ap//=(GEN) + тув. ужун Tv=ap//=+ алт. учун	+	+	
Tv=ap//= биле		+	
Tv=ap//= дээш		+	

Окончание таблицы 1

Структурные типы	Языки		
	алтайский	тувинский	якутский
Tv=ap//= төлээде		+	
Tv=ap//= туһугар			+
Tv=ap//= иһин			+
Tv=бат= (//) инниттэн			+
Tv=бат=// наадатыгар			+
Tv=PART=CASE + CONJ			
Tv=ap деп	+	+	
Tv=ap сыалтан			+
Tv=ap туһуттан			+
Бифинитные			
Tv=IMP + алт., тув. деп / як. диэн	+	+	+
Tv=IMP + дээш		+	
Tv=IND ол туһугар			+

2. Монофинитные целевые конструкции [Monofinite clauses of purpose]**2.1. Синтетические целевые конструкции [Synthetic clauses of purpose]***2.1.1. Причастно-падежные целевые конструкции
[Participial-case clauses of purpose]*

В алтайском в формировании причастно-падежных целевых конструкций участвует общетюркская причастная форма настоящего-будущего времени =ap/=бас в форме дательного падежа (=ga). Выбор причастной формы настоящего-будущего времени и дательного падежа неслучаен, поскольку цель всегда предстаёт потенциальной, а одно из основных значений дательного падежа в этих языках – выражение цели действия, достижение пункта назначения.

В алтайском языке =арга признаётся в качестве инфинитива. Она является основным средством выражения цели в алтайском языке. Эта форма стилистически не окрашена и употребляется во всех сферах речи. Действие, представленное формой =арга, мыслится как цель, ради которой субъект главной предикативной единицы (далее ГПЕ) совершает определённые действия. Для этой целевой конструкции характерно тождество субъекта действия инфинитива и доминирующего над ним глагола, т. е. конструкция преимущественно моносубъектная. Предикатом ГПЕ могут быть глаголы разных лексико-семантических групп, выражающих осознанное целенаправленное действие.

(1) алт. *Бир түнгей уулдар мылчага кирерге очередьке тургандар* [Тоенов, 1984, с. 20].

бир	түней	уул=дар	мылча=га	кир=ерге
один	одинаковый	мальчик=PL	баня=DAT	входить=INF
очередь=ке	тур=ган=дар			
очередь=DAT	стоять=PP=PL			

'Одинаковые мальчики стояли в очереди, чтобы попасть в баню'.

Если цель состоит в несовершении действия, зависимый предикат выступает в отрицательной форме =*баска*, которая этимологически представляет собой отрицательную форму настоящего-будущего времени =*ар* в дательном падеже.

(2) алт. *Кызычак табыш чыгарбаска, жүзін жастыкка жапшырды* [Тоенов, 1984, с. 44].

кызычак	табыш	чыг=ар=баска	жүз=и=н
девочка	звук	выходить=CAUS=INF.NEG	лицо=POSS.3=ACC
жастык=ка	жапшыр=ды		
подушка=DAT	прижать=PAST		

'Девочка, чтобы не издать звука, прижала лицо к подушке'.

Особую группу составляют предложения, в которых главное сказуемое – глагол целенаправленного движения. При глаголах движения целевая конструкция с инфинитивом =*арга* конкурирует с целевой конструкцией с деепричастием на =*н* (см. ниже).

(3) алт. *Николай Васильевич бу журтка иштеерге 1958 жылдын күзінде келген* [Тоенов, 1984, с. 10].

Николай Васильевич бу	журт=ка	иште=ерге	1958 жыл=дын
Николай Васильевич этот	село=DAT	работать=INF	1958 год=GEN
күз=ин=де	кел=ген		
осень=POSS.3=LOC	приходить=PP		

'Николай Васильевич приехал работать в это село осенью 1958 года'.

В якутском языке, в отличие от алтайского, в причастно-падежных целевых конструкциях в качестве предиката ЗПЕ участвуют два причастия: настоящего-будущего =*ар* и будущего =*ях* [Грамматика..., с. 256–257]. Первое причастие выступает в форме дательного падежа и формирует моносубъектные и разносубъектные конструкции, второе – в форме винительного падежа и формирует разносубъектные конструкции. Оба причастия принимают лично-поссесивное оформление. В конструкциях с зависимым предикатом в форме =*ях* «сказуемое главной части выступает обычно в форме повелительного наклонения или конструкции условной модальности». Эта конструкция выражает значение «результатирующей цели» [Ефремов 2016, с. 100].

(4) якут. *Атыһыттар барыстаахтык эргинэллэригэр бу правительство бары усулуобуйаны оңордо* [Хотугу Сулус, 1982, с. 43].

атыһыт=тар	барыстаахтык	эргин=эл=лэр=игэр	бу
купец=PI	выгодно	торговать=PFUT=PI=DAT	этот
правительство	бары	усулуобуйа=ны	оңор=д=о
правительство	все	условие=ACC	делать=PAST=3SG

'Это правительство создало все условия, чтобы купцы торговали выгодно' [Ефремов 2016, с. 101].

В тувинском языке причастно-падежные целевые конструкции не зафиксированы.

2.1.2. Деепричастные целевые конструкции [Adverbial-participial patterns of purpose]

В алтайском и тувинском языках для выражения целевой семантики используется монофинитная ППК со сказуемым ЗПЕ, выраженным общетюркским (его нет только в якутском и чувашском) деепричастием =*н*. В качестве сказуемого ЗПЕ это деепричастие может передавать различные обстоятельственные значения – времени, причины и цели. Целевое прочтение ППК с деепричастной формой =*н* определяется лексической семантикой сказуемого ГПЕ. В главной части целевых ППК в качестве сказуемого вы-

ступают глаголы направленного движения. Целевые конструкции с деепричастием *=n* выражают конкретную, непосредственную цель. И в алтайском, и в тувинском языке они моносубъектны.

(5) алт. *Энем эмденип город барган.*

эне=м	эмде=н=ип	город	бар=ган
мама=POSS.1SG	лечить=REFL=CV	город	ехать=PP

'Моя мама уехала в город, чтобы лечиться'.

(6) тув. *Бис полугувус диленип, оңгулардан тылче чоруптувус.*

бис	полуг=увус	дилени=п	оңгу=лар=дан	тыл=че
мы	полк=POSS.1PL	искать=CV	окоп=PL=ABL	тыл=LAT

чору=пт=увус
идти=PFV=1PL

'Мы, чтобы разыскать наш полк, направились от окопов в тыл' [Шамина, 2017, с. 213].

В якутском языке целевые отношения выражаются конструкциями с деепричастиями *=a*, *=аары* и его отрицательной формой *=маары*. При этом, как отмечает Н. Н. Ефремов, конструкции с деепричастиями *=аары* и *=маары* являются специализированными средствами передачи целевой семантики. Целевые конструкции с деепричастием *=аары* в роли сказуемого ЗПЕ выражают семантику целевого назначения, а с деепричастием *=маары* – «отрицательное целевое отношение» [Ефремов 2016, с. 99]. Деепричастие *=a* выражает целевое значение при оформлении предиката ГПЕ глаголом движения. Его отрицательная форма в целевых конструкциях не участвует. Все якутские деепричастные целевые конструкции моносубъектны.

2.2. Синтетико-аналитические конструкции [Synthetic-analytic patterns]

2.2.1. Причастно-последложные целевые конструкции [Participial-postpositional patterns]

Во всех рассматриваемых языках монофинитные причастно-последложные ППК представлены предикатом ЗПЕ в форме причастия настоящего-будущего времени *=ap* / *=бас* с разными последлогами.

В алтайском языке в формировании целевых причастно-последложных конструкций участвуют два последлога – *учун* 'из-за, за что-л., ради' и *болуп* 'ради'. Многозначный и широко употребляемый последлог *учун* встречается во многих тюркских языках в причинном и целевом значении. В алтайском языке он чаще используется в причинном значении. В алтайском языке целевые причастно-последложные конструкции употребляются довольно редко.

(7) алт. *Јангы ӧйгӧ кирери учун ол колына мылтыкты алып, ичкери жүгүргөн* [Палкин, 2006, с. 104].

јангы	ӧй=гӧ	кир=ер=и	учун	ол
новый	время=DAT	входить=PrP=POSS.3	ради	он
кол=ы=на		мылтык=ты	ал=ып	ичкери
рука=POSS.3=DAT		ружьё=ACC	братъ=CV	вперёд

жүгүр=ген
бежать=PP

'Ради того, чтобы войти в новую жизнь, он, взяв в руки ружьё, побежал вперёд'.

(8) алт. *Эртезинде мен озо баштап аймакка, онон уулдардын барып токтогон колхозына једин барарына болуп, сары тангла машина тостым* [Шинжин, 1983, с. 83].

эртезинде	мен	озо.баштап	аймак=ка	ононг
следующий день	я	сначала	райцентр=DAT	затем
уул=дар=дын	бар=ып	токто=гон	колхоз=ы=на	
парень=PL=GEN	идти=CV	останавливаться=PP	колхоз=POSS.3=DAT	
јед=ип	бар=ар=ы=на	болуп	сары	
доехать=CV	идти=PrP=POSS.3=DAT	ради	жёлтый	
тан=ла	машина	тос=ты=м		
заря=INSTR	машина	останавливать=PAST=1SG		

'На следующий день я, чтобы доехать сначала до райцентра, потом до колхоза, в котором остановились парни, ранним утром остановил машину'.

Как показывают исследования Л. А. Шаминой, тувинский язык представлен четырьмя причастно-последеложными ППК, в которых предикат ЗПЕ выражен причастием настоящего-будущего времени =ар с последеложиями *биле* 'с', *дээш* 'за, чтобы', *ужун* 'из-за, ради; чтобы', *төлээде* 'так как, поскольку; чтобы': $Tv=ar=//$ -биле, $Tv=ar=//$ дээш, $Tv=ar=(GEN)$ ужун, $Tv=ar=//$ төлээде [Шамина 2001, с. 169–172].

В якутском языке выделяются четыре причастно-последеложные конструкции с последеложиями *туһугар* 'чтобы', *иһин* 'из-за, ради', *инниттэн* 'чтобы', *наадатыгар* 'чтобы'. Первые два последеложия сочетаются с положительной формой причастия настоящего-будущего времени =ар ($Tv=ar=//$ туһугар, $Tv=ar=//$ иһин), последние два – с отрицательной формой данного причастия =бат ($Tv=бат=//$ инниттэн, $Tv=бат=//$ наадатыгар) [Грамматика..., 1995, с. 256–257; Ефремов 2016, с. 101].

Таким образом, все три языка объединяет участие причастия настоящего-будущего времени =ар и последеложия алт. *учун* / тув. *ужун* / якут *иһин* в формировании причастно-последеложных целевых конструкций. Кроме того, в рассматриваемых языках целевые конструкции такого типа, как правило, вариативно-субъектные.

2.2.2. Причастные конструкции со скрепами [Participial patterns with links]

В алтайском языке активно используются моносубъектные целевые ППК, в которых в качестве сказуемого ЗПЕ представлена скрепа *деп* с причастием настоящего-будущего времени =ар: $Tv=ar$ деп. Это исходно изъяснительная конструкция со специализированной скрепой *деп*, восходящей к глаголу речи *де*= 'говорить, сказать'.

(9) алт. *Бүгүн байрам күнде, байла, улусла кожо отурар деп келген туру* [Палкин, 2006, с. 28].

бүгүн	байрам	күн=де	байла	улус=ла	кожо
сегодня	праздничный день=LOC	наверное	люди=INSTR	POSTP	
отур=ар	деп	кел=ген	тур=у		
сидеть=PrP	CONJ	приходить=PP	сидеть=PRES		

'[Она] сегодня в праздничный день, наверное, пришла посидеть с людьми'.

Эта целевая конструкция зафиксирована и в тувинском языке.

(10) тув. ...*Чүге дээрге Ирод Чаш төлдү дилеп тыпкаш, узуткаар деп турар-дыр* [Бдыктыг Библия, 2011: 13]

чүге.дээрге	Ирод	Чаш	төл=дү	диле=п	тып=каш
потому.что	Ирод	Младенец	дитя=ACC	искать=CV	находить=CV
узутка=ар	деп		тур=ар-дыр		
уничтожать=PrP	QUOT		AUX=PrP-PRTCL		

'...Потому что Ирод ищет младенца, чтобы погубить его' [Шамина 2017, с. 212].

В якутском языке в группу монофинитных входят две моносубъектные причастные конструкции со специализированными целевыми скрепами *сылтан*, *туһуттан* 'из-за, чтобы': $Tv=ar$ *сылтан*, $Tv=ar$ *туһуттан* [Ефремов 2016, с. 102].

3. Бифинитные целевые конструкции [Bifinite patterns of purpose]

В рассматриваемых языках к бифинитным относятся конструкции, в которых предикатом ЗПЕ выступают формы императива с общетюркской скрепой алт., тув. *деп* / якут. *диэн* 'чтобы', образованной на базе глагола речи *де* = 'говорить, сказать'. Конструкция $=зын деп$ восходит к изъяснительной конструкции с каузативными глаголами речи, содержащими сему волевого воздействия (приказ, побуждение, просьбу и др.) [Озонава 2020, с. 217].

В алтайском языке предикатом ЗПЕ бифинитных целевых ППК выступает форма императива 1 л. (=айын) и 3 л. (=зын).

Форма $Tv=зын деп$ функционирует в разносубъектных конструкциях, $Tv=айын деп$ – только в моносубъектных. Семантическая особенность этих конструкций состоит в наличии семы намерения и желания.

(11) алт. *Төрөл журтымды көрүп алайын деп өнөтийин жаан жоругымнын алдында келдим.*

төрөл	журт=ым=ды	көр=үп	ал=айын
родной	село=POSS.1SG=ACC	видеть=CV	AUX: братъ=IMP.1SG
деп	өнөтийин	жаан	жоруг=ым=нын
CONJ	специально	большой	поездка=POSS.1SG=GEN
алдында	кел=ди=м		
перед	приезжать=PAST=1SG		

'Чтобы увидеть родное село, [я] специально приехала перед своей большой поездкой'.

(12) алт. *Сырга жаанызына килинди алазын деп, имдеди ле имдеди* [Маскина, 2002, с. 104].

Сырга	жаана=зы=на	килин=ди
Сырга	бабушка=POSS.3=DAT	бархат=ACC
ал=ал=зын	деп	имде=ди
братъ=AUX: братъ=IMP.3	CONJ	подмигивать=PAST
ле	имде=ди	
CONJ	подмигивать=PAST	

'Сырга подмигивала и подмигивала бабушке, чтобы [она] взяла бархат'.

В отличие от алтайского и тувинского, в якутском языке также выделяется аналитическая бифинитная конструкция со специализированной скрепой *ол туһугар* 'за что-л., для чего-л.' [Ефремов 1998, с. 129].

4. Заключение [Conclusion]

Исследование показало, что в алтайском, тувинском и якутском целевые отношения выражаются при помощи монофинитных и бифинитных ППК. Выявлено, что ядро подсистемы целевых конструкций во всех трёх языках составляют монофинитные конструкции с синтетическими и синтетико-аналитическими показателями связи. Аналитические целевые ППК составляют периферию подсистемы целевых конструкций.

Основной целевой конструкцией в алтайском языке выступает синтетическая причастно-падежная ППК с зависимым сказуемым $=арга$. Эта целевая конструкция выражает общее значение цели и потому сказуемым в главной части могут быть глаголы

разных лексико-семантических групп. В алтайском языке, в отличие от тувинского и якутского, синтетико-аналитические причастно-последеложные конструкции представлены меньшим числом и редки в употреблении.

Во всех рассматриваемых языках деепричастные целевые ППК являются моносубъектными, все другие структурные типы – вариативно-субъектными, т. е. моносубъектными и разносубъектными.

Рассматриваемые тюркские языки объединяет использование в качестве сказуемого ЗПЕ причастия настоящего-будущего времени =*ap*, причинно-целевого последеложия алт. *учун* / тув. *ужун* / якут *иһин* 'из-за; чтобы', императивной формы в сочетании с общетюркской скрепой алт., тув. *ден* / якут. *диэн* 'чтобы'. Но отличаются они друг от друга разным падежным оформлением, составом последеложия, наличием или отсутствием лично-посессивного оформления.

Система целевых конструкций наиболее богато представлена якутском языке, в котором для выражения целевых отношений используется больше, чем в других языках, деепричастных и причастных форм, последеложия и скреп. В этом языке есть специализированное целевое деепричастие =*aары*, специализированные целевые конструкции с последеложиями *туһугар*, *инниттэн*, *наадатыгар*.

Перспективу исследования составляет изучение функционально-семантических типов целевых конструкций алтайского языка, соотношение их со структурными типами.

Список сокращений и условных обозначений

1P1, 2P1, 3P1 – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; ACC – винительный падеж; ABL – исходный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CV – деепричастие; CONJ – скрепа; GEN – притяжательный падеж; DAT – дательный падеж; IMP – повелительное наклонение; IND – изъявительное наклонение; INF – инфинитив; INSTR – орудный падеж; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; PAST – финитная форма прошедшего времени на =ды; PFV – показатель совершенного вида; PP – форма причастия прошедшего времени на =ган; PL – множественное число; POSTP – последеложие; POSS – посессивный показатель; PRES – форма настоящего времени; PrP, PFUT – форма причастия настоящего-будущего времени на =ар; PRTCL – частица; REFL – возвратный залог; SG – единственное число; QUOT – цитационный маркер; Tv – основа глагола; знак равенства – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; == – позиция притяжательных аффиксов; () – знак факультативности позиции.

Библиографический список

- Грамматика..., 1995 – Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск : Наука, 1995. 336 с.
- Евтюхин, 1996 – Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. С. 138–174.
- Ефремов, 1998 – Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке: структурно-семантическое описание. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 193 с.
- Ефремов, 2016 – Ефремов Н. Н. Отношения обусловленности в якутском языке: целевые конструкции // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 3. С. 98–104.
- Маскина, 2002 – Маскина Ж. Ырүмнүн журуктары [Картины жизни]. Горно-Алтайск : ГУ книжное изд-во «Юч-Сумер», 2002. 184 с.
- Озонова, 2020 – Озонова А. А. Изъяснительные конструкции в алтайском языке (на материале художественных и научных текстов) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 205–223.
- Палкин, 2006 – Палкин Э. Алан. Горно-Алтайск : ГУ книжное издательство «Юч-Сумер», 2006. 384 с.

- Русская грамматика, 1982 – Русская грамматика. Т. II Синтаксис. М. : Наука, 1982. 710 с.
- Скрибник, Даржаева, 2016 – Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Т. 1. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 316 с.
- Тажибаева, 2001 – Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск : Изд-во «Сибирский хронограф», 2001. 271 с.
- Тоенов, 1983 – Тоенов В. Кайынаш [Берёзка]. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1983. 48 с.
- Тыбыкова и др., 2013 – Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложнённого предложения в алтайском языке. 2-е изд. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2013. 268 с.
- Хотугу сулус, 1982 – Хотугу Сулус [Полярная звезда]: лит.-худ. журн. 1982. № 5.
- Шамина, 2001 – Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск : Изд-во «Сибирский хронограф», 2001. 250 с.
- Шамина, 2017 – Шамина Л. А. Конструкции узнавательного-целевой семантики в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 209–221.
- Шинжин, 1983 – Шинжин Т. Кырык суулардын кожондоры [Песни горных рек]. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1983. 184 с.
- Ыдыктыг Библия, 2011 – Ыдыктыг Библия [Священная Библия]. М. : Ин-т перевода Библии, 2011.

References

- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka [Modern Yakut grammar]. (1995). Vol. 2 : Sintaksis [Syntax]. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Evtyukhin, V. B. (1996). Gruppirovka poley obuslovlennosti: prichina, uslovie, tsel', sledstvie, ustupka [Conditionality fields grouping]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional grammar theory. Locativeness. Beingness. Possessiveness. Conditionality] (pp. 138–174). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Efremov, N. N. (1998). *Polipredikativnye konstruktii v yakutskom yazyke: strukturno-semanticheskoe opisanie* [Polypredicative sentences in Yakut: Structural and semantic description]. Novosibirsk : Russian Academy of Sciences (Siberian Branch) Press. (In Russ.).
- Efremov, N. N. (2016). Otnosheniya obuslovlennosti v yakutskom yazyke: tselevye konstruktii [The relationship of conditionality in the Yakut language: Goal constructions]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vektor], 11 (3), 98–104. (In Russ.).
- Khotugu Sulus (1982). *Khotugu Sulus: literaturno-khudozhestvennyy zhurnal* [Polar Star: literary and art magazine], 5. (In Yakut).
- Maskina J. (2002). *Jürümniñ juruktary* [Pictures of life]. Gorno-Altaysk : Yuch-Sumer Press. (In Altai).
- Ozonova, A. A. (2020). Iz'yasnitel'nye konstruktii v altayskom yazyke (na materiale khudozhestvennykh i nauchnykh tekstov) [Explanatory constructions in the Altai language (In literary and academic texts)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, 205–223. (In Russ.).
- Palkin E. (2006). *Alan*. Gorno-Altaysk : Yuch-Sumer Press. (In Altai).
- Russkaya grammatika [Russian grammar]. (1982). Vol. II : Sintaksis [Syntax]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Skribnik, E. K., Darzhaeva, N. B. (2016). *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis slozhnogo (polipredikativnogo) predlozheniya* [Buryat grammar. Syntax of a complex (polypredicative) sentence]. Vol. 1. Ulan-Ude : Buryat Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Siberian Branch) Press. (In Russ.).
- Tazhibaeva, S. Zh. (2001). *Kauzal'nye polipredikativnye konstruktii kazakhskogo yazyka (sopostavitel'nyy aspekt)* [Polypredicative patterns with clauses of cause in the Kazakh language (Comparative aspect)]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Toenov, V. (1983). *Kayynash* [The little Birch]. Gorno-Altaysk : Gorno-Altayskoe Department of Altayskoe Press. (In Altai).

- Tybykova, A. T., Cheremisina, M. I., Tybykova, L. N. (2013). *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [Syntax of a complex sentence in the Altai language]. 2nd edition. Gorno-Altaysk : RIO GAGU Press. (In Russ.).
- Shamina, L. A. (2001). *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Polipredicative synthetic sentences in Tuvan language]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf Press. (In Russ.).
- Shamina, L. A. (2017). Konstruktsii uznnavatel'no-tselevoy semantiki v tuvinskom yazyke [Constructions with recognizing-purposive semantics in Tuvan language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 3, 209–221. (In Russ.).
- Shinzhin, T. (1983). *Kyrlyk suulardyn kozhondory* [Songs of mountain rivers]. Gorno-Altaysk : Gorno-Altayskoe Depatment of Altayskoe Press. (In Altai).
- Ydyktyg Biblia [The Holy Bible]. (2011). Moscow: Institute of Bible Translation, 2011. (In Tuvan).

Статья поступила в редакцию 21.03.2021; одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The article was submitted 21.03.2021; approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 23.09.2021.

Семенова Татьяна Ивановна
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация
tisemenova54@mail.ru

Когнитивные механизмы конструирования имиджа растительного мяса в англоязычном медиадискурсе

Аннотация

Статья представляет анализ языковых и когнитивных механизмов вариативного конструирования в медиадискурсе ментальной модели растительного мяса (plant meat). Проблема конструирования мира видится прежде всего как проблема выбора определённых средств номинации. Выявленные в исследовании атрибутивные словосочетания типа *meatless meat* и *fake meat* рассматриваются как номинативные единицы оксюморонного и имитирующего типов. Использование в текстах гастрономического медийного дискурса альтернативных способов именования растительного мяса обусловлено когнитивным механизмом сдвига фокуса внимания в конкретном акте когниции и коммуникации. Анализируемые словосочетания трактуются как сложные языковые знаки, значение которых не выводится из значения компонентов. Исследование закономерностей взаимодействия смыслов с позиций когнитивного подхода позволяет прийти к выводу о том, что атрибутивные сочетания оксюморонного и имитирующего типа представляют собой концептуальный бленд, посредством которого построена модель концепта PLANT MEAT как пищевой продукции, не содержащей мяса в своём составе, но имитирующей сходство с настоящим мясом. В результате исследования продемонстрирован прагматический потенциал неологизмов оксюморонного и имитирующего типа в формировании концепта мясоподобной продукции в дискурсе СМИ.

Ключевые слова: номинация, атрибутивное сочетание, вариативное конструирование, концептуальная интеграция, концептуальный бленд, концепт, оксюморон, комплексный знак, фокусирование / дефокусирование

© Семенова Т. И. 2021

Для цитирования: Семенова Т. И. Когнитивные механизмы конструирования имиджа растительного мяса в англоязычном медиадискурсе // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 97–111. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_97_111

Tatiana I. Semenova
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation
tisemenova54@mail.ru

Cognitive operations of *plant meat* construal in English media discourse

Abstract

This paper examines discursive representation of the concept PLANT MEAT in English mass media. The study discusses cognitive operations of categorization, conceptual integration, focus shift involved in conceptualization of a trendy meatless food product. The focus is made on nominal compounds like *meatless meat* and *fake meat* in terms of conceptual integration. The study of the relations between formally integrated linguistic structures and conceptually integrated structures supports the claim that the meanings of the compounds are not predictable from their parts. The conclusion is made that the compounds prompt for a specific complex mapping scheme and conceptual blending. Conceptual blends *meatless meat* and *fake meat* are viewed as alternative construals of the

concept PLANT MEAT and as a result of focus shift mechanism in the semantic structure of the blends. Conceptual blend *meatless meat* highlights the property ‘absence of meat’ while conceptual blend *fake meat* focuses on the property ‘imitation’. The concept PLANT MEAT is a way of understanding food made from plants with the appearance similar to meat. The paper reveals pragmatic potential of the conceptual blend PLANT MEAT in shaping health and environmental benefits of a meat-free food style in media discourse.

Keywords: nomination, attribute combination, alternative construal, conceptual integration, conceptual blend, concept, oxymoron, nominal compounds, focus shift

© Semenova T. I. 2021

For citation: Semenova, T. I. Kognitivnye mekhanizmy konstruirovaniya imidzha rastitel'nogo myasa v angloyazychnom mediadiskurse [Cognitive operations of plant meat construal in English media discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 97–111. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_97_111

1. Введение [Introduction]

1.1. Конструирование мира в языке [Construal of the world in the language]

Феномен еды занимает значимое место в модели мира индивида. Статус еды выходит далеко за пределы поддержания биологической потребности человека. Дж. Ковеней, современный австралийский исследователь в сфере нутрициологии, аргументируя воздействующую, символическую, трансформирующую, регулятивную сущность еды, приходит к выводу о том, что еда «была и до сих пор остаётся идентификатором и маркером класса, культуры и цивилизации, национальной, социальной идентичности, самоидентичности» [Coveney, 2014, p. 2].

Изменения в политической, экономической, демографической и социокультурной сферах, трансформации в системе ценностей, которые претерпевает современный социум, не обошли стороной и феномен еды как компонент социокультурной реальности. В условиях быстро меняющегося мира трансформируется смысл, ценностные ориентации еды, пищевое поведение, возникают новые образы и реалии пищи, такие, как макдональдизация, фаст-фуд, слоу фуд, космополитическая еда, гибридная еда [Coveney, 2006, 2014; Сохань, 2010; Кравченко, 2015]. Происходит глобализация и интеграция гастрономических практик [Сохань, Нужа, 2014]. Меняются пищевые привычки, модифицируются гастрономические модели, трансформируются практики питания [Кравченко, 2015]. О трансформации практик питания свидетельствует и обновление в сфере лексической категоризации, связанной с едой. Вышесказанное обусловило выбор объекта исследования, в качестве которого выступают атрибутивные словосочетания типа *meatless meat* и *fake meat* как номинативные единицы оксюморонного и имитирующего типов.

Исходя из понимания роли социальных институтов и их ценностных ориентаций в структурировании практик питания, выдвигается гипотеза о том, что актуальные коммуникативные интенции в медиадискурсе направлены на конструирование ментальной модели растительного стиля питания как идеологии здорового и экологичного питания. Верификации гипотезы служит цель исследования, направленная на выявление когнитивных механизмов и номинативных стратегий, которые задействованы в конструировании аттрактивного имиджа растительного мяса.

Понятие конструирования мира коррелирует с единой для когниции и коммуникации «ориентирующей или мирозозидающей функцией языка» [Кубрякова, 2012, с. 68]. Термин «конструирование» используется для обобщённого наименования процессов языковой интерпретации и репрезентации структурируемого в дискурсе объекта или ситуации. Происходящее в языке вариативное «конструирование мира» (alternative construal)

заключается в выборе способов языковой объективации ментальных структур [Langacker, 2002 ; Lee, 2004 ; Kövecses, 2006]. Подход к дискурсу как к особому формату порождения, представления и трансфера знания, выводит в фокус конструирующий потенциал дискурса, специфичность порождаемых «возможных» дискурсивных миров. В идеализированную модель возможного мира «входит и то, что уже или ещё есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создаёт» [Арутюнова, 1999, с. 183].

1.2. Потенциал массмедийного дискурса в трансформации практик питания **[Mass media discourse potential of transforming nutrition habits]**

В динамично меняющейся картине мира регулятором трансляции и продвижения в социум информации о состоянии пищевых ресурсов, о новых пищевых продуктах, пищевой безопасности, проблемах и рисках для здоровья, обусловленных пищевым поведением, является массово-информационный дискурс. Функция дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации как системе особого рода социального взаимодействия заключается в воздействии на модель мира адресата в целях формирования и воспроизводства знаний, мнений, оценок, ценностных установок. Трансформирующий потенциал массмедийного дискурса обусловлен трактовкой информационной среды как сферы «массового потребления со всеми присущими ей законами продвижения товара, формирования спроса, при этом информация зачастую даёт не описание, а предписание» [Барышков, 2005, с. 71].

В рамках массово-информационного дискурса А. В. Олянич выделяет гастрономический дискурс, в котором лингвистические знаки пищи формируют особую когнитивную и информационно-коммуникативную среду. В лингвосомиотическом пространстве гастрономического дискурса формируются и транслируются в социум «принципы и представления о питании, выгодные власти или доминирующим в социуме группам» [Олянич, 2004, с. 424], что свидетельствует об институционализации массово-информационного дискурса в отношении глоттонической системы [Олянич, 2004, с. 425]. Медиатексты, связанные с гастрономическим контентом, становятся проводниками практик и моделей пищевого поведения, отвечающих интересам и идеологии доминирующих социальных институтов. Идеология, в понимании Т. А. ван Дейка, представляет собой форму социального знания, разделяемого членами социальных формаций [Дейк ван, 2015, с. 54]. Идеологичность гастрономического дискурса, как отмечает О. С. Иссерс, связана с формированием имиджа и продвижением нового продукта, с навязыванием выгодной производителю картины мира в сознании адресата [Иссерс, 2013]. Когнитивная структура, объективируемая словом *имидж*, содержит импликации о том, что имиджи создаются для реализации определённых целей, и «их создание тем убедительнее, чем больше они отражают необходимое для поддержания образа положение дел» [Кубрякова, 2012, с. 174]. Именно поэтому в задачи гастрономического медиадискурса входит конструирование позитивного имиджа тех или иных продуктов питания, что обеспечивает «как воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений, так и формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи» [Олянич, 2004, с. 424–427].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

Эмпирическим материалом научного изыскания послужили 94 публикации в изданиях The New York Times, The Guardian, The Washington Post, The Independent за период с 2018 года по настоящее время, включающие информационно-аналитиче-

ские статьи, публицистические статьи (так называемые «features»), редакционные статьи, медиатопиком которых является растительное мясо (*plant-based meat*). В качестве материала исследования также привлекались заголовки медиатекстов, эксплицирующие социально-одобряемые ресурсные ценности (здоровье, экология, гуманное отношение к животным), усиливая тем самым аксиологический потенциал растительного мяса. Средний объём каждой статьи – около 3000 печатных знаков. Методом сплошной выборки выявлены 244 номинации, вербализующие концептуальные признаки растительного мяса. Основанием для отбора номинаций растительного мяса послужило наличие в структуре атрибутивных словосочетаний языковых единиц с семантикой ненастоящности, обманчивости, видимости, кажимости (*fake meat, imitation meat, bogus meat*), а также языковых единиц с семантикой отрицания (*meatless meat, non-meat burger, chicken-free chicken*). Исследование когнитивных механизмов конструирования имиджа растительного мяса в англоязычном медиадискурсе выполнено на основе компонентного, дефиниционного, концептуального анализа. Применение методов дискурсивного и лингвокогнитивного анализа позволило выявить когнитивные механизмы и номинативные стратегии конструирования позитивного имиджа альтернативной мясной продукции в англоязычном медиадискурсе. В ходе проработки эмпирического материала был задействован экспланаторный потенциал теории концептуальной интеграции, в ракурсе которой номинации растительного мяса трактуются как концептуальные бленды, категоризирующие структуру знания о мясоподобной пищевой продукции.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Лексическая категоризация растительного стиля питания в терминах тренда [Lexical categorization of plant-based food in terms of trend]

В настоящее время коммуникативные интенции в англоязычном гастрономическом медиадискурсе направлены на дискурсивное конструирование ментальной модели растительного стиля питания как идеологии здорового и экологичного пищевого поведения.

В целях разработки глобальных научно обоснованных целевых показателей для оценки моделей и рационов здорового питания, в 2019 году под эгидой Международной Комиссии по питанию EAT-Lancet, объединяющей учёных из 16 стран, была разработана так называемая *The planetary health diet* 'Модель здорового и экологичного питания', задающая вектор на потребление продуктов растительного происхождения: *The planetary health diet is largely plant-based*. Сама по себе концепция не нова, новацией является то, что растительная еда из маргинального сегмента субкультуры вегетарианства и веганства трансформируется в доминирующий стиль питания: *Plant-based foods aren't new, but what's happening now is it's gone from being a niche industry targeting mostly vegetarians and vegans, now it's grown into a mainstream industry that is targeting everyone* [Trend of the year, 2019]. Ракурс интерпретации растительного стиля питания задают заголовки медиатекстов, эксплицирующие социально-одобряемые ресурсные ценности (здоровье, экология, гуманное отношение к животным), усиливая тем самым аксиологический потенциал растительной еды: *Amazing health benefits of embracing a plant-based diet; New plant-focused diet would 'transform' planet's future; Plant-based meat could create a radically different food chain*.

Об отражении трансформации практик питания свидетельствует и обновление в сфере лексической категоризации, связанной с едой. Обращение к языковой действительности убеждает в том, что когнитивно значимой лексической категорией становится обобщённое понятие о растительной пище, объективируемое словосочетанием *plant food*. Языковое конструирование имиджа растительного стиля питания в медиадискурсе строится на апелляции к жизненно важным ценностям адресата, среди которых сама

жизнь, безопасность, здоровье, экологическая устойчивость. Экологический вектор с каузальной связью между потребляемой едой и её воздействием на экологическую безопасность планеты эксплицируется пропозициональным содержанием высказываний, например, *What we eat matters for the planet* [The New York Times, 2020] – 'То, что мы едим, имеет значение для планеты'. Изменение пищевых предпочтений продвигается как глобальная цель спасения планеты: *Changing what we eat is the biggest thing we can do to save the planet* [The New York Times, 2019]. Переход на растительный стиль питания структурируется в медиадискурсе в терминах экологического императива как необходимость переосмысления отношения к еде в целях решения триединства проблем здоровья, экологической устойчивости, охраны животных: *It's an environmental imperative for people to eat more plants* [The Guardian, 2019]. Практики питания, основу которых составляет значительное потребление мяса, интерпретируются в медийном дискурсе как угрожающие человечеству рисками экзистенциального порядка: *Meat eaters are destroying the planet* – 'Мясоеды **разрушают** планету'; *Five ways the meat on your plate is killing the planet* – 'Мясо на твоей тарелке **убивает** планету'; *How our growing appetite for meat is harming the planet* – 'Как наш возрастающий интерес к мясу **причиняет вред** планете'. Глаголы с семантикой разрушения, причинения вреда, уничтожения категорируют межсобытийную ситуацию, в которой устанавливается причинно-следственная связь между потреблением мяса и его влиянием на экосистему, что позволяет внедрять в модель мира адресата негативную оценку мясной продукции.

2.2.2. Номинации растительного мяса в аспекте концептуальной интеграции [Plant meat nominations in the aspect of conceptual integration]

Динамика референциального мира находит отражение в динамике языковых изменений и, прежде всего, в обновлении лексических ресурсов. Появление новых реалий, социокультурных феноменов, освоение новых сфер опыта сопровождается созданием языковых единиц, которые закрепляют результаты структурирования, осмысления и категоризации релевантных фрагментов внеязыковой действительности, фиксирующих новые концепты в концептуальной картине мира. Общеизвестно, что номинативная деятельность неотделима от интерпретации и конструирования внеязыковой реальности. Результатом когнитивно-дискурсивного освоения и означивания мира являются новые единицы номинации как ответ потребности социума. Необходимым условием успешности коммуникативного взаимодействия является выбор номинативной единицы в целях адекватного именования фрагмента внеязыковой реальности. Именно поэтому проблему конструирования мира, как подчёркивает Е. С. Кубрякова, «необходимо решать как проблему номинативную, проблему выбора определённых средств номинации в зависимости от интенций говорящего и для достижения конкретных целей» [Кубрякова, 2004 б, с. 327]. Выбирая способы номинации компонентов референтной ситуации, которые соответствуют коммуникативной интенции, говорящий тем самым выбирает определённый способ конструирования одного из «возможных миров».

Поиск и создание в дискурсивной деятельности обозначения для формируемой в сознании человека новой структуры знания (концепта, концептуальной структуры, категории) опирается на когнитивный процесс категоризации и, как отмечают лингвисты-когнитологи, акт номинации неразрывно связан с необходимостью идентифицировать референт, определить его место в когнитивной системе говорящего и категоризировать его [Кубрякова, 2004 б; Заботкина, 2012]. Связь между номинацией и когнитивной категоризацией – осмысления обозначаемого как принадлежащего какой-либо из известных рубрик членения мира» [Кубрякова, 2004 б, с. 328].

Одним из средств объективации лексических категорий является словосочетание как номинативная единица языка. Известно, что порождение нового слова связано «с пониманием определённой пропозициональной структуры и со способом её превращения в ту или иную языковую форму» [Кубрякова, 2004 б, с. 335]. В понимании Дж. Лакоффа, пропозициональная модель какой-либо области знания включает элементы, существующие в данной области, их характеристики, признаки и логические отношения, существующие между ними [Lakoff, 1987, p. 113]. Пропозициональная модель словосочетания *plant food* 'растительная пища' структурирует представление об определённой разновидности того, что обозначается словом *food*, и атрибут *plant* ограничивает, сужает значение определяемого слова *food*. Обращение к языковой действительности позволило выявить внутри лексической категории *plant food* неологизм *plant meat* 'растительное мясо'. Пропозициональная модель словосочетания *plant meat* имплицитно предикаты *be made from* 'сделанный из', *be like* 'похожий', тем самым активизируется структура знания о пищевом продукте, который произведён из сырья растительного происхождения, но обладающий сходством с мясным продуктом. Доступ к когнитивной структуре, объективируемой данной языковой формой, осуществляется через пропозициональные компоненты высказывания, содержание которых транслирует релевантную информацию о новом продукте питания: *Plant-based meats are foods that mimic the taste, texture and nutritional qualities of meat, without a single animal in sight* [Hold the beef, 2020] – 'Растительная мясная продукция имитирует вкус, структуру и питательные свойства мяса, но при этом рядом нет ни одного животного'. Присоединение атрибута *plant* к существительному *meat* приводит к образованию новой категории – категории *мясоподобных* продуктов в том смысле, что растительное мясо – это уже не мясо, а его имитация. В анализируемом материале словосочетание *plant meat* служит средством субкатегоризации внутри лексической категории *plant food*, что приводит к такому расширению категории, «при котором в неё попадают изначально противопоставленные друг другу переменные признаки» [Ирисханова, 2014, с. 140].

Дж. Лакофф, анализируя сложные в структурном плане атрибутивно-именные сочетания типа *imitation brass*, *small galaxy*, высвечивает проблему составных / комплексных концептов (complex concepts), которые не поддаются толкованию посредством традиционной теории множеств. Так, *имитация латуни* не является пересечением множества имитаций и множества объектов из латуни, а *маленькая галактика* не предполагает пересечение множества маленьких вещей и множества галактик. Наречение фрагментов мира составными образованиями, в которых значение целого не выводится из его частей, трактуется автором в терминах комплексной категоризации (complex categorization) [Lakoff, 1987, p. 143–147]. К идее взаимодействия смыслов в комплексных (составных) знаках, в качестве которых выступают сочетания прилагательных с существительным, обращаются Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004 а], Н. В. Юдина [Юдина, 2006]. Особенности языковой категоризации комплексных лексических единиц (сложных слов, словосочетаний) исследует О. К. Ирисханова [Ирисханова, 2014]. Когнитивный подход к композиционной семантике языковых единиц нацелен на исследование того, как комплексные языковые знаки, организованные по определённым моделям, оказываются способными объективировать разные структуры знания в процессах категоризации и концептуализации мира. В ракурсе концептуальной интеграции анализируемые словосочетания, структурирующие представление о растительном мясе, представляют собой «концептуальную эмерджентную структуру (emergent structure)» [Fausconnier, Turner, 2002] как концептуальный бленд, посредством которого категоризируется знание человека о пищевой продукции, не содержащей мяса в своём составе, но имитирующей сходство с настоящим мясом. Суть концептуальной интеграции заключается в том, что бленд, как конструируемое ментальное пространство, не тожде-

ственен ни одному из исходных (input) пространств и не является суммой их элементов. При образовании бленда происходит проекция из исходных пространств. Так, из ментального пространства PLANT наследуется признак «растительная основа», а из ментального пространства MEAT наследуется признак «перцептивные свойства мяса».

Отмеченное выше совмещение на концептуальном уровне в словосочетании *plant meat* признаков «отсутствие мяса» и «сходство с настоящим мясом» наводит на мысль о том, что каждый из этих признаков может оказаться когнитивно выделенным и получить отдельное языковое закрепление. Обращение к языковой действительности подтверждает, что знание о растительном мясе структурировано двумя типами атрибутивных словосочетаний. В одном из них – *meatless meat* 'безмясное мясо', атрибут актуализирует признак отрицания онтологического свойства денотата, в другом – *imitation meat* 'имитированное мясо' атрибут высвечивает признак сходства с онтологическим свойством денотата. В целях выявления структуры знания, с которой соотносятся анализируемые атрибутивные словосочетания и обнаружения семантических последствий сочетаемости языковых единиц в сложных знаках, необходимо проанализировать взаимодействие на когнитивном уровне входящих в них компонентов.

Первая группа – номинации оксюморонного типа – *meatless meat* 'мясо без мяса', *chicken-free chicken nuggets* 'куриные нагетсы без курицы', *cowless beef* 'говядина без коровы', *non-meat haggis* 'безмясная версия ливера в телячьем рубце', *non-meat burger* 'безмясной бургер' эксплицирует контрадикторные отношения свойств номинируемого объекта. Данная группа представлена 123 языковыми единицами. Судя по языковому материалу, антонимия компонентов актуализируется аффиксальными производными, как в примерах выше, так и сочетаниями с разнокорневой антонимией составляющих лексем: *vegan ham* 'веганская ветчина', *veggie pork scratchings* 'вегетарианские свиные шкварки', *vegan meat* 'веганское мясо'. Когнитивной основой семантики слов с корнем *veg* (*vegan*, *veggie*, *vegetarian*) как раз является признак «отсутствие мяса в продукте питания».

Соединение двух антонимических понятий, противоречащих друг другу по смыслу, традиционно трактуется как оксюморон [Ахманова, 2013]. Словосочетания, в которых атрибутивный признак и носитель этого признака находятся в отношениях, логически исключающих одно другое, будем категорировать, вслед за Н. В. Юдиной, как сочетания оксюморонного типа, «в которых создаётся радикально новый образ за счёт соединения контрастных по значению слов» [Юдина, 2006, с. 306]. М. В. Никитин, анализируя концептуальные связи и их языковое отражение на уровне синтаксических структур, сложных и производных слов, словосочетаний, выводит в фокус оксюморонную интеграцию, специфика которой состоит в том, «что она строится на основе не конъюнкции, а дизъюнкции двух концептов» [Никитин, 2004, с. 63]. Оксюморонная интеграция имеет место тогда, когда взаимодействие двух сущностей одного класса порождает третью – того же класса, что первые две, но с когнитивно несовместимыми признаками в одном объекте-денотате, что и подтверждают анализируемые языковые единицы *meatless meat*, *chicken-free chicken*, *veggie pork scratchings*, *vegan meat*. Анализируемые сочетания содержат в своей концептуальной структуре концепт отрицания – *meatless*, *meat-free*, в сфере действия которого оказывается признак «мышечная ткань животных как пищевой продукт», релевантный для второго члена антонимической оппозиции *meat*. Кажущаяся несовместимость признаков «воспринимается как сигнал особого положения дел в мире, как пограничный случай диалектического мира – возможность невозможного, совместимость несовместимого» [Никитин, 2004, с. 64]. В социокультурном контексте здорового, экологичного, этичного питания признак «отсутствие мяса» интерпретируется на пропозитивном уровне как положительная характеристика нового продукта питания, как преимущество для здоровья и экологической безопасности окружающей среды: *So there's potential for meatless meat to make a*

huge difference for the environment [New plant-focused diet..., 2019] – 'Потенциал мяса на растительной основе (безмясного мяса) имеет колоссальное значение для окружающей среды'. Здоровьесберегающий потенциал еды без мяса, благоприятные последствия, сопутствующие его потреблению, объективируется в высказываниях с глаголом *mean* для выражения межсобытийных отношений логического (условного, причинно-следственного) типа: *Meatless food means a healthy planet* 'Еда без мяса – здоровье планеты' [The diet for a healthy planet, 2019]. Таким образом, лингвокреативный потенциал оксюморонных номинаций в категоризации нового продукта питания заключается в фокусировании признака 'отсутствие мяса' в продукте, что является ценностным ориентиром в трансформации практик питания.

В т о р а я г р у п п а – номинации имитирующего типа – представлена сочетаниями, первый компонент которых содержит сему ненастоящности – обманчивости, видимости, кажимости: *fake meat, faux meat, mock meat, lookalike meat, imitation meat, bogus burgers, make-believe meat, pretend pork, deceptive duck, simulated meat, quasi-meat, plant-based simulacra*. В данную группу вошло почти столько же единиц, сколько и в группу словосочетаний оксюморонного типа – 121. Концептуальную основу атрибутивных комплексов данного типа составляют признаки отрицательной истинностной оценки и сходства с референтом, что эксплицируется словарными дефинициями слов-атрибутов: *fake – not real but very similar to the real thing* [LDCE, 1997]. Структура знания, стоящая за каждым из этих атрибутов, связана с представлением о ненастоящности референта и о его сходстве с прототипическим референтом. Наличие репрезентативной группы слов с семантикой подобия и сходства в атрибутивной функции свидетельствует о продуктивности и воспроизводимости данной модели.

Е. С. Кубрякова, анализируя случаи нетривиальной семантики в сочетаемости прилагательных с существительными, выделяет атрибутивные словосочетания ф а л ь с и ф и ц и р у ю щ е г о типа, суть которых заключается в том, что они не столько описывают имитацию объекта, сколько его фальсификацию, подделку, то есть нечто, связанное с нарочитым обманом (*искусственная улыбка, фальшивые деньги, поддельные документы*) [Кубрякова, 2004 а, с. 153]. Будучи приложимыми к существительным, обозначающим мясную продукцию, прилагательные *fake, faux, imitation, lookalike, bogus (meat)* приводят к модификации исходного концепта MEAT, в том смысле, что слово *meat* уже не активирует структуру знания о мясе как о продукте животного происхождения. Номиналируемый существительным *meat* объект оказывается членом иной категории, в данном случае, категории искусственно созданных *мясоподобных* продуктов, которые по перцептивным параметрам имеют высокую степень сходства с натуральным мясом: они имеют аналогичный запах, вкус, такую же волокнистую структуру. Высокая степень правдоподобия делает их практически неотличимыми от продукции животного происхождения: *Plant-based sandwich offering is virtually indistinguishable – in flavour, texture and appearance – from the beef-based fare that they are familiar with* [Calm down, carnivores, 2018] – 'Сэндвич с растительным мясом неотличим по запаху, текстуре и внешнему виду от знакомого всем сэндвича с говядиной'. Однако единицы номинации, категоризирующие имитированные мясные продукты, не вводят адресата в заблуждение в том смысле, что производители не выдают мясозаменители за настоящее мясо, то есть «обманного действия» как такового нет. Параллельная продажа натурального и искусственного мяса даже признаётся эффективной маркетинговой стратегией: *Sainsbury's to sell vegan 'fake meats' next to real thing in trial* [New plant-focused diet..., 2019]. Отсутствие признака обманного действия в анализируемых сочетаниях позволяет категоризовать номинации типа *fake meat* в когнитивном контексте растительного питания как сочетания и м и т и р у ю щ е г о типа (термин Е. С. Кубряковой). Прилагательное *fake* в такого рода словосочетаниях семантически пересекается с той долей значения опреде-

ляемого существительного, которая относится к имитационной природе, высвечивая значение 'искусственно созданный, имеющий высокую степень сходства с настоящим'. Смена оценочного знака обусловлена профилированием утилитарной оценки, при этом значение обманного действия не наследуется.

Таким образом, оба типа номинаций (оксюморонного и имитирующего типа) по сути, объективируют альтернативные способы языкового конструирования референта, в качестве которого выступает аналог мясного продукта, другими словами, *мясоподобный* продукт. Использование в текстах медийного дискурса альтернативных способов номинации растительного мяса (*meatless meat vs imitation meat*) когнитивно обусловлено механизмом распределения внимания, основой которого является «выведение из фокуса внимания определённых свойств объекта, осуществляемое говорящим с помощью различных языковых единиц» [Ирисханова, 2014, с. 13]. Выбор номинации зависит от того, какие именно признаки мясоподобного продукта оказываются в коммуникативном фокусе и как они осмысляются в конкретном акте познания и общения. Так, в сочетаниях оксюморонного типа (*meatless meat, meat-free meat*) основанием для выбора номинации становится признак «отсутствие онтологического свойства денотата», что интерпретируется как преимущество продукции. В сочетаниях имитирующего типа (*fake meat, imitation meat*) в фокусе оказывается сходство с настоящим мясным продуктом, то есть его имитационная природа. Выведение из фокуса внимания одних свойств объектов в пользу ограниченного количества других характеристик лежит в основе селективности, избирательности языковой номинации [Ирисханова, 2014, с. 71].

Закрепление в англоязычной языковой картине мира номинаций, вербализующих знание о мясозаменителях и их имитационной природе (*meatless meat vs fake meat*) приводит к «размыванию семантики» лексемы *meat* за счёт утраты денотативного компонента. Язык реагирует на эту десемантизацию появлением словосочетаний, категорирующих признак «настоящность» мяса: *animal flesh, real meat, actual meat, animal-based meat, animal-sourced meat, regular animal meat, traditional meat, ground beef, ground meat, conventional meat, real animal meat*. Прилагательные в атрибутивной позиции обозначают полноту обладания вышеназванным признаком, активируя признак «продукция животного происхождения» (*meat as a product derived directly from animals*). Наличие оппозитивного образования закрепляет в английском языке знание о том, что существует мясная продукция как продукт животного происхождения и определенные способы имитации этого продукта.

Оксюморонные и имитирующие номинации мясных аналогов свидетельствуют не только о дискурсивном освоении новаций в сфере еды, но и о формировании новой лингвокультурной реальности. Исследование динамики британской лингвокультуры питания свидетельствует о том, что глуттонический архетип *meat* 'мясо' широко представлен в номинативных ресурсах англоязычного гастрономического дискурса [Ермакова, 2011; Пожидаева, 2012]. Создание новых номинаций, в состав которых входит лексема *meat*, обусловлено её интеграцией с фоновыми знаниями адресата о мясе, его питательной ценности, вкусовых качествах, которые могут быть имитированы в растительной альтернативе. Неологизмы, номинирующие мясоподобную продукцию, отвечают прагматическим требованиям, суть которых сводится к тому, что «информация, вводимая новым словом, должна быть релевантной, то есть она должна быть интегрирована с предшествующей информацией (знаниями) коммуникантов [Заботкина, 2012, с. 170]. В. П. Барышков, анализируя ценностную обусловленность восприятия человеком информации, акцентирует избирательность в освоении информации, что проявляется в идентификации информации как «своей», наделённой личностным смыслом, являющейся значимой для индивида [Барышков, 2005, с. 72–73]. Растительное мясо оказывается значимым, «своим» продуктом для тех потребителей, которых волнуют проблемы экологии, здоровья, гуманного отношения к животным, но в то же время им нравится вкус мяса. Именно поэтому в

номинациях для обозначения аналогов мясозаменителей присутствует лексема *meat*. Тем самым, становится очевидным, что намерение безболезненно исключить мясо из рациона питания, на самом деле усиливает его важность на когнитивном уровне. Таким образом, оксюморонные и имитирующие номинации активируют гастрономическую модель, в которой мясо играет значимую роль, новым же является представление о безопасности этого продукта для здоровья и экологии при его сходстве по питательной ценности, вкусовым качествам, текстуре с настоящим мясом. Прагматика анализируемых номинаций активирует в модели мира адресата гуманистический аспект растительного мяса – образ *как бы* мясного продукта, при производстве которого «не пострадало ни одно животное». Образ гуманного будущего, свободного от жестокости по отношению к животным, закрепляется номинациями *slaughter-free / animal-free / cruelty-free future, cruelty-free food*. Амбициозная цель по созданию будущего без мяса вербализуется языковыми единицами *meat-free future, meat-free world*. В социокультурном контексте еды растительное мясо позиционируется как достойная альтернатива для потребителя, как способ решения вопросов экологии, здоровья, гуманного отношения к животным: *Fake meat is the future because it helps us stay healthier and in shape, helps our environment, and it nevertheless helps animals!* – ‘Имитированное мясо – это будущее, потому что оно помогает сохранять здоровье, окружающую среду и животных’ [Hold the beef, 2020].

2.2.3. Дискурсивное конструирование имитационной природы растительного мяса [*Discursive construal of plant-based meat imitation nature*]

Ослабление границ между подлинным и мнимым, реальным и иллюзорным расширяет представление о специфике имитации в рамках современных социокультурных изменений. Имитация выступает как фактор, изменяющий социальную реальность, создающий её новые образцы [Закирова 2015]. Языковая репрезентация трансформации пищевого поведения свидетельствует о том, что в сферу имитационной реальности вовлекаются и практики питания. Представление о семантике словосочетаний, вербализующих мясо на растительной основе, даёт схема *Imitation X made of Y*, в которой объект из *Y* – это имитация *X* [Pitt, Katz, 2000, p. 414]. Так, имитированное мясо – это продукт, который по своим вкусовым свойствам, внешнему виду *кажется* мясом, не являясь таковым, и создание этой кажимости является целью процесса имитации: *Imitation meat food product is any product manufactured to appear as a meat food* [New plant-focused diet..., 2019] – ‘Имитированный мясной продукт – это любой продукт, произведённый таким образом, чтобы он *казался* мясным продуктом’.

Ситуация имитации категоризируется глаголами *imitate, replicate, mimic, mock, ape, emulate (the taste/ texture of real beef)*. Интегральным глаголом для категоризации ситуации имитации является глагол *imitate*, который дефинируется как *to make something that looks like something else* [LDCE, 1997]. В языковом представлении ситуации имитации могут высвечиваться отдельные её фрагменты, то есть когнитивно выделенным может быть либо действие по созданию имитированного мяса, либо признак сходства с натуральным мясом. На языковом уровне фокусирование на процессе производства имитированного мяса вербализуется глаголами физического действия с семантикой *созидания, создания, преобразования, трансформации* объекта, то есть деятельности, связанной с изменением характеристик исходных растительных продуктов в целях создания мясоподобного продукта. «Технологические» предикаты, такие, как *manufacture, create, cultivate, engineer, design, manipulate, transform, reconfigure, make from, produce, build, rebuild* заменяют предикаты из гастрономического дискурса *fry, stew, roast, cook*, номинирующие процессы приготовления пищи: *And how will consumers react to a world where their meat is engineered in a lab or made out of plants?* – ‘А как потребители воспримут мир, в котором мясо *производится* в лаборатории или *создаётся* из расте-

ний?' [New plant-focused diet..., 2019]; *The ingredients that are being used to create fake meat are easy to find and relatively cheap* [Hold the beef, 2020] – 'Ингредиенты, которые используются для **создания** мяса, доступны, к тому же, они недорогие'. Ситуация имитации содержит признак контролируемости, о чем свидетельствуют обстоятельства цели, слова со значением попытки, намерения: *Moreover, most meat alternatives **attempt** to imitate meat as closely as possible* [Hold the beef, 2020] – 'При производстве заменителей мяса **пытаются** максимально имитировать мясо'. Целью при этом является создание наиболее точной копии мясного продукта, но без его негативных свойств: *To create the most accurate replica of a beef burger the world has ever tasted, **without the negative aspects associated with the real thing*** [Hold the beef, 2020].

Выведение в фокус результата имитации манифестируется глаголами с семантикой каузации впечатления, создания кажимости, сходства: *mimic (the taste), ape (meat), replicate (meat), mock (meat), emulate (the taste and texture of real beef), seem: The Impossible Burger quite successfully **replicates** the “bloody” look and taste of a rare burger* [Impossible Burger, 2020]. Сходство растительного мяса с натуральным эксплицируется конструкциями субъективного восприятия, кажимости, впечатления: *Fake meat products **taste exactly like meat**, and that’s because producers have worked at bringing the same taste in them throughout the years* [Impossible Burger, 2020]. В данном случае, говоря словами Н. Д. Арутюновой, «компаративность создаёт кажимость» [Арутюнова, 1999, с. 701]. Кажущееся сходство вербализуется адъективным дериватом *realistic*, в семантике которого фиксируется признак субъективного впечатления ‘not real but appearing to be real’ [LDCE, 1997]: *The difference with the new fake meats is that, thanks to developments in food technology, many of them have become uncannily **realistic** in both texture and appearance* [Hold the beef, 2020] – 'Особенность современных мясных аналогов заключается в том, что благодаря развитию пищевых технологий, многие из них кажутся чрезвычайно **реалистичными** по текстуре и внешнему виду'.

Известно, что суждение о сходстве выносится на основе сенсорных впечатлений. В качестве релевантных перцептивных параметров мясной продукции выступают эмпирийные (чувственно воспринимаемые) признаки: вкус, запах, волокнистость текстуры, цвет, внешний вид, свойства кулинарной обработки (*taste, flavor, texture, appearance, cooking experience*). Н. Д. Арутюнова, выделяя в типологии оценок сенсорную оценку, отмечает, что сенсорно-вкусовые предикаты, порожденные вкусовыми, осязательными, обонятельными впечатлениями не обильны. Вкусы, запахи не имплицитно дескриптивных характеристик, они воспринимаются синтетически, и они неотделимы от соответствующих классов предметов [Арутюнова, 1999, с. 198]. Однако в современном гастрономическом дискурсе уже привычными стали номинации продуктов, в которых сенсорные впечатления функционируют независимо от своего природного аналога: *чай со вкусом лимона, йогурт со вкусом малины, жевательная резинка со вкусом арбуза, крабовые палочки со вкусом крабов*, то есть вкус есть, а онтологическая основа вкуса отсутствует. Существующие пищевые технологии модификации состава пищи позволяют прививать материальному субстрату вкус, запах, который закреплен в гастрономической памяти индивида, хранящей те или иные вкусовые значения и ассоциирующей их с конкретными продуктами и блюдами. В результате появляются вкусы, детерминированные не природными компонентами, а создаваемые их химическими заменителями. Так, производителями имитированного мяса было установлено, что ключевым компонентом, который придает мясу вкус, являются гемы, железосодержащие молекулы, синтезированные из соевого белка: *The company’s use of **heme, an iron-rich molecule in animal proteins**, has enabled it to replicate the “meaty” flavor in its plant-based products* [Calm down, carnivores, 2018]. Вкус мяса, его “meatiness” (мясистость) создается растительными ингредиентами миндаля, томатов и белых грибов, ср: *The Naturli products have*

an underlying “meatiness” thanks to the flavour of almonds, tomatoes and porcini mushrooms [Impossible Burger, 2020]. Создаваемым является и характерный для бифштекса с кровью цвет, для производства которого используется свекольный сок: *The final touch was the addition of beetroot juice, which would give the illusion that the burger was “bleeding”* [Hold the beef, 2020]. Таким образом, в сферу имитационной социальной реальности вовлекаются и стратегии трансформации современной гастрономической культуры.

3. Заключение [Conclusion]

Результаты лингвокогнитивного исследования когнитивных механизмов и номинативных стратегий дискурсивного конструирования в англоязычном медиадискурсе тренда на растительное питание подтверждают гипотезу об интенциональности медиатекста, направленного на внедрение в модель мира адресата ценностных установок идеологии растительного стиля питания, основой которого является сокращение потребления мяса и переход на аналоги, заменители, имитации мясной продукции. Структура знания о растительном мясе объективируется атрибутивными сочетаниями оксюморонного (*meatless meat*) и имитирующего (*fake meat*) типов.

Из общего количества выявленных 244 номинаций растительного мяса группа сочетаний оксюморонного типа представлена 123 языковыми единицами, а группа сочетаний имитирующего типа включает 121 языковую единицу. Примерно равное количество номинаций мясоподобной продукции в группах свидетельствует о вариативности языковой категоризации новой пищевой продукции. Выбор оксюморонной или имитирующей номинации в конкретной коммуникативной ситуации зависит от того, какой именно прагматически релевантный признак мясоподобного продукта (‘отсутствие мяса’ или ‘сходство с настоящим мясным продуктом’) оказывается в коммуникативном фокусе.

Решение когнитивных и коммуникативных задач по конструированию положительного имиджа растительного мяса обеспечивается через процессы номинации и концептуальной интеграции, посредством которого категоризируется знание человека о пищевой продукции, не содержащей мяса в своём составе, но имитирующей сходство с настоящим мясом. Использование в текстах медийного гастрономического дискурса альтернативных способов номинации растительного мяса когнитивно обусловлено механизмом распределения внимания в комплексных лексических единицах.

Полученные результаты вносят вклад в изучение проблемы вариативного конструирования мира в языке, в исследование номинативных процессов в неразрывной связи с когнитивными аспектами языка. Перспективным представляется исследование эпистемических и оценочных модусов аргументации и лежащих в их основе когнитивных механизмов и языковых средств, направленных на формирование позитивного имиджа растительного мяса в англоязычной гастрономической картине мира потребителя.

Библиографический список

- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Ахманова, 2013 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книга по Требованию, 2013. 608 с.
- Барышков, 2005 – Барышков В. П. Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005. 192 с.
- Дейк ван, 2015 – Дейк ван, Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-ое. М.: УРСС: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2015. 352 с.
- Ермакова, 2011 – Ермакова Л. Р. Глоттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ермакова Лариса Робертовна; Белгородский нац.-исслед. гос. ун-т, Белгород, 2011. 26 с.

- Заботкина, 2012 – Заботкина В. И. Слово и смысл. М. : РГГУ, 2012. 428 с.
- Закирова, 2015 – Закирова Т. В. Социальная имитация как феномен современной культуры : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 09.00.11 / Закирова Татьяна Валерьевна ; Челябинский гос. ун-т, Челябинск, 2015. 19 с.
- Ирисханова, 2014 – Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Иссерс, 2013 – Иссерс О. С. Когнитивно-прагматические особенности «пищевого» дискурса в СМИ // Еда по-русски в зеркале языка. М. : РГГУ, РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. С. 165–174.
- Кравченко, 2015 – Кравченко С. А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С. 85–94.
- Кубрякова, 2004 а – Кубрякова Е. С. О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М. : Языки русской культуры, 2004 а. С. 148–153.
- Кубрякова, 2004 б – Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М. : Языки славянской культуры, 2004 б. 560 с.
- Кубрякова, 2012 – Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
- Никитин, 2004 – Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
- Олянич, 2004 – Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.
- Пожидаева, 2012 – Пожидаева Е. В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 84–87.
- Сохань, 2010 – Сохань И. В. Тоталитарный дискурс культуры еды в Советской России 1920–1930 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 332. С. 63–68.
- Сохань, Нужа, 2014 – Сохань И. В., Нужа И. В. «Глобализация» российской гастрономической культуры сквозь призму языка // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. 2014. № 4. С. 18–27.
- Юдина, 2006 – Юдина Н. В. Сочетание «Прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.-Владимир : Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006. 427 с.
- Calm down, carnivores, 2018 – Calm down, carnivores: Fake meat with real flavour is good for all of us. URL : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/12/fake-meat-plant-based-burgers-vegetariansvegans> (дата обращения : 12.06.2018).
- Coveney, 2006 – Coveney J. Food, Morals and Meaning: the Pleasure and Anxiety of Eating. London and New York : Routledge, 2006. 188 p.
- Coveney, 2014 – Coveney J. Food. London and New York : Routledge, 2014. 108 p.
- Fauconnier, Turner, 2002 – Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basic Books. 2002. 440 p.
- Food Business News, 2019 – Food Business News. URL : https://digital.foodbusinessnews.net/sosland/fbn/2019_02_19/index.php#/p/1 (дата обращения : 15.02.2019).
- Hold the beef, 2020 – Hold the beef: How plant-based meat went mainstream. URL : <https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream> (дата обращения : 09.02.2020).
- Impossible Burger, 2020 – Impossible Burger vs. Beyond Meat Burger: Taste, ingredients and availability, compared. URL: <https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference> (дата обращения : 07.02.2020).
- Kövecses, 2006 – Kövecses Z. Language, Mind and Culture. New York : Oxford University Press. 2006. 397 p.
- Lakoff, 1987 – Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Langacker, 2008 – Langacker R. W. Cognitive Grammar. New York : Oxford University Press, 2008. 562 p.
- LDCE, 1997 – Longman Dictionary of Contemporary English. Essex: Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
- Lee, 2004 – Lee D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford: OUP, 2004. 223 p.

- New plant-focused diet..., 2019 – New plant-focused diet would ‘transform’ planet’s future, say scientists. URL : <https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists> (дата обращения : 16.01.2019).
- Pitt, Katz, 2000 – Pitt D., Katz J. J. Compositional Idioms // *Language*. 2000. Vol. 76. № 2. P. 409–432.
- The Guardian, 2019 – The Guardian. 2019. URL : <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения : 27.01.2019).
- The diet for a healthy planet, 2019 – The diet for a healthy planet: what should environmentalists eat? URL : <https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/27/environmentally-friendly-foods-samin-nosrat> (дата обращения : 27.01.2019).
- The New York Times, 2019, 2020 – The New York Times. 2019–2020. URL : <https://www.nytimes.com> (дата обращения : 18.03. 2019 ; 18.03.2020).
- Trend of the year, 2019 – Trend of the year: Plant-based foods. URL : <https://www.foodbusinessnews.net/articles/15105-trend-of-the-year-plant-based-foods> (дата обращения : 15.02. 2019).

References

- Arutyunova, N. D (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Ahmanova, O. S. (2013). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Kniga po Trebovaniyu Press. (In Russ.).
- Baryshkov, V. P. (2005). *Aksiologiya lichnostnogo bytiya* [Axiology of personal being]. Moscow : Logos. (In Russ.).
- Dejk van, T. A. (2015). *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power. Representation of domination in language and communication]. Moscow : URSS: Knizhnyy dom LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Ermakova, L. R. (2011). *Glyuttonicheskie pragmatonimy i natsionalnyy kharakter (na materiale russkoy i angliyskoy lingvokultur)* [Gluttonic pragmatonyms and national character: On the data of Russian and English lingvoculture]: Author's abstract of PhD in Philological sci.diss. Belgorod : Belgorod State University. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I. (2012). *Slovo i smysl* [Word and meaning]. Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Zakirova, T. V. (2015). *Sotsial'naya imitatsiya kak fenomen sovremennoy kul'tury* [Social imitation as a phenomenon of modern culture]. Author's abstract of PhD in Sociological sci. diss. Chelyabinsk : Chelyabinsk State University. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus shifts in the language: Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2013). Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti «pishchevogo» diskursa v SMI [The cognitive and pragmatic peculiarities of food discourse in the media]. *Eda po-russki v zerkale yazyka* [Russian food through the mirror of language] (pp. 165–174). Moscow : Vinogradov Institute of the Russian language Press. (In Russ.).
- Kravchenko, S. A. (2015). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika edy: priobreteniya i uyazvimosti* [Social and cultural food dynamics: acquisitions and vulnerabilities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Research], 1 (369). 85–94. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004 a). *O netrivial'noy semantike v sochetaemosti prilagatel'nykh s sushchestvitel'nyimi* [On non-trivial semantics in combining adjectives with nouns]. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura*. [Sacred senses. Word. Text. Culture] (pp. 148–153). Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004 b). *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive perspective]. Moscow. Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the nature of the language: Cognitive investigations]. Moscow : Znak Press. (In Russ.).

- Nikitin, M. V. (2004). Razvernutyte tezisy o kontseptakh [Derived notions of the concept]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1. 53–64. (In Russ.).
- Olyanich, A. V. (2004). *Prezentacionnaya teoriya diskursa* [The theory of the discourse presentation]. Volgograd : Paradigma Press. (In Russ.).
- Pozhidaeva, E. V. (2012). Puti formirovaniya i razvitiya natsionalnoy linivokultury pitaniya (na primere angliyskogo yazyka) [Ways of formation and development of the national food culture (on the example of the English language)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 5. 84–87. (In Russ.).
- Sohan', I. V. (2010). Totalitarnyy diskurs kul'tury edy v Sovetskoy Rossii 1920–1930 gg. [Totalitarian discourse of food in the Soviet Russia in 1920–1930]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 332. 63–68. (In Russ.).
- Sohan', I. V., Nuzha I. V. (2014). «Globalizatsiya» rossiyskoy gastronomicheskoy kul'tury skvoz' prizmu yazyka [Globalization" of Russian gastronomic culture through the prism of the language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 4. 18–27. (In Russ.).
- Yudina, N. V. (2006). *Sochetanie «Prilagatel'noe + sushchestvitel'noe» v lingvokognitivnom aspekte* [The combination "Adjective + noun" in the linguo-cognitive aspect]. Moscow – Vladimir : Institute for Language Studies of Russian Academy of Sciences Press, Voronezh State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Calm down, carnivores: fake meat with real flavour is good for all of us. (2018). Retrieved June 12, 2018 from <<https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/12/fake-meat-plant-based-burgers-vegetarians-vegans>>.
- Coveney, J. (2006). *Food, Morals and Meaning: the Pleasure and Anxiety of Eating*. London and New York : Routledge.
- Coveney, J. (2014). *Food*. London and New York : Routledge.
- Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books.
- Hold the beef: How plant-based meat went mainstream. (2020). Retrieved February 9, 2020 from <<https://www.theguardian.com/food/2020/feb/09/hold-the-beef-how-plant-based-meat-went-mainstream>>.
- Impossible Burger vs. Beyond Meat Burger: Taste, ingredients and availability, compared. (2020). Retrieved February 7, 2020 from <<https://www.cnet.com/news/beyond-meat-vs-impossible-burger-whats-the-difference>>.
- Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind and Culture*. New York : Oxford University Press.
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago and London : The University of Chicago Press.
- Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar*. New York : Oxford University Press.
- Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). (1997). 3rd edition. Essex : Longman Group Ltd.
- Lee, D. (2004). *Cognitive Linguistics: An introduction*. Oxford : OUP.
- New plant-focused diet would 'transform' planet's future, say scientists. (2019). Retrieved January 15, 2019 from <<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/16/new-plant-focused-diet-would-transform-planets-future-say-scientists>>.
- Pitt, D., Katz, J. J. (2000). *Compositional Idioms Language*, 76, 2. 409–432.
- The Guardian. (2019). Retrieved January 27, 2019 from <<https://www.theguardian.com/international>>.
- The diet for a healthy planet: what should environmentalists eat? (2019). Retrieved January 27, 2019 from <<https://www.theguardian.com/environment/2019/jan/27/environmentally-friendly-foods-samin-nosrat>>.
- The New York Times (2019, 2020). Retrieved March 18, 2019 ; March 18, 2020 from <<https://www.nytimes.com>>.
- Trend of the year: Plant-based foods. (2019). Retrieved February 15, 2019 from <<https://www.foodbusinessnews.net/articles/15105-trend-of-the-year-plant-based-foods>>.

Статья поступила в редакцию 27.12.2020; одобрена после рецензирования 29.05.2021; принята к публикации 01.10.2021.

The article was submitted 27.12.2020; approved after reviewing 29.05.2021; accepted for publication 01.10.2021.

Становая Лидия Анатольевна

**Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация**

`lida_stan@mail.ru`

Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия?

Аннотация

В статье рассматривается история создания теории старофранцузского именного склонения, которая, несмотря на критику и убедительные аргументы, доказывающие её ошибочность, остаётся непоколебимым постулатом истории французского языка. Целью исследования является верификация теории старофранцузского склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение 200 лет эмпирических исследований. Проведённый анализ показал, что мнение о реальности склонения основано на наличии во французских рукописных текстах IX–XV вв. вариативных графических форм на *-s* / без *-s*, необоснованно отождествляемых с грамматическими и трактуемых как падежные. Отклонения от сформулированного Фр. Рейнуаром «правила *s*» считаются «ошибками», обусловленными прогрессивным разрушением склонения во французских диалектах в течение XI–XV вв. Мнение об иллюзорности именного склонения, впервые высказанное Фр. Гессаром и Фр. Жененом, подтверждается результатами эмпирических исследований XX–XXI вв. Представлены следующие доказательства отсутствия старофранцузского склонения как действующей грамматической системы: нулевая функциональная значимость падежных форм и склонения в целом; отсутствие грамматических форм прямого падежа, регулярно выражающих грамматическое значение прямого падежа и противопоставленных соответствующим формам косвенного падежа на уровне языка и речи; ограниченность и лакунарность склонения; отсутствие регулярных типов и парадигм склонения, чётких границ между «склоняемыми» и «несклоняемыми» именами; доходящее до 100% количество «ошибок в склонении». Вариативность графических форм на *-s* / без *-s* во французских рукописных текстах представляет сугубо графическое явление, связанное с разными скриптуральными нормами оформления имени. Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории склонения.

Ключевые слова: история французского языка, историческая грамматика, именная система старофранцузского языка, функциональная значимость, оппозиции форм

© Становая Л. А. 2021

Для цитирования: Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134

Lydia A. Stanovaïa

**Herzen State Pedagogical University of Russia
St Petersburg, Russian Federation**

`lida_stan@mail.ru`

Old French nominal declension – reality or illusion?

Abstract

The article examines the Old French nominal declension theory, which, despite criticism and convincing arguments, remains a postulate of the French language history. This study aims to verify the theory based on comparison and critical analysis of arguments and facts obtained from the history of French during 200 years of

empirical research. The analysis showed that the opinion about the declension reality is based on variable graphic forms with -s / without -s present in the 9–15th c. French manuscripts unreasonably identified as grammatical and treated as case forms. All deviations from the formulated by Fr. Raynouard's «s rules» are considered «errors» resulting from the progressive destruction of declension in French dialects during the 11–15th c. The illusory nature of the declension, first mentioned by Fr. Guessard and Fr. Génin, was confirmed by empirical studies of the 20–21st c. The article presents the following evidence of the absence of the Old French declension as a valid grammatical system: zero functional significance of case forms and declension in general, the absence of grammatical forms of the direct case regularly expressing the grammatical meaning of the direct case and opposed to the corresponding forms of the indirect case in language and speech, limitation and lacunarity of declension, covering a small part of nouns, adjectives, articles, etc., the absence of regular types and paradigms of declension, no clear boundaries between «declinable» and «non-declinable» names, up to 100% of «errors in declension». The variability of graphic forms with -s / without -s observed in French manuscripts is a purely graphic phenomenon associated with different scriptural standards (analogical or etymological type of graphic design of the name). The presence of manuscripts made in the same dialect zone, but differing in the type of graphic design disproves the dialect theory of declension.

Keywords: history of the French language, historical grammar, nominal system of Old French, functional value, patterns opposition

© Stanovaia L. A. 2021

For citation: Stanovaia, L. A. Starofrantsuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili illyuziya? [Old French nominal declension – reality or illusion?]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134

1. Введение [Introduction]

Положение о наличии старофранцузского двухпадежного именного склонения остаётся непоколебимым постулатом истории французского языка. Несмотря на то, что критика теории именного склонения началась уже в XIX в. и активно продолжилась в XX–XXI вв., ни в классической «Истории французского языка» Ф. Брюно [Brunot, 1973, p. 179–184], обобщившей исследования XIX в. (первый том, описывающий историю французского языка от романизации до Возрождения, вышел в 1905 г.), ни в «Большой исторической грамматике французского языка» [GGHF, 2020, p. 632–646], декларировавшей необходимость обобщения исследований XX–XXI вв., нет и намёка на существование иных точек зрения.

Так, Ф. Брюно категорично заявил, что существование именного склонения бесспорно (*hors de toute contestation* – здесь и далее перевод наш – Л. С.) и что оно, хотя и вызывает много вопросов, составляет основу синтаксиса старофранцузского языка [Brunot, 1973, p. 173]. Л. Шеслер, кратко обозначив некоторые проблемы из множества накопившихся за 200 лет исследований, столь же категорично указала, что склонение было во всех диалектах, но регулярно соблюдалось в северных и северо-восточных, а во всех остальных было слабым, неустойчивым (*fragile*), начиная с первых текстов [GGHF, 2020, p. 639].

Между тем, именно непрекращающаяся критика теории именного склонения обусловила появление в XXI в. новых исследований имени в старо- и среднефранцузском [Глухова, 2001; Кочубей, 2011; Grübl, 2015; Völker, 2003] и старо- и среднепровансальском [Chambon, 2003; Sibille 2003] языках, а разные взгляды учёных на наличие / отсутствие именного склонения стали материалом для критического анализа всех теоретических и методологических принципов традиционной и создающейся в настоящее время «новой» истории французского языка.

Так, Кл. Грюбль [Grübl, 2015] связал мнение о наличии старофранцузского склонения с «натуралистской» (*naturaliste*) и «оралистской» (*oraliste*) теоретической концеп-

цией, основанной на интерпретации письменных (рукописных) текстов как прямого отражения устной звучащей речи эпохи, а мнение об отсутствии склонения – со «скриптуралистской» (*scripturaliste*), строго разделяющей устную и письменную формы речи, диалект и скрипту. Дискуссии по эволюции именной системы от латинского языка к французскому стали для Р. Сорникола [Sornicola, 2007] базой для размышлений над основными теоретическими идеями общего и романского языкознания XIX–XXI вв. и их использованием в исторической лингвистике.

Наши исследования убедили нас в отсутствии регулярной системы именного склонения в старофранцузском языке. Поэтому, занимаясь различными вопросами эволюции именной системы французского языка, мы всё время пытались выявить причины, по которым теория Фр. Рейнуара о старофранцузском именном склонении сначала мгновенно, без каких-либо дополнительных исследований и доказательств, стала необыкновенно популярной, а затем настолько авторитетной, что, несмотря на критику и убедительные аргументы, доказывающие её ошибочность, получила фактически статус аксиомы.

К сожалению, наше изучение истории создания и развития теории склонения ab ovo не дало однозначного ответа. Вопрос о том, как создаются подобные научные теории, остался риторическим.

Однако проведённый анализ выявил очевидные различия в подходах и методах диахронических исследований французского языка. Причины создания теории именного склонения не ограничиваются «оралистским» представлением о том, что буква равна звуку и что письменные (рукописные) тексты адекватно и полно отражают все особенности старофранцузского узуса. Главным препятствием к решению этой и других спорных проблем истории французского языка является, по нашему мнению, «атомарное» (термин Л. М. Скрелиной) изучение эволюции отдельных форм и их употреблений, свойственное в целом сравнительно-исторической и младограмматической истории французского языка, а также «теории языковых изменений», сформулированной в последние годы в рамках «новой» истории французского языка.

Наши теоретические и методологические принципы изучения истории французского языка включают не только последовательное разделение письменных и устных форм речи, текста произведения и текста рукописи, диалекта как регионального (диатопического) варианта языка и скрипты как регионального (диатопического) варианта письменности, но и – что особенно важно – действительное, а не просто декларируемое, признание дихотомий «язык – речь» и «синхрония – диахрония», разработанных в структурно-функциональной лингвистике (подробнее см. [Скрелина, Становая, 2005 ; Становая, 1996]).

Как показал наш анализ, именно отсутствие системного подхода в изучении именных частей речи, выявлении грамматических форм падежа и числа, установлении типов и парадигм склонения и всей системы именного склонения в целом, обуславливает стойкость теории старофранцузского склонения.

Ц е л ь ю настоящей работы является верификация теории старофранцузского именного склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение всех 200 лет эмпирических исследований. Основное внимание уделено преемственности идей филологов XIX в. и лингвистов XX–XXI вв., поскольку, по нашему мнению, такой синхронно-диахронный анализ позволяет установить основные достоинства и недостатки любой спорной теории.

2. Создание теории именного склонения **[Creation of the nominal declension theory]**

Создание теории двухпадежного именного склонения в старофранцузском языке начинается с работ Фр. Рейнуара, который сначала [Raynouard, 1816] выделил формы

падежа подлежащего (cas sujet) и падежа дополнения (cas régime) в «романском» языке, а затем [Raynouard, 1821] и в старофранцузском.

Следует добавить, что Фр. Рейнуар полагал, что не собственно латинский язык лежит в основе формирования современных романских языков, а так называемый «романский язык» (*langue romane*, *langue romane primitive*, *rustique*), представленный, по его мнению, например, в тексте «Страсбургских Присяг» (*les Serments de Strasbourg*). Этот «романский язык» наилучшим образом сохранился на юге Франции, в провансальском языке трубадуров, а на севере, напротив, существенно изменился, сохранив при этом название «*langue romane*».

Фр. Рейнуар считал, что, начиная с VI в., латинские существительные и прилагательные, утратившие все свои окончания (*désinences caractéristiques*), перестали склоняться. Поэтому новый «романский» язык создал, во-первых, артикли – «смелое и удачное новшество» (*nouveauté aussi hardie qu'heureuse*), а во-вторых, новые падежные формы, позволяющие различать подлежащие и дополнения «простым и гениальным способом» (*une méthode aussi simple qu'ingénieuse*), а именно – присутствием или отсутствием конечного -s. Новое склонение обладало двумя ценными достоинствами: 1) «неизменная ясность» (*une clarté inaltérable*), поскольку окончания позволяют сразу отличить подлежащие от дополнений; 2) «изящество и достоинство инверсий» (*la grâce et le mérite des inversions*), которые, нисколько не мешая ясности, могут произвести более совершенное и эффектное впечатление [Raynouard, 1816, p. 40–50].

Важно подчеркнуть, что, по мнению Фр. Рейнуара, речь не идёт ни о частичном сохранении латинского склонения, ни о его перестройке или продолжении в виде двухпадежного старофранцузского и старопровансальского склонения, но о совершенно новой системе, которая ранее нигде не существовала (*qui n'a existé dans aucune autre langue*) и которая касалась только имён существительных, прилагательных и притяжательных местоимений. Напротив, формы артикля (Sing. *el, lo, la*; Plur. *els, li, los, il, las*) и указательных местоимений (*cil, cist, icil, cel, celui, cest*, etc.) не различались по падежам в «романском» языке [Raynouard, 1816, p. 40–54].

В последующих работах [Raynouard, 1821, 1836], Фр. Рейнуар развил и дополнил как теорию нового «романского» языка, сравнив шесть романских языков (провансальский, или окситанский, французский, испанский, португальский, итальянский, валахский, или старорумынский), так и теорию нового именного склонения, представив примеры падежных форм старофранцузских и старопровансальских существительных и прилагательных. Именное склонение существовало во французском языке до XV в., а в XVI в. его уже не было [Raynouard, 1821, p. 363].

Теория Фр. Рейнуара была с восторгом воспринята большинством филологов XIX в., и с этого момента анализ именного склонения стал обязательной частью изучения старо- и среднефранцузских текстов. Описание склонения постоянно уточнялось и дополнялось, поэтому, одновременно с новыми исследованиями, начались споры относительно всех особенностей его функционирования и разрушения. Более того, сразу же появилось мнение об отсутствии именного склонения как в старофранцузском языке, так и в старопровансальском.

3. Развитие теории именного склонения

[Development of the nominal declension theory]

Г. Фалло [Fallot, 1839], изучая особенности французских диалектов XIII в., с вполне понятным извинением начинающего учёного перед членом и секретарем французской Академии, добавил в теорию Фр. Рейнуара склонение артиклей и всех местоимений, а также связал все старофранцузские формы с соответствующими латинскими этимонами.

Таким образом, вопреки мнению Фр. Рейнуара, но в соответствии с общей теорией Фр. Дица [Diez, 1874, 2, p. 3], Г. Фалло установил преемственность между латинским и старофранцузским склонением. В дальнейшем, эта преемственность уже не вызывала сомнения у большинства историков французского языка, описывавших старофранцузское склонение как «остатки» латинского [Доза, 1956, с. 271–273 ; Катагощина, Васильева, 1997, с. 34–36 ; Шишмарев, 1952, с. 33 ; Brunot, 1973, p. 179–186 ; GGHF, 2020, p. 640–642 ; Littré, 1863, 2, p. 436; и др.].

Г. Фалло подробно описал особенности фонетических и «орфографических» (так у Г. Фалло – Л. С.) форм существительных в прямом падеже (*cas sujet*, далее – ПП) единственного числа (далее – ед. ч.), которые получались в результате присоединения конечного -s к разным именным основам. Эти формы различались как по трём выделенным им диалектам (пикардский, бургундский, нормандский), так и внутри каждого из диалектов, представляя бессчётное множество написаний одного и того же существительного даже в одном и том же тексте [Fallot, 1839, p. 68–174].

Важно отметить, что Г. Фалло, после тщательного анализа встреченных форм, честно заключил, что во многих, даже «хороших» рукописях XIII–XIV вв., содержится большое количество вариативных и просто ошибочных форм ПП. Нисколько не сомневаясь в существовании склонения, Г. Фалло объяснил отличие своих данных тем, что Фр. Рейнуар изучал более старые тексты, а потому представляющие более «правильный узус» (*le bon usage*). Если в «старые времена» (*les temps anciens de la langue*) формы ПП ед. ч. были регулярными, их употребление отвечало «правилу s» (*la règle de l's*), а написание с «буквой флексии» (*lettre de flexion*) s, z или x – правилам написания, ранее установленным в каждом диалекте, то затем, приблизительно к середине XIII в., правила смешались, и переписчики, путаясь в формах, забывали написать то флексию, то согласную основы. В дальнейшем эти ошибки повлекли за собой забвение «старых правил» (*les règles anciennes*), а смешение диалектов и резкое увеличение количества переписчиков, неспособных эти «старые правила» понимать и правильно применять, вызвали «путаницу и беспорядок» форм (*confusion et désordre*) в текстах, начиная со второй половины XIII в., когда выбор написания уже более ничем не регулировался, кроме как «капризом» переписчика (*un caprice absolu*). Между 1260 г. и 1280 г. произошло забвение «старого узуса» и «старых правил», а в XIV в. – их полное забвение и установление «новых» [Fallot, 1839, p. 98, 161–163, 171–174, 451].

Важно отметить, что Г. Фалло фактически разделил употребление падежных форм в речи, т. е. реальный языковой узус, и особенности их написания в разных районах, в разное время, разными переписчиками, т. е. различия скрипт. Хотя он и не сделал однозначного вывода об отсутствии склонения во французском языке XIII в., тем не менее очевидно, что описанные им «путаница и беспорядок» форм характерны для многих рукописей XIII в.

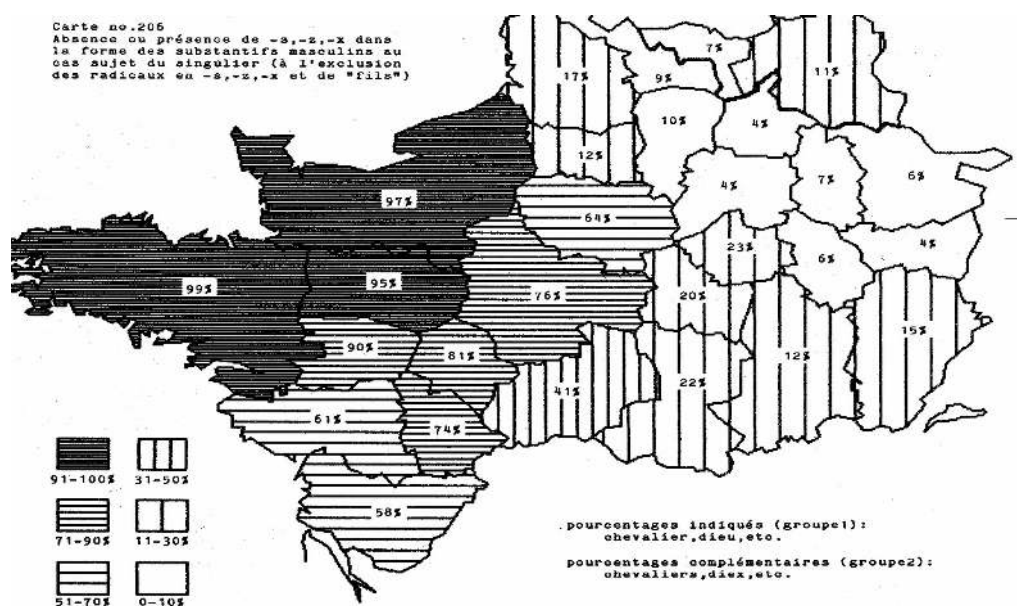
Впоследствии лингвисты XX в. пытались навести порядок в этой «путанице и беспорядке» форм: связывая «ошибки» в употреблении «правила s» с разрушением склонения, они стремились, но безуспешно, установить факторы, способствующие их появлению (подробнее см. [Голубенко, Становая 1985 ; Buridant 2019, p. 88–91; Schøsler, 1984 ; Stanovaia, 1993] и др.).

Уточним, что под «ошибками в склонении» обычно понимается употребление форм косвенного падежа (*cas régime* – далее КП) вместо форм ПП. Обратное употребление, т. е. форм ПП вместо КП, называемое также «ошибками гиперкоррекции», встречается значительно реже, в основном, в пикардских рукописных текстах.

Установленная Г. Фалло связь между количеством «ошибочных» падежных форм и различиями старофранцузских диалектов нашла своё продолжение в известной диалектной теории, представляющей разрушение именного склонения как процесс, после-

довательно проходящий в течение старо- и среднефранцузского периодов, сначала в западных, затем в центральных и восточных диалектах, начиная с конца XI в. [Доза, 1956, с. 275 и др.], или с XII в. [Шишмарев, 1952, с. 41; Brunot, 1973, p. 336; Buridant, 2019, p. 87 и др.] до конца XIII в. [Доза, 1956, с. 275 и др.], или до конца XIV в. [Шишмарев, 1952, с. 41; Катагощина, Васильева, 1997, с. 38; Brunot, 1973, p. 432; Buridant, 2019, p. 87; и др.], или до конца XV в. [Schøsler, Van Reenen, 1997, p. 606; GGHF, 2020, p. 653 и др.].

«Атласы» старофранцузского языка [Dees, 1980, 1987] прекрасно иллюстрируют эту теорию, представляя количественное распределение графических форм с -s / без -s в ПП ед. ч. существительных мужского рода (далее – м.р.) во французских хартиях XIII в. (см. карта 1) и литературных текстах [Dees, 1987, p. 112].



К а р т а 1. Статистика форм существительных м. р. без -s в ПП ед. ч. в хартиях XIII в.
[Dees, 1980, p. 206].

[М а р 1. Statistics of masculine noun forms without -s in CS sg in charters of the 13th c.]

Отождествление графических и грамматических форм, а также диалектов и скрипт легко позволяет сделать вывод об отсутствии именного склонения в западных диалектах (90–99% форм ПП ед. ч. без -s) и его наличии (4–23% форм ПП ед. ч. без -s) в северных и восточных. Именно такой вывод сделан Л. Шеслер, выделившей на основе этой же карты три диалектные зоны: 1) запад – отсутствие склонения, 2) центр – временное и дефектное сохранение склонения (*maintien provisoire et défectueux*), 3) север и восток – устойчивость (*persistance*) склонения [GGHF, 2020, p. 645].

Заметим, что, согласно диалектной теории, речь идёт об одном и том же языке, диалекты которого в течение нескольких столетий различались по такому фундаментальному грамматическому признаку как наличие / отсутствие именного склонения, но не различались при этом никакими синтаксическими (развитие именной синтагмы, структура словосочетаний, простых и сложных предложений, порядок слов в словосочетаниях и предложениях) особенностями.

Последовательно разделяя диалекты и скрипты, мы не приняли данную теорию, поскольку, во-первых, считаем невозможным столь длительное сосуществование диалектов с разными грамматическими системами (со склонением vs без склонения); во-вторых, хронология разрушения склонения не прослеживается в хронологически

разных рукописях одного и того же района; в-третьих, рукописные тексты, выполненные в одной и той же диалектной зоне, могут различаться графическим оформлением имени: например, одни франсийские рукописи XIII в. представляют почти идеальное «склонение» аналогического типа с 5–25% «ошибок», а другие – практически разрушенное этимологического типа с 50–95 % «ошибок» (подробнее см. [Stanovaia, 2021]).

Предложенное Г. Фалло объяснение «ошибок в склонении» как поздних, вызванных «забвением старого узуса и старых правил» неграмотными сcribes и переписчиками, а также деление рукописей на «хорошие» и «плохие», тоже нашло своё дальнейшее продолжение.

Так, все последующие текстологические исследования старофранцузских произведений в их рукописных вариантах стали обязательно содержать детальный анализ «ошибочных» падежных форм и их разделение на «ошибки автора» и «ошибки сcribe (переписчика)» (подробнее см. [Становая, 1996]).

После того, как Э. Литтре вновь отметил нарушение «правила s» во многих «плохих» рукописях и призвал издателей старофранцузских произведений исправлять все «явные ошибки» (*les fautes manifestes*) безграмотных переписчиков [Littré, 1863, 2, p. 355–356; 439–441], издатели, особенно так называемых «критических» текстов, стали тщательно исправлять все именные формы, обеспечивая тем самым реальность старофранцузского склонения и правильность созданной теории.

Несмотря на то, что Ф. Брюно уже в начале XX в. заметил разницу между несоблюдаемым (*négligée*) склонением в рукописях и регулярным склонением в восстановленных (*restaurés*) текстах [Brunot, 1973, p. 335], историки французского языка обратили внимание на недостоверность подобного языкового материала, широко используемого в диахронических исследованиях, лишь в конце XX в. Однако к этому времени стойкая традиция выделять старофранцузское именное склонение уже сложилась.

4. Критика теории именного склонения [Nominal declension theory criticism]

Фр. Гессар [Guessard, 1840] подверг резкой и весьма язвительной критике Фр. Рейнуара, который, по его собственному признанию [Raynouard, 1821, p. III–IV], создавая теорию склонения, основывался на двух провансальских грамматиках XIII в. – «Провансальский Донат» Юга Файдита-Изгнанника (*Donatus provincialis*, Hugues, Ugo, Uc Faidit) и «Правила стихосложения» Раймонда Видаля (*La dreita manera de trobar*, Raymond, Raimon Vidal).

По мнению Фр. Гессара [Guessard, 1840, p. 125–144], анализ обеих грамматик убедительно доказывает отсутствие склонения, действительно способствующего различению подлежащих и дополнений, поскольку, во-первых, оба «малопонятных» (*obscurs*) автора отметили большое количество несклоняемых имён – это все имена и местоимения женского рода (далее – ж. р.) и некоторые существительные м. р., оканчивающиеся на -a; все имена, оканчивающиеся на -s по «особенности произношения» (*pour l'agrément de la prononciation*) или по «желанию» (*à volonté*); во-вторых, в описанных ими «правилах s» для склоняемых имён содержатся многочисленные противоречия, например, относительно неравносложных, оканчивающихся на -aïre, -eïre, -ere, -or, -on; в-третьих, оба автора считают, что правила склонения известны не всем и что многие трубадуры совершают ошибки.

Поскольку в такой «хитроумной системе» (*mécanisme ingénieux*) нет никакой «пресловутой выгоды для ясности языка» (*une utilité notoire pour la clarté du langage*), Фр. Гессар заключил, что на самом деле обе грамматики представляют характерное для всей эпохи средневековья, но в данном случае «ошибочное» (*défectueuse*), «неуклюжее и насильственное» (*maladroite et forcée*), применение (*imitation*) латинских правил к новому языку. Чтобы любой мог сам убедиться в том, что «правило s» представляет собой

сугубо «орфографическое явление» (*phénomène orthographique*), Фр. Гессар издал полные тексты обеих грамматик [Guessard, 1840, p. 139–141].

Фр. Женен [Génin, 1845, p. 249–270], назвав склонение «странным и тягчайшим заблуждением», «воздушным замком» как «обширной и смутной» фантазией (*une erreur bizarre et des plus graves; château en Espagne, très-vaste, très-obscur* – орфография издания сохранена – Л. С.), обрушился с резкой критикой на Фр. Рейнуара, автора этого «зла» (*mal*), и других создателей теории старофранцузского склонения – Фр. Дица, Ж.-Ж. Ампера, Г. Фалло.

По мнению Фр. Женена, неверна сама идея склонения, основанного на присутствии / отсутствии конечного -s в период оглушения конечных согласных. Последовательно разделяя графику (*orthographe*) и произношение (*prononciation*), Фр. Женен справедливо заметил, что произнесение или непроизнесение конечного -s не может быть доказано при помощи анализа стихосложения [Génin, 1845, p. 281–282] и что вариативность графических форм, трактуемая как склонение, на самом деле обусловлена отсутствием единой орфографии.

Присутствие -s в конце разных слов, в том числе наречий и междометий, Фр. Женен связал со стремлением к благозвучию (*euphonie*), свойственному французскому языку, в результате которого в частности появляется связывание (*liaison*). Он выделил несколько, в том числе и -s, «благозвучных» (*euphoniques*) согласных и представил их анализ на примере текста «Песнь о Роланде» [Génin, 1845, p. 89–148].

В результате анализа неравносложных существительных, Фр. Женен пришёл к выводу, что речь идёт не о разных падежных формах, но либо об обычном различии полных и кратких форм имён собственных, или «димилютивов и огматативов» (*diminutifs et augmentatifs*), например: *Charles, Charlon, Charlot; Pierre, Pierrin, Pierrot, Pierron, Pierrinet*, и т.д.; либо о разных словах, различающихся дополнительным со-значением, например, презрения: *garçon* – это *gars* низкого происхождения и безнравственный; или димилютива: *sapin* – это димилютив к *saps* [Génin, 1845, p. 256–268].

Важно добавить, что все указанные Фр. Гессаром и Фр. Жененом факты иллюзорности старофранцузского склонения были в дальнейшем подтверждены результатами многих эмпирических исследований.

4.1. Роль именного склонения в старофранцузском языке [The role of the nominal declension in Old French]

Знаменитое высказывание А. Ривароля «То, что не ясно, это не по-французски» (*ce qui n'est pas clair n'est pas français*) связано с его рассуждением о прямом порядке слов, выделяющем французский язык среди других. Именно прямой порядок слов обеспечивает французскому языку ту «восхитительную ясность», которая составляет его основу: «Порядок и построение предложения – это то, что отличает наш язык от древних и современных. Этот порядок должен быть всегда прямым и обязательно ясным. <...> Французский язык, по исключительной привилегии, один остался верен прямому порядку. <...> Вот откуда происходит эта восхитительная ясность, постоянная основа нашего языка: то, что неясно, это не по-французски; то, что неясно, это по-английски, по-итальянски, по-гречески или по-латински» [Rivarol, 1784, p. 58–59]¹.

Все французские грамматисты и философы связывали прямой – природный, естественный, логичный, разумный, рациональный – порядок слов в предложении с ясностью и логикой мышления, а различные виды инверсии – с воздействием чувств и желанием авторов выразить эти чувства различными языковыми средствами. Например, грамматисты XVIII в. выделяли логические фразы с прямым порядком слов (*phrase logique*), отличающиеся от образных (*pittoresque*), чувственных (*sentimentale*) и музыкальных (*musicale*) [Brunot, François, 1973, p. 1934–2124].

Именно поэтому Фр. Рейнуар, в полном соответствии с многовековой французской грамматической традицией, указал главным достоинством именного склонения ясность, обеспеченную разными падежными формами подлежащего и дополнения, неизменную даже в случае инверсии. Отсюда – распространённое в традиционной истории французского языка мнение, что существование склонения является причиной возможной в старофранцузском языке препозиции дополнения и сказуемого перед подлежащим, дополнения перед сказуемым, определения перед определяемым. Соответственно, установление прямого порядка слов, свойственного современному французскому языку, связано с разрушением склонения [Доза, 1956, с. 346 ; Brunot, 1973, p. 498].

Л. Фуле, в полном соответствии с теорией Фр. Рейнуара, обратился к исследованию синтаксических особенностей «склоняемых» имён м. р. и «несклоняемых» имен ж. р., справедливо полагая, что наличие / отсутствие разных падежных форм должно было оказать влияние на порядок слов в синтаксических конструкциях и предложениях. Действительно, логично предположить, что отсутствие разных падежных форм у имен ж. р. должно затруднять понимание смысла фразы или конструкции и поэтому говорящий старался избегать инверсии в этих случаях.

Однако оказалось, что нет никаких синтаксических различий, обусловленных наличием / отсутствием разных падежных форм: нет ни одного примера конструкций и предложений, свойственных только «склоняемым» именам м. р. В результате анализа Л. Фуле заключил, что совсем не именное склонение, а контекст и распространённый уже в старофранцузский период прямой порядок слов обеспечивают необходимую ясность фразы [Foulet, 1932].

Последующие исследования XX в. доказали, что нет никакой очевидной связи между установлением прямого порядка слов и разрушением как латинского, так и старофранцузского склонения. Распространённое в традиционной истории французского языка мнение о склонении как причине разных типов порядка слов, возможных в старофранцузском языке, в современных работах полностью отсутствует. Так, в качестве причин того или иного порядка слов указываются факторы структурные, тема-рематические, прагматические, жанровые, дискурсивные и др. [Buridant, 2019, p. 1085–1112 ; GGHF, 2020, p. 1079–1120].

Этот же вывод о незначительной роли двухпадежного склонения в старофранцузском языке был сделан Бр. Уоледжем [Wolledge, 1979] и Л. Шеслер [Schøsler, 1984], которые указали, что главную, определяющую роль в различении подлежащих и дополнений и понимании фразы в целом играют контекст и порядок слов, а вовсе не именные падежные формы.

Л. Шеслер [Schøsler, 1984] к контексту и порядку слов добавила ещё семантику новалентных глаголов и одушевленных / неодушевленных существительных и заключила, что идентификация синтаксической функции существительного, а также понимание фразы в целом, обеспечены синтаксическими, семантическими и контекстуальными средствами в 99,9% примеров, а падежными формами всего в 0,1% (т. е. в 4 примерах из 3607). В новой «Большой исторической грамматике французского языка» Л. Шеслер ещё раз подчеркнула «ненужность» склонения для понимания старофранцузской фразы и важность порядка слов в идентификации синтаксических функций существительных [GGHF, 2020, p. 652].

Таким образом, склонение действительно, как считал Фр. Гессар, не способствует различению подлежащих и дополнений, а соответственно, в нём нет никакой «пресловутой выгоды для ясности языка». Очевидно, что, вопреки утверждению Ф. Брюно, именное склонение нельзя считать основой старофранцузского синтаксиса.

В этой связи встаёт естественный вопрос: зачем «ненужное склонение» существовало во французском языке в течение IX–XV вв.? К сожалению, и этот вопрос в теории старофранцузского склонения остаётся риторическим.

4.2. Склоняемые и несклоняемые имена [Declinable and non-declinable names]

В свете «ненужности» склонения, становится понятным и его «дефектность», «лакунарность», «миниатюрность» [Buridant, 1919; Fallot, 1839; Génin, 1845; Guessard, 1840; Littré, 1863 и др.], поскольку склоняются не все имена, а только их некоторая часть.

В этой связи, Л. Фуле, изучая синтаксис несклоняемых имен ж. р. на -е, недоуменно воскликнул: «Как представить себе язык со склонением, в котором почти половина существительных не склоняется? <...> имеем ли мы здесь пример языка, разделенного на две противоположные и противоречащие друг другу системы? <...> как в этих условиях он [язык] смог существовать?» [Foulet, 1932, p. 264].

Действительно, система именного склонения не охватывает все имена. По нашим подсчётам [Голубенко, Становая, 1985], количество существительных м. р. и ж. р., склоняемых по мнению Фр. Рейнуара и его последователей, составляет менее половины (39,48%) от общего числа употребленных в проанализированных текстах (т. е. 1316 из 3333).

К тому же, различные исследования, в том числе и наши, показали, что парадигмы склонения многих существительных и прилагательных вообще нельзя установить, ни опираясь на их этимологию, ни на их употребление в текстах. Следовательно, нельзя однозначно определить, к какому классу – склоняемых или несклоняемых – относится то или иное имя. Это: 1) существительные и прилагательные м. р. на -е (тип *pere*); 2) существительные и прилагательные ж. р. на согласную (тип *flor*); 3) существительные и прилагательные м. р. и ж. р. неравносложные (тип *ber* - *baron*, *ante* - *antain*).

Так, существительные и прилагательные м. р. на -е и ж. р. на согласную употребляются в вариантных формах ПП: ед. ч. *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*; мн. ч. *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*. Принято считать, что аналогические формы ПП ед. ч. (-s) и мн. ч. (-ø) характерны для поздних рукописей [Brunot, 1973, p. 180–181] и для диалектов с регулярным склонением [GGHF, 2020, p. 633–636]. Однако это весьма распространённое мнение не подтверждается нашими исследованиями. Данные «Атласов» [Dees, 1980, 1987] также наглядно показывают, как одни и те же имена одновременно «склоняются» и «не склоняются» даже в одном и том же районе, не говоря уже о старофранцузском языке в целом (см. табл. 1).

Такая же неясность касается группы неравносложных, к которым обычно относят 6 прилагательных и 7–58 существительных [Stanovaia, 2012] или 8 прилагательных и 179 существительных [Кочубей, 2011]. Такой невероятный разброс мнений — от 7 до 179 — обусловлен тем, что в старофранцузских текстах неравносложные часто употреблялись как равносложные, т. е. только в одной из форм.

Исследования показали, что между так называемыми «падежными» формами могли быть и другие, т. е. не сугубо грамматические, различия. Есть основания полагать, что речь может идти не о разных падежных формах, но о разных словах, например: *sire* / *seigneur*; *messire* / *monseigneur*; *traître* / *traitor*; *nonne* / *nonnain*, и др., или разных частях речи, например: прилагательные *ber*, *enfes* / существительные *baron*, *enfant*; местоимение *on* (*em* ~ *en* ~ *am* ~ *hom* ~ *hum* и т. д.) / существительное *home* (*hume*, *ome* и т. д.); есть региональные особенности в выборе той или иной формы, например: в изученных нами нормандских рукописях формы только двух существительных *nies* / *nevout* и *cuens* / *conte* употребляются более или менее регулярно, тогда как в пикардских и валлонских *nies* употребляется, а *nevout* нет, во франсийских и бургундских есть *conte*, но нет *cuens*, и т. д. (подробнее [Foulet, 1950 a, b, 1951 a–c; Spense, 1971; Stanovaia, 2012] и др.).

Подобными лексико-грамматическими преобразованиями бывших падежных форм может быть объяснено существование в современном французском языке разных слов, например: *gars* / *garçon*; *copain* / *compagnon*; *pâtre* / *pasteur*; *maire* / *majeur*, и др.; а

также сохранение ряда существительных и прилагательных в форме ПП, например: *prêtre* < *prestre* (вм. КП *provoire*); *soeur* < *suer* (вм. КП *soror*); *traître* < *traistre* (вм. КП *traitor*) и т. д.

Очевидно, что на уровне парадигмы «правило s» применимо только к одной группе существительных и прилагательных м. р. с основой на согласную (тип *mur*). Все остальные имена были либо несклоняемыми (ж. р. на -е тип *rose*, все имена на -s тип *cors*), либо склоняемыми и несклоняемыми одновременно. В этом нельзя увидеть регулярную систему именного склонения. Действительно, это всего лишь «латинские развалины, обломки, загромождающие новый язык без всякой пользы» [Gussard, 1840, p. 142].

Т а б л и ц а 1. Статистика форм с -s существительных и прилагательных ж. р. с основой на согласную в ПП ед. ч. в хартиях [Dees, 1980, p. 208] и литературных текстах [Dees, 1987, p. 113, 239–242]

[T a b l e 1. Statistics of the forms with -s of feminine nouns and adjectives on a consonant in the CS sg in charters and literary texts]

район / тип	-ors (хартии)	-ors	-tes	mains, clefs	granz/s	-acions	итого
Angleterre	-	9,52	17,14	4,76	12,5	0	0-17
Normandie	0	10,07	10	13,81	3,57	0	0-14
Meuse	98,57	12,5	50	22,22	0	0	0-99
Vosges	83,33	81,25	75	85,71	100	100	75-100
Orléannais	0	0	6,57	4,76	3,57	0	0-7
Region parisienne	9,09	5	40,46	18,47	7,96	0	0-40
Bourgogne	80,77	75	68,52	19,53	42,11	100	20-100
Somme	74,07	68,58	76,54	56,61	60,5	66,67	57-77
Wallonie	83,98	67,05	80,83	65,26	61,23	90	61-90
Oise	42,86	22	52,06	32,38	35,56	50	22-52
Aisne	96,15	26,28	72,12	31,61	38,54	-	27-96
Nord	93	92	88	75	91	-	75-93
Hainaut	91,67	50	33,33	6,25	50	-	6-92
Итого	0-96	0-92	7-88	5-75	0-91	0-90	0-100

4.3. Произнесение / непроизнесение -s как грамматического показателя числа и падежа [Pronouncing / not pronouncing -s as a grammatical indicator of number and case]

В истории французского языка до сих пор нет объективных методов, выявляющих истинный характер – звучащий или сугубо графический – конечного -s как грамматического показателя числа и падежа, что по существу и определяет столь длительный спор о реальности или иллюзорности старофранцузского склонения.

Объявляя существование именного склонения «бесспорным», Ф. Брюно всё же задумался над тем, каким образом конечный -s мог стать основой противопоставления падежных форм в старофранцузском языке, ведь оглушение конечных согласных, включая -s, наблюдалось уже в вульгарной латыни. Чтобы найти компромисс между теорией Фр. Рейнуара и уже известными к тому времени фактами, Ф. Брюно предложил «чистую гипотезу» (*une pure hypothèse*): в галльском языке, субстрате французского, был тип склонения имён м. р., совпадающий с латинским типом *dominus*, и тип склонения

имён ж. р. мн. ч. **eras*. «Встреча» галльского и латинского склонений позволила избежать последнему полного исчезновения и обусловила его продолжение в старофранцузском [Brunot, 1973, p. 70, 179].

По мнению Л. Шеслер, неважно, произносился ли конечный -s или нет, поскольку главным показателем падежа и числа уже в старофранцузском языке был артикль. Именно поэтому между оглушением конечного -s и разрушением склонения нет очевидной связи. Учитывая, что оглушение конечного -s происходило в разных диалектах с XI в. по XVI в., одна и та же графическая форма, например, *murs*, могла произноситься в четырёх по-разному звучащих вариантах: [myrs], [myrz], [my: r], [myr]. Соответственно, только артикль, формы которого чётко противопоставлены по падежам, позволяет понять, о каком падеже идёт речь: ПП ед. ч. *li my: r*; *li myr*; *li myrs*; *li myrz*; КП ед. ч. *lə myr*; ПП мн. ч. *li myr*; КП мн. ч. *le: my: r*; *le: myr*; *le: myrz*; *le: myrs* [GGHF, 2020, p. 647–648].

В своих работах мы подчёркивали, что наблюдаемая в рукописных текстах графическая вариативность касается только так называемых форм ПП, в которых чередование конечных -s / -ø не сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений: ед. ч. *mur* ~ *murs*, *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*, *ber* ~ *bers* ~ *barons*; мн. ч. *mur* ~ *murs*, *pere* ~ *peres*, *flor* ~ *flors*, *barons* ~ *baron*. Следовательно, графему s нельзя интерпретировать как внешнюю флексию, служащую для выражения разных падежных значений. Иначе говоря, -s не является грамматическим показателем грамматического значения ПП ед. ч., а его отсутствие (-ø) не является грамматическим показателем грамматического значения ПП мн. ч.

Напротив, формы так называемого КП во всех рукописных текстах отличаются единообразием, и чередование конечных -s / -ø всегда сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений ед. ч.: *mur-ø* : мн. ч. *mur-s*, вне зависимости от того, произносился ещё конечный -s или уже нет. Следовательно, графему s можно интерпретировать как внешнюю флексию -s, служащую для выражения грамматического значения мн. ч., а её отсутствие (-ø) – для выражения грамматического значения ед. ч.

Именно потому, что разные формы с -s / -ø используются в рукописных текстах для выражения одного и того же грамматического значения ПП, мы сделали вывод, что речь идёт не о разных грамматических формах, противопоставленных по грамматическим значениям числа и падежа, но о вариантах, однозначно графических, а возможно и фонетических, одних и тех же грамматических форм ПП. Учитывая отсутствие грамматических форм ПП, регулярно выражающих грамматическое значение ПП и противопоставленных соответствующим формам КП, мы заключили, что грамматическая категория падежа в старофранцузском языке отсутствует.

Важно подчеркнуть разницу указанных теоретических и методологических подходов к анализу графических форм и именного склонения в целом.

Л. Шослер изучает возможное соответствие графических форм устным звучащим, т. е. соответствие букв и звуков. Предполагая разные звучащие формы, служащие для выражения одного и того же грамматического значения, она делает вывод, что главным грамматическим показателем падежа и числа был артикль, т. е. сами имена не склонялись, а склонялся только артикль. Этот вывод хорошо согласуется с её заключением о практически нулевой смысловозначительной роли падежной флексии. При этом, однако, общее заключение о наличии / отсутствии именного склонения в разных диалектах сделано на основе количественных данных по графическим формам существительных м. р., зафиксированных в рукописях разных районов средневековой Франции.

Наше изучение было направлено на установление: 1) грамматических форм, служащих для выражения грамматических значений числа и падежа; 2) системных отношений корреляции и оппозиции между элементами грамматической системы склонения, позволяющие выделить грамматические показатели падежа и числа; 3) типов и пара-

дигм склонения для всех именных частей речи; 4) всей грамматической системы именного склонения, свойственной старофранцузскому языку. Только такой системный, структурно-функциональный подход, направленный на изучение соответствия грамматической формы и грамматического значения, а не на соответствие букв и звуков, позволяет установить грамматические формы и отделить их от графических и фонетических.

Вариативность написания или произнесения одной и той же грамматической формы не является основанием для выделения разных грамматических форм: в данном случае можно говорить лишь о графических и фонетических вариантах одной и той же грамматической формы. К установленным качественным, языковым характеристикам именных форм, добавляются количественные, речевые. Отсюда – наше общее заключение об отсутствии грамматических форм ПП, регулярно противопоставленных на уровне языка и речи грамматическим формам КП, а соответственно, и именного склонения как грамматической системы в целом.

О сложностях определения парадигм так называемых склоняемых и несклоняемых имён речь шла выше. Здесь же отметим, что нельзя считать одни варианты «правильными», а другие «ошибочными», потому что формы ПП ед. ч., например, *pere*, *maistre*, *raison*, *dolor* (без -s) – «правильные» этимологические (< PATER, MAGISTER, RATIO, DOLOR Nom. Sg.), а *peres*, *maistres*, *raisons*, *dolors* (с -s) – «правильные» аналогические, унифицированные по типу *mur*. Напротив, для существительных *oncle*, *flor* этих же типов «правильными» этимологическими формами ПП ед. ч. являются *oncles*, *flors* (с -s) < AVUNCULUS, FLOS Nom. Sg., а *oncle*, *flor* (без -s) – «правильные» аналогические, но унифицированные по другой аналогии: *oncle* – как многие несклоняемые имена м. р. на -e, *flor* – как многие несклоняемые имена ж. р. на согласный. То же и в ПП мн. ч.: этимологические *maistre*, *oncle* (-ø) < MAGISTRI, AVUNCULI Nom. Pl.; *peres*, *flors* (-s) < PATRES, FLORES; аналогические *maistres*, *oncles*; *pere*, *flor*.

Можно только вообразить, какие трудности испытывали средневековые сcribes, пытаясь разобраться в «правильных» и «неправильных» формах! Неслучайно, что в провансальских трактатах, послуживших Фр. Рейнуару стимулом к открытию именного склонения, есть противоречия и по этим группам. Так, Р. Видаль считал, что имена м. р. на -e изменяются только по числу, а имена ж. р. на согласный в ед. ч. имеют разные формы падежа, а во мн. ч. – единую. Ю. Фейдит, напротив, полагал, что все эти имена не склоняются, а изменяются только по числу [цит. по : Guessard, 1840, p. 169–172, 196–198].

Создатели «Атласов» [Dees, 1980, 1987] решили всё гораздо проще: к «правильным» отнесли формы с -s в ПП ед. ч. и без -s в ПП мн. ч. для всех имён м. р., включая типа *pere* и неравносложные типа *ber*–*baron* (см. карта 1), а существительные и прилагательные ж. р. типа *flor* неосторожно разделили по подтипам (см. табл. 1), тем самым наглядно показав, как одни и те же имена ж. р. «склоняются» и «не склоняются» одновременно.

Пытаясь систематизировать многообразие графических вариантов грамматических форм, сначала мы определили одни варианты как «современные», а другие как «архаичные», и сделали вывод об ориентации сcribes либо на современный им языковой узус, либо на архаичный, сохранённый в силу известной консервативности письменности [Stanovaia, 1993]. Однако далее, столкнувшись с архаичностью и архаизацией англо-нормандских скрипт [Stanovaia, 2007], мы отказались от диахронического определения в пользу синхронического и разделили варианты на «аналогические», унифицированные по «правилу s», и «этимологические», неунифицированные, ориентированные на латинские и архаичные французские формы. Обратив внимание на предпочтения сcribes и переписчиков, преимущественно использовавших те или другие варианты, мы выделили скрипты аналогического (пикардские, валлонские, лотарингские из Меца, бургундские, кроме Авалона и Отена, франсийские монастырских

скрипториев и северных районов Иль-де-Франса) и этимологического (англо-нормандские, нормандские, туренские, лотарингские, кроме Меца, франсийские канцелярий и остальных районов Иль-де-Франса, бургундские Авалона и Отена) типа. Этимологический или аналогический тип графического оформления имени составляет яркую специфику французских скрипт. Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории старофранцузского склонения.

4.4. Склонение артиклей, указательных и притяжательных местоимений [Declension of articles, demonstrative and possessive pronouns]

Многие формы артиклей, указательных и притяжательных местоимений м. р. на уровне парадигмы различаются по числу и падежу при помощи внутренней флексии, например: ПП ед. ч. : КП ед. ч. *li : le, cist : cest, cil : cel, mes : mon*, и т. д., или только по числу, например: ед. ч. : мн. ч. *nostre, vostre : nos/z, vos/z*. Формы артиклей, указательных и притяжательных местоимений ж. р. различаются только по числу, например: ед. ч. : мн. ч. *la : les, ceste : ces, celle : celles, ma : mes, nostre : nos*, и т. д.

Идея Фр. Рейнуара о прямой связи между исчезновением латинской падежной флексии и появлением артикля широко распространена в истории французского языка. Сформулированные младограмматистами фонетические законы (редукция конечных гласных, оглушение конечных согласных) объяснили, как происходило разрушение латинских и старофранцузских флексий и как в процессе общего движения от синтетизма к аналитизму формировались новые аналитические средства выражения грамматических значений. В психосистематике представлены причины аналитического развития индоевропейских языков и история формирования системы французского артикля [Скрелина, 2009, с. 91–128, 328–343 ; Guillaume, 1982, р. 21–60; и др.].

В современном французском языке, действительно, артикль или другой детерминатив можно рассматривать как препозитивную флексию, служащую для выражения всех грамматических значений существительного: лицо, род, число, падеж (функция), экстенсия (детерминация; определённость / неопределённость) [Скрелина, Становая, 2012, с. 119–167]. Однако для старо- и среднефранцузского языка такое представление о роли артиклей и местоимений преждевременно, поскольку аналитическая форма существительного ещё находилась в процессе становления.

Нельзя рассматривать артикль как главный детерминатив существительного уже в старофранцузском языке. Например, в «Страсбургских Присягах» артикля нет вообще. В «Песне о Роланде» более трети существительных употреблены без артикля или других детерминативов. В текстах XIII в. определённый артикль употребляется чаще, однако всё ещё много существительных без артикля или других детерминативов, особенно в функции дополнения: например, по данным А. Карлье и М. Гуаенс, 40,8% существительных употреблено без артикля и других детерминативов [GGHF, 2020, р. 664].

Учитывая это известное обстоятельство, трудно согласиться с мнением Л. Шеслер, что уже в старофранцузском языке все грамматические значения существительных, включая падежные, выражались прежде всего при помощи артикля, а лишь затем, комплементарно, флективными формами.

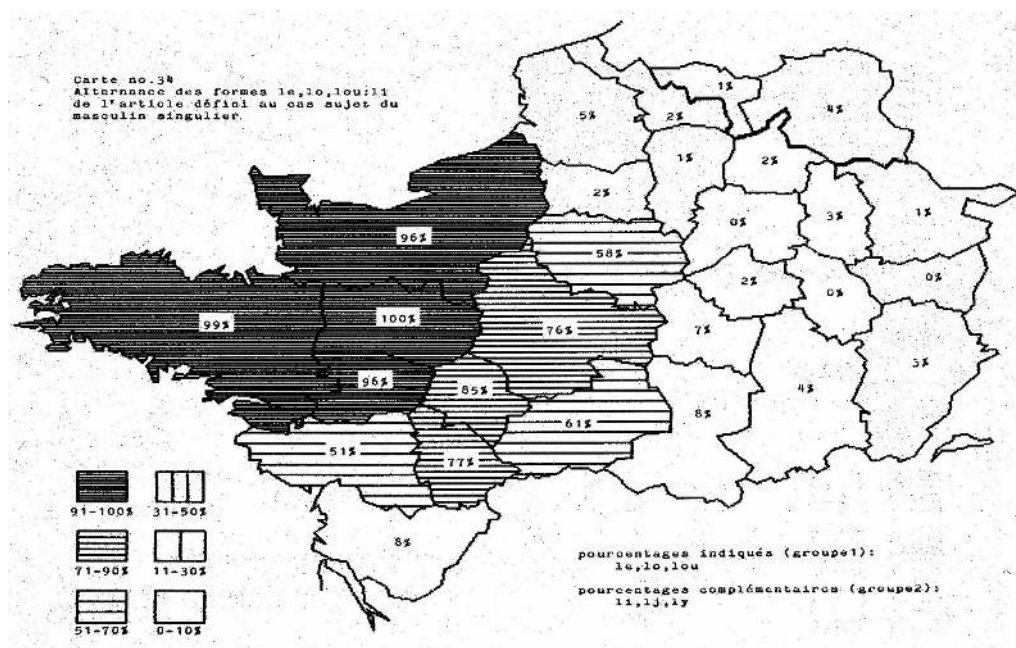
Следует заметить, что тексты, проанализированные Фр. Рейнуаром, позволили ему заключить, что артикль вообще не склонялся ни в старофранцузском, ни в старопровансальском языках.

По мнению Ю. Файдита, автора «Провансальского Доната», именно одна и та же форма артикля в именительном и винительном падежах обуславливает необходимость употребления разных падежных форм существительных в этих падежах: «Падежей шесть: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, предлож-

ный. Именительный выражен с *lo*, так: «*lo reis est venguts*». Родительный с *de*, так: «*aquest destrers es del rei*» Дательный с *a*, так: «*mena lo destrier al rei*». Винительный с *lo*, так: «*eu vei lo rei armât*». И нельзя понять, ни отличить винительный от именительного без этого: именительный в ед. ч. требует *s* в конце, когда это имена м. р., а другие падежи его не требуют; именительный во мн. ч. его не требует, а все остальные падежи его требуют во мн. ч. Однако звательный должен походить на именительный во всех словах, которые оканчиваются на *ors*, и в этих: *Deus, reis, francs, pros, bos, cavaliers, canzos*» [цит. по : Guessard, 1840, p. 168].

Следует добавить, что «ошибки в склонении» есть в употреблении форм артикля, начиная с первого относительно большого текста «Житие Св. Леодегария» (*la Vie de Saint Léger*) в рукописи конца X в. (Clermont-Ferrand 240/189); в рукописных текстах XII–XIV вв. количество «ошибок» варьирует от 5% в скриптах аналогического типа до 40% в скриптах этимологического типа [Stanovaia, 2012, 2021].

Согласно данным «Атласа хартий» [Dees, 1980, p. 34], количество «ошибок» в выборе форм ПП ед. ч. определённого артикля варьирует от 0% на севере и востоке до 99–100% на западе (см. карта 2); такое же количество «ошибок» – от 0% до 100% – в формах ПП мн. ч. [Dees, 1980, p. 37].



Карта 2. Статистика форм определенного артикля м. р. *le, lo* в ПП ед. ч. в хартиях XIII в. [Dees, 1980, p. 34]

[Map 2. Statistics of the forms of the definite masculine article *le, lo* in CS sg in the charters of the 13th c.]

Таким образом, в тех районах, где много «ошибок в склонении» имён существительных и прилагательных, много и «ошибок в склонении» артикля. То же самое касается употребления форм указательных и притяжательных местоимений [Dees, 1980, p. 62, 76]. Соответственно, нельзя полагать, что «правильные» формы артикля и других детерминативов способствуют употреблению существительных в «ошибочных» формах, поскольку их падежные значения уже выражены.

Очевидно, что, либо «склонение» есть, и тогда существительные, прилагательные, причастия, артикли, местоимения «склоняются», либо «склонения» нет, и тогда никакие именные части речи не «склоняются».

4.5. Склонение в первых описаниях французского языка [Declension in the first descriptions of the French language]

К уже указанным выше аргументам, доказывающим отсутствие старофранцузского именного склонения как действующей системы, добавим ещё один – сведения из первых описаний французского языка.

Лишь два вышеназванных провансальских автора XIII в. указали на необходимость употреблять формы именительного падежа (*nominatiu*, *el nominatiu*) – «длинные» с -s в ед. ч. и «короткие» без -s во мн. ч. Однако Р. Видаль при этом отметил, что многие «обычно» (*per us*) говорят «плохо», употребляя «короткие» формы в ед. ч., а «длинные» во мн. ч.: «Я называю удлинять, когда говорят *'cavaliers, cavals'*, и так же все другие слова. Если скажут: *'lo cavalier es vengut'*, или *'mal mi fes lo caval'*, или *'bon sap l'escut'*, будет сказано плохо, потому что именительный падеж ед. ч. должно удлинять, хотя каждый говорит обычно: *'pus vengut es lo cavalier'*, или *'mal mi fes lo caval'*, или *'bon sap l'escut'*. А именительный падеж мн. ч. должно укорачивать, хотя каждый говорит так: *'vengut son los cavaliers'*, или *'mal mi feron los cavals'*, или *'bon mi sabon los escuts'*. Также и все имена м. р. удлиняются в ед. ч. и укорачиваются во мн. ч. в звательном падеже [цит. по : Guessard, 1840, p. 193–194].

Во всех остальных сохранившихся трактатах XIII–XV вв. нет ни малейшего намёка на существование или разрушение склонения. Так, все рукописные варианты «Французской (Галльской) Орфографии» [*Orthographia Gallica*, 1884], начиная с первого, конца XIII в., указывают только две формы существительных и прилагательных – ед. и мн. ч., а не четыре, необходимые при двухпадежном склонении – ПП ед. и мн. ч.; КП ед. и мн. ч.

Все рукописные варианты XIII–XV вв. перевода на французский язык трактата Доната «*Ars Minor*», созданного в середине IV в. и широко используемого во Франции для обучения латинскому языку до XVI в. включительно, объясняют шестипадежное латинское склонение при помощи несклоняющихся французских существительных с несклоняющимся артиклем и предлогами: «Именительный падеж *le mestre*, родительный *du mestre*, дательный *au mestre*, винительный *le mestre*, звательный *o tu mestre*, предложный *par le mestre*, *o le mestre* и *sanz le mestre* и *du mestre*» [цит. по : Colombo Timelli, 1996, p. 146]. В таком же виде представлено склонение во «Французском Донате» Дж. Бартон (*Donait françois <...> de Johan Barton*) в рукописи начала XV в. [цит. по : Stengel, 1879, p. 28].

Трактат М. Т. Куэфюрелли (*Tractatus orthographie gallicane per M. T. Coyfurelly <...>*) в рукописи начала XV в. интересен упоминанием о разнице графических (*scribunt* – пишут) пикардских (*Romanica*) с -s, например: *lui papes de Rome, l'empereurs d'Alemaigne, lui rois d'Engleter et de France*, и др., и французских (*Gallicana*) без -s, например: *le pape de Rome, l'empereur de R., le Roy de l'Engleterre*, и др., форм ед. ч. Пикардские формы трактуются М. Т. Куэфюрелли как курьёзное отличие от «более красивых и коротких» (*pulcrius et brevius*) форм «истинных французов» (*vero Gallici*) [цит. по : Stengel, 1879, p. 17].

Ни один из первых французских грамматистов XVI в. не упоминает ни о существующем, или существовавшем и исчезнувшем именном склонении. Даже Ж. Дюбуа / Сильвиус (*Jacques Dubois, Jacobus Sylvius*), уроженец Пикардии, т. е. районов, где «правильное склонение» сохранялось до 1500 г. [Schösler, Van Reenen, 1997], говорит о «лёгкости» (*facilis*) французского склонения по сравнению с греческим и латинским, поскольку существительные изменяются только по числу: «Именительный *hic magister lè mâistrè*. Родительный *magistri dè & du mâistrè*. Дательный *magistro a & âu mâistrè <...>*» [Dubois, 1531, p. 96].

5. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? [Old French nominal declension – reality or illusion?]

Итак, мы возвратились в исходную точку к главному вопросу: как трактовать наблюдаемую вариативность форм – как реальность, отражающую действующее старофранцузское именное склонение или как иллюзию, представляющее сугубо графическое явление, обусловленное различием французских скриптов?

Сила традиции столь велика, что учёные постоянно искали различные компромиссные решения, позволяющие объяснить указанные выше факты, убедительно доказывающие отсутствие именного склонения в старофранцузском языке. Так, чтобы не нарушать традицию и не отрицать существование старофранцузского склонения вообще, предлагалось датировать его разрушение более ранним периодом. Например, до XIII в.: Э. Литтре, возражая Фр. Гессару, одновременно подтверждает правильность высказанных им фактов и отмечает, что все указанные недостатки провансальских грамматик обусловлены тем, что Р. Видадь и Ю. Файдит застали уже разрушенное, практически исчезнувшее склонение, чьё существование окончательно завершится в XIV в. [Littré, 1863, 2, p. 438–441]. Или до XII в.: по мнению Ф. Брюно, в англо-нормандских текстах XII в. склонения уже нет, если только поэты не прикладывали заметных усилий для его сохранения [Brunot, 1973, p. 336]. Или до XI в.: А. Доза считал, что двухпадежное склонение «соответствует состоянию языка начала XI в., сохраняясь в письменности по традиции делопроизводства Капетингов, поэтов, писцов и вообще образованных людей» [Доза, 1956, с. 275].

Чтобы датировать разрушение склонения X–XII вв., необходимо иметь доказательства в виде эмпирических данных, наглядно показывающих постепенное и прогрессивное разрушение «идеального» склонения IX в. в хронологически разных рукописях X–XII вв. (а не в виртуальных текстах произведений), выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах. Но это объективно невозможно из-за малочисленности первых рукописных текстов на французском языке.

Известно, что главным языком письменности во Франции до конца XII – начала XIII вв. был латинский. Поэтому сравнивать хронологически и географически можно данные только французских рукописных текстов XIII–XV вв., т. е. периода, в котором склонение, по мнению многих, предстаёт как существенно разрушенное, а в некоторых диалектах – как уже исчезнувшее.

Сохранившиеся рукописи XII в. являются преимущественно англо-нормандскими, что не позволяет сравнения французских диалектов и скрипт этого периода. Наше изучение англо-нормандских рукописей не подтвердило распространённого мнения о том, что процесс разрушения именного склонения начался именно в англо-нормандском диалекте. Более того, ярко выраженная ориентация англо-нормандских сcribes и переписчиков на архаичный французский узус никак не согласуется с такой языковой инновацией. Поэтому мы заключили, что даже в том архаичном французском языке, узус которого сохраняли или восстанавливали англо-нормандские сcribes и переписчики никакого регулярного склонения уже не было [Stanovaia, 2007].

Единичные рукописные тексты IX–XI вв. («Кантилена о Св. Евлалии», конец IX в., 15 строк, 188 слов; «Страсбургские Присяги», конец X – начало XI вв., 13 строк, 115 слов) слишком короткие, чтобы делать какие-то серьёзные выводы, тем более что первые «ошибки в склонении» есть уже в «Житии Св. Леодегария» (конец X в., 240 строк, 1400 слов), а это позволяет утверждать, что разрушение склонения началось до X в.

Мы не смогли найти компромиссного объяснения всем изложенным выше фактам в рамках теории Фр. Рейнуара. Поэтому нам пришлось нарушить традицию и предположить, что французские скрипты, формировавшиеся под сильным влиянием латинской письменности, сохранили следы действовавшей в вульгарной латыни систе-

мы двухпадежного именного склонения. Французская письменность удержала «воспоминание» о некогда действовавшей системе, а ориентация скрибов и переписчиков на разные скриптуральные нормы оформления имени обусловила разнообразие графических форм, создав иллюзию склонения.

Таким образом, старофранцузские рукописные тексты в этом отношении аналогичны позднелатинским: в позднелатинских текстах воспроизводилось с многочисленными «ошибками» классическое шестипадежное латинское склонение, и в старо- и среднефранцузских текстах точно так же с многочисленными «ошибками» воспроизводилось двухпадежное вульгарно-латинское склонение. Ориентация французских скрибов и переписчиков была традиционно ретроспективной.

Именно поэтому у именного склонения не было никакой функциональной значимости в старофранцузском языке, тщательный анализ рукописных форм не позволил установить саму грамматическую систему склонения, а хронология его прогрессивного разрушения не отражена в рукописных текстах XIII–XIV вв., выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах.

Естественно, что такой глобальный процесс как разрушение именного склонения не мог произойти одномоментно: это требует фундаментальной перестройки всей грамматической системы языка. Начавшись в недрах архаической латыни, процесс исчезновения именного склонения как регулярной грамматической системы завершился в вульгарной латыни в период формирования романских, в том числе французского, окситанского и франкопровансальского, языков. Совершенно естественно, что остатки склонения сохранились в старофранцузском языке в виде многочисленных и разнообразных форм имени, артиклей, местоимений, причастий. Отсюда – обилие вариантов грамматических форм, возможно связанных с реальной вариативностью языкового узуса, прежде всего в произношении.

6. Заключение [Conclusion]

История развития теории старофранцузского именного склонения удивляет стойкостью единожды провозглашенных идей. Никакая критика, никакие аргументы, никакие эмпирические данные не в состоянии изменить уверенность историков языка в правоте Фр. Рейнуара. Эта уверенность основана на наличии во французских рукописных текстах IX–XV вв. вариативных графических форм на -s / без -s, которые необоснованно отождествляются с грамматическими и трактуются как падежные. Все отклонения от сформулированного Фр. Рейнуаром «правила s» трактуются как «ошибки», обусловленные прогрессивным разрушением склонения во французских диалектах в течение XI–XV вв.

Сопоставление и анализ фактов, полученных в истории французского языка, убедительно опровергают существование старофранцузского именного склонения как действующей грамматической системы. Иллюзорность старофранцузского склонения, впервые аргументированная Фр. Гессаром и Фр. Жененом в том же XIX в., получила фактологическое подтверждение в различных эмпирических исследованиях XX–XXI вв., посвящённых отдельным вопросам эволюции французского языка.

Мнение об отсутствии старофранцузского склонения как действующей грамматической системы основано на представленных выше фактах: практически нулевая функциональная значимость падежных форм и склонения в целом; отсутствие грамматических форм III, регулярно противопоставленных на уровне языка и речи грамматическим формам КП; ограниченность и лакуарность склонения, охватывающего небольшую часть существительных, прилагательных, артикля и др.; отсутствие регулярных типов и парадигм склонения, чётких границ между «склоняемыми» и «несклоняемыми» именами и др.

Наличие рукописных текстов, выполненных в одной и той же диалектной зоне, но различающихся по типу графического оформления имени, не подтверждает истинность диалектной теории старофранцузского склонения, к тому же хронология прогрессивного разрушения склонения во французских диалектах не отражена в рукописных текстах, выполненных в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах средневековой Франции.

Что же мешает историкам языка признать старофранцузское именное склонение иллюзией? Вероятно, сила традиции, которая столь велика, что заставляет учёных постоянно искать компромиссные решения для соединения взаимоисключающих фактов. Другого логичного объяснения этому удивительному научному феномену у нас нет.

Благодарности [Acknowledgments]

Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00297.

Библиографический список

- Доза, 1956 – Доза А. История французского языка / пер. с фр. Е. Н. Шор. М. : Изд-во иностр. литературы, 1956. 471 с.
- Глухова, 2001 – Глухова Ю. Н. Именная синтагма в среднефранцузский период : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Глухова Юлия Николаевна ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 2001. 203 с.
- Голубенко, Становая, 1985 – Голубенко И. Б., Становая Л. А. Еще о раз о типах склонения старофранцузских существительных // *Kalbotyga*. 1985. Вып. XXXV-3. С. 77–88.
- Катагощина, Васильева, 1997 – Катагощина Н. А., Васильева Н. М. История французского языка. М. : Диана, 1997. 421 с.
- Кочубей, 2011 – Кочубей А. В. История изучения неравносложных имен в старофранцузском языке // *Известия СПб ун-та экономики и финансов*. 2011. № 71. С. 74–76.
- Скрелина, 2009 – Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. М. : Высшая школа, 2009. 367 с.
- Скрелина, Становая, 2012 – Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с.
- Скрелина, Становая, 2005 – Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2005. 463 с.
- Становая, 1996 – Становая Л. А. Введение в скриптологию. СПб. : Златоуст, 1996. 95 с.
- Шишмарев, 1952 – Шишмарев В. Ф. Историческая морфология французского языка. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 268 с.
- Brunot, 1973 a – Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1 : De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1973 (1e tirage 1966). 597 p.
- Brunot, 1973 b – Brunot F., François A. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. VI : 2-ème partie. Paris : Collin, 1973 (1e tirage 1966). P. 1409–2194.
- Buridant, 2019 – Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XIe-XIVe siècles). Strasbourg : ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p.
- Chambon, 2003 – Chambon J. P. La déclinaison en ancien occitan, ou: comment s'en débarrasser? Une réanalyse descriptive non orthodoxe de la flexion substantivale // *Revue de Linguistique Romane*. 2003. T. 67. P. 343–363.
- Colombo Timelli, 1996 – Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.
- Dees, 1980 – Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. Van Reenen et J. A. De Vries. Tübingen : Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
- Dees, 1987 – Dees A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. Van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer, 1987. 684 p.

- Diez, 1874 – Diez Fr. Chr. Grammaire des langues romanes. Trad. de l'allemand par Paris G. B. P., Brachet A., Morel-Fatio A. P. V. T. 2. Paris : A. Franck, 1874. 460 p.
- Dubois, 1531 – Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.
- Fallot, 1839 – Fallot G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Foulet, 1932 – Foulet L. Les noms féminins et la déclinaison en ancien français. In: Miscellany of Studies in romance languages & literatures to L. E. Kastner. Cambridge : Heffer, 1932. P. 264–274.
- Foulet, 1950 a – Foulet, L. Sire, Messire // Romania. 1950 a. Vol. 71, N 281. P. 1–48.
- Foulet, 1950 b – Foulet, L. Sire, Messire (deuxième article) // Romania. 1950 b. Vol. 71, N 282. P. 180–221.
- Foulet, 1951 a – Foulet, L. Sire, Messire (troisième article) // Romania. 1951 a. Vol. 72, N 285. P. 31–77.
- Foulet, 1951 b – Foulet, L. Sire, Messire // Romania (quatrième article). 1951 b. Vol. 72, N 287. P. 324–367.
- Foulet, 1951 c – Foulet, L. Sire, Messire // Romania (cinquième et dernier article). 1951 c. Vol. 72, N 288. P. 479–528.
- Génin, 1845 – Génin Fr. Des variations du langage français depuis le XIIe siècle. Paris : Didot frères, 1845. XL, 553 p.
- Grande, 2020 – Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1–2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
- Grübl, 2015 – Grübl K. Ce que les chartes nous apprennent sur la variation et le changement linguistiques au Moyen Âge: l'exemple de la déclinaison bicasuelle de l'ancien français // Revue de Linguistique Romane. 2015. T. 79. P. 5–35.
- Guillaume, 1982 – Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956–1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publiées sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec : Presses de l'Université Laval ; et Lille : Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.
- Guessard, 1840 – Guessard Fr. Grammaires romanes inédites du treizième siècle // Bibliothèque de l'école des chartes. 1840. T. 1. P. 125–203.
- Littré, 1863 – Littré É. Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age. T. 2. Paris : Librairie Académique Didier et Co, Libraires Editeurs, 1863. 518 p.
- Orthographia Gallica, 1884 – Orthographia Gallica. Ältester Traktat über französische Aussprache und Orthographie. Nach vier Handschriften zum ersten Mal hsg von J. Stürzinger. Heilbronn : Henninger, 1884. XLVI, 52 S.
- Raynouard, 1816 – Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. iij, 105 p.
- Raynouard, 1821 – Raynouard Fr.-J.-M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours. Paris, Didot, 1821. LXVIII, 412 p.
- Raynouard, 1836 – Raynouard Fr.-J.-M. Lexique roman: ou, Dictionnaire de la langue des troubadours, comparée avec les autres langues de l'Europe latine; précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours, et d'extraits de poèmes divers. 1–2 vol. Paris : Imprimerie de Crapelet, 1836. xcij, 536 p.
- Rivarol, 1784 – Rivarol A. De l'universalité de la langue française. Discours qui a emporté le Prix de l'Académie de Berlin. Berlin : Académie de Berlin, 1784. 92 p.
- Schøsler, 1984 – Schøsler L. La déclinaison bicasuelle de l'ancien français. Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition. Odense : Université d'Odense, 1984. 321 p.
- Schøsler, 1997 – Schøsler L., Van Reenen P. La déclinaison en ancien et moyen français, deux tendances contraires. In: Actes du VIIIe Colloque international sur le moyen français. Paris: Didier, 1997. P. 595–612.
- Sibille, 2003 – Sibille J. La passion de saint André, drame religieux de 1512. Edition critique, étude linguistique comparée. Thèse de Doctorat Nouveau Régime. T. 1–2. Lyon : Université Lumière Lyon 2. 2003. 699 p.

- Sornicola, 2007 – Sornicola R. Riflessione sullo studio del cambiamento morfosintattico dalla prospettiva di un romanista: sincronia e diacronia rivisitate // *Revue de Linguistique Romane*. 2007. T. 71. P. 5–64.
- Spence, 1971 – Spence N. C. W. La survivance des formes du nominatif latin en français. Fréquence ou analogie? // *Revue Romane*. 1971. T. 6–1. P. 74–84.
- Stanovaia, 1993 – Stanovaia L. A. Sur la déclinaison bicasuelle en ancien français: point de vue scriptologique // *Travaux de Linguistique et de Philologie Romane*. 1993 (XXXI). P. 163–182.
- Stanovaia, 2007 – Stanovaia L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes // *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes* / Éd. par D. Trotter. T. II. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. P. 423–440.
- Stanovaia, 2012 – Stanovaia L. A. Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français // M. Barra-Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet & T. Scheer (eds). *Études de linguistique gallo-romane*. Paris : Presses Universitaires de Vincennes, 2012. P. 295–322.
- Stanovaia, 2021 – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021 (2). P. 108–137. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_2_108
- Stengel, 1879 – Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache // *Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur*. 1879. N 1. P. 1–40.
- Völker, 2003 – Völker H. Skripta und Variation. Untersuchungen zur Negation und zur Substantivflexion in altfranzösischen Urkunden der Grafschaft Luxemburg (1237–1281). Tübingen : Niemeyer, 2003. xv, 309 p.
- Woledge, 1979 – Woledge Br. La syntaxe des substantifs chez Chrétien de Troyes. Genève : Droz, 1979. 200 p.

References

- Dauzat, A. (1956). *Istoriya francuzskogo yazyka* [Histoire de la langue française]. Transl. from French by E. N. Shor. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Glukhova, Ju. N. (2001). *Imennaya sintagma v srednefrantsuzskiy period* [Nominal syntagma in the Middle French period]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russ.).
- Golubenko, I. B., Stanovaia, L. A. (1985). *Eshhe raz o tipakh skloneniya starofrantsuzskikh sushhestvitel'nykh* [Once again about the types of declension of Old French nouns]. *Kalbotyra* (Vol. XXXV-3, pp. 77–88). (In Russ.).
- Katagoshchina, N. A., Vasil'eva, N. M. (1997). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow : Diana Press. (In Russ.).
- Kochubey, A. V. (2011). *Istoriya izucheniya neravnoslozhnykh imen v starofrantsuzskom yazyke* [History of the study anisyllabic names in the Old French language]. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 71, 74–76. (In Russ.).
- Skreлина, L. M. (2009). *Shkola Guiyoma: psychosystematika* [Guillaume School: psychosystematics]. Moscow : Visschaya shkola Press. (In Russ.).
- Skreлина, L. M., Stanovaia, L. A. (2012). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. St Petersburg : Herzen State Pedagogical University of Russia Press. (In Russ.).
- Skreлина, L. M., Stanovaia, L. A. (2005). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow : Vysshaya shkola, 2005. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (1996). *Vvedenie v skriptologiyu* [Introduction to Scriptology]. St. Petersburg : Zlatoust Press. (In Russ.).
- Shishmarev, V. F. (1952). *Istoricheskaya morfologiya frantsuzskogo yazyka* [Historical morphology of the French language]. Moscow, Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press, 1952. (In Russ.).

- Brunot, F. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours*. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin (1^e tirage 1966).
- Brunot, F., François, A. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours*. T. VI. 2-ème partie (pp. 1409–2194). Paris : Collin (1^e tirage 1966).
- Buridant, Cl. (2019). *Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles)*. Strasbourg : ELIPHI. XXIV.
- Chambon, J. P. (2003). La déclinaison en ancien occitan, ou: comment s'en débarrasser? Une réanalyse descriptive non orthodoxe de la flexion substantivale. *Revue de Linguistique Romane*, 67, 343–363.
- Colombo Timelli, M. (1996). *Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. Firenze : la Nuova Italia Editrice.
- Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle*. Avec le concours de P. Van Reenen et J. A. De Vries. Tübingen : Niemeyer. XIII.
- Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français*. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. Van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer.
- Diez, Fr. Chr. (1874). *Grammaire des langues romanes*. Trad. de l'allemand par Paris G. B. P., Brachet A., Morel-Fatio A. P.V. T. 2. Paris : A. Franck.
- Dubois, J. (1531). *Jacobi Sylvi Ambiani In linguam gallicam isagoge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus*. Paris : R. Estienne.
- Fallot, G. (1839). Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIII^e siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale.
- Foulet, L. (1932). Les noms féminins et la déclinaison en ancien français. In *Miscellany of Studies in romance languages & literatures to L. E. Kastner* (pp. 264–274). Cambridge : Heffer.
- Foulet, L. (1950 a). Sire, Messire. *Romania*, 71 (281), 1–48.
- Foulet, L. (1950 b). Sire, Messire (deuxième article). *Romania*, 71 (282), 180–221.
- Foulet, L. (1951 a). Sire, Messire (troisième article). *Romania*, 72 (285), 31–77.
- Foulet, L. (1951 b). Sire, Messire (quatrième article). *Romania*, 72 (287), 324–367.
- Foulet, L. (1951 c). Sire, Messire (cinquième et dernier article). *Romania*, 72 (288), 479–528.
- Génin, Fr. (1845). *Des variations du langage français depuis le XIII^e siècle*. Paris : Didot frères. XL.
- Marchello-Nizia, C., Combettes, B., Prévost, S., Scheer, T. (Eds.). (2020). Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Vol. 1–2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton. LIV.
- Grübl, K. (2015). Ce que les chartes nous apprennent sur la variation et le changement linguistiques au Moyen Âge: l'exemple de la déclinaison bicasuelle de l'ancien français. *Revue de Linguistique Romane*, 79, P. 5–35.
- Guillaume, G. (1982). *Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956–1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publiées sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly*. Québec : Presses de l'Université Laval, et Lille : Presses Universitaires de Lille.
- Guessard, Fr. (1840). Grammaires romanes inédites du treizième siècle. *Bibliothèque de l'école des chartes*, 1, 125–203.
- Litttré, É. (1863). *Histoire de la langue française. Etudes sur les origines, l'étymologie, la grammaire, les dialectes, la versification et les lettres du Moyen Age*. T. 2. Paris: Librairie Académique Didier et Co, Libraires Editeurs.
- Orthographia Gallica. (1884). Ältester Traktat über französische Aussprache und Orthographie. Nach vier Handschriften zum ersten Mal hsg von J. Stürzinger (XLVI). Heilbronn : Henninger.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1816). *Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue*. Paris : Firmin Didot.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1821). *Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours (LXVIII)*. Paris : Didot.
- Raynouard, Fr.-J.-M. (1836). *Lexique roman: ou, Dictionnaire de la langue des troubadours, comparée avec les autres langues de l'Europe latine; précédé de nouvelles recherches historiques et philologiques, d'un résumé de la grammaire romane, d'un nouveau choix des poésies originales des troubadours, et d'extraits de poèmes divers*. 1–2 vol. Paris : Imprimerie de Crapelet.
- Rivarol, A. (1784). *De l'universalité de la langue française. Discours qui a emporté le Prix de l'Académie de Berlin*. Berlin, Académie de Berlin.

- Schösler, L. (1984). *La déclinaison bicasuelle de l'ancien français. Son rôle dans la syntaxe de la phrase, les causes de sa disparition*. Odense : Université d'Odense.
- Schösler, L., Van Reenen, P. (1997). La déclinaison en ancien et moyen français, deux tendances contraires. In *Actes du VIIIe Colloque international sur le moyen français* (pp. 595–612). Paris : Didier.
- Sibille, J. (2003). *La passion de saint André, drame religieux de 1512. Edition critique, étude linguistique comparée*. Thèse de Doctorat Nouveau Régime. T. 1–2. Lyon : Université Lumière Lyon 2.
- Sornicola, R. (2007). Riflessione sullo studio del cambiamento morfosintattico dalla prospettiva di un romanista: sincronia e diacronia rivisitate. *Revue de Linguistique Romane*, 71, 5–64.
- Spence, N. C. W. (1971). La survivance des formes du nominatif latin en français. Fréquence ou analogie? *Revue Romane*, 6–1, 74–84.
- Stanovaia, L. A. (1993). Sur la déclinaison bicasuelle en ancien français: point de vue scriptologique. *Travaux de Linguistique et de Philologie Romane*, XXXI, 163–182.
- Stanovaia, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Ed.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes* (T. II, pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
- Stanovaia, L. A. (2012). Deux types de normes scripturales dans la représentation graphique de la déclinaison nominale en ancien français. In M. Barra-Jover, G. Brun-Trigaud, J.-Ph. Dalbera, P. Sauzet, T. Scheer (Eds), *Études de linguistique gallo-romane* (pp. 295–322). Paris : Presses Universitaires de Vincennes.
- Stanovaia, L. A. (2021). Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: Transport, society, education, language], 2, 108–137. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_2_108
- Stengel, E. (1879). Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. *Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur*, 1, 1–40.
- Völker, H. (2003). Skripta und Variation. *Untersuchungen zur Negation und zur Substantivflexion in altfranzösischen Urkunden der Grafschaft Luxemburg* (pp. 1237–1281). Tübingen : Niemeyer.
- Woledge, Br. (1979). *La syntaxe des substantifs chez Chrétien de Troyes*. Genève : Droz.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021; одобрена после рецензирования 29.05.2021; принята к публикации 01.10.2021.

The article was submitted 02.04.2021; approved after reviewing 29.05.2021; accepted for publication 01.10.2021.

Стрельцов Алексей Александрович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
al-astr@yandex.ru

Блендинг: краткая история заблуждений

Аннотация

В статье вкратце рассматриваются основные вопросы словослияния – специфического способа словообразования, ставшего очень популярным в последние десятилетия. Следствием этого является большой объём публикаций, авторы которых зачастую не знакомы с наработками друг друга. В этой связи была поставлена цель определить основные спорные или малоизвестные аспекты указанного способа словообразования и обозначить основные результаты, полученные разными исследователями. Анализ литературных источников показал, что сам способ применяется по меньшей мере с XVI века и не только в английском языке. В настоящее время слова, образованные данным способом, встречаются во многих европейских языках (немецком, французском, итальянском и др.); предположительно они существовали и в так называемых «мёртвых» языках. Существует обширная литература по вопросу словослияния, но если за рубежом первые исследования появились ещё в начале XX века, то в нашей стране – на полвека позже. Тем не менее советскими и российскими учёными, в общей сложности, было защищено не менее десяти диссертаций по данной проблеме, что показывает высокую степень её изученности. Сейчас уже всеми признано, что словослияние – самостоятельный и достаточно продуктивный способ образования новых слов, оно не является лишь средством языковой игры, но служит для терминообразования и номинации новых, зачастую гибридных объектов и явлений. До сих пор нет общепринятого наименования для данного способа образования неологизмов, поэтому мы предлагаем использовать «блендинг» и «словослияние»: первое – как наиболее употребительное зарубежными исследователями, второе – по причине прозрачной семантики и относительной краткости.

Ключевые слова: словообразование, блендинг, телескопия, словослияние, окказионализм, неологизм

© Стрельцов А. А. 2021

Для цитирования: Стрельцов А. А. Блендинг: краткая история заблуждений // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 135–147. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_135_147

Aleksey A. Streltsov
Southern federal university
Rostov-on-Don, Russian Federation
al-astr@yandex.ru

Blending: A brief history of misconception

Abstract

The article considers the main aspects of word-fusion, which is a means of word-building that has become popular in the last few decades. As a result, many scientific papers appeared whose authors are quite often not familiar with each other's findings. That is why we aimed to highlight the major challenging aspects as well as little-known aspects of word-fusion and to present the main results obtained by researchers. We have shown that word-fusion has been in use at least since the 16th century, and not only in the English language. Now words derived according to the pattern are found in many languages of Continental Europe (German, French, Italian, etc.) and presumably existed in some languages, that are now extinct. There is a considerable number of

literature on the subject that first appeared in the early 20th century, whereas in this country it happened half a century later. However, there were no less than ten theses, defended by Soviet and Russian linguists indicating a relatively high level of scrutiny. Nowadays, practically everyone recognizes the fact, that word-fusion is a separate productive word-building means used not only for word-play but also for term-building, and nomination of new objects and phenomena, mostly hybrid ones. As far as there is still no universally accepted term for the word-formation means in question, we propose “blending” which is mostly used by foreign and many Russian scholars, or “word-fusion” which is brief and semantically transparent.

Keywords: word-formation, blending, telescoping, word-fusion, occasionalism, neologism

© Streltsov A. A. 2021

For citation: Streltsov, A. A. Blending: kratkaya istoriya zabluzhdeniy [Blending: A brief history of misconception]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 135–147. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_135_147

1. Введение [Introduction]

Заняться изучением блендинга нас побудило то, что в устной и письменной речи всё чаще стали попадаться слова, образованные данным способом. Поначалу не планировалось написание собственных статей, поскольку в открытом доступе мы обнаружили большое количество работ по этой теме, вышедших в последнее десятилетие. Постепенно знакомство со специальной литературой убедило нас в том, что популярность блендинга в настоящее время – единственное, что бесспорно признаётся всеми исследователями: «На современном этапе блендинг является одним из наиболее популярных способов образования лексических единиц» [Хрущева, 2017, с. 66] ([Bednárová-Gibová, 2013, p. 2] отмечает, что рост популярности этого способа словообразования начался, по меньшей мере, с 1960-х гг.), а всё остальное, что пишут в статьях по теме «блендинг» – заблуждения и дискуссионные моменты. Отчасти расхождения во взглядах объясняются тем, что в последние годы в этой области был достигнут значительный прогресс, отчасти же – вследствие недостаточно глубокого изучения вопроса отдельными авторами. В этой связи была поставлена цель определить основные спорные или малоизвестные аспекты указанного способа словообразования и обозначить основные результаты, полученные разными исследователями.

В ходе исследования нами применялись теоретические методы: были проанализированы около 50 русскоязычных источников (из них не менее 10 авторефератов) и 15 англоязычных статей по теме исследования, большая часть которых была опубликована в последние 20 лет; на основании проведённого анализа выполнен синтез, результаты которого изложены ниже.

2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Часто считают, что сам способ возник только в последней трети XIX века. Причина проста: впервые термин встречается в книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (*Through the Looking-Glass, and What Alice Found There*), вышедшей в 1871 году. Персонаж Шалтай-Болтай (*Humpty-Dumpty*) объясняет главной героине стихотворение «Бармаглот» (*Jabberwocky*), в котором много необычных слов, устроенных «как портмоне» (*portmanteau words*): *You see it's like a portmanteau – there are two meanings packed up into one word* – 'Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут – это слово раскладывается на два!' (перевод Н. Демуровой).

Действительно, примерно в это время было впервые зафиксировано употребление слова *slanguage* 'жаргонная речь' (*slang + language*), а в 1889 г. *electrocute* 'казнить

на электрическом стуле' (electricity + execute); в середине 1890-х гг. появились *prissy* 'женоподобный' (prim + sissy – 'чопорный' + 'неженка') и *brunch* 'плотный поздний завтрак' (breakfast + lunch). Слово *travelogue* 'лекция о путешествии с диапозитивами или кинофильмом' (travel + monologue) впервые было отмечено в 1892 или в 1903 году (здесь и ниже годы первой регистрации приводятся или со ссылкой на цитируемых авторов или по данным электронного словаря [Merriam-Webster, 2020] – А.С.).

Можно возразить, что почти никто (кроме [Bednářová-Gibová, 2013] и, возможно, [Павлова, 2016]) не утверждает это прямо: [Лаврова, 2011], [Vargas, 2018] и [Mirzaie, 2014] лишь указывают на то, что термин «блендинг» принадлежит этому автору. С другой стороны, исследователи данного вопроса не рассматривают более ранние бленды и не упоминают про их существование, что может служить косвенным свидетельством существования такой точки зрения, как и утверждение [Абросимова, 2012, с. 18], что «контаминация – сравнительно молодой феномен, она получила свое распространение в XX в.», которое нельзя в полной мере рассматривать как отрицание нашей коллегой существования лексических единиц, образованных подобным образом, в более раннее время.

Между тем о существовании нескольких блендов уже в XV веке писали [Савчин, 2012, с. 293; Стадульская, 2013, с. 169; Vargas, 2018] (к сожалению, без примеров), которые «сегодня либо устарели, либо вовсе исчезли», а [Нухов, 2016] отмечает: «Отдельные слова можно было также обнаружить в древне- и среднеанглийском, а, начиная с XVII-го столетия их количество там непрерывно росло», а [Шевелева, 2003, с. 7] считает это «общепринятым мнением». В качестве примеров «ранних телескопных образований, зарегистрированных Оксфордским словарём английского языка» приводят *blatterature* (1512) – 'низкопробная литература' (blatter + literature); *foolosopher* (1549) – 'ограниченный человек, претендующий быть мудрым' (fool + philosopher), а *foolosophy* (1592) – 'глупые измышления'; *niniversity* (конец XVI в.) – 'университет, выпускающий малообразованных и неумных людей' (ninny + university); *splotch* (1601) – 'большое неровное пятно' (spot + blot + botch); *knavigator* (1613) (knave + navigator); *universalphabeth* (1670) – 'универсальная система письма' (universal alphabeth); *scraze* (1703) – 'сильно царапать' (scratch + graze) [Липилина, 2006, с. 88; Мурзаков, 2013, с. 7; Kornienko, 2016, р. 221]. Некоторые [Жукова, 2010, с. 16; Vargas, 2018] указывают, что английский поэт Эдмунд Спенсер использовал слово *wrizzled* (wrinkled + frizzled), а Уильям Шекспир – *trimpherate* (triumph + triumvirate) и *glaze* (glare + gaze). От себя добавим, что последнее слово в значении 'стеклить' (есть ещё и позднейшее 'глазировать') было зафиксировано в 1601 году, а в первой половине XIX века появились прилагательные *slimsy* 'хлипкий' (slim + flimsy), *squirl* (squirm + twirl), диалектное слово *bo(l)dacious* 'отчаянный и отважный, любящий риск и опасность' (bold + audacious).

Также мы хотели бы обратить внимание на слово *sheriff* (< М.Е. shirreve < late О.Е. scirgerefa) образованное от слов *scir* (*shire*) и *gerefa* (*reeve*) 'главный судья (магистрат) графства': возможно, оно образовано не способом словосложения, а является старейшим примером бленда, сохранившегося в языке до нашего времени.

Следующее заблуждение вытекает отчасти из предыдущего: признание блендинга «исконно английским способом словообразования» [Жлуктенко, 1983, с. 112]. Это объясняется повышенным вниманием лингвистов к вопросам именно английского словообразования и не означает, что в других языках не существует подобных слов. Просто они представляются или заимствованиями – «Бленды в русскоязычных социокоммуникативных практиках остаются уделом журналистов, молодёжи и плохих переводчиков с английского языка» [Дельва, 2018, с. 3], или же мотивированы английским: «контаминанты немецкого языка часто являются производными от английских слов» [Косова, 2018, с. 132]. Подобная точка зрения верна лишь отчасти: исследуя бленды в хорватском, А. Микич Чолич [Mikić Čolić, 2015] пришла к выводу о влиянии на их образование, пусть

и в меньшей степени, русского языка; а слово *karaoke*, ставшее уже интернациональным, образовано от японского слова *kara* 'пустой' и усечённой формы *oke* [Павлова, 2016, с. 151] заимствованного, предположительно из английского языка, слова *ōkesutora* < orchestra 'оркестр' (существует бленд *movieoke* < movie + *karaoke* 'форма развлечения, предполагающая ведение диалога из фильма' вместо актеров [Нухов, 2016, с. 799]).

Что касается других языков, то бленды есть в немецком: *Agitproperette* (*Agitprop* + *Operette*), *alternatief* (*alternativ* + *tief*), *Arbeitslosigkeit* (*arbeitslos* + *der Losgewinn*), *breiern* (*brechen* + *feiern*), *Kurlaub* (*Kur* + *Urlaub*), *schök* (*schön* + *schick*); французском: *aberrifique* (*aberrant* + *horifique*); *agendarme* (*agent* + *gendarme*), *bavricaner* (*baver* + *ricaner*), *brodouiller* (*broder* + *bredouiller*), *démoblicain* (*démocrate* + *républicain*), *chantouillonner* (*chanter* + *chatouillonner*), *ennuiversel* (*ennui* + *universel*), *enseignement* (*enseignement* + *saignement*); итальянском: *fubbia* (*fumo* + *nebbia*), *impumone* (*imputato* + *testimone*), *pantacollant* (*pantaloni* + *collant*) [Лаврова, 2011, с. 171; Сафарова, 2017, с. 12, 13; Косова, 2020, с. 202, 205] а также испанском, португальском, шведском, датском, венгерском, румынском и даже иврите [Мурзаков, 2013, с. 7]. Во французском языке, как утверждает [Эрстлинг, 2010, с. 133], этот способ возник независимо и одновременно с английским: ещё Ф. Рабле ввёл в 1546 г. слово *farfouiller* 'рыться, копаться' (*farcir* + *fouiller*), позднее появились *pendeloque* (1640) – 'подвеска' (*pendeler* + *breloque*); *niquedouille* (1690) – 'простофиля' (*Nicodème* + *ouille*); *orpailleur* (1762) – 'золотоискатель' (*or* + *harpailleur*). Есть основания предполагать наличие блендов в древнегреческом [Лаврова, 2011; Мурзаков, 2013; Нухов, 2016], санскрите, латинском и древневерхненемецком, но примеров в известной нам литературе нет.

В определённой степени всё вышеуказанное можно было бы объяснить неизученностью проблемы: «Что касается отечественной науки, то данный способ узуального и, тем более, окказионального словообразования до середины 90-х годов прошлого столетия оставался неизвестным» [Коробкина, 2020, 3]. С подобным утверждением нельзя согласиться: отдельные работы появились задолго до указанного срока. Например, известны статьи [Берман, 1959; Воронин, 1968; Борисенко, 1976; Омельченко, 1980]. Можно было бы допустить, что это лишь отдельные публикации, но в эти же годы проводились и диссертационные исследования этого явления: [Бельская, 1969; Тимошенко, 1975; Мурадян, 1978]. Из более поздних можно назвать заключительную главу в диссертации [Омельченко, 1989] и исследование [Тарасова, 1991]. Кроме того, краткие сведения содержались в учебнике [Арнольд, 1986, с. 141–142], научных публикациях по словообразованию и неологизмам, в словарях лингвистических терминов. Безусловно, за рубежом изучение этого явления началось раньше (что, всё же, не может являться основанием для утверждения: «Механизмы образования блендов изучаются в основном западными учёными» [Дельва, 2017, с. 105]). Для сравнения: ещё в начале прошлого века в Германии была опубликована монография Луизы Паунд [Pound, 1914], в 1906 увидела свет книга Г. А. Бергстрёма [Bergström, 1906] «По поводу слияний синонимичных или сходных выражений в английском», а первой работой, в которой рассматривалась эта проблема, возможно, стала книга Карла Фритьофа Сундена [Sundén, 1904]. Из более «современных» исследований можно упомянуть книгу [Marchand, 1960] и статью [Algeo, 1977], на которую ссылается ряд современных российских исследователей.

Таким образом, можно согласиться с тем, что «сведения о телескопических словах ... [мы] находим в трудах многих советских и зарубежных лингвистов» [Борисенко, 1976, с. 90]. И именно вследствие этого блендинг (точнее, телескопия – этот термин был более распространённым во второй половине XX в.), пусть и не сразу, был признан и в нашей стране (согласно [Мурзаков, 2013, с. 8], с конца 1970-х гг.), и за рубежом отдельным способом словообразования, а не разновидностью аббревиации или словосложения, о чём упоминают [Сухорукова, 2004; Липилина, 2006; Мурзаков, 2013; Никанорова, 2017].

Поэтому нельзя вполне согласиться с заявлением [Храброва, 2017, с. 174], что «лексический блендинг недостаточно изучен»: если [Берман, 1959, с. 104] ещё мог

заявить, что это «сравнительно новый и ещё малоизученный способ», а сорок пять лет спустя [Сухорукова, 2004, с. 6] имела основания характеризовать его как «одно из спорных и вместе с тем недостаточно изученных явлений, вызывающих в языковедении несомненный интерес», то сейчас ситуация изменилась. Действительно, «активное изучение блендов началось в конце XX века» [Григорьева, 2019, с. 489], потому что именно в этот период, на рубеже XX–XXI вв., «окказиональное словообразование получило широкое распространение в СМИ» [Минеева, 2015], но многие современные исследователи игнорируют публикации советского периода, или же последних лет. В частности, нередко ссылаются на статьи и автореферат [Хрущева, 2011], но, не желая умалять её вклад, стоит указать на по меньшей мере не уступающие её работе, диссертационные исследования [Жукова, 2010 ; Мурзаков, 2013 ; Лаврова, 2013], защищённые примерно в то же время, и которые многие лингвисты, занимавшиеся этой проблемой, «проглядели», а также на более ранние исследования [Шевелева, 2003 ; Сухорукова, 2004 ; Ермоленко, 2007].

С другой стороны, долгое время к словам, образованным подобным образом, относились «несерьёзно», ведь «первые бленды носили комический и загадочный характер» [Vargas, 2018]: [Григорьева, 2019, с. 488–489] называет их «игровыми дериватами» и, вместе с [Стадульская, 2013] и [Нухов, 2016], рассматривает их преимущественно как проявление языковой игры, средство создания комического эффекта; [Минеева, с. 64] полагает, что «Создавая гибриды, носитель языка реализует лингвокреативные способности, играет со словом». Действительно, многие бленды – это «слова ... вызванные к жизни творческой фантазией писателя или любой другой личности» [Синкевич, 2016, с. 124]: и Н. С. Лесков, и его современник Л. Кэрролл широко использовали слова такие как *безрассудок* (безрассудство + рассудок), *долбца* (долбить + таблица) умножения, *клеветон* (клевета + фельетон), *публицейские* (публичные + полицейские), *студинг* (студент + пудинг) и *galumph* (gallop + triumph), *frumious* (fuming + furious), *slithy* (lithe + slimy) и др. – это было одним из средств проявления юмора и остроумия писателей, но было бы преувеличением считать, что все они «возникли ... как следствие творческого поиска индивидуума» [Лаврова, 2011, с. 128].

Более того, Н. А. Лаврова предположила, что «иронически-шутливый характер модели, который традиционно с ней ассоциируется» якобы влияет на нераспространённость этого способа словообразования. Последнее, впрочем, является откровенной неправдой – в исследованиях последних лет материалом выступают свыше 1000 лексических единиц, образованных данным способом, а авторы этих работ [Абросимова, 2012 ; Амахина, 2018 ; Дельва, 2018 ; Жукова, 2010 ; Коробкина, 2020 ; Лашкевич, 2005 ; Минеева, 2015 ; Нухов, 2016 ; Хрущева, 2011 ; Vargas, 2018] считают его распространённым и /или продуктивным, а ряд исследователей [Жлуктенко, 1983, с. 113 ; Тарасова, 1991, с. 1 ; Мурзаков, 2013, с. 10] указывают на увеличение продуктивности с течением времени – в последние десятилетия (и, как ни странно, сама [Лаврова, 2011, с. 128] несколькими абзацами выше признаёт, что он «получает всё более широкое распространение»).

Возможно Лаврову, как и некоторых других авторов, смущает тот факт, что результатом блендинга являются «окказиональные, или авторские новообразования ... [которые] не предназначены для включения в словарь, а создаются для данной, определённой ситуации и активно применяются как средства экспрессивности» [Синкевич, 2016, с. 124]. Действительно, бленды в большинстве своём являются окказиональными единицами, «образованиями на случай» (“ad hoc” образования), как указывают [Воронин, 1968, с. 84 ; Хрущева, 2011, с. 279 ; Лаврова, 2011, с. 127 ; Мурзаков, 2013, с. 21 ; Хрущева, 2017, с. 67 ; Никанорова, 2017, с. 46], но такой их статус или характер не может являться основанием для исключения из рассмотрения лексикологами. Немалое число блендов вошло в словари, а некоторые из них являются терминами – лексическими единицами, которым чужда экспрессивность: *transistor* (transfer + resistor); *stagflation*

(stagnation + inflation); *streetball* (street + basketball). В частотности, то, что «некоторые из них (термины, географические названия, торговые знаки и др.) теряют свою экспрессивность, становятся словами каноническими и пополняют базовый словарный состав английского языка» отмечала [Сухорукова, 2004, с. 14].

Также многие авторы [Берман, 1959, с. 105; Лашкевич, 2005, с. 99; Жукова, 2010, с. 13; Абросимова, 2012, с. 18; Стадульская, 2013; Синкевич, 2016, с. 121; Павлова, 2016, с. 151; Никанорова, 2017, с. 46; Коробкина, 2020, с. 3; Giyatmi, 2017, р. 66] полагают, что бленды – двухкомпонентны, т. е. образованы путём соединения (слияния, смешения) двух исходных единиц (лексем, основ, слов), при этом некоторые уточняют, что, по меньшей мере, одна из основ должна быть усечённой. Действительно, обычно бленды представляют собой «бинарные конструкции» [Синкевич, 2016, с. 124], подтверждением чего служат все примеры, представленные нами выше. С другой стороны, исследователи [Астафурова, 2006; Хрущева, 2011; Мурзаков, 2013; Хрущева, 2017; Дельва, 2018; Барышева, 2019] утверждают, что они могут являться трёхэлементными, и в подтверждение этого приводят примеры, хоть и весьма немногочисленные: *Eurailpass* (European + rail + pass), *Intelevisiary* (Intel + television + visionary), *Edutainme* (education + entertainment + me).

В целом же можно согласиться с мнением словацкого исследователя, что «блендинг остаётся нечёткой языковой категорией и представляет собой описательную проблему», поскольку существует «множество толкований, различающихся либо по своей сути, либо в деталях» [Bednárová-Gibová, 2013, с. 2]. Доходит до того, что в настоящее время этот способ словообразования известен под разными наименованиями, самые частотные из которых: *blending* 'блендинг' (нем. *Mischung*), *contamination* 'контаминация' (нем. *Kontamination*), *telescoping/telescopy* 'телескопизм/телескопия' (фр. *télescope*), *fusion/conflation* '(слово)слияние', *overlapping* '(междусловное) наложение'; также в научной литературе встречаются термины: (lexical) *amalgamation* '(лексическая) амальгамация' (нем. *Amalgamierung*, фр. *amalgamation lexicale*), *conceptual integration* 'концептуальная интеграция', *coalescence*, *concatenation* 'слияние, объединение', *die Wortkreuzung* 'складное слово', стяжение, вставочное словообразование, гибридизация. Результатом становятся лексические единицы, известные как «бленды» (*blend words/blends*) или «слова-портмоне» (англ. *portmanteau words*, нем. *Kofferwort*, фр. *mots-valises*), а также: «слова-амальгамы» (англ. *amalgam word/form*, фр. *amalgame*), «слова-гибриды» (*hybrid words/hybrids*), «слова-сращения» (*coalesced words/ coalescence form*), «слова-слитки» (*fusion words/fusions*), «слова-телескопы» (*telescope(d) words*), «слова-композиаты» (*composite words/composites*), вставки [Абросимова, 2012, с. 19], [Архиреев и др., 2015, с. 42], [Барашева, 2019], [Григорьева, 2019, с. 489], [Дельва, 2018, с. 3], [Жукова, 2010, с. 5], [Косова, 2018, с. 130], [Лаврова, 2011, с. 172], [Липилина, 2006, с. 88], [Минеева, 2015, с. 58], [Мурзаков, 2013, с. 9], [Сухорукова, 2004, с. 6–7], [Тарасова, 1991, с. 4], [Храброва, 2017, с. 167], [Хрущева, 2011, с. 8–9], [Bakaradze, 2010, р. 86], [Bednárová-Gibová, 2013, р. 1–2], [Giyatmi, 2017, р. 67]. Л. В. Эрстлинг отмечает, что во французском языке существуют и другие обозначения: *mots emboîtés* 'слова-вставки', *mots-centaures* 'слова-кентавры', *mots-gigognes* 'слова-матрёшки', *mots-sandwiches* 'слова-бутерброды' [Эрстлинг, 2010, с. 132].

Таким образом, можно считать вполне справедливым заявление, что «ни один из классов слов, существующих в языке, не имеет столько обозначающих его терминов, как класс телескопических единиц» [Сухорукова, 2004 с. 6], причём «терминологический разноречивой наблюдается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Нет общепризнанного названия ни самого процесса, ни продукта этого словообразовательного способа» [Тарасова, 1991, с. 4]. И хотя [Bakaradze, 2010, с. 87] отмечает, что термины “blending”, “portmanteau” и “telescopy” «могут использоваться взаимозаменяемо», а [Лавро-

ва. 2013, с. 14] считает, что первое более распространено в британском, а два других – в американском языкознании, в современной лингвистике обычно применяют термин “blending”: [Хрущева, 2011, с. 8–9] называет его «единым термином», как и, соответственно, “blends” либо “blend words”. По этой причине именно он вынесен в заголовок нашей статьи.

3. Заключение [Conclusion]

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать следующее. Во-первых, блендинг не является «новейшим изобретением»: слова, образованные этим способом, известны очень давно (в английском языке – с XVI в.), хотя подтверждающих эту точку зрения публикаций для других языков, в том числе «мёртвых», нам не удалось найти. Можно с уверенностью сказать, что первые известные нам бленды были созданы ещё в эпоху Возрождения, а интерес к ним возрос начиная с середины XIX века.

Во-вторых, блендинг не является характерной чертой английского языка, хотя его популярности отчасти способствовал выход книги Л. Кэрролла в 1870-х гг., поскольку известны, в частности, французские и русские слова, образованные данным способом до указанного времени.

В-третьих, первоначально блендинг служил одним из способов создания «языковой игры», но было бы неверно считать все бленды лишь экспрессивными лексическими единицами: некоторые из них являются нейтральными, а в XX веке блендинг стал широко использоваться для терминообразования. Он широко применяется для образования новых слов, но не все из них являются окказионализмами – отдельные бленды давно вошли в словари английского языка.

В-четвёртых, блендинг хорошо изучен за рубежом: первые публикации известны с начала XX века. В нашей стране он становился предметом исследования обычно в контексте рассмотрения периферийных или окказиональных способов словообразования, а также неологии, хотя отдельные работы выходили со второй половины прошлого века. Нам известны три кандидатские диссертации по данному вопросу, защищённые в так называемый «период застоя» в СССР, одна кандидатская и одна докторская – в годы перестройки, шесть кандидатских и одна докторская – в современной России, не считая многочисленных статей. Таким образом, вопрос достаточно хорошо изучен, хотя среди исследователей отсутствует консенсус по отдельным аспектам.

Наконец, предпочтительным названием данного способа словообразования является «блендинг», но также часто употребляются термины «телескопия» и «словослияние»; остальные, хотя и встречаются в работах отдельных авторов, всё же не являются общепринятыми среди лингвистов по причине громоздкости (словосочетания, состоящие из 20 или более букв), излишней образности или многозначности. Вариант «контаминация» (от англ. contamination 'загрязнение, порча') нам представляется неудачным отчасти из-за негативной оценки, которую несёт это слово, отчасти из-за двусмысленности: этим словом, как показано в работах [Ройзенсон, 1969] и [Ицкович, 1971], можно обозначить многие другие языковые явления на фразеологическом и синтаксическом уровнях.

Библиографический список

- Абросимова, 2012 – Абросимова Л. С. Блендинг в аспекте когнитивно-коммуникативной парадигмы // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 18–22.
- Амахина, 2018 – Амахина С. Р. Новые слова в английском языке в сфере информационных технологий // *Juvenis scientia*. 2018. № 4. С. 34–35.
- Арнольд, 1986 – Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986. 295 с.

- Архиреев и др., 2015 – Архиреев А.Г., Буслаев С. В., Нахлесткин А. А. Особенности словообразования слов-слитков в английском языке // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве: IV межвузовская молодежная научно-практическая конференция / Редакционная коллегия: Л. К. Кондратюкова, М. А. Гросс, Т. А. Винникова. Омск : ОГТУ, 2015, С. 41–44.
- Астафурова, Сухорукова, 2006 – Астафурова Т. Н., Сухорукова О. Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 182–185.
- Барашева, Агаркова, 2019 – Барашева Д. Е., Агаркова А. Д. Блендинг и контаминация: уточнение понятий // Системно-деятельности подход как условие реализации требований ФГОС нового поколения : материалы III Всероссийской науч.-практич. конф. Севастополь : Изд-во Севастопольского гос. ун-та», 2019. С. 194–197.
- Бельская, 1969 – Бельская М. А. Возникновение и функционирование в английском языке словообразовательных элементов -ana, -scape, -teria, -rama, -burger: дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Бельская Маргарита Алексеевна ; Ленинградский гос. ун-т. Л., 1969. 298 с.
- Берман, 1959 – Берман, И. М. О «вставочном» типе словообразования // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 104–107.
- Борисенко, 1976 – Борисенко И. И. Телескопия в современном английском языке // Вопросы языковой структуры: исследования по романо-германской филологии. Киев : Вища школа, 1976. С. 90–95.
- Воронин, 1968 – Воронин С. В. Пограничные явления словообразования и фонетики (Образование гаплогических слов-слитков и композитов) // Филологические науки. 1968. № 1. С. 82–85.
- Григорьева, 2019 – Григорьева П. В. Блендинг как тип неузального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 488–490.
- Дельва, Корзникова, 2017 – Дельва А. Е., Корзникова Я. А. К вопросу о классификации блендов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-1. С. 105–108.
- Дельва, 2018 – Дельва А. Е. Контаминация (блендинг) в современном английском языке: Фонетический аспект // Современные лингвокоммуникативные практики : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 2018. С. 3–6.
- Ермоленко, 2007 – Ермоленко Ю. П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Ермоленко Юлия Павловна ; Московский гос. лингв. ун-т. М., 2007. 24 с.
- Жлуктенко, 1983 – Жлуктенко Ю. А. Английские неологизмы. Киев : Наукова думка, 1983. 172 с.
- Жукова, 2010 – Жукова А. Н. Семантические и прагматические характеристики лексической контаминации в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Жукова Анна Николаевна ; Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. Самара, 2010. 20 с.
- Ицкович, Шварцкопф, 1971 – Ицкович В. А. Шварцкопф Б. С. О контаминации и смежных с нею явлениях // Памяти академика В. В. Виноградова : сб. ст. / отв. ред. В. Г. Костомаров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 90–96.
- Коробкина, 2020 – Коробкина Н. И. Экологичность блендовых окказионализмов в публичной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 1–10.
- Косова, 2018 – Косова О. А. Контаминанты немецкого языка и трудности их перевода на русский язык // Филологические открытия. 2018. № 6. С. 128–136.
- Косова, 2020 – Косова О. А. Новейшие контаминанты современного немецкого языка на пересечении языков и культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 201–206.
- Лаврова, 2011 – Лаврова Н. А. Towards blending as a word-building pattern // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. С. 171–175.
- Лаврова, 2013 – Лаврова Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.04 / Лаврова Наталия Александровна ; Московский пед. гос. ун-т. М., 2013. 48 с.

- Лашкевич, 2005 – Лашкевич О. М. Семантика слов-слитков в современном английском языке // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. история и филология. 2005. № 2. С. 99–104.
- Липилина, 2006 – Липилина Л. А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 2 : Филологические науки. С. 87–92.
- Минеева, 2015 – Минеева З. И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестник Удмуртского ун-та. 2015. Т. 25, Вып. 2. С. 58–68.
- Мурадян, 1978 – Мурадян А. Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория): дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Мурадян Алла Юрьевна ; Ленинградский гос. ун-т. Л., 1978. 201 с.
- Мурзаков, 2013 – Мурзаков А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Мурзаков Александр Александрович ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
- Никанорова, 2017 – Никанорова И. А. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания : сб. ст. / под ред. И. Е. Коптеловой ; Дипломатическая академия МИД России. М., 2017. С. 44–50.
- Нухов, 2016 – Нухов С. Ж. Семантика контаминированных образований и сферы их распространения в английском языке // Вестник Башкирского ун-та. 2016. Т. 21. № 3. С. 795–802.
- Омельченко, 1980 – Омельченко Л. Ф. Телескопия – один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М. : Высшая школа, 1980. №. 5 (119). С. 66–71.
- Омельченко, 1989 – Омельченко Л. Ф. Английская композита: структура и семантика : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук ; 10.02.04 / Омельченко Лариса Федоровна ; Киевский гос. ун-т. Киев, 1989. 43 с.
- Павлова, Саварцева, 2015 – Павлова Е. Д., Саварцева Н. В. Телескопия как словообразовательный процесс в современном английском языке // Амурский научный вестник. 2016. № 2. С. 151–154.
- Ройзенсон, Абрамец, 1969 – Ройзенсон Л. И., Абрамец И. В. О фразеологической контаминации в русском языке // Русский язык в школе. 1969. № 3. С. 104–107.
- Савчин, 2012 – Савчин І. М. Телескопія як один із словотворчих засобів мовної економії англійської мови // Наукові записки Національного університету "Острозька академія". Сер.: Філологічна. 2012. Вип. 26. С. 293–296.
- Сафарова, 2017 – Сафарова У. А. Семантические отношения между компонентами контаминированных слов // Pmiy Axborotnoma: Filologiya. 2017. № 2. С. 11–15.
- Синкевич, Тетерлева, 2016 – Синкевич Е. Н., Тетерлева О. В. Особый тип образования телескопических слов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник ТвГТУ. Сер. «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2016. Вып. 3. С. 121–125.
- Стадильская, 2013 – Стадильская Н. А. Бленд-модели вербальных товарных знаков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. Ч. 2. С. 169–171.
- Сухорукова, 2004 – Сухорукова О. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе: на материале англоязычной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Сухорукова Оксана Николаевна ; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2004 24 с.
- Тарасова, 1991 – Тарасова Л. А. Структурно-семантические аспекты телескопии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Тарасова Людмила Александровна ; Московский гос. лингв. ун-т. М., 1991. 24 с.
- Тимошенко, 1975 – Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.04 / Тимошенко Тамара Романовна ; Киев. гос. пед. ин-т иностр. яз. Киев, 1975. 192 с.
- Храброва, 2017 – Храброва В. Е. Английский лексический блендинг в контексте лингвистической полемики и образовательной ценности // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность : ежегодный сб. науч. тр. М., 2017. С. 163–174.
- Хрущева, 2011 – Хрущева О. А. Бленды: способы, особенности и сложности их передачи переводчиком // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 24. С. 278–280.

- Хрущева, 2011 – Хрущева О. А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Хрущева Оксана Александровна ; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2011. 23 с.
- Хрущева, 2017 – Хрущева О. А. Бленды современного русского языка как зеркало культуры // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2017. № 2. С. 66–70.
- Шевелева, 2003 – Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шевелева Анна Николаевна ; Российский гос. пед. ун-т. Санкт-Петербург, 2003. 18 с.
- Эрстлинг, 2010 – Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 132–142.
- Algeo, 1977 – Algeo J. Blends: A structural and systematic view // *American Speech*. 1977. № 52. P. 47–54.
- Bakaradze, 2010 – Bakaradze E. K. Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation // *International Journal of Arts and Sciences*. 2010. № 3 (16). P. 86–105.
- Bednářová-Gibová, 2014 – Bednářová-Gibová K. Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines // *Jazyk a kultúra*. 2014. № 19–20.
- Bergström, 1906 – Bergström G. A. On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English. Lund, 1906. 211 p.
- Giyatmi, Sihindun, 2017 – Giyatmi R. W., Sihindun A. English Blends Found in Social Media // *Jurnal Arbitrer*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1–11. <https://doi.org/10.25077/ar.4.2.65-75.2017>
- Kornienko, 2016 – Kornienko O. Social and Economic Background of Blending // *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd, 2016. P. 220–225.
- Marchand, 1960 – Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. Wiesbaden, 1960. 379 p.
- Mikić Čolić, 2015 – Mikić Čolić A. Word formation of blends // *Mostariensia*. 2015. N 19-2. P. 21–36.
- Mirzaie, 2014 – Mirzaie N. H. New blends in English language // *International Journal of English Language and Linguistics Research*. 2014. Vol. 2, N 2. P. 15–26.
- Pound, 1914 – Pound L. Blends – Their Relation to English Word-formation. Heidelberg, 1914. 58 p.
- Sundén, 1904 – Sundén K. F. Contributions to the Study of Elliptical Words in Modern English. Upsala, 1904. 233 p.
- Vargas, 2018 – Vargas A. Blending as a productive means of word-formation in modern English // *Science and Technology of the XXI Century*, 2018. Режим доступа : <http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775> (дата обращения : 24.10.2020).
- Merriam-Webster, 2020 – Dictionary by Merriam-Webster. Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения : 20.12.2020).

References

- Abrosimova, L. S. (2012). Blending v aspekte kognitivno-kommunikativnoy paradigm [Blending from the Aspect of Cognitive-Communicative Paradigm]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya*. [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], 1, 18–22. (In Russ.).
- Amakhina, S. R. (2018). Novye slova v angliyskom yazyke v sfere informatsionnykh tekhnologiy [New English words in information technology vocabulary]. *Juvenis scientia*, 4, 34–35. (In Russ.).
- Arnold, I. V. (1986). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [The English word]. 3rd edition. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Arkhireev, A.G., Buslaev, S. V., Nakhlestkin, A. A. (2015). Osobennosti slovoobrazovaniya slov-slitkov v angliyskom yazyke [Features of word formation of words-ingots in the English language]. In L. K. Kondratyukova (Ed), *Aktual'nye voprosy lingvistiki v sovremennom professional'no-kommunikativnom prostranstve* [Topical issues of linguistics in the modern professional and communicative space]: IV Interuniversity Youth Scientific and Practical Conference (pp. 41–44); Omsk State Technical University. Omsk. (In Russ.).
- Astafurova, T. N. Sukhorukova, O. N. (2006). Teleskopiya: novyy sposob slovoobrazovaniya? [Telescopy: a new way of word formation?]. *Zhurnal Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Jazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 5, 182–185. (In Russ.).

- Barasheva, D. E. Agarkova, A. D. (2019). Blending i kontaminatsiya: utochnenie ponyatiy [Blending and contamination: distinguishing the notions]. *Sistemno-deyatelnosti podkhod kak uslovie realizatsii trebovaniy FGOS novogo pokoleniya* [System-activity approach as a condition for implementing the requirements of the new generation of the Federal State Educational Standard]: Proc. III All-Russian Conference (pp. 194–197). Sevastopol : Sevastopol State University. (In Russ.).
- Bel'skaya, M. A. (1969). *Vozniknovenie i funktsionirovanie v angliyskom yazyke slovoobrazovatel'nykh elementov -ana, -scape, -teria, -rama, -burger* [The emergence and functioning of word-forming elements -ana, -scape, -teria, -rama, -burger in the English language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.).
- Berman, I. M. (1959). O «vstavochnom» tipe slovoobrazovaniya [On the "insertion" type of word formation]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 104–107. (In Russ.).
- Borisenko, I. I. (1976). Teleskopiya v sovremennom angliyskom yazyke [Telescopy in modern English]. *Voprosy yazykovoy struktury: issledovaniya po romano-germanskoy filologii* [Questions of linguistic structure: research in Romano-Germanic philology] (pp. 90–95). Kiev : Vishha shkola Press. (In Russ.).
- Voronin, S. V. (1968) Pogranichnye yavleniya slovoobrazovaniya i fonetiki (Obrazovanie gapologicheskikh slov-slitkov i kompozitov) [Borderline phenomena of word formation and phonetics (Formation of haplological words-ingots and composites)]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1, 82–85. (In Russ.).
- Grigor'eva, P. V. (2019). Blending kak tip neuzual'nogo slovoobrazovaniya: k utochneniyu ponyatiya [Blending as a type of unusual derivation: to clarify the concept]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and education], 3, 488–490. (In Russ.).
- Del'va, A. E. Korznikova, Ya. A. (2017). K voprosu o klassifikatsii blendov v sovremennom angliyskom yazyke [On blends classification in modern English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 9-1, 105–108. (In Russ.).
- Del'va, A. E. (2018). Kontaminatsiya (blending) v sovremennom angliyskom yazyke: Foneticheskiy aspekt [Contamination (blending) in modern English: phonetic aspect]. *Sovremennye lingvokommunikativnye praktiki* [Modern linguocultural practices] (pp. 3–6). Saratov. (In Russ.).
- Ermolenko, Yu. P. (2007). *Nominativnye modeli formirovaniya novykh slov metodom styazheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Nominative models of the formation of new words by the method of contraction in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Zhluktenko, Yu. A. (1983). *Angliyskie neologizmy* [English neologisms]. Kiev : Naukova dumka Press. (In Russ.).
- Zhukova, A. N. (2010). *Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki leksicheskoy kontaminatsii v sovremennom angliyskom yazyke* [Semantic and pragmatic characteristics of lexical contamination in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Samara : Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. (In Russ.).
- Itskovich, V. A. Shvartskopf, B. S. (1971). O kontaminatsii i smezhnykh s neyu yavleniyakh [On contamination and related phenomena]. In V. G. Kostomarov (Ed.), *Pamyati akademika V. V. Vinogradova* [In memory of academician V.V. Vinogradov] (pp. 90–96). Moscow : Moscow University Press. (In Russ.).
- Korobkina, N. I. (2020). Ekologichnost' blendovykh okkazionalizmov v publichnoy kommunikatsii [Ecology in blend occasionalisms in public communication]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice], 1, 1–10. (In Russ.).
- Kosova, O. A. (2018). Kontaminanty nemetskogo yazyka i trudnosti ikh perevoda na russkiy yazyk [German language contaminants and difficulties in translating them into Russian]. *Filologicheskie otkrytiya* [Philological discoveries], 6, 128–136. (In Russ.).
- Kosova, O. A. (2020). Noveyshie kontaminanty sovremennogo nemetskogo yazyka na peresechenii yazykov i kul'tur [Modern contaminants in the German language at the crossroads of cultures and languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], V.13-1, 201–206. (In Russ.).
- Lavrova, N. A. (2011). Towards blending as a word-building pattern. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical problems of humanities and natural sciences], 11, 171–175. (In Russ.).
- Lavrova, N. A. (2013). *Kontaminatsiya kak slovtvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Contamination as a word-building model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (Based on the material of the modern English language)].

- Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).
- Lashkevich, O. M. (2005). Semantika slov-slitkov v sovremennom angliyskom yazyke [The semantics of blendings in modern English]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. istoriya i filologiya* [Vestnik of Udmurt university. Series History and Philology], 2, 99–104. (In Russ.).
- Lipilina, L. A. (2006). Leksicheskie sliyaniya v sovremennom angliyskom yazyke [Lexical blends in English]. *Vestnik RGU im. I. Kanta. Filologicheskie nauki* [Vestnik of Russian State University named after I. Kant. Philological sciences], 2, 87–92. (In Russ.).
- Mineeva, Z. I. (2015). Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsiy cheloveka [Contamination in the derivation of nominations for people]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Vestnik of Udmurt university], 2, 58–68. (In Russ.).
- Muradyan, A. Yu. (1978). *Slovoqliyanie v sovremennom angliyskom yazyke (spetsifika, dinamika, teoriya)* [Word fusion in the modern English language (specificity, dynamics, theory)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.).
- Murzakov, A. A. (2013). *Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty sliyaniya v angliyskom yazyke* [Functional and pragmatic aspects of merging in the English language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Nikanorova, I. A. (2017). Blending v sovremennom politicheskom i ekonomicheskom diskurse [Blending in modern political and economic discourse]. In I. E. Koptelova (Ed.), *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nye problemy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya* [Language. Culture. Society. Current problems, research methods and teaching problems] (pp. 44–50); Diplomatic academy of MID Russia. Moscow. (In Russ.).
- Nukhov, S. Zh. (2016). Semantika kontaminirovannykh obrazovaniy i sfery ikh rasprostraneniya v angliyskom yazyke [The meaning of English blends and the spheres of their usage]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Vestnik of Bashkir university], 3, 795–802. (In Russ.).
- Omel'chenko, L. F. (1980). Teleskopiya – odin iz maloizuchennykh sposobov glagolobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka [Telescopy – one of the little-studied ways of verb formation in modern English]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. [Scientific Essays of Higher Education. Philological Sciences], 5, 66–71. (In Russ.).
- Omel'chenko, L. F. (1989). Angliyskaya kompozita: struktura i semantika [English Composite: Structure and Semantics]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Kiev : Kiev State University. (In Russ.).
- Pavlova, E. D. Savartseva, N. V. (2016). Teleskopiya kak slovoobrazovatel'nyy protsess v sovremennom angliyskom yazyke [Blending as a word-formation process in modern English]. *Amurskiy nauchnyy vestnik* [Amur journal], 2, 151–154. (In Russ.).
- Royzenzon, L. I. Abramets, I. V. (1969). O frazeologicheskoy kontaminatsii v russkom yazyke [On phraseological contamination in the Russian language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], 3, 104–107. (In Russ.).
- Savchin, I. M. (2012). Teleskopiya yak odin iz slovotvorchikh zasobiv movnoï ekonomii angliys'koi movi [Telescopy as one of word-building means of speech economy in English]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademiya". Ser.: Filologichna* [Scientific Notes of National University of Ostrozhsk Academy. Philology], 26, 293–296. (In Russ.).
- Safarova, U. A. (2017). Semanticheskie otnosheniya mezhdu komponentami kontaminirovannykh slov [Semantic relations between components of contaminated words]. *Ilmiy Axborotnoma. Filologiya*, 2, 11–15. (In Russ.).
- Sinkevich, E. N. Teterleva, O. V. (2016). Osobyi tip obrazovaniya teleskopicheskikh slov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Specific manner of telescopy unit formations (Case study: The Russian and German languages)]. *Vestnik TvGTU. Ser. «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»* [Vestnik of Tver State Technical University. Series «Social Sciences and Humanities»], 3, 121–125. (In Russ.).
- Stadul'skaia, N. A. (2013). Blend-modeli verbal'nykh tovarnykh znakov [Blend-models of verbal trademarks]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 8-2, 169–171. (In Russ.).
- Sukhorukova, O. N. (2004). *Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti teleskopicheskikh edinits v massovo-informatsionnom diskurse: na materiale angloyazychnoy pressy* [Structural,

- semantic and functional features of telescoped units in mass-media discourse]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State University. (In Russ.).
- Tarasova, L. A. (1991). *Strukturno-semanticheskie aspekty teleskopii v sovremennom angliyskom yazyke* [Structural and Semantic aspects of telescoping in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Linguistic State University. (In Russ.).
- Timoshenko, T. R. (1975). *Teleskopiya v slovoobrazovatel'noy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka* [Telescoping in the word-formation system of the modern English language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev : Kiev State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russ.).
- Khrabrova, V. E. (2017). Angliyskiy leksicheskiy blending v kontekste lingvisticheskoy polemiki i obrazovatel'noy tsennosti [English lexical blending in terms of linguistic polemics and educational value]. *Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: massovaya kommunikatsiya i yazykovaya lichnost'* [Communication in the modern multicultural world: mass communication and language personality] (pp. 163–174). Moscow. (In Russ.).
- Khrushcheva, O. A. (2011). Blends: sposoby, osobennosti i slozhnosti ikh peredachi perevodchikom [Blends: ways, features and difficulties of their transmission by the translator]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 1, 278–280. (In Russ.).
- Khrushcheva, O. A. (2011). *Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga* [Universal and linguocultural features of blending]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk : Chelyabinsk State University. (In Russ.).
- Khrushcheva, O. A. (2017). Blendsy sovremennogo russkogo yazyka kak zerkalo kul'tury [Modern Russian blends reflecting culture]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Vestnik of Orenburg State University], 2, 66–70. (In Russ.).
- Sheveleva A. N. (2003). *Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniya kognitivnoy lingvistiki (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Structure and Semantics of Telescopic derivatives from the Point of view of Cognitive linguistics (Based on Modern English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. St Petersburg : Russian State Pedagogical University. (In Russ.).
- Erstling, L. V. (2010). Teleskopnye slova vo frantsuzskom yazyke [Portmanteau words in the French language]. *Vestnik PSTGU III: Filologiya* [St.Tikhon's University Review. Series III: Philology], 4, 132–142. (In Russ.).
- Algeo, J. (1977). Blends: A structural and systematic view. *American Speech*, 52, 47–54.
- Bakaradze, E. K. (2010). Principle of the Least Effort: Telescopic Wordformation. *International Journal of Arts and Sciences*, 3 (16), 86–105.
- Bednárová-Gibová, K. (2014). Some Insights into portmanteau words in current fashion magazines. *Jazyk a kultúra*, 19-20, 1–10.
- Bergström, G. A. (1906). *On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English*. Lund.
- Giyatmi, R. W. Sihindun, A. (2017). English Blends Found in Social Media. *Jurnal Arbitrer*, 4 (2), 1–11. <https://doi.org/10.25077/ar.4.2.65-75.2017>
- Kornienko, O. (2016). Social and Economic Background of Blending. *Globalistics and Globalization Studies* (pp. 220–225). Volgograd.
- Marchand, H. (1960). *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. Wiesbaden.
- Mikić Čolić, A. (2015). Word formation of blends. *Mostariensia*, 19-2, 21–36.
- Mirzaie, N. H. (2014). New blends in English language. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 2-2, 15–26.
- Pound, L. (1914). Blends – Their Relation to English Word-formation. Heidelberg.
- Sundén, K. F. (1904). *Contributions to the Study of Elliptical Words in Modern English*. Upsala.
- Vargas, A. (2018). Blending as a productive means of word-formation in modern English. *Science and Technology of the XXI Century*. Retrieved October 24, 2020 from <<http://konfist.fl.kpi.ua/en/node/775>>.
- Dictionary by Merriam-Webster. Retrieved December 20, 2020 from <<https://www.merriam-webster.com/dictionary/>>.

Статья поступила в редакцию 04.04.2021; одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 01.10.2021.

The article was submitted 04.04.2021; approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 01.10.2021.

Сюй Хун, Ли Вэньгэ ✉
Харбинский политехнический университет
г. Харбин, КНР
yuqilihit@126.com

Грамматическая стилистика научно-технического перевода в аспекте теории первого плана и фона

Аннотация

Переводческая стилистика является важной частью теории перевода. На основе теории «первого плана и фона» У. Лабова и Дж. Валецки о соотносительной выделенности незавершённых предикаций (клауз) в нарративе в статье рассматриваются важные проблемы и трудности научно-технического перевода с русского на китайский и с китайского на русский, связанные с преобразованием паратактических клауз в простое осложнённое предложение и наоборот, активного залога в пассивный и наоборот, вариантно-стью перевода русских отглагольных существительных и глаголами, и существительными на китайский язык. В исследуемых языках эти несовпадения можно классифицировать как выдвижение на первый план разных грамматических конструкций. Суть владения грамматической стилистикой научно-технического перевода заключается в искусном манипулировании элементами первого плана и фона в ходе переводческих трансформаций для преодоления морфолого-синтаксических различий между китайским и русским языками, освобождения от формальных ограничений исходного языка и использования преимуществ переводящего языка для создания характерной грамматической стилистики научно-технического текста на языке перевода.

Ключевые слова: научно-технический перевод, различия между языками, теория первого плана и фона, грамматическая стилистика, трансформация

© Сюй Х., Ли В. 2021

Для цитирования: Сюй Х., Ли В. Грамматическая стилистика научно-технического перевода в аспекте теории первого плана и фона // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 148–158. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_148_158

Xu Hong, Li Wenge ✉
Harbin Polytechnical University
Harbin, China
yuqilihit@126.com

Grammatical stylistics of scientific and technical translation in the aspect of Theory of Grounding

Abstract

Translation stylistics is an essential part of translation theory. Based on W. Labov and J. Waletzky Theory of Grounding (foreground and background), the article analyzes important issues and challenges of scientific and technical translation from Russian into Chinese and from Chinese into Russian, namely, transformation of paratactic clauses into a simple complex sentence, transformation of the active voice into a passive voice and vice versa, variability of Russian verbal nouns translation into Chinese as nouns or verbs. This mismatch can be classified as foregrounding of different grammatical patterns typical for each language. The core idea of mastering grammatical stylistics of scientific and technical translation is in skillful foreground and background

elements manipulation to overcome morphological and syntactic differences between Chinese and Russian, release from formal restrictions of the source language, use the advantages of the target language and create a scientific and technical text sample with grammatical stylistics suitable for the language of translation.

Keywords: scientific and technical translation, differences between languages, Theory of Grounding, grammatical stylistics, transformation

© Xu H., Li W. 2021

For citation: Xu, H., Li, W. Grammaticheskaya stilistika nauchno-tekhnicheskogo perevoda v aspekte teorii pervogo plana i fona [Grammatical stylistics of scientific and technical translation in the aspect of Theory of Grounding]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 148–158. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_148_158

1. Введение [Introduction]

Перевод, по сути, процесс выбора стилистики, и зачастую переводчику приходится выбирать наиболее подходящий вариант среди множества выражений. Можно сказать, что, будь то художественный или научный перевод, переводчик всегда сталкивается с выбором стилистики, а стилистика перевода определяет качество и удобочитаемость перевода, поэтому внимание исследователей к переводческой стилистике не ослабевает. Переводческая стилистика – важная часть теории перевода. В статье исследуются проблемы грамматической стилистики в научно-техническом переводе через призму теории «первого плана и фона».

Теория первого плана и фона (Theory of Grounding [Labov, Waletzky, 1967]) была предложена У. Лабовым и Дж. Валецки для сложных нарративов на материале 600 устных интервью с разновозрастными носителями языка разных социальных слоёв без высшего образования. Ядро теории – клауза. Суть теории состоит в соотносительной выделенности незавершённых предикаций (клауз) в нарративе (анализ истоков и этапов развития данной теории см. [Уржа, 2018]).

В грамматическом аспекте с теорией первого плана и фона тесно коррелирует теория высокой переходности (первый план) и низкой переходности (фон), разработанная П. Дж. Хоппером и С. А. Томпсон (high and low Transitivity) [Hopper, Thompson, 1980]. Авторы выделили 10 параметров, по которым клаузе присваивались баллы для определения степени переходности, иными словами, степени выдвижения на первый план, которая может быть высокой и низкой на полюсах с градациями внутри [Hopper, Thompson, 1980, p. 251–253]. Баллы складываются и, по совокупности параметров, формируется сложный рисунок более и менее выдвинутых фрагментов текста. Многочисленность характеристик, сопряжённых с первоплановыми и фоновыми свойствами клауз, позволяет при анализе текста не оставить незамеченным эффект любого выдвижения [Уржа, 2018, с. 503].

Теория первого плана и фона широко использовалась в лингвистике, в частности, в стилистике, а также литературном творчестве и других областях. Впервые для сопоставления оригинального текста и перевода данная теория была доработана и применена К. Чвани [цит. по Уржа, 2018, с. 504 [Chvani, 1985]].

В рамках настоящего исследования мотивом к проведению анализа возможностей применения теории первого плана и фона в переводе научно-технических текстов послужили два обстоятельства. Во-первых, на наш взгляд, научно-технические тексты ещё в большей степени относятся к сложным нарративам, чем художественные. Во-вторых, первый план и фон как языковое явление, обладающее высокой художественной ценностью, не может быть проигнорировано при переводе как литературных текстов,

так и научных, поскольку большая часть явления первого плана и фона в них намеренно используется автором. Поскольку подобных исследований на материале научно-технического перевода не проводилось, именно он попал в центр внимания данной работы.

По словам известного китайского переводчика Цай И, «переводчик должен обладать не только языковыми навыками, но и профессиональными знаниями и владеть определённым научным стилем как на русском, так и на китайском языке» [Цай, 1989, с. 185]. Таким образом, переводчику необходимо владеть не только терминологией обоих языков, но и иметь определённые базовые знания системы иностранного языка и моделей её реализации в разных функциональных стилях.

2. Значение теории первого плана и фона для научно-технического перевода [Theory of Grounding for scientific and technical translation]

Функциональная стилистика М. А. К. Халлидея относится к теории стилистики, основанной на системной функциональной грамматике. Первый план и фон являются основными понятиями функциональной стилистики [Halliday, 1973, p. 112]. Когда мы оцениваем картину, нас всегда привлекает её самое выдающееся место – кристаллизация художественной природы этой картины. Точно так же мы можем сразу отличить научно-технические тексты от поэтических и прозаических текстов художественной литературы или текстов юридической направленности и т. п., потому что разные стили и жанры, наряду с общими языковыми особенностями (фоном) имеют специфические языковые черты (первый план).

В этом смысле, функциональная стилистика М. А. К. Халлидея имеет большое значение для научно-технического перевода: переводчик должен проникнуть в текст-оригинал на этапе понимания, полностью осознать функции оригинального текста, коммуникативную цель автора и основные стилистические характеристики оригинала; на этапе выражения переводчик должен понять лингвокультурные различия между двумя этническими группами, выйти за рамки исходного языка, избавиться от оков грамматической формы переводного языка и создать краткий и точный научно-технический перевод, используя соответствующие стилистические возможности переводного языка.

Общая теория перевода отвечает на вопрос «Что значит перевод?», а специальные теории перевода конкретных языков призваны ответить на вопрос «Как перевести?». По мнению В. Н. Комиссарова, «... специальная теория перевода изучает воздействие на процесс перевода языковых особенностей определённого функционального стиля в языке перевода и взаимодействия этих двух рядов языковых явлений. В рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно» [Комиссаров, 1990, с. 106–107]. В научном стиле лексико-грамматические особенности научно-технических текстов служат первым планом данных текстов.

Научно-технические тексты имеют ряд грамматических особенностей, характерных для того или иного языка. Несмотря на то, что особой «научно-технической грамматикой» не существует, одни грамматические явления отмечаются в данном стиле чаще, чем в других, а другие явления, напротив, встречаются сравнительно редко.

Выявление в иноязычных научно-технических текстах особых лингвистических свойств и сопоставление их с текстами на родном языке имеют решающее значение для выполнения сопоставительного логико-синтаксического анализа с целью выбора приёмов и способов перевода и выработки стратегии и методики обучения этому виду перевода [Кочергин, 2012, с. 8].

3. Особенности грамматической стилистики научного стиля в русском языке [Features of the grammatical stylistics of the scientific style in Russian]

Научный язык – обобщённый функциональный вариант современного языка, обслуживающий научную сферу общественной деятельности. По трём измерениям для определения регистра дискурса Халлидея [Halliday, 1973], с точки зрения содержания (field), роль научного языка заключается в распространении и развитии знаний и технологий в области естественных и социальных наук; с точки зрения стиля общения между адресантом и адресатом (tenor), научные дискурсы в основном затрагивают обмены знаниями и техниками между работниками естественных и социальных наук и народными массами; с точки зрения модуса или формы передачи информации (mode), к научному языку могут относиться как письменные, так и устные звучащие тексты. В процессе своего зарождения и развития научно-технический дискурс сформировал уникальные семантико-стилистические особенности: точность, абстрактность, логичность и объективность, позволяющие современному научному языку выработать уникальные грамматико-стилистические особенности. Грамматические характеристики русского научного языка наиболее ярко проявляются в синтаксисе. Несмотря на наличие устной формы, синтаксис русского научного языка – это по большей части письменный синтаксис [Чжан Х., 2002] – если сравнить количество и объём устных и письменных научных текстов, то последних окажется больше.

Стилистика научно-технических текстов и литературных произведений относится к разным категориям. Литературные произведения принадлежат к так называемой позитивной стилистике, а научно-технические тексты – к негативной: первая может вызывать конкретные образы в сердце слушателя и читателя, а последняя подчёркивает абстрактные и понятийные особенности. В соответствии с этим, научно-технические тексты содержат уникальные стилистические характеристики на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях языка [Чжан Д., 2005, с. 9–36]. Грамматические и стилистические особенности русского научного языка проявляются в нижеследующем [Чжан Х., 2002, с. 152–169].

1. Практическое отсутствие эллиптических и неполных предложений. Научный стиль служит науке, и одной из характерных черт науки является точность, которая не создает двусмысленности. Точность научного языка тесно связана с ясностью письма. Поэтому, в отличие от разговорной речи, в научно-технических текстах обычно не используются эллиптические и неполные предложения. Например, «如果冬天来临, 天气将会很冷» переводится в обывденной жизни так: «*Будет зима, будет холодно*», а в научной речи: «*Если будет зима, то будет холодно*. Или так: *Как только наступит зима, будет холодно*». Таким образом, ясность письма, выраженная через полные предложения, выдвигает точность на первый план.

2. Широкое использование биномиальной пассивной конструкции без субъекта в творительном падеже. Это неудивительно, ведь задача научно-технического текста состоит в изложении научных истин, законов, выводов, сделанных на основе наблюдений и анализа явлений объективного мира. Научные истины и законы объективны, по этой причине научные работы также должны быть объективными. Семантическая объективность представляет собой одну из отличительных черт научно-технического текста, и соответственно, в научных текстах редко встречается автор или субъект действия. Биномиальная пассивная конструкция без субъекта в русском языке как раз и выдвигает научные истины, законы и выводы на первый план.

Статистические данные показывают, что в русском научном языке страдательный залог употребляется значительно чаще, чем в других функциональных стилях. Употребление страдательного залога в среднем составляет 14,4% всех форм глаголов, в то время как в литературных произведениях на его долю приходится лишь 2,1% [Кири-

ченко, 1985, с. 179–188]. Хотя и в научных текстах доля пассива, разумеется, не превышает долю актива, но его увеличение почти в 7 раз выводит его в определённом смысле на первый план. Например:

(1) *В предлагаемом учебном пособии в кратком объёме рассматривается история мировой культуры. Материал организован по эпохам, соответствующим общепринятой исторической периодизации (Первобытный мир, Древность, Средневековье, Новое время, Новейшее время). Он систематизирован в разрезе ведущих регионов (Европа, Восток, Америка) и их ведущих стран. Основной акцент сделан на истории художественной литературы (литературы, музыки, живописи, архитектуры, скульптуры). Подбор анализируемых важнейших видов искусства, их стилей и жанров предопределялся на каждом этапе уровне историко-экономического развития конкретной страны и её вклада в мировую культуру* [А. Н. Маркова, Культурология: История мировой культуры] – '本教材以历史时代（原始社会、古代社会、中世纪、现代、当代）为时间为顺序，对世界文化史做了简略概述，系统梳理了世界各个地区（欧洲、东方、美洲）的文化史材料。本书的研究的重点是世界文学史和艺术史（文学、音乐、绘画、建筑、雕塑等），有选择性地介绍了多个国家在不同历史-经济发展阶段所出现的艺术形式及其风格、体裁，并评述了它们对世界文化史的贡献'[译者(переводчики): 王亚民等 (Ван Яминь и др.)].

Все пассивные конструкции в исходном языке преобразуются в активные в переводе на китайский. Подлежащие в переводе – это *教材* 'учебное пособие' и *书* 'книга' (подробнее об этом см. раздел 4).

По данным Кириченко, из 635 предложений в пассиве 504 приходятся на биномиальные конструкции (78,7%). Таким образом, в научно-техническом тексте биномиальная конструкция, явно доминирует, что определяется обобщением, абстракцией и объективностью семантики научного стиля – в научной информации основное внимание уделяется процессам, механизмам и результатам, а действие зачастую не имеет никакого значения, порой его даже трудно прояснить. Это важная особенность первого плана в русском научном стиле.

3. Частые аналитические предикаты. Широко употребляются связки, характерные именно для письменной речи: являться кем-/чем-н., представлять собой что-н., служить чем-н., заключаться в чем-н., состоять в чем-н., характеризоваться чем-н., представляться каким-н. и др. Например:

(2) *Движение в открытом русле характеризуется тем, что все точки свободной поверхности потока находятся под одинаковым давлением.* – '明渠水流的特点是水流自由表面上的各点都处在同样的大气压力下'.

(3) *Видимый свет представляет собой электромагнитные колебания с длиной волны от 0.4 до 0.7 микрона.* – '可见光是一种电磁波，其波长为 0.4-0.7 微米'.

В разговорном стиле в настоящем времени глагол *быть*, как правило, является «нулевой позицией», в то время как в научном стиле его форма настоящего времени *есть* часто используется для того, чтобы дать определение предмету, явлению, процессу, напр.:

(4) *Волевое усилие есть неперенное условие успешного запоминания.* – '意志力是成功记忆的必不可少的条件'.

Другой важной особенностью русского научного стиля являются аналитические предикаты, вместо которых в обычной речи используется простое глагольное сказуемое. Например, вместо обыденного *облететь Луну* в научно-техническом тексте используется *совершить облёт Луны*, вместо *интересоваться* – *проявлять интерес к...* В аналитическом сказуемом глагол теряет свою функцию номинации и становится полусубстанциальным глаголом. В результате значение сказуемого сосредоточено на существительном, т. е. происходит выдвижение существительного на первый план:

(5) *Наличие в организме патологии может оказывать влияние на проявление действия лекарств.* – ‘机体的病理状态可以影响药物的作用’。

(6) *В этом находит своё выражение общность живой и неживой природы.* – ‘有生命和无生命自然界的共同性在这里反映出来’。

Эти особенности предикатов в русском научном языке используются для соответствия требованиям к точности и общности в семантике. В то же время глаголы *оказывать* и *находить* в китайском языке избыточны.

4. Широкое использование осложнённых простых предложений. В русском научном языке в силу жёстких логических требований широко используются простые предложения, в основном, со сложными структурами, то есть предложения с равными, или независимыми компонентами (в основном деепричастными или причастными оборотами), предложения с вводными словами, выражающими порядок или источник мыслей, а также предложения с пояснительными структурами. Например:

(7) *В любом языке мира насчитываются тысячи, десятки тысяч, а то и сотни тысяч различных слов, как, например, в китайском, русском, английском, немецком, французском и других языках, имеющих давнюю письменную традицию. Все слова не знает даже носитель языка (вряд ли кто из китайцев знает значение тех 650000 слов, что собраны в словаре современного китайского языка, составленном в 2009 году Институтом китайского языка Академии наук Китая) – ‘世界任何一种语言中，例如汉语、俄语、英语、德语、法语等其它具有悠久文字传统的语言，都拥有成千上万，甚至几十万词语。即使母语者也不可能认识该种语言中的全部词语(未必有哪个中国人知道中国社科院语言研究所 2009 编写的《现代汉语词典》中的所有 65000 个词语)’。*

На китайский язык такие конструкции переводятся паратактическими предложениями (подробнее см. раздел 4).

5. Доминирование сложных предложений. По результатам исследований, проведённых группой лингвистов во главе с М. Н. Кожиной, сложные предложения составляют около 50% страниц научных работ на русском языке, опубликованных в течение 20 лет. Среди них безусловным преимуществом обладают сложные предложения с союзами, в то время как бессоюзные сложные предложения составляют только 10–15% от всех сложных предложений. Выход сложных предложений с союзами на первый план по сравнению с бессоюзными объясняется тем, что первые больше способствуют выявлению логических связей между предложениями. Бессоюзные же предложения используются в основном для перечисления и классификации.

М. Н. Кожина также отмечает, что в XIX в. сложные предложения составляли 63% всех предложений. По сравнению с XVIII и XIX веками использование сложных предложений в современном русском научном языке имеет тенденцию к сокращению. Уменьшение количества сложных предложений компенсируется осложнёнными простыми предложениями [Кожина, 2005, с. 76–85]. В современном русском научном стиле вместо сложных предложений, выражающих временную, условную зависимость, причинно-следственные и целевые связи, как правило, употребляются осложнённые простые предложения. Определительные придаточные предложения с союзом *который* часто заменяются причастными оборотами. Например:

(8) *При расчётах, благодаря малости площади, передающей давление, обычно считают сосредоточенную силу приложенной в точке.* – ‘计算时，因为传递压力的面积过小，一般可视为力集中于一点上’。

(9) *Со времени пуска атомной электростанции ни один из главных элементов ядерного реактора не вышел из строя. АК-47 как «Автомат Калашникова образца 1947 года» – отличающийся надёжностью в работе, высокой меткостью и точностью стрельбы, сравнительно небольшим весом.* – ‘АК-47 是“1947 年定型的卡拉什尼科夫自动步枪”的简称，其优点是性能可靠，射击精准度高，重量较轻’。

6. В научном русском языке употребляется большое количество отглагольных существительных. Процесс замены сложных предложений простыми ещё больше увеличивает долю отглагольных существительных в русском научном языке. Некоторые учёные называют эту особенность научного стиля «номинальным характером письма» или «номинальной конструкцией научного языка». «Яркая отличительная черта собственно научного стиля – преобладание отглагольных существительных. В научно-техническом тексте существительных в среднем почти в четыре раза больше, чем глаголов (явное выдвигание на первый план). Это можно легко объяснить номинационной направленностью научного стиля, главное – обозначить, описать явление» [Барлас, 1978, с. 163–175].

Следует отметить, что названия научных трудов обычно выражаются именной структурой. Например:

(10.а) *Обращение ко всем преподавателям русского языка в Китае* – '致中国俄语教师的一封信'

(10.б) *Сопоставление побудительной категории в русском и китайском языках* – '俄汉语祈使范畴对比分析'

(10.в) *Использование муравьёв для борьбы с вредителями леса* – '使用蚂蚁同森林害虫作斗争'

(10.г) *К вопросу изготовления печатных форм* – '压模制造问题研究'

Номинализация процесса – характерная черта русского научного языка, неизбежный результат его реляционализации. Использование этого способа выражения может сделать сложный и постоянно изменяющийся мир статичным, словно состоящим не из движущихся предметов, а из единиц и отношений между ними. Таким образом, номинализация повышает степень абстракции. Русские отглагольные существительные на китайский язык могут быть переведены и как глаголы, и как существительные.

Завершая данный раздел статьи, отметим, что, по мере развития русского научного стиля сформировалась характерная грамматическая стилистика со своими уникальными особенностями, которые можно свести к следующим: (а) частое использование пассивного залога; (б) увеличение компонентов номинализации; (в) возрастание количества непредикатных форм глаголов. При переводе китайских научных трудов на русский язык переводчик должен соблюдать вышеупомянутые грамматические характеристики и точно выражать концепции и факты, изложенные в исходном тексте.

4. Влияние грамматических различий между китайским и русским языками на грамматическую стилистику научно-технического перевода [Influence of grammatical differences between Chinese and Russian languages on the grammatical stylistics of scientific and technical translation]

При переводе с китайского на русский существуют две основные трудности, вызванные китайско-русскими строевыми грамматическими различиями: 1) преобразование китайских паратактических предложений¹ в простые осложнённые предложения; 2) преобразование активного залога в пассивный.

Существует большая разница в синтаксической организации между китайским и русским языками. Согласно типологической классификации языков, китайский и русский языки относятся к разным типам языков: китайский язык представляет собой изолированный язык, а русский – флективный. Разница между двумя языками в основном отражается в грамматике: грамматика китайского языка обращает основное внимание на паратаксис, а русская грамматика подчёркивает гипотаксис. Грамматическая структу-

¹ Под паратактическими предложениями понимаются предложения равного статуса – без подчинительной связи [Andersen, Holsting, 2018, p. 3].

ра китайского языка линейная, в ней больше используются паратактические предложения; грамматическая структура русского языка имеет древовидную форму – различные языковые составляющие окружены будто ветвями и плетущимися виноградными лозами. В русском научном стиле отличительными чертами являются номинализация, адъективизация, сегментация слов и процедурализация отношений, в результате чего примечательная синтаксическая особенность проявляется в огромной группе субстантивных словосочетаний. Структура предложения проста – обычно состоит только из одной клаузы, но внутренняя структура каждого компонента в ней очень сложна. Компоненты, формирующиеся из причастных оборотов, предложных словосочетаний, именных атрибутов, придаточных предложений, весьма разнообразны. По сравнению с этим, китайский язык, даже в научно-технических текстах, всё ещё лаконичен и понятен – одно предложение есть одно значение. Такое синтаксическое различие создаёт большие трудности для научно-технического перевода с китайского языка на русский. Переводчик должен обладать хорошими базовыми лингвистическими навыками, чтобы трансформировать китайские грамматические конструкции в русские, преобразовывать паратаксис в гипотаксис, линейную форму в ветвистую. И, разумеется, перевод должен отражать стилистические особенности русского научного языка. Например:

(11) 确定水轮机的类型时需要考虑下列参数: 水头、水轮机的动能指标, 空蚀系数以及该型号水轮机的运转性能, 水轮机运转必须高效, 在其过流部分不发生剧烈的压力脉动, 并在一定的水头和负荷范围内没有明显的振动 – *'Вид и тип гидротурбин определяется, исходя из следующих параметров: напора, энергетических и кавитационных показателей гидротурбин, способности гидротурбин данного вида **работать** с высокими значениями к.п.д. без значительных пульсаций давления в проточной части и вибраций в определённом диапазоне напоров и нагрузок'*.

В данном примере несколько паратактических клауз китайского языка трансформируются в одно длинное простое осложнённое предложение с основным действием «определяется». Клаузы, содержащие четыре сказуемых «需要考虑、必须高效、不发生、没有» заменяются соответственно конструкцией с производным предлогом, инфинитивом или предложным словосочетанием *исходя из, работать с, без чего-л.*, и преобразуются во второстепенный компонент простого осложнённого предложения.

(12) 教材的各章节之后提供有思考题和测试题, 以便读者获知自己对教材知识点的掌握程度 – *'Разделы заканчиваются вопросами для самоконтроля и тестом, **позволяющим** читателям проверить степень усвоения материала'*.

В данном примере две паратактические клаузы переведены на русский язык простым осложнённым предложением. Вторая клауза заменена действительным причастием *позволяющим*, и становится второстепенным компонентом простого осложнённого предложения.

На самом деле непросто перевести несколько китайских паратактических клауз в русское простое осложнённое предложение с очевидными главным и второстепенными компонентами. Трудность состоит ещё и в том, как трансформировать китайские паратактические клаузы в отглагольные, предложные, причастные, деепричастные обороты в русском переводе. Без обширной практики китайско-русского перевода и знаний сравнительной грамматической стилистики подобные трансформации производить крайне сложно, и это первая переводческая трудность в области грамматической стилистики.

Вторая переводческая сложность – это необходимость преобразования активного залога в китайском языке в страдательный залог в русском языке. Китайские переводчики по привычке, выработанной родным языком, в переводе неверно используют активный залог взамен должного пассивного. Например, «宝玉挨打 'Баоюй получил удар' может ошибочно замещать 宝玉被打 'Баоюй был избит', а «房子火烧了' Дом сгорел' мо-

жет ошибочно замещать 房子被火烧了 'Дом был сожжён', список подобных примеров можно продолжить. Страдательный залог более распространён в русском языке и является одной из основных стилистических особенностей русского научного стиля. Однако страдательный залог – редкое явление для китайского научного стиля. Например, неестественно заменять 脆性材料制成的构件受弯时易折断 на 被脆性材料制成的构件受弯时易被折断 (здесь две выделенные реализации иероглифа 被 во втором предложении являются лишними для китайского научного стиля), хотя эти два китайских выражения абсолютно одинаковы при переводе на русский язык: 'Элементы, сделанные из хрупкого материала, при сгибании легко ломаются'.

В таких примерах, как 确定水轮机的类型时需要考虑下列参数 – 'Вид и тип гидротурбин определяется, исходя из следующих параметров' и 教材的各章节之后提供有思考题和测试题 'Разделы заканчиваются вопросами для самоконтроля и тестом', в китайских оригиналах употребляется активный залог. Трансформация этих конструкций в пассивные будет неестественной. Однако, при переводе на русский язык – всё наоборот: более естественным является страдательный залог (глаголы с постфиксом -ся).

Каждый язык имеет свою собственную логику. Китайский язык представляет собой паратактический язык, поэтому в китайском предложении, где субъект (подлежащее) не выполняет активного действия, а подвергается ему со стороны объекта (дополнения), всё равно используется активный залог, в отличие от русского языка, где в таких случаях фигурирует страдательный залог. При этом носители китайского языка не путают субъект с объектом с помощью порядка слов и логичной семантики. При переводе таких предложений на русский язык необходимо чётко проводить различие между логическим субъектом и объектом. Достичь этого можно лишь в ходе постоянной осознанной практики в подобных трансформациях.

5. Заключение [Conclusion]

Язык естественным образом существует в той или иной стилистической форме. Перевод и стилистика тесно связаны – адекватная стилистика выступает наивысшим достижением, к которому стремятся переводчики. Функциональная стилистика – это вариация теоретической языковой функции в разных стилях естественного языка и продукт под действием механизма вариации языка. Этот механизм вариаций проявляется в различных стилистических особенностях и может быть использован в качестве основы перевода для достижения цели перевода. Лингвистика всегда открывает различные пути и предоставляет научные аргументы для построения теорий перевода. Сосредоточившись на функциональной стилистике для изучения научно-технического перевода, мы можем понять суть его грамматической стилистики в языке оригинала и языке перевода и таким образом преодолеть формальные ограничения исходного языка, использовать преимущества переводного языка для создания точных переводов со стилистическими особенностями, характерными для переводного языка.

Проведённое исследование позволяет заключить, что первый план научно-технических текстов воплощается в специфичных конструкциях научного стиля, которые выдвигаются на фоне конструкций, общих для разных функциональных стилей. То же самое можно сказать о несовпадающих грамматических конструкциях в языке оригинала и языке перевода.

Научный стиль – функциональный стиль литературного языка, которому присущ ряд особенностей. И русские, и китайские научно-технические тексты, совпадая по содержанию (field) и стилю общения адресанта с адресатом (tenor), значительно разнятся в средствах выражения или в модусе (mode). В этом и заключается трудность научно-технического перевода.

В результате исследования доказана важность теории первого плана и фона для научно-технического перевода, продемонстрированы различия грамматической стилистики русских и китайских научно-технических текстов; показано большое влияние грамматических различий на грамматическую стилистику научно-технического перевода. Выявлено, что для переводчика с русского на китайский и с китайского на русский главные сложности связаны с несовпадением сфер действия активного и пассивного залогов, простых и сложных предложений, бессоюзных и союзных предложений, осложнённых и неосложнённых предложений, отглагольных существительных. Схемы трансформации этих грамматических явлений, рассмотренные в данном исследовании, будут способствовать повышению качества переводов научно-технических текстов.

Благодарности [Acknowledgments]

Исследование поддержано грантом программы философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование комментариев перевода русских литературных произведений и построение параллельного корпуса» (19YYD221), грантом программы по развитию философии и социальных наук ХПУ «Исследование комментариев перевода на основе корпуса» (HIT.HSS.201867), грантами программы реформы образования ХПУ «Механизм подготовки высококвалифицированных кадров технического перевода в условиях Новых гуманитарных наук» (21HX0304) и «Построение курса «Научно-технический перевод» для магистрантов вузов в новую эпоху» (JPPY-2021054).

Библиографический список

- Барлас, 1978 – Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М. : Просвещение, 1978. 225 с.
- Кириченко, 1985 – Кириченко Н. В. О функциональном назначении страдательного залога в научной речи // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. Пермь : ПГУ, 1985. С. 179–188.
- Кожина, 1995 – Кожина М. Н. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1995, 304 с.
- Комиссаров, 1990 – Комиссаров В. Н. Теория перевода. М. : Высшая школа, 1990, 253 с.
- Кочергин, 2012 – Кочергин И. В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский. М. : Восточная книга, 2012. 621 с.
- Уржа, 2018 – Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 494–526.
- Andersen, Holsting, 2018 – Andersen T. H., Holsting A. E. M. Clause complexing in systemic functional linguistics – towards an alternative description // Functional Linguistics. 2018. Vol. 5, Iss. 10. P. 1–25. doi : 10.1186/s40554-018-0059-7
- Chvany, 1985 – Chvany C. V. Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose) // Essays in Poetics. 1985. Vol. 10, Iss. 2. P. 1–27.
- Halliday, 1973 – Halliday M. A. K. Explorations in the Functions of Language. London : Edward Arnold, 1973. 140 p.
- Hopper, Thompson, 1980 – Hopper P., Thompson S. A., Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56, Iss. 2. P. 251–299.
- Labov, Waletzky, 1967 – Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / ed. by J. Helm. Seattle. London: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
- Цай, 1989 – 蔡毅. 俄译汉教程 (下). 北京: 外语教学与研究出版社, 1989, 324 页. [Цай И. Курс перевода с русского языка на китайский. Ч. 2. Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностр. яз., 1989, 324 с.]
- Чжан Д., 2005 – 张德禄. 功能文体学. 北京: 高等教育出版社, 2005, 172 页. [Чжан Д. Функциональная стилистика. Пекин : Изд-во высшего образ., 2005. 172 с.]
- Чжан Х., 2002 – 张会森. 修辞学通论. 上海: 上海外语教育出版社, 2002, 296 页. [Чжан Х. Общая теория стилистики. Шанхай : Шанхайское изд-во иностр. яз. и образ., 2002. 296 с.]

References

- Barlas, L. G. (1978). *Russkiy yazyk. Stilistika* [Russian language. Stylistics]. Moscow : Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Kirichenko, N. V. (1985). O funktsional'nom naznachenii stradatel'nogo zaloga v nauchnoy rechi [On the functional purpose of the passive voice in scientific speech]. *Problemy funktsionirovaniya yazyka i spetsifiki rechnykh raznovidnostey* [Problems of the functioning of the language and the specifics of speech varieties] (pp. 179–188). Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1995). *Razvitie nauchnogo stilya v aspekte funktsionirovaniya yazykovykh edinit razlichnykh urovney* [The development of a scientific style in the aspect of the linguistic units functioning at various levels]. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Kochergin, I. V. (2012). *Osnovy nauchno-tekhnicheskogo perevoda s kitayskogo yazyka na russkiy* [Fundamentals of scientific and technical translation from Chinese into Russian]. Moscow : Vostochnaya kniga Press. (In Russ.).
- Urzha, A. V. (2018). Pervyy plan i fon narrativa: napravleniya zarubezhnykh issledovaniy v sfere lingvistiki i perevodovedeniya [Foreground and background in a narrative: Trends in foreign linguistic and translation studies]. *Slověne*, 7 (2), 494–526. (In Russ.).
- Andersen T. H., Holting A. E. M. (2018). Clause complexing in systemic functional linguistics – towards an alternative description. *Functional Linguistics*, 5 (10), 1–25. doi : 10.1186/s40554-018-0059-7
- Chvany, C. V. (1985). Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose). *Essays in Poetics*, 10 (2), 1–27.
- Halliday, M. A. K. (1973). *Explorations in the Functions of Language*. London : Edward Arnold Press.
- Hopper, P., Thompson, S. A. (1980). Transitivity in Grammar and Discourse. *Language*, 56 (2), 251–299.
- Labov, W., Waletzky, J. (1967). Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In J. Helm (Ed.), *Essays on the Verbal and Visual Arts* (pp. 12–44). Seattle ; London : University of Washington Press.
- Cai Yi. (1989). *E yi han jiao cheng* [Course of translation from Russian into Chinese]. Beijing : Wai yu jiao xue yu yan jiu chu Press. (In Chinese).
- Zhang D. (2005). *Gong neng wen ti xue* [Functional Stylistics]. Beijing : Gao deng jiao yu chu Press. (In Chinese).
- Zhang H. (2002). *Xiu ci xue tong lun* [General theory of stylistics]. Shanghai : Shanghai wai yu jiao yu chu Press. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 04.01.2021; одобрена после рецензирования 23.05.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 04.01.2021; approved after reviewing 23.05.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Хань Юфэн

**Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям
г. Харбин, КНР**

Мэн Шусянь

**Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР**

**Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна✉,
Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
polia-80@mail.ru**

Булатова Надежда Яковлевна

**Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Сопоставительные характеристики союзов в ороchonском и эвенкийском языках

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа союзов ороchonского языка и способов их образования, проведён сопоставительный анализ полученных данных со сведениями из научной литературы об использовании этих слов в языке эвенков России. Исследование показало наличие трёх видов сочинительных союзов: соединительный, разделительный, противительный и четырёх видов подчинительных союзов: условный, причинный, временной, градационный. Сравнительный анализ союзов показал наиболее развитую их систему в эвенкийском языке. В сопоставляемых языках одну и ту же синтаксическую функцию в предложении могут выполнять различные части речи – в некоторых случаях ороchonским союзам соответствуют эвенкийские наречия, послелогии, суффиксы. Служебные слова ороchonского и эвенкийского языков, в отличие от знаменательных частей речи, практически не находят морфологических и фонетических соответствий. Союзами, демонстрирующими генетическое родство сопоставляемых языков, выраженное в идентичности звучания, являются причинный и градационный.

Ключевые слова: ороchonский язык, эвенкийский язык, грамматика, служебные слова, союзы, сочинительные союзы, подчинительные союзы, соединительный союз, разделительный союз, градационный союз, противительный союз, условный союз, причинный союз, временной союз

© Хань Ю., Мэн Ш., Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. 2021

Для цитирования: Сопоставительные характеристики союзов в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 159–168. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_159_168

Han Youfeng
Research Institute for Interethnic Relations
Harbin, China

Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China

Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko✉, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Comparing conjunctions in Orochon and Evenki

Abstract

The current article focuses upon the results of the conjunctions analysis and the ways of their forming in the Orochon language. The data obtained are compared with the data on the conjunctions' morphological forms in the Evenki language obtained in the previous studies. This study identified 3 kinds of coordinative conjunctions (connective conjunction, disjunctive conjunction, adversative conjunction) and 4 kinds of subordinating ones (gradational conjunction, conditional conjunction, causal conjunction, temporal conjunction). The comparative analysis demonstrated a larger inventory of conjunctions in Evenki compared to Orochon. In both languages, the same syntactic function can be performed by different parts of speech – some Orochon conjunctions have Evenki equivalents presented by adverbs, postpositions, and suffixes. Unlike notional words, functional ones show little phonetic or morphological correspondence of the Evenki and Orochon languages. Genetic affinity is found in gradational and causal conjunctions that have the similar acoustic and grammar forms in the compared languages.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, grammar, functional words, conjunctions, coordinating conjunction, subordinating conjunction, connective conjunction, disjunctive conjunction, gradational conjunction, adversative conjunction, conditional conjunction, causal conjunction, temporal conjunction

© Han Y., Meng Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. 2021

For citation: Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. Sopotavitel'nye kharakteristiki soyuzov v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing conjunctions in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 159–168. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_159_168

1. Введение [Introduction]

Представленное исследование является частью научной работы коллектива авторов, занимающихся изучением парадигматики и синтагматики языка орохонов. На предыдущих этапах были получены данные об образовании знаменательных частей речи и их грамматических категорий (имя существительное, местоимение, глагол, имя числительное) в ороchonском языке. Результаты лингвистического анализа были сопоставлены с имеющимися сведениями научной литературы о формах и способах образования зна-

менательных слов в эвенкийском языке [Морозова и др., 2019 ; Хань и др., 2020 а, б ; Хань и др., 2021 а, б]. Настоящая статья открывает цикл работ, направленных на контрастивный анализ служебных частей речи. В данной работе акцент сделан на видах союзов, их значениях и функциях.

Цель предпринятого исследования состоит в выявлении грамматических характеристик союзов в ороchonском языке. Мотивацией для проведения такого исследования послужила фрагментарность имеющихся на сегодняшний день данных о грамматическом строе ороchonского языка и, следовательно, необходимость их пополнения, упорядочивания и классификации. Полученные данные сопоставляются с имеющимися в научной литературе сведениями о значениях, функциях и способах образования союзов в близкородственном эвенкийском языке.

Материалом для анализа послужили звукозаписи спонтанной речи (монологической и диалогической) семи носителей ороchonского языка старше 55 лет (трёх мужчин и четырёх женщин), проживающих в Ороchonском автономном хошуне Внутренней Монголии КНР. Запись аудиоматериалов осуществлялась в ЛЭФИ Амурского государственного университета и в ходе лингвистических экспедиций в г. Алихэ (Внутренняя Монголия, КНР). Также использованы экспедиционные материалы Н. Я. Булатовой, полученные в 2014 году от 5 женщин того же возраста – носителей языка из г. Хэйхэ и Баина. Кроме того, были использованы данные хрестоматий [Са, 1981 ; Ху, 1986, 2001 ; Хань, Мэн, 1993 ; Материалы..., 2014], в том числе основанные на экспедиционных материалах к ороchonам северо-востока КНР. Интересующие союзы и содержащие их контексты были получены методом сплошной выборки.

Перевод контекстов, содержащих словарные эвенкийские примеры, взят из словарей [Болдырев, 1994, 2000 ; Василевич, 1958], перевод остальных эвенкийских примеров выполнен авторами статьи. Перевод ороchonских примеров, взятых из полевых материалов, выполнен авторами настоящей статьи, перевод ороchonских контекстов, взятых из печатных источников на китайском языке, выполнен В. С. Гибалиным и Е. В. Береза.

2. Союз [Conjunction]

Итак, союз – это служебное слово, синтаксическая функция которого состоит в том, чтобы соединять полнозначные слова или связывать между собой предложения и другие синтаксические единства, устанавливая разные виды их отношений друг с другом. Кроме того, к союзам относятся фразеологические сочетания, употребляющиеся в функции союза. К таким сочетаниям относят парные союзы, союзные наречия и др. [Ахманова, 2007, с. 446]. В ороchonском языке выделяют семь видов союзов: соединительный, разделительный, градационный, противительный, условный, причинный, преемственный.

В эвенкийском языке О. А. Константинова определяла союзы как служебные слова, выражающие различные виды связи между отдельными словами, словосочетаниями и предложениями [Константинова, 1964, с. 249]. Отмечены следующие союзы: соединительный, подчинительный, подчинительный причинный, уступительный, противительный, разделительный, союз следствия, относительный, условный.

Эвенкийские союзы подразделяются на простые и составные. Простые союзы состоят из одного слова, составные – из нескольких. Некоторые союзы включают в свой состав частицы. Все простые союзы генетически связаны с соответствующими наречиями, все они легко поддаются этимологическому анализу, обнаруживающему их лексическое значение. Почти все союзы сохраняют оттенки своего наречного значения, что иногда затрудняет определение их лексико-грамматической принадлежности [Константинова, 1964, с. 249–251 ; Болдырев, 2007, с. 886–894].

Рассмотрим подробнее союзы в ороchonском языке, способы их образования и сравним полученные данные со сведениями научной литературы об аналогичной части речи в эвенкийском языке.

2.1. Сочинительные союзы [Coordinating conjunction]

В группу сочинительных союзов входят союзы, соединяющие слова, предложения и другие синтаксические единства, между которыми существует отношения сочинения. Иными словами, синтаксические единства, соединённые сочинительными союзами, являются равноправными [Ахманова, 2007, с. 447].

2.1.1. Соединительный союз [Connective conjunction]

Соединительный союз – сочинительный союз, основная функция которого состоит в соединении равноправных синтаксических единств [Ахманова, 2007, с. 447].

В ороchonском языке соединительный союз *эмунду* имеет значение 'и, с' и связывает в предложении два и более слов. Например:

Бй мэхундий эмунду блойо мухэнэдевун – 'Мы *с* братом вместе ушли ловить рыбу'.

В эвенкийском языке в роли соединительного союза выступает слово *тадук* 'и'. По происхождению данный союз является наречным (*тадук* 'потом, затем') и употребляется для связи однородных членов предложения или целых предложений. Например, однородные члены предложения:

Омолгилви тадук дялтын олломидяра – 'Сыновья *и* их друзья рыбачат'.

Хутэлви дюга ороrho ониктачатын тадук элбэчэтын – 'Дети мои летом оленей искали *и* пригоняли'.

Сложное предложение:

Би мучунав, тадук аминми минэвэ бакачан – 'Я вернулся, *потом* мой отец меня нашёл'.

Как правило, данный союз соединяет однородные члены предложения, выраженные глаголами, значительно реже – выраженными существительными и прилагательными, ещё реже – наречиями. При употреблении с глаголами указывает на следование одного действия за другим [Болдырев, 2007, с. 886]. Например:

Нунан гэрбиви, тадук тырганива дукучан – 'Он написал свою фамилию *и* дату'.

В некоторых случаях в роли соединительного союза в эвенкийском языке употребляется заимствованный из русского языка союз *и*. Например:

Хуркэкэр сѳт дэрурэ и сѳт демуллэ – 'Мальчики очень устали *и* очень захотели есть'.

В результате сопоставительного анализа эвенкийских и ороchonских соединительных союзов не было установлено их морфологического сходства.

2.1.2. Разделительный союз [Disjunctive conjunction]

Разделительный союз – сочинительный союз, выражающий такие отношения между соединяемыми им элементами, при котором возможен выбор между ними или их чередование [Ахманова, 2007, с. 447].

В ороchonском языке разделительный союз *хэци* 'или' обозначает, что между словами или частями предложения существует выбор. Например:

Щй хэци улән мурынма дявани хэци карā мурынма дявани, унту мурын эцин бда – 'Ты *или* красную лошадь хватай, *или* чёрную лошадь хватай, другую лошадь нельзя (хватать)'.

В языке эвенков разделительный союз *тара эми некэрэ* является составным и имеет значение 'если этого не сделать'. Употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключающих или заменяющих друг

друга, для указания на необходимость выбора между ними. Такой союз может иметь и другие значения, используя в роли разделительно-перечислительного (при объединении предложений или отдельных членов предложения в перечислении) и противопоставительного (при указании на то, что несовершение одного действия неизбежно вызовет совершение другого) союзов [Болдырев, 2007, с. 893]. Например:

*Корондулан кулин-мал тутуридукин, **тара эми некэрэ**, бадялакиткар-вэл нуан-ман огаттыдуктын, сиүэрэкэткэн эвки нэлэттэ очан* – 'Мышонок больше не боялся, что к нему в норку заползёт змея **или** потревожат лягушата'.

В эвенкийском языке чаще всего значение противительности, указание на необходимость выбора передается посредством частиц:

Бй-гү сй-гү бдянни? – 'Я **или** ты сделаешь?'

Асаткяр хавалдяра эвидерэ-гу? – 'Девочки работают **или** играют?'

В результате сопоставления разделительных союзов в ороchonском и эвенкийском языках выявлено отсутствие их фонетической и морфологической близости. Кроме того, рассматриваемый союз является простым в ороchonском языке и составным в эвенкийском.

Анализ функций разделительного союза в сопоставляемых языках показал, что в ороchonском его использование ограничено наличием выбора или чередования, в то время как в эвенкийском языке он имеет более широкое употребление.

2.1.3. Противительный союз [Adversative conjunction]

Противительный союз – сочинительный союз, соединяющий такие элементы, которые находятся в отношениях противопоставления [Ахманова, 2007, с. 447].

Противительные союзы ороchonского языка *тиндялин* 'но', *тōми* 'так' соединяют два абсолютно разных по смыслу предложения или его части. Например:

*Ши бнкр элбутэ **тиндялин** бй эйим нэнэрэ* – 'Как бы ты не уговаривал, **но** я все равно не могу пойти'.

В эвенкийском языке в функции противительного союза используется слово деепричастного происхождения *эмй-вал*. Данный союз может выполнять функции нескольких подчинительных и сочинительных союзов: уступительного союза *хотя/хоть*, противительных союзов *но, однако, тем не менее, всё-таки, а*, союза следствия *поэтому* и др. Например:

Эмй-вал эр мō матабдянкй, эпкй капургара – '**Хоть** это дерево и гнётся, но не ломается'.

Эмй-вал тар дявакун элэ умукэн – '**Но** она только одна'.

*Онйктакал, **эмй-вал** укчакки бакакал* – 'Ищи (олений), **и** обязательно верхового оленя найди'.

В говорах эвенков восточного наречия в этом значении чаще употребляется словосочетание *тар-да бичэлйн* 'несмотря на это':

*Эвидекэл, **тар-да бичэлйн** самуйрва ичэткэл* – 'Играй, но, **несмотря на это**, за дымокурами смотри'.

2.2. Подчинительные союзы [Subordinating conjunction]

К подчинительным союзам относят союзы, соединяющие слова, предложения или другие синтаксические единства, между которыми существуют отношения подчинения [Ахманова, 2007, с. 446].

2.2.1. Условный союз [Conditional conjunction]

Условный союз (союз предположительный, союз гипотетический) – подчинительный союз, соединяющий слова, предложения и другие синтаксические единства;

вводит представление о такой связи между двумя ситуациями X и Y, когда наличие одной из них (X) делает наличие другой (Y) очень вероятным [Ахманова, 2007, с. 447; Апресян, Пекелис, 2012].

Условный союз ороchonского языка *вõнмал* 'если' обозначает, что первое из связанных слов или предложений является условием для второго. Например:

Аминии вõнмал эцõн нэнэнхэн цõ вõн õни? – 'Отец если не пойдёт, ты как поступишь?'

В эвенкийском языке условный союз не выделяется – функцию условия выполняют суффиксы *-рак(и)*, *-сик* (морфологический показатель суффикса *-рак(и)*, как правило, сочетается со вспомогательным глаголом *би*), *-мõ*, *-мчã*, которые прибавляются к знаменательным и служебным словам [Болдырев, 2007, с. 332]. Например:

Сэктэл дулиртын чунмõчõл бисиктын – тар ая – 'Если половина веток с шишками, это хорошо'.

Туги бисикин – 'Если так'.

Си тэдõт эсикис гунмудерõ – суругõt, би синдõ эняркãрэ ичевкãндем – 'Если ты не хочешь говорить серьёзно, – пойдём, я покажу тебе кое-что'.

2.2.2. Причинный союз [Causal conjunction]

Причинный союз – вид подчинительного союза, общая семантика которого – «X, потому что (так как) Y», иными словами, «Y является причиной X». Синтаксически все союзы данной группы вводят валентность причины, то есть подчиняют себе причинное придаточное предложение [Апресян, Пекелис, 2012].

Причинный союз языка ороchonов *дýлин* 'потому что, вследствие того, что, в связи с этим' обозначает, что между связанными словами имеются причинно-следственные связи:

Пу мурумун айя дýлин тарилва тэрэдевун – 'Мы **из-за** нашей хорошей лошади их победили (Мы победили их только потому, что наша лошадь хорошая)'.

В эвенкийском языке причинная связь в сложноподчинённом предложении обеспечивается несколькими способами. Во-первых, значение подчинения в предложение вносит универсальный союз *эмй-вал* (см. п. 2.1.3). Например:

Муте аявут мәннйвар Советскайва Армиявар, эмй-вал-дã Армия народнай, эмй-вал-дã нуңан элбэтчэрэн мутпэ врагилдук – 'Мы любим свою Советскую Армию и **потому**, что она народная, и **потому**, что она защищает нас от врагов'.

Другим способом выражения значения 'для, ради, из-за по поводу, поэтому' в эвенкийском языке является использование послелога *дýри-* / *дýли-* [Василевич, 1958, с. 733]. Он может изменяться по лицам и числам. Например:

Би дýрив эмэрэн – 'Он пришёл **ради** меня'.

Си дýрис аманним я – 'Я опоздал **из-за** тебя'.

Полная парадигма *дýри-* включает: *дýрив* 'ради меня', *дýрис* 'ради тебя', *дýрин* 'ради него', *дýрит* 'ради нас' (включ.), *дýривун* 'ради нас' (исключ.), *дýрисун* 'ради вас', *дýритын* 'ради них'. Данные формы слов могут употребляться в современном эвенкийском языке только в дательном и местном падеже, хотя, возможно, ранее употреблялось во всех падежах (в ороchonском языке это слово по падежам не склоняется). Данное слово может присоединять возвратный суффикс: *дýридýтын* 'ради них самих'. *Дýри-* встречается чаще, чем *дýли-*, который употребляется только в зейском и тунгирском говорах эвенкийского языка. В речи некоторых носителей эвенкийского языка гласный первого слога в *дýри-* / *дýли-* произносится как долгий.

Интересно отметить, что в ороchonском языке слово *дýлин* также, как и в эвенкийском, может использоваться как послелог:

Нõнин ңанахин дýлин эмэде – 'Он **из-за** собаки пришёл'.

Амã митйр дýлин гэрбэрэн – 'Папа **ради** нас трудится'.

2.2.3. Временной союз [Temporal conjunction]

Временной союз – подчинительный союз, обозначающий временную последовательность излагаемых событий, подчёркивающий внутреннюю связь излагаемых событий или явлений [Болдырев, 2007, с. 889].

В ороchonском языке выделяют следующие временные союзы *тадухи* 'после', 'начиная с', *тихиэ* 'поэтому', обозначающие, что между соединёнными им словами или предложениями существует временная / преемственная связь. Например:

Бй бэйүэйэ вәлдэ тадухи балдигавун айимолдэ – 'Я дичь бить начиная с жизнь хороший (С тех пор, как я смог убивать дичь, наша жизнь начала налаживаться)'.

В эвенкийском языке временные связи в предложении обеспечиваются союзом *тәлй*. По значению этот союз приближается к наречиям *тогда, теперь, наконец, поэтому, так что* [Болдырев, 2007, с. 889]. Например:

Машиинист мэнтыкиви дявалганма танчан, тәлй паровоз станциядук аракукан сурэчен – Машиинист потянул к себе рукоятку, *и* паровоз медленно тронулся со станции.

2.2.4. Градационный союз [Gradational conjunction]

Градационный союз входит в группу подчинительных сопоставительных союзов при однородных членах: оба компонента этих союзов находятся в разных частях предложения, причём вторая часть имеет большую смысловую нагрузку по сравнению с первой. Примерами таких союзов могут служить *не только ... но и, не столько ... сколько, не так ... как, не то что ... но (а), не то чтобы ... но (а), если не ... то, да и, а то и, а не то и* и др. [Розенталь, Теленкова, 1976].

В ороchonском языке градационный союз *уян* 'ещё, к тому же' обозначает, что второе из связанных данным союзом слов, имеет большее значение в предложении:

Тяри мухэми этерэн бэйишми уян этерэн – 'Тот человек, не только умеет ловить рыбу, *но и* умеет охотиться'.

Исследователи, занимающиеся изучением эвенкийского языка, не относят слово *уян*, имеющее значение 'снова, опять, ещё, ещё раз, тоже', к категории союзов, определяя его место в группе наречий времени [Василевич, 1958, с. 731]. Например:

Эр гулэвэ и уян одячав – 'Этот дом я *тоже* строил'.

Алагумни уян дылитви ункерочан – 'Учитель *снова* качнул головой'.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Современная классификация союзов ороchonского языка включает в себя 2 группы – сочинительные и подчинительные союзы, каждая из которых насчитывает три и четыре вида союзов соответственно.

2. Контрастивный анализ союзов эвенкийского и ороchonского языка показал наиболее развитую их систему в первом. Так, в языке эвенков, помимо описанных в настоящей статье видов союзов, выделяют подчинительно-причинные, уступительные, союзы следствия, относительные. Кроме того, в эвенкийском языке выделяют союзные слова, не являющиеся союзами как таковыми, однако совмещающие свойства знаменательных и служебных частей речи. К таким словам относят некоторые местоимения и местоименные наречия: *уи* 'кто', *экун* 'кто, что', *эва* 'что', *эда* 'почему, для чего, от чего', *экума* 'какой, который', *иртыкй* 'куда', *он* 'как', *ады* 'сколько' и др.

3. В сопоставляемых языках одну и ту же синтаксическую функцию в предложении могут выполнять различные части речи. Так, не все ороchonские союзы находят соответствия в эвенкийском языке, выраженные аналогичной частью речи – условие в языке

эвенков оформляется суффиксальным способом, причинные связи могут быть переданы с помощью не только союза, но и послелога, значению градации соответствует наречие.

4. В отличие от знаменательных слов, служебные слова ороchonского и эвенкийского языков практически не находят морфологических и фонетических соответствий. Союдами, демонстрирующими генетическое родство сопоставляемых языков, выраженное в идентичности звучания, являются причинный и градационный. При этом важно отметить, что при совпадении фонетического облика этих слов, синтаксически они представлены разными частями речи, выполняющими одинаковую функцию.

Настоящая работа представляет собой шестой этап комплексного исследования грамматической системы ороchonского языка. В перспективе планируется продолжить описание знаменательных и служебных частей речи ороchonского языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка русских эвенков.

Библиографический список

- Апресян, Пекелис, 2012 – Апресян В. Ю. Пекелис О. Е. Проект корпусного описания русской грамматики. URL : <http://rusgram.ru/>
- Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стер. М. : Ком-Книга, 2007. 576 с.
- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука, 2007. 932 с.
- Болдырев, 1994 – Болдырев Б. В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск : Наука, 1994. 499 с.
- Болдырев, 2000 – Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1 : А-П. 503 с.
- Булатова, 2002 – Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб. : Дрофа, 2002. 64 с.
- Василевич, 1958 – Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958. 803 с.
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.–Л. : Наука, 1964. 274 с.
- Морозова и др., 2019 – Сопоставительные характеристики категории имени существительного в ороchonском и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 4, № 5. С. 171–181. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_171_181
- Мэн, 2017 – Мэн Ш. Общее описание ороchonского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 67–86. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_67_86
- Розенталь, Теленкова, 1976 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М. : Просвещение. 1976. 543 с.
- Хань и др., 2020 а – Сопоставительные характеристики местоимений в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020 а. Вып. 6, № 1. С. 161–171. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_161_171
- Хань и др., 2020 б – Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020 б. Вып. 6, № 4. С. 136–145. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_136_145
- Хань и др. 2021 а – Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021 а. Вып. 7, № 2. С. 71–79. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79
- Хань и др. 2021 б – Сопоставительные характеристики имени числительного в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021 б. Вып. 7, № 3. С. 192–203. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203

- Хань, Мэн, 1993 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社出版. 1993 年. 385 页. [Хань Ю., Мэн Ш. Сопоставительная хрестоматия ороchonского и китайского языков. Центральное изд-во Ин-та нац. меньшинств. Пекин. 1993. 385 с.].
- Хань, Мэн, 2013 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013 年, 185 页 [Хань Ю., Мэн Ш. Краткая хрестоматия ороchonского языка. Харбин: Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, 2013. 185 с.].
- Хань, Мэн, 2014 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014 年, 113 页 [Хань Ю., Мэн Ш. Исследование диалектов ороchonского языка. Изд. отдел Национального музея этнологии, Осака, 2014. 113 с.].
- Ху, 1986 – 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986 年, 209 页 [Ху Ц. Краткое описание ороchonского языка. Пекин: Народное изд-во, 1986. 209 с.].
- Ху, 2001 – 胡增益 《鄂伦春语研究》 民族出版社 2001 年 [Ху Ц. Исследование ороchonского языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.].
- Материалы..., 2014 – 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014 年, 111 页 [Материалы по ороchonскому языку: сб. Хэйхэ: Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.].
- Са, 1981 – 萨希荣. 简明汉语鄂伦春语对照读本. 民族出版社, 1981 年, 71 页 [Са С. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия. Пекин: Изд-во национальностей, 1981. 71 с.].

References

- Apresyan, V. Yu., Pekelis, O. E. (2012). *Proekt korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [The project of Russian grammar description]. Retrieved from <<http://rusgram.ru/>> (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (2007). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk: Nauka Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (1994). *Russko-evenkiyskiy slovar'* [Russian-Evenki dictionary]. Novosibirsk: Nauka Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: Russian Academy of Sciences Press, Siberian Branch. (In Russ.).
- Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St Petersburg: Drofa Press. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow. (In Evenki and Russ.).
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Han, Y., Meng, Sh. (2019). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imenisushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative analysis of the noun in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_171_181 (In Russ.).
- Meng, Sh. (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_1_67_86 (In Russ.).
- Rozental, D. E. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Linguistic terms dictionary]. Moscow: Prosveshchenie Press. (In Russ.).
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 a). Sopostavitel'nyye kharakteristiki mestoimeny vorochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing pronouns in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 161–171. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_161_171 (In Russ.).

- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 b). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategoriy zaloga i vida glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 136–145. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_136_145 (In Russ.).
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021 a). Sopostavitel'nye kharakteristiki kategorii nakloneniya glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing mood category in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 71–79. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_2_71_79 (In Russ.).
- Han, Y., Meng, Sh., Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021 b). Sopostavitel'nye kharakteristiki imeni chislitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykah [Comparing numerals in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 192–203. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203 (In Russ.).
- Hú Zēngyì, è lún chūn yǔ jiǎn zhì / běi jīng: mín zú chū bǎn shè, 1986 nián, 209 yè [Hu, Z. (1986). *Short description of the Orochon Language*. Beijing] (In Chinese).
- Hú Zēngyì, è lún chūn yǔ yán jiū mín zú chū bǎn shè 2001 nián [Hu, Z. (2001). *Studies in the Orochon Language*. Minzu Press] (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, è lún chūn yǔ hàn yǔ duì zhào dú běn / běi jīng. zhōng yáng mín zú xué yuàn chū bǎn shè chū bǎn. 1993 nián. 385 yè [Han, Y., Meng, Sh. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Central publishing house of the Institute for National Minorities]. (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, jiǎn míng è lún chūn yǔ dú běn / hā ěr bīn shì: hēi lóng jiāng jiào yù chū bǎn shè , 2013 nián , 185 yè [Han, Y., Meng, Sh. (2013). *Brief reader of the Orochon language*. Heilongjiang Province Education Publishing House]. (In Chinese).
- Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, zhōng guó è lún chūn yǔ fāng yán yán jiū / dà bǎn shì: guó lì mín zú xué bó wù guǎn rén jiān wén huà yán jiū jī gòu, 2014 nián, 113 yè [Han, Y., Meng, Sh. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka] (In Chinese).
- È lún chūn yǔ cái liào / Hēi hé shì: hēi hé shì mín zú zōng jiào shì wù jú, 2014 nián, 111 yè [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government] (In Chinese).
- Sà Xīróng. Jiǎn míng hàn yǔ è lún chūn yǔ duì zhào dú běn. Mín zú chū bǎn shè, 1981 nián , 71 yè [Sa, S. (1981). *Sino-Orochonian comparative reading*. Beijing.] (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 14.03.2021; одобрена после рецензирования 23.09.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 14.03.2021; approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Шуйская Татьяна Викторовна
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
T.Shuiskaya@mail.ru

Ротацизм и параротацизм в детской речи

Аннотация

В статье представлены результаты исследования, целью которого было выявление случаев ротацизма (неправильное произношение согласных /r/, /r'/) и параротацизма (замена /r/, /r'/ другими согласными) в речи детей пяти лет. Результаты исследования сравнивались с ранее полученными данными, когда детям было три года. В ходе анализа квазиомонимов с реализацией твёрдого /r/ и мягкого /r'/ определено, что ротацизм не характерен для детей в возрасте трёх лет. В пятилетнем возрасте ротацизм отмечался в речи 10% нормально развивающихся детей в виде раскатистого произношения согласных. Чаше искажению подвергался твёрдый /r/. Параротацизм согласного /r/ отмечался в речи 80% детей в трёхлетнем возрасте, а к пяти годам случаи параротацизма составили 20%. В отличие от трёхлетних детей, пятилетние не заменяли мягкий /r'/ другими согласными.

Ключевые слова: фонетика, детская речь, согласные, ротацизм, параротацизм

© Шуйская Т. В. 2021

Для цитирования: Шуйская Т. В. Ротацизм и параротацизм в детской речи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 169–178. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_169_178

Tatiana V. Shuiskaya
Saint-Petersburg State Institute of Technology
Saint Petersburg, Russian Federation
T.Shuiskaya@mail.ru

Rhotacism and pararhotacism in child's speech

Abstract

The aim of the research, presented in this article, is to find out whether five-year-olds have rhotacism (distorted pronunciation of /r/, /r'/ phonemes) or pararhotacism (/r/, /r'/ replacement by another consonant). The results of this study were compared to the data obtained from the research carried out with the same subjects when they were three years old. To analyse acoustic features of both consonants /r/ and /r'/ the method of minimal pairs was used. The results enabled to conclude that three year-olds did not have rhotacism while 10% of five year-olds had rhoticism. It was a rolling way of pronouncing /r/ and /r'/ . Hard trill is more difficult to pronounce than soft trill. Pararhotacism occurred in the speech of 20% of five year-olds while in three-year-olds speech it reached 80%. Unlike three-year-olds, five-year-olds did not substitute soft trill /r'/ with any other consonants.

Keywords: phonetics, child speech, consonants, rhoticism, pararhotacism

© Shuiskaya T. V. 2021

For citation: Shuiskaya, T. V. Rotatsizm i pararotatsizm v detskoy rechi [Rhotacism and pararhotacism in child's speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 169–178. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_169_178

1. Введение [Introduction]

Формирование звуковой стороны детской речи давно привлекает внимание различных специалистов в области изучения языка и речи. Неправильное произношение того или иного звука интересует специалистов по коррекции произношения, к которым рано или поздно обращаются за помощью родители. Для теории языка важны данные по наличию, характеру и частоте неправильных реализаций фонем у современных детей в онтогенезе. Данные исследования будут актуальны до тех пор, пока возникают нарушения речи у детей [Речь ребёнка..., 2008]. Большая работа проведена по изучению языкового развития детей с отклонениями в развитии [Ляксо и др., 2020] и речевого поведения матерей таких детей (нарочито чёткая артикуляция, длинные межфразовые паузы и т. д.) [Ляксо, Фролова, 2020]. Однако нарушения в артикуляции звуков отмечаются и у нормально развивающихся детей.

В то время, когда русские дети начинают произносить первые слова, даже их родители не ожидают раннего появления твёрдого переднеязычного /r/ в речевом репертуаре своих детей, понимая, что это один из самых сложных согласных в артикуляторном аспекте. Для специалистов, знающих, что /r/ и /rʲ/ являются разными фонемами, также очевидно, что и мягкий переднеязычный /rʲ/ может подвергаться заменам, элизии или искажениям. При оценке правильности произношения согласных /r/ и /rʲ/ необходимо знать их акустико-артикуляторные характеристики.

Для правильной артикуляции согласного /r/ между верхними и нижними резцами должно сохраниться определённое расстояние. Боковые края языка упираются в верхние коренные зубы, а кончик языка поднят к альвеолам, соприкасается с ними и вибрирует под напором выдыхаемого воздуха. Мягкое нёбо поднято и закрывает проход в нос, а голосовые связки сомкнуты и вибрируют [Филичева и др., 1989, с. 56].

Согласные /r/ и /rʲ/ противопоставлены друг другу по признаку твёрдости-мягкости. Артикуляция мягкого /rʲ/ отличается от артикуляции твёрдого /r/ дополнительным подъёмом средней части спинки языка к твёрдому нёбу и его небольшим перемещением вперёд [Филичева и др., 1989, с. 56]. Акустически мягкий согласный отличается от твёрдого наличием i-образного перехода от /rʲ/ к следующему гласному и от гласного к следующему /rʲ/.

По месту образования согласные /r/ и /rʲ/ являются переднеязычными, нёбно-зубными, поскольку передняя часть языка создаёт преграду.

По способу образования шума согласные /r/ и /rʲ/ считаются дрожащими. При их образовании вибрирует поднятый кончик языка. Как правило, количество вибраций зависит от ряда факторов. В русском литературном языке согласный /r/ обычно одноударный [Матусевич, 1976, с. 155]. Однако в сочетании «согласный + гласный» твёрдый дрожащий является двухударным, а мягкий одноударным [Бондарко, 1998, с. 64]. Возможно, именно поэтому мягкий согласный /rʲ/ раньше появляется в детской речи и реже подвергается элизии, чем твёрдый /r/. На спектральной картине дрожащие /r/ и /rʲ/ опознаются по краткому перерыву в звучании. Количество перерывов зависит от количества ударов.

Акустически согласные /r/ и /rʲ/ являются сонантами, поэтому они похожи по своей спектральной картине на гласные, которые имеют голосовой источник и чёткую формантную структуру. Отличие состоит в меньшей интенсивности и иногда наличии шумовых составляющих в верхней области частотного диапазона [Бондарко, 1998, с. 80].

Из вышеизложенного очевидно, что для правильного произношения /r/ и /rʲ/ требуются дифференцированные движения языка, а также чёткие кинестетические ощущение

ния. В лингвистике для обозначения замен звуков порой используют термин субституты. При заменах фонем на другие существующие в фонологической системе фонемы данного языка используется термин закономерные субституты, а при заменах на несуществующие фонемы, незакономерные [Пиотровская, 2011, с. 101]. В логопедии случаи неправильного произношения согласных /r/ и /rʲ/ называют ротацизмом, а случаи их замен – параротацизмом. Поскольку в данной работе интерес представляет именно характер неправильных произношений, поэтому используются термины ротацизм и параротацизм.

Специалисты выделяют разные виды ротацизма: велярное, увулярное, одноударное, боковое, щёчное. Общим для всех этих видов является искажение способа и места образования согласного, что отражено в их названиях [Филичева и др., 1989, с. 56–57]. В большинстве случаев определённый вид ротацизма распространяется как на твёрдый /r/, так и на мягкий /rʲ/. Тем не менее, чаще искажают твёрдый /r/, а мягкий произносят правильно /rʲ/.

Ротацизм может возникнуть в речи ребёнка в силу анатомических особенностей. Среди аномалий специалисты выделяют короткую подъязычную связку, узкое и высокое нёбо, чрезмерно узкий или массивный язык. Порой ротацизм отождествляется с формой простой дислалии, когда единственным нарушением речи является неправильное произношение одного из этих двух звуков. Вместе с тем ротацизм может быть частью сложной дислалии или быть следствием других сложных нарушений, например: дизартрии, алалии, ринолалии [Филичева и др., 1989, с. 57].

Конечно, если у ребёнка отмечается аномалия речевого аппарата, то ему необходима своевременная медицинская и педагогическая коррекция, чтобы дефектное произношение не закрепилось навсегда. Неправильное произношение отдельных звуков является не просто чем-то некрасивым, а отрицательно сказывается на успеваемости, а именно: чтении и письме [Скребец, 2014 ; Левина, 1968 ; Левина, 2005]. В связи с этим, ранняя диагностика и компенсация аномалий чрезвычайно важна в дошкольном периоде.

Дошкольный этап в становлении речи детей, по классификации А. Н. Леонтьева, проходит у детей с трёх до семи лет. Как указывает автор, на дошкольном этапе у большинства детей отмечается неправильное звукопроизношение свистящих, шипящих, сонорных звуков, реже – дефекты смягчения и озвончения. В этот же период у ребёнка формируется фонематическое восприятие, навык слухового контроля своей речи. По мнению автора, временные границы всех этапов формирования речевой деятельности в онтогенезе весьма вариативны [Леонтьев, 1982, с. 176]. Вместе с тем считается, что к четырём годам в норме ребёнок должен различать все звуки и уметь их правильно произносить [Филичева и др., 1989, с. 22].

На сегодняшний день специалисты в области онтолингвистики сходятся во мнении, что дети стали позже и хуже говорить. И ожидать, что абсолютное большинство нормально развивающихся детей в возрасте четырёх лет и более старшем возрасте смогут избежать ротацизма или параротацизма в своей речи, не стоит. Однако это не значит, что всем этим детям потребуется помощь логопеда. Многие дети приобретают правильное произношение согласных через параротацизм, заменяя трудный звук более лёгким для их артикуляционного аппарата. Сложнее дело обстоит, если ребёнок стал заменять сложный звук, другим схожим по звучанию, но не существующим в фонологической системе родного языка. Здесь, скорее всего, потребуется помощь специалиста, так как в старшем дошкольном возрасте это считается речевым недоразвитием, которое, порой, связано с дефектом восприятия и произношения фонем. Р. Е. Левина, изучив психологические аспекты речи детей, пришла к выводу о важном значении фонематического восприятия для правильного усвоения звуковой стороны речи. Для правильного развития речи ребёнку нужен не только корректно функционирующий артикуляционный аппарат, но и способность различать произносимые звуки в своей и чужой речи [Левина, 1968,

с. 8]. У нормально развивающихся детей различие звуков в собственной речи происходит позже, чем при восприятии речи взрослых [Пиотровская, 2011, с. 98].

Таким образом, при изучении речи детей важно выяснить, не только как они произносят согласные, но и могут ли они их различать. Анализ, проводимый в рамках данного исследования, не затрагивал сформированности общих фонематических процессов, таких как дифференциация всех согласных фонем, различие слогов, навыки звукового анализа и синтеза и др. Представлялось важным выяснить успешность восприятия согласных /r/ и /rʲ/, а также правильность их произношения.

Следует отметить, что исследование ротацизма и параротацизма, как правило, проводились среди детей с общим недоразвитием речи. При этом не менее важно, в речи какого количества нормально развивающихся детей в возрасте пяти лет всё же остаются случаи искажённого произношения согласных /r/ и /rʲ/ или их замен, сколько детей нашли собственный ресурс для самостоятельной коррекции неправильных /r/ и /rʲ/ и перестали их заменять на другие, более простые в произносительном аспекте согласные.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Данное исследование проводилось в двух дошкольных образовательных учреждениях г. Благовещенска Амурской области. С согласия родителей медицинский работник отобрал группу детей, в медицинских картах которых по заключениям невролога, психиатра и педиатра была запись о том, что ребёнок здоров. После беседы с детьми из данной группы были отобраны 20 человек. Дети, которые не желали общаться с новым для них человеком, в экспериментах не участвовали. Таким образом, в исследовании принимало участие 20 детей (8 мальчиков и 12 девочек).

Известно, что на речевое развитие ребёнка оказывает влияние его языковое окружение. Правильность звучащей речи вокруг, необходимое по частоте и продолжительности общение с человеком с эталонным произношением – всё это играет важную роль в становлении детской речи. Имея равный старт, а именно отсутствие отклонений в развитии, спустя некоторое время дети с разным по качеству речевым окружением, могут с разной степенью успешности осваивать родной язык, в том числе его произносительный аспект. Кроме того, родители могут обращаться за помощью к логопеду с тем, чтобы в более раннем возрасте исправить неправильное произношение. Учитывая вышеизложенное, мы провели анкетирование родителей, в котором выяснили, есть ли в семье люди, неправильно произносящие /r/ и /rʲ/, а также занимался ли ребёнок с логопедом, и какие нарушения в артикуляции этих звуков у него наблюдались. По результатам опроса оказалось, что пятеро детей – три девочки и два мальчика, посещают групповые занятия с логопедом. Отметим, что у одного мальчика дедушка, папа и двоюродный брат имеют «картавое» /r/ и /rʲ/, у второго мальчика старший брат в пятилетнем возрасте неправильно произносил данные согласные, и только после годового занятия с логопедом не имел дефектного произношения. Такая наследственность могла сказаться, но для каких-либо выводов информации недостаточно.

2.2. Восприятие /r/–/rʲ/ [Perception of /r/–/rʲ/]

На первом этапе исследования было важно выяснить сформированность фонематического восприятия. Для этого экспериментатор называл, что изображено на картинке, предлагая ребёнку показать эту картинку. В качестве материала исследования использовались квазиомонимы, которые, по мнению фонетистов и логопедов, до сих пор являются благоприятным материалом для диагностики и коррекции речевых нару-

шений [Светозарова, 2011, с. 9]. Под квазиомонимами, или минимальными парами, понимаются слова, различающиеся одной фонемой. Сложные изображения, значения которых дети могут не знать, не предлагались. Таким образом, в эксперименте были представлены пять групп слов с квазиомонимами, содержащими противопоставления /r/-/l/, /rj/-/li/, /r/-/j/, /rj/-/pi/ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Группы квазиомонимов
[T a b l e 1. Quasi-homonyms]

№ п.п.	Фонемы	Квазиомонимы
1	/r/-/l/	<i>рожки-ложки, рак-лак, укор-укол, гроза-глаза, жарко-жалко, игра-игла.</i>
2	/rj/-/li/	<i>жарить-жалить, Рим-лим, сорить-солить, Марина-малина, варить-валить, репка-лепка.</i>
3	/r/-/j/	<i>шар-шаль, сор-соль</i>
4	/r/-/j/	<i>марка-майка, рот-йод.</i>
5	/rj/-/pi/	<i>редька-Петька</i>

По итогам эксперимента было определено, что абсолютно все дети различают согласные /r/-/rj/, то есть их акустико-артикуляторный образ сформирован у всей исследуемой группы правильно.

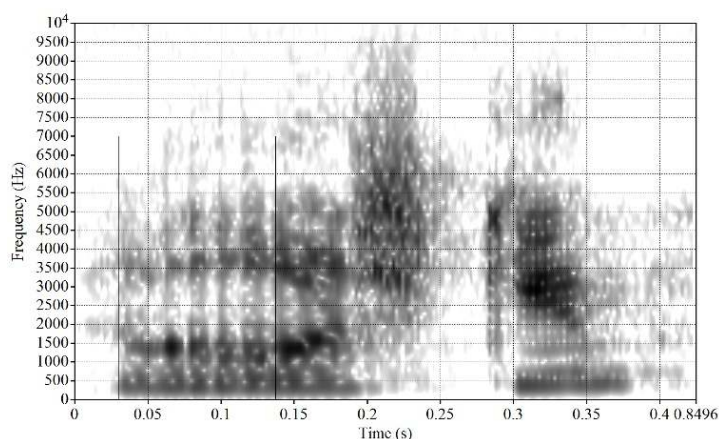
2.3. Акустический анализ [Acoustic analysis]

Следующим этапом исследования стало определение качества произношения согласных /r/-/rj/. Детям предлагалось повторить слово вслед за диктором. Квазиомонимы, которые использовались в предыдущих экспериментах, когда речевые образцы 20 детей записывались на протяжении двух лет, выделены курсивом [Shuiskaya, Androsova, 2017]. Для большей репрезентативности в данном исследовании были добавлены новые пары слов. Если слово произносилось неправильно, ребёнку предлагалось повторить его ещё несколько раз. Таким образом, было записано 1220 реализаций слов: 680 – в единичном произнесении, 370 – произнесённых дважды, и 170 – произнесённых трижды. Слова были записаны на диктофон Samsung YP – VP1AB (44кГц, 16 бит, моно). Акустический анализ проводился с помощью программы обработки звукового сигнала Praat [Boersma, Weenink, 2016].

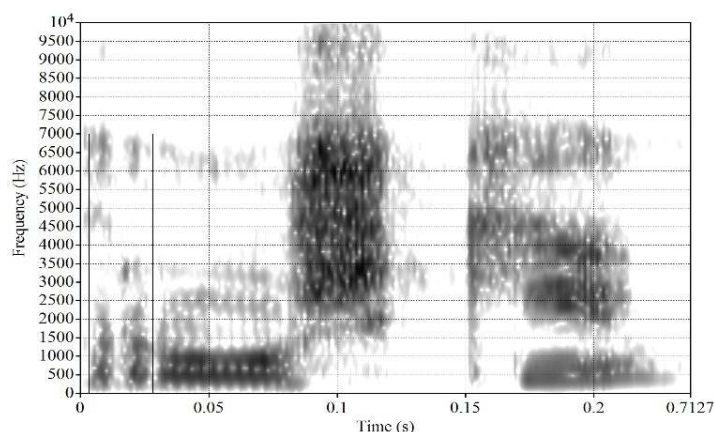
Как показал эксперимент, замены и искажения чаще встречались в речи мальчиков, чем девочек. Из двенадцати девочек две допускали замены согласного /r/, при этом ни у одной не было отмечено случаев ротацизма. Из восьми мальчиков четыре заменяли согласный /r/ более лёгкими по артикуляции звуками (/l/, вокализация), а у двух, помимо параротацизма, отмечались случаи ротацизма твёрдого /r/. Лишь у одного мальчика, у которого по линии отца был ротацизм, оставшийся во взрослом состоянии, отмечались случаи ротацизма обоих согласных – /r/, /rj/. Случаи замен мягкого /rj/ на другой согласный зафиксированы не были.

Ротацизм проявлялся в виде раскатистого произношения /r/, /rj/. Как известно, коррекция /r/, /rj/ начинается только после постановки всех других звуков. Для выработки правильных /r/, /rj/ специалисты зачастую начинают с постановки проторного /r/, без вибрации кончика языка, через другие согласные, прибегая к раскатистому, утрированному произношению. Дети из нашей группы, у которых наблюдается раскатистое произношение, занимаются с логопедом. Можно предположить, что такое произношение является результатом исправления более сложной формы ротацизма.

На рисунке 1 приведена спектрограмма¹ слова *рожки*, где метками выделена пятиударная реализация согласного /r/ длительностью 213 мс. На рисунке 2 изображена спектрограмма того же слова, где метками выделено двуударное, нормативное произношение согласного /r/, длительность которого составила 75 мс.



Р и с у н о к 1. Пятиударный /r/ в слове *рожки*
[F i g u r e 1. Five-impulse /r/ in *rozhki* 'horns']

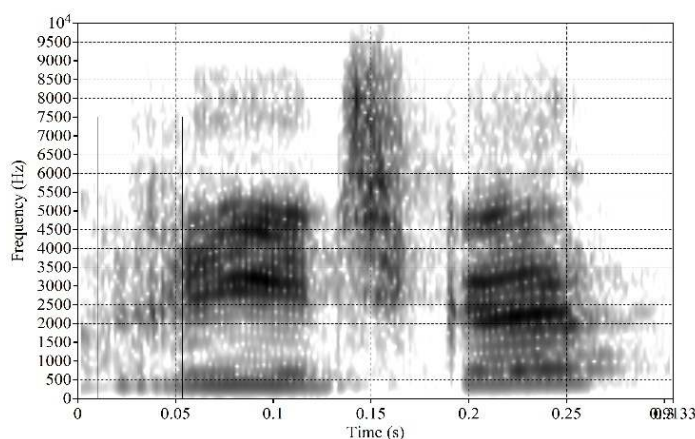


Р и с у н о к 2. Двухударный /r/ в слове *рожки*
[F i g u r e 2. Two-impulse /r/ in *rozhki* 'horns']

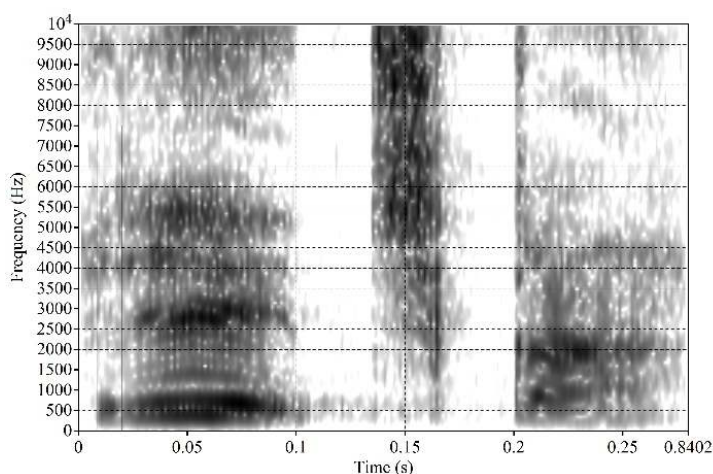
На рисунках 3 и 4 представлены спектрограммы слова *редька* с реализацией мягкого согласного /rʲ/. На рисунке 3 меткой справа (0,05 сек) отграничен первый в слове трёхударный /rʲ/ длительностью 110 мс, а на рисунке 4 так же справа отграничена нормативная, одноударная реализация /rʲ/ в начале слова, длительность которой 35 мс.

Средняя длительность неправильно произнесённого твёрдого /r/ и мягкого /rʲ/ составила 234 мс и 119 мс соответственно, что практически в три раза превышает длительность нормативных /r/, /rʲ/. В ходе инструментального анализа выяснилось, что количество ударов раскатистого мягкого /rʲ/ часто три, количество же ударов твёрдого /r/ значительно варьирует – от трёх до шести. Таким образом, произношение твёрдого согласного /r/ требует больших усилий, нежели мягкого /rʲ/.

¹ На рисунках 1–4 по оси абсцисс отложено время с шагом в 50 мс (=0,05 сек), по оси ординат отложена частота с шагом в 500 Гц.



Р и с у н о к 3. Трёхударный /r/ в слове редька
[F i g u r e 3. Three-impulse /r/ in red'ka 'radish']



Р и с у н о к 4. Одноударный /r/ в слове редька
[F i g u r e 4. Tap for /r/ in red'ka 'radish']

Для определения количества искажений и замен у исследуемой группы детей полученные данные были сопоставлены с более ранними результатами, когда этим детям было три года [Шуйская, 2017 ; Кожина, Шуйская, 2017]. Оказалось, что в возрасте трёх лет, у этих же детей случаи ротацизма вообще не отмечались, а количество параротацизма было значительно больше. Из 20 детей правильно могли произносить согласные /r/, /r/ только двое (мальчик и девочка), при этом часто допускалось эллиптирование этих согласных. Отличительной особенностью пятилетнего возраста является сокращение количества и вариантов замен. Если у трёхлетних детей процент замен /r/ и /r/ составил 86,9% и 80% от общего числа употреблений этих фонем, то теперь это число уменьшилось до 20% и только для твёрдого /r/ [Кожина, Шуйская, 2017]. В пятилетнем возрасте, как и в трёхлетнем, вместо согласного /r/ дети продолжают произносить согласный /l/: *рак* [lak], *жир* [zi], *марка* [mlak], *рожки* [lski] и др. Однако количество замен на этот согласный значительно сократилось – с 15% до 6%. Второй по частотности особенностью в реализации /r/ продолжает оставаться его вокализация в конце слова: *шар* [slu], *сор* [sou], *жир* [ziu] и т. д. Данная замена уменьшилась с 11% до 4%. Замена /r/ на /h/,

отмечаемая ранее в 8% случаев, теперь не наблюдается вовсе, как и реализация губно-зубного согласного /v/ вместо /r/.

5. Заключение [Conclusion]

Таким образом, согласно полученным результатам, ротацизм отмечается у 10% нормально развивающихся детей в возрасте пяти лет. В трёхлетнем возрасте ротацизм не отмечался ни у одного ребёнка. В 5% случаев искажаются оба согласных /r/ и /rʲ/. Мягкий /rʲ/ представляет меньшую произносительную сложность, чем твердый /r/. Наличие дефекта и сложность его корректировки может определяться наследственностью, однако на данный момент информации недостаточно; необходимо дальнейшее более масштабное исследование для выявления роли данного фактора.

Параротацизм для согласного /r/ в возрасте пяти лет менее распространён (20%), чем в трёхлетнем возрасте (80%). Мягкий /rʲ/ не заменяется. Замены в большинстве случаев самостоятельно исправляются детьми после того, как речевой аппарат достигает зрелости для произнесения сложных звуков /r/, /rʲ/.

Нормально развивающиеся дети в возрасте пяти лет безотягощённой наследственности в плане нарушения артикуляции отдельных звуков, как правило, корректно произносят твёрдый и мягкий согласные /r/, /rʲ/.

Даже специалисту, выявившему аномалию речевого аппарата, потребуется определённое время для правильной постановки звука. Если ребёнок всё же стал искажать нормативное произношение согласных /r/, /rʲ/, то более ранняя диагностика и коррекция приведёт к большему успеху. Можно предположить, что в данном исследовании речь детей, занимающихся с логопедом, приближается к нормативной, так как в одном случае уже удалось скорректировать произношение мягкого /rʲ/, а во втором добиться раскатистого произношения обоих согласных.

Библиографический список

- Бондарко, 1998 – Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. 276 с.
- Кожина, Шуйская, 2017 – Кожина Н. В., Шуйская Т. В. Особенности реализации согласных в речи детей 3,6–3,9 лет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 123–137. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_5_1_6
- Левина, 1968 – Левина Р. Е. Основы теории и практики логопедии. М. : Просвещение, 1968. 367 с.
- Левина, 2005 – Левина Р. Е. Нарушение речи и письма у детей : избр. тр. М. : АРКТИ, 2005. 224 с.
- Леонтьев, 1982 – Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М. : Изд-во МГУ, 1982. 287 с.
- Ляко, Фролова, 2020 – Ляко Е. Е., Фролова О. В. Речевое поведение матерей при взаимодействии с детьми с синдромом Дауна // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 103–124. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_103_124
- Ляко и др., 2020 – Пол, возраст, состояние ребенка: перцептивное исследование речи детей 8–9 лет типично развивающихся, с расстройствами аутистического спектра и синдромом дауна / Е. Е. Ляко, О. В. Фролова, А. С. Николаев, В. А. Городный, А. С. Григорьев, А. В. Куражова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 3. С. 61–76. https://doi.org/10.22250/24107190_2020_6_3_61_76
- Матусевич, 1976 – Матусевич М. И. Современный русский язык, Фонетика : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1976. 288 с.
- Пиотровская, 2011 – Пиотровская Л. А. Психолингвистические механизмы фонетических субституций в онтогенезе // Онтолингвистика – наука XXI века : материалы междунар.

- конф., посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена 4–6 мая 2011 / под ред. Т. А. Кругляковой, СПб, 2011. С. 97–102.
- Речь ребенка: Проблемы и решения / под ред. Т. Н. Ушаковой. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 352 с.
- Светозарова, 2011 – Светозарова Н. Д. Об одной работе А. С. Штерн и современном состоянии проблемы // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15 : Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Пермь, 2011. С. 6–12.
- Скребец, 2014 – Скребец Т. В. Особенности оптико-пространственного гнозиса в структуре нарушения письменной речи у младших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.10 / Скребец Татьяна Викторовна ; Московский гор. психол.-пед. ун-т. М., 2014. 27 с.
- Филичева и др., 1989 – Филичева Т. Б., Чевелева Н. А., Чиркина Г. В. Основы логопедии : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1989. 223 с.
- Шуйская, 2017 – Шуйская Т. В. Элизия и эллипсис в речи детей трёх лет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 2. С. 104–112. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_104_112
- Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.15) [Computer Program]. URL : <https://www.fon.hum.uva.nl/praat> (дата обращения : 07.04.2016).
- Shuiskaya, Androsova, 2017 – Shuiskaya T. V., Androsova S. V. Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

References

- Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Russian Phonetics]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Kozhina, N. V., Shuyskaya, T. V. (2017). Osobennosti realizatsii soglasnykh v rechi detey 3.6–3.9 let [Peculiarities in consonants pronunciation in the speech of 3,6–3,9 year-old children]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (3), 123–137. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_3_123_137 (In Russ.).
- Levina, R. E. (1968). *Osnovy teorii i praktiki logopedii* [Fundamentals of the theory and practice of speech therapy]. Moscow : Prosveshcheniye Press. (In Russ.).
- Levina, R. E. (2005). *Narusheniye rechi i pisma u detey* [Speech and writing disorders in children]. Moscow : ARKTI Press. (In Russ.).
- Leontyev, A. N. (1982). Deyatel'nost. soznaniye. lichnost. [Activity, consciousness, personality]. In Yu. B. Gippenreyter, A. A. Puzyreya (Eds), *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Psychology of personality. Texts]. Moscow : Moscow State University Press. (In Russ.).
- Lyakso, E. E., Frolova, O. V. (2020). Rechevoe povedenie materey pri vzaimodeystvii s det'mi s sindromom Dauna [Mothers speech behavior in the interaction with children with Down Syndrome]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6, (1), 103–124. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_103_124 (In Russ.).
- Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Nikolaev, A. S., Gorodnyi, V. A., Grigorev, A. S., Kurazhova, A. V. (2020). Pol, vozrast, sostoyanie rebenka: perceptivnoe issledovanie rechi detej 8–9 let tipichno razvivayushchih'sya, s rasstrojstvami autisticheskogo spektra i sindromom dauna [Gender, age, child state: perceptual study of speech of 8–9 year old typically developing children, children with autism spectrum disorders and down syndrome]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6, (3), 61–76. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_61_76 (In Russ.).
- Matusevich, M. I. (1976). *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [Modern Russian. Phonetics] : A coursebook. Moscow : Prosveshcheniye Press. (In Russ.).
- Piotrovskaya, L. A. (2011). Psikholingvisticheskiye mekhanizmy foneticheskikh substitutsiy v ontogeneze [Psycholinguistic mechanisms of phonetic substitutions in ontogenesis]. In

- T. A. Kruglyakova (Ed.), *Ontolingvistika – nauka XXI veka* [Ontolinguistics – science of the XXI century] (pp. 97–102). St Petersburg. (In Russ.).
- Ushakova T. N. (Ed.). (2008). *Rech rebenka: Problemy i resheniya* [Child's speech: Problems and Solutions]. Moscow : Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Svetozarova, N. D. (2011). Ob odnoy rabote A. S. Shtern i sovremennom sostoyanii problemy [About one work by A. S. Stern and the current state of the problem]. *Problemy sotsio-i psikholingvistiki. Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy. K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern* [Issues in socio- and psycholinguistics. Perm sociopsycholinguistic school: Ideas of three generations. On the 70th anniversary of Alla Solomonovna Stern], 15, 6–12. (In Russ.).
- Skrebets, T. V. (2014). *Osobennosti optiko-prostranstvennogo gnozisa v strukture narusheniya pismennoy rechi u mladshikh shkolnikov* [Peculiarities of optical-spatial gnosia in the structure of writing disorders in younger schoolchildren]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow City Institute for Psychology and Pedagogy. (In Russ.).
- Filicheva, T. B., Cheveleva, N. A., Chirkina, G. V. (1989). *Osnovy logopedii* [Fundamentals of speech therapy]: A cousebook. Moscow : Prosveshcheniye Press. (In Russ.).
- Shuyskaya, T. V. (2017). Eliziya i ellipsis v rechi detey trekh let [Elision in 3-year-olds speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 104–112. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_104_112 (In Russ.).
- Broersma, P., Weenink D. (2015). *Praat: Doing phonetics by computer* (Version 5.4.15) [Computer Program]. Retrieved April 7, 2016 from <<https://www.fon.hum.uva.nl/praat>>.
- Shuyskaya, T. V., Androsova, S. V. (2017). Realization of Russian consonants in 3-year-olds speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (4), 94–108. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_4_94_108

Статья поступила в редакцию 04.01.2021; одобрена после рецензирования 23.05.2021; принята к публикации 05.11.2021.

The article was submitted 04.01.2021; approved after reviewing 23.05.2021; accepted for publication 05.11.2021.

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации [Рецензия на монографию: А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева «Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе : когнитивно-дискурсивный аспект»]

Аннотация

Коллектив авторов ставит перед собой цель комплексного исследования английских паремий, которые используются в современном научно-популярном деловом дискурсе, и их многовекторного изучения с позиций когнитивно-дискурсивного и прагма-коммуникативного подходов, а также выявления основных закономерностей функционального диапазона избранных для изучения языковых единиц. В работе впервые аргументируется необходимость выделения и изучения научно-популярного делового дискурса как субдискурса делового дискурса и доказывается его обрамляющий статус. Впервые обосновывается статус паремии как прецедентного культурного знака, который представляет собой рекуррентный фрагмент англоязычного научно-популярного делового дискурса. Впервые выделяется комплекс специфических когнитивно-дискурсивных характеристик данных единиц, функционирующих в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе. Выявляются основные функции паремий в рамках их дискурсивной реализации, предлагаются основные приёмы паремиологической модификации, проводится стратификация заголовочных комплексов произведений научно-популярного делового дискурса с паремией в качестве основного функционирующего элемента. Комплексный подход позволяет авторам разделить весь репертуар проанализированных единиц по структурному принципу на две объёмные группы – немодифицированные и модифицированные паремические единицы – и установить между ними процентное соотношение. На основе анализа особенностей функционирования паремий выявляются три вида заголовков в английском научно-популярном деловом дискурсе с паремическими элементами и обосновывается выделение пяти новых, оригинальных функций, присущих английским паремиям в данном виде дискурса: мимикрической, дерегламентирующей, ремоделирующей, каталитической и антиципации. Оригинальность работы заключается и в рассмотрении ряда неординарных вопросов и, в первую очередь, вопроса о дискурсивной конвергенции функций паремий, об их «функциональной синергии» – очень значимом явлении, оказывающимся особенно эффективным и эффектным в связи с информационной избыточностью и функциональной плотностью всех единиц научно-популярного делового дискурса. Обсуждаются также причины частого обращения коммуникантов к использованию паремий в различных профессиональных контекстах.

Ключевые слова: язык делового общения, научно-популярный деловой дискурс, паремия, когнитивно-дискурсивный подход, функция

© Федуленкова Т. Н. 2021

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации [Рецензия на монографию: А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева «Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект»] // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 179–184. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_179_184

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
 fedulenkova@list.ru

On deconventionalization of modern English business communication [Book review: A. Yu. Bagiyani, O. I. Natkho, T. A. Shiryayeva «Wisdom of the ages in the language of business. Paremia in the English-speaking popular scientific business discourse : cognitive-discourse aspect»]

Abstract

The authors presented a comprehensive study of English paremia used in modern popular scientific business discourse. Two approaches were applied in this multi-vector study: cognitive-discursive and pragma-communicative. The book aimed to identify the main regularities in paremia functional range. The authors were the pioneers to argue for the need to study the popular science business discourse as a separate sub-discourse of business discourse and to prove its framing status. They also offer a new view on the status of paremia as a precedent cultural sign as a recurrent fragment of the English-language popular scientific business discourse. Another novelty was a complex of specific cognitive-discursive features of paremia functioning in the English-language popular scientific business discourse. The authors managed to reveal paremia main functions within the framework of their discursive usage. They also proposed the main methods of paremiological modification. Paremia was used as the main functioning element in the stratification of complex article headings in popular science business discourse. A comprehensive approach including structural principle enabled the authors to divide the paremia repertoire into two sizable groups – original paremia and modified paremia – and to determine the percentage for each of the two. The authors brought forward three functional types of headings with paremic elements and identified five new functions characteristic for English paremia in the examined type of discourse: mimicry, deregulation, remodeling, catalyzing and anticipation. A number of challenging issues were addressed in the book including, first of all, paremia functions discursive convergence, their “functional synergy” which is a very significant phenomenon and an efficient tool to manage information abundance and functional density of all units of the studied discourse. The reasons for the frequent use of paremia by communicants in various professional contexts were also discussed.

Keywords: language of business communication, popular science business discourse, paremia, cognitive-discursive approach, function

© Fedulenkova T. N. 2021

For citation: Fedulenkova, T. N. O dekonventsionalizatsii sovremennoy angloyazychnoy biznes-kommunikatsii [Retsenziya na monografiyu: A. Yu. Bagiyani, O. I. Natkho, T. A. Shiryayeva «Mudrost' vekov v yazyke biznesa. Paremii v angloyazychnom nauchno-populyarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivnyy aspekt»]. [On deconventionalization of modern English business communication [Book review: A. Yu. Bagiyani, O. I. Natkho, T. A. Shiryayeva «Wisdom of the ages in the language of business. Paremia in the English-speaking popular scientific business discourse : cognitive-discourse aspect»]]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7(4), 179–184. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_179_184

1. Оценка актуальности, новизны и практической значимости [Evaluation of the demand for the study, its novelty and results application]

За последние два десятилетия опубликовано немало работ о специфике структуры и семантики деловой фразеологии [Куприна, 2009, с. 50 ; Федулénkova, 2020, с. 114–125] и, конечно, о специфике таких коммуникативных фразеологических единиц, как посло-

вицы, именуемые некоторыми исследователями паремическими единицами, или паремиями [Натхо, 2017, с. 5]. Но впервые в научной литературе делается аргументированный акцент на деконвенционализации современной англоязычной деловой и бизнес-коммуникации и убедительно демонстрируется роль паремических единиц в этом процессе, что подчёркивает актуальность рецензируемой монографии [Багиян и др., 2017].

Инновационность данной работы состоит в том, что монография является результатом комплекса исследований паремий английского языка в рамках научно-популярного делового дискурса с точки зрения когнитивно-дискурсивного и прагма-коммуникативного подходов, а также выявления закономерностей функционального диапазона данных языковых феноменов. В современных условиях возрастающей востребованности и популярности английского языка в мире большое значение приобретают знаковые для коммуникантов и способствующие наиболее эффективной реализации коммуникации паремические единицы. Так, для пользующегося английским языком в различных целях важно понимать, о чем сигнализирует паремия в том или ином типе дискурса. Особую актуальность в этом плане представляет язык делового общения, где, по указанному исследовательской интуицией предположению, появление таких нетипичных единиц, как паремий, несёт особую когнитивную и прагматическую нагрузку.

Несомненная актуальность данной научной монографии подкреплена применяемым в нём когнитивно-дискурсивным подходом, обусловившим методы исследования [Натхо, Ширяева, 2017, с. 127–144]. Когнитивно-дискурсивная парадигма особенно ценна для учёного-филолога, так как позволяет получить более широкое представление о лингвистических феноменах и, главное, выявить возможности их функционирования в различных ситуациях общения.

С выбором объекта исследования, представленного в монографии, связана и его новизна. Знакомство с трудами в области паремиологии подтверждает, что специфика бытования пословиц и поговорок в разных типах дискурса (особенно в деловом дискурсе) с когнитивной точки зрения недостаточно изучена в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [Mieder, 2012 ; Пословицы в фразеологическом поле..., 2017 ; Федуленкова, Курганова, 2020].

Научная новизна работы, на мой взгляд, в большой степени обусловлена тем, что в ней выявлены и проанализированы функционально-коммуникативные особенности английского научно-популярного делового дискурса, которые, как убедительно показано авторами, в паремиологическом плане играют весьма существенную роль в формировании так называемой глобальной коммуникативной компетентности. К новым научным выводам можно отнести и обоснование того факта, что паремия как прецедентный феномен является рекуррентным фрагментом англоязычного научно-популярного дискурсивного пространства.

Наряду с неоспоримой научной новизной результаты и материалы данной монографии имеют очевидную практическую ценность. Они могут найти применение в преподавании многих дисциплин на филологических факультетах высших учебных заведений, например, таких, как практический курс делового английского языка, курсы фразеологии английского и русского языков, паремиологии, теории языка, лингвопрагматики, стилистики, теории дискурса, межкультурной коммуникации и др. [Fedulenkova, 2019, с. 90–95]. Результаты работы также могут быть использованы при создании учебной и учебно-методической литературы и, конечно, в научных изысканиях студентов и аспирантов.

2. Оценка структуры монографии [Evaluation of the book structure]

Структура книги представлена в виде трёх взаимосвязанных глав. В первой главе авторы обращаются к активно изучаемой проблеме «картины мира», а также англоязычной «паремиологической картины мира»: на основе анализа накопленного теоретического знания они приносят в существующие определения некоторые коррективы,

исходя из специфики осуществляемого исследования. Так, в результате рассмотрения различных аспектов паремических единиц – концептуального, этнокультурологического, семиотического, эмоционального, дискурсивного – авторы убедительно подтверждают необходимость их изучения в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Здесь же выделяются основные когнитивно-дискурсивные функции паремий.

Во второй главе обсуждается базовое для исследования понятие «дискурса», в сравнительном ракурсе освещаются понятия делового, профессионального и бизнес-дискурса, рассматривается феномен научной популяризации. В этой главе аргументированно доказывается важнейшее предположение об общей деконвенционализации современной англоязычной деловой и бизнес-коммуникации и о довольно свободном внедрении в дискурс ранее нетипичных языковых средств и приёмов [Багиян и др., 2017, с. 65–105]. Инновационной также видится трактовка авторами научно-популярного делового дискурса как субдискурса делового дискурса и изучение его как инструмента репрезентации профессионально-деловой картины мира.

В третьей главе представлены результаты концептуального и статистического анализа паремической вербализации концептов, что составляет платформу для дальнейшего изучения процесса функционирования паремий в научно-популярном деловом дискурсе на английском языке. В ней обосновывается выделение пяти новых когнитивно-дискурсивных функций, присущих паремиям, фигурирующим в исследуемом типе дискурса. Здесь же детально рассматривается вопрос о дискурсивной конвергенции функций паремий («функциональная синергия») – очень значимом явлении, оказывающимся особенно результативным в связи с информационной избыточностью и функциональной плотностью всех единиц научно-популярного делового дискурса. Особое внимание уделяется изучению роли и функций паремий в заголовках научно-популярных текстов.

3. Критические замечания [Criticism]

Исследование, представленное в рецензируемой монографии, не вызывает принципиальных возражений ни по форме, ни по содержанию, однако в процессе чтения были выявлены некоторые дискуссионные моменты. Основные замечания и вопросы можно свести к следующим. Во-первых, хотелось бы уточнить понимание авторами сути явления модификации паремий. Исходя из предложенного в работе разделения, можно заключить, что под модифицированными единицами понимаются только пословицы, подвергшиеся структурным изменениям. Возникает естественный вопрос: насколько оправдано выделение только структурного (а не структурно-семантического) принципа разграничения типов окказиональных преобразований паремий и можно ли согласиться с утверждением, что любое структурное изменение ведёт к изменению семантики, пусть даже незначительному.

Во-вторых, в связи с предлагаемой в первой главе монографии классификацией когнитивно-дискурсивных функций паремий хотелось бы увидеть более подробную аргументацию авторами в пользу выделения стилистической функции и функции вариативности значения как когнитивно-дискурсивных функций паремий. Представляется, что стилистический и, как следствие, эстетический, эффект от оригинального окказионального применения паремий относится к области риторики является не функцией, а результатом языкового творчества автора. То же самое можно сказать о вариативности значения: это явление можно трактовать как эффект, результат семантической или структурно-семантической модификации пословицы или поговорки в дискурсе.

В-третьих, дискуссионным видится замечание авторов о том, что «структурное использование паремии может быть классическим (обособленным и не инкорпорированным в ткань текста)» (с. 120). Если мы исходим из понимания текста как некоторого структурно-смыслового единства, то, как представляется, все сплетающие его «полот-

но» единицы являются инкорпорированными в него элементами. Как становится понятным из анализа примера на с. 120 монографии, речь, скорее всего, идёт о возможностях использования пословицы с сохранением её синтаксического статуса самостоятельного предложения и об окказиональном, модифицированном её применении, когда зачастую в дискурсе актуализируются лишь элементы её структуры или образа (так называемое аллюзивное использование), и тем самым они оказываются интегрированными в синтаксис нового предложения.

4. Заключение [Conclusion]

Подлинно творческий труд никогда не бывает однозначным. Поэтому, несмотря на дискуссионность некоторых авторских замечаний и, скорее, благодаря им, данная книга передаёт особый дух цеховой творческой атмосферы и вызывает непреодолимое желание присоединиться к обсуждению затронутых в ней вопросов.

Актуальность, новаторство, творческие находки этой книги, вне всякого сомнения, будут по достоинству оценены её потенциальными читателями: лингвистами, фразеологами, лингвокультурологами и всеми, кому интересны проблемы строения и функций английской деловой фразеологии и её деконвенционализации в современной бизнес-коммуникации.

Библиографический список

- Багиян и др., 2017 – Багиян А. Ю., Натхо О. И., Ширяева Т. А. Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе : когнитивно-дискурсивный аспект. Казань : Изд-во «Бук», 2017. 184 с.
- Куприна, 2009 – Куприна Т. В. От терминологического взрыва до лингвокультурной адаптации // Фразеология и терминология : грани пересечения : монография / Т. Н. Федуленкова, А. В. Иванов, Т. В. Куприна и др. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 50–57.
- Натхо, Ширяева, 2017 – Натхо О. И., Ширяева Т. А. Когнитивно-дискурсивные характеристики англоязычных паремий в различных типах дискурса // Пословицы в фразеологическом поле : когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / под ред. Т. Н. Федуленковой. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. С. 127–144.
- Натхо, 2017 – Натхо О. И. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Натхо Ольга Игоревна ; Пятигорский гос. ун-т. Пятигорск, 2017. 193 с.
- Пословицы в фразеологическом поле..., 2017 – Пословицы в фразеологическом поле : когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / под ред. Т. Н. Федуленковой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. 231 с.
- Федуленкова, 2020 – Федуленкова Т. Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2020. № 3 (96). С. 114–125.
- Федуленкова, Курганова, 2020 – Федуленкова Т. Н., Курганова М. С. Рецензия на диссертационную работу Гороховой А. М. «Репрезентация британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки (Н. Новгород, 2017) // Вестник Донецкого нац. ун-та. Сер. Д : Филология и психология. 2020. № 2. С. 133–138.
- Fedulenkova, 2019 – Fedulenkova T. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes // Proc. of the International Conference on European Multilingualism : Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019) / ed. by Caitriona Kirby and Larisa Shchipitsina. Parts of series ASSEHR, Vol. 360. Paris, Amsterdam : Atlantis Press, 2019. P. 90–95. URL : <https://www.atlantis-press.com/proceedings/emssese-19/publishing>.
- Mieder, 2012 – Mieder W. Think Outside the Box : Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs // Proverbium. 2012. № 29. P. 137–196.

References

- Bagiyan, A. Yu. (2017). *Mudrost' vekov v yazyke biznesa. Paremii v angloyazychnom nauchno-populyarnom delovom diskurse: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [The wisdom of the ages in the language of business. Paremiae in the English-language popular scientific business discourse: Cognitive-discursive aspect]. Kazan': Buk Press.
- Kuprina, T. V. (2009). Ot terminologicheskogo vzryva do lingvokul'turnoj adaptacii [From a terminological explosion to linguocultural adaptation]. In T. N. Fedulenkova, A. V. Ivanov, T. V. Kuprina et al., *Frazeologiya i terminologiya: grani peresecheniya* [Phraseology and terminology: The face of intersection]. Arhangel'sk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov.
- Natho, O. I. (2017). *Paremii v angloyazychnom nauchno-populyarnom delovom diskurse* [Paremiae in the English-language popular science business discourse]: PhD in Philological sci. diss. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University.
- Natho, O. I., Shiryayeva, T. A. (2017). Kognitivno-diskursivnye harakteristiki angloyazychnykh paremiy v razlichnykh tipakh diskursa [Cognitive-discursive characteristics of English-language plemias in various types of discourse]. In T. N. Fedulenkova (Ed.), *Poslovitsy v frazeologicheskom pole: kognitivnyy, diskursivnyy, sopostavitel'nyy aspekty* [Proverbs in the phraseological field: Cognitive, discursive, comparative aspects]. Vladimir: VIGU Press. P. 127–144.
- Fedulenkova, T. N. (Ed.). (2017). *Poslovitsy v frazeologicheskom pole: kognitivnyy, diskursivnyy, sopostavitel'nyy aspekty* [Proverbs in the phraseological field: Cognitive, discursive, comparative aspects]. Vladimir: VIGU Press.
- Fedulenkova, T. N. (2020). Rasprostranennyye strukturnyye modeli delovoy terminologii sovremennogo angliyskogo yazyka (po slovaryu D. Parkinsona) [Common structural business terminology models in modern English (By Parkinson's dictionary)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 3 (96), 114–125.
- Fedulenkova, T. N., Kurganova, M. S. (2020). Retsenziya na dissertatsionnuyu rabotu Gorohovoy A. M. «Reprezentatsiya britanskogo natsional'nogo kharaktera v paremiologicheskom fonde angliyskogo yazyka» na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk po special'nosti 10.02.04 – germanskyye yazyki (N. Novgorod, 2017) [Review of A. M. Gorokhova's dissertation "Representation of the British national character in English proverbs" for a Candidate degree in Philology, Specialty 10.02.04 – Germanic languages (N. Novgorod, 2017)]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psihologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology], 2, 133–138.
- Fedulenkova, T. (2019). Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes. In C. Kirby and L. Shchipitsina (Eds), *Proc. of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019). Parts of series ASSEHR*, Vol. 360 (pp. 90–95). Paris, Amsterdam: Atlantis Press. Retrieved from <<https://www.atlantis-press.com/proceedings/emssese-19/publishing>>.
- Mieder, W. (2012). Think Outside the Box: Origin, Nature, and Meaning of Modern Anglo-American Proverbs. *Proverbium*, 29, 137–196.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 26.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.

MEMORIA

Алексей Алексеевич Бурыкин (11 ноября 1954 – 21 января 2021)



Всегда в наших сердцах

УДК 81'11

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_187_194

Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
androsova_s@mail.ru

Рождѐнный, чтобы спорить и совершать открытия: памяти коллеги и дорогого друга А. А. Бурыкина

Аннотация

Настоящая статья написана в память о безвременно ушедшем выдающемся российском лингвисте, члене редакционной коллегии журнала «Теоретическая и прикладная лингвистика» Алексее Алексеевиче Бурыкине. Не менее 30 раз он рецензировал присланные в журнал статьи, 9 раз сам публиковался в журнале. Лингвистическая проблематика, которой занимался учёный, отличалась многообразием и сложностью: от создания самой большой в России электронной библиотеки лексикографа до глубоких теоретических изысканий в области фонетики и фонологии, стихосложения и перевода, теории письма, фразеологии и словообразования и реконструкций. Обладая острым умом, энциклопедическими знаниями и непостижимым талантом, он стремился к открытию неизвестного и смело обсуждал спорные вопросы лингвистики. С его уходом мы потеряли не просто коллегу, но дорогого друга, о котором будем всегда тосковать.

Ключевые слова: Щербовская фонетическая школа, лексикография, фонетика, фонология, стихосложение, система письма, фразеология, словообразование, реконструкция, алтайские языки

© Андросова С. В. 2021

Для цитирования: Андросова С. В. Рождѐнный, чтобы спорить и совершать открытия (памяти коллеги и дорогого друга А. А. Бурыкина) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 187–194. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_187_194

Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
androsova_s@mail.ru

Born to face challenges and make discoveries: A commemorative paper in honor of my colleague and dear friend Alexis A. Burykin

Abstract

This paper was written in commemoration of an outstanding Russian linguist, the member of Editorial Board of the journal «Theoretical and Applied Linguistics» Alexis A. Burykin who passed away too early. More than 30 times he prepared peer reviews for the Journal, and 9 times published with the Journal after being peerreviewed. Linguistic issues that he studied were multiple and complex: he created the largest in Russia Electronic Lexicographer Library, went deep into controversial issues of phonetics and phonology, writing systems, poetry and translation, phraseology, word-building and reconstruction. His sharp mind, encyclopedic knowledge, pure talent and restlessness made him rush to face challenges and make discoveries. With his death, we suffered a terrible loss, and we lost not just a colleague but a dear friend who we would always miss.

Keywords: Shcherba's Phonetic School, lexicography, phonetics, phonology, poetry, writing system, phraseology, word-building, reconstruction, Altai languages

© Androsova S. V. 2021

For citation: Androsova, S. V. Rozhdenyy, chtoby sporit' i sovershat' otkrytiya (pamyati kollegi i dorogogo druga A. A. Burykina) [Born for facing challenges and making discoveries: A commemorative paper in honor of my colleague and dear friend Alexis A. Burykin]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 187–194. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_187_194

16 января 2021 года лингвистическое сообщество России, редакция журнала «Теоретическая и прикладная лингвистика» и я лично понесли невосполнимую утрату – после тяжёлой болезни ушёл из жизни выдающийся учёный и неординарный человек, Алексей Алексеевич Бурыкин. Ему было всего 66 лет. Сначала мне не хотелось верить, даже обуревала злость: как он мог нас бросить, как мог так рано уйти, не предупредив, не попрощавшись, не подготовив...?! Глупые, эгоистичные мысли, но их было не остановить. За ними было то, что я потеряла друга, учителя, наставника, а наш журнал осиротел, и потерю эту ничем не компенсировать. Звезда Алексея Алексеевича озарила мою жизнь слишком недолго и очень ярко.

1. Предыстория и первая встреча [Backstory and first meeting]

Многим фонетистам Амурского государственного университета очень повезло – мы имели счастье учиться у корифеев Щербовской фонетической школы прямо на Щербовской кафедре (кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ). Такая возможность у нас была благодаря нашему научному руководителю и основателю Благовещенского филиала Щербовской школы Светлане Ивановне Гусевой, которая в своё время училась у М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко, М. В. Гординой. Мы же – восторженная молодёжь начала двухтысячных – с её подачи попали на Щербовскую кафедру на четырёхмесячную стажировку (ФПК) и ходили на лекции к Лие Васильевне Бондарко, Мирре Вениаминовне Гординой, Вадиму Борисовичу Касевичу, Лидии Васильевне Игнаткиной, Наталии Дмитриевне Светозаровой, на семинары по работе с программой акустического анализа речи (между прочим, отечественной EDS!) к Людмиле Павловне Щербаковой, на слуховые семинары к Нине Борисовне Вольской и, конечно, к мэтру в области автоматического анализа и синтеза русской речи Павлу Анатольевичу Скрелину. Система аллофонного синтеза речи, которой занимался Павел Анатольевич, была для нас фантастикой в духе звёздных войн. Конечно, мы мечтали таким заниматься (хотя бы акустический анализ освоить!), сделать собственные открытия, защитить диссертации. Многие из нас могут гордиться тем, что защитили кандидатские по фонетике именно в СПбГУ. Я решила пойти дальше на докторскую (благо пример Светланы Ивановны был перед глазами) и мне повезло дойти до конца.

Наше знакомство с Алексеем Алексеевичем Бурыкиным началось как раз незадолго до моей защиты мае 2013. Я была озадачена поиском лингвистов, которые могли бы написать отзыв на мой автореферат. Павел Анатольевич Скрелин, который в то время был заведующим кафедрой фонетики, приняв бразды правления от Лии Васильевны, и меня часто консультировал, всячески помогал и поддерживал, предложил обратиться к Алексею Алексеевичу Бурыкину. Договорились, что я подойду к одному из заседаний диссертационного совета, куда в то время входил Алексей Алексеевич, и отдам ему свой автореферат. Павел Анатольевич меня с усмешкой предупредил: «Только учтите, что он [Алексей Алексеевич] «рыбу не ест»¹. Это-то меня как раз не пугало. Пугало

¹ Уж не буду истолковывать очевидное – все, кто защищал диссертации, в курсе, о чём речь.

другое. Кто Бурыкин (доктор филологических наук, доктор исторических наук!) и кто я? Автореферат оказалось отдавать не страшно, а вот потом идти за результатом в Институт лингвистических исследований, где работал Алексей Алексеевич...

Я ожидала жёсткой критики, разгрома (критики до этого я уже получила сполна и готовилась бороться до конца), но только не похвалы. Алексей Алексеевич как-то уж очень спокойно принял мои крамольные идеи об открытом слоге как минимальной единице координации в американской спонтанной речи, ему понравились нетривиальность подхода и то, как проведены эксперименты. В конце нашей короткой встречи уже на выходе из института случилось тогда для меня немыслимое событие – он прочёл мне одно из своих забавных четверостиший и поцеловал мне руку. Разве такая галантность ещё бывает? А для него это было так же естественно, как дышать. Алексею Алексеевичу было приятно получать отклик на то, что он писал, а мне, конечно, хотелось прочесть что-нибудь ещё в таком стиле и побольше (в юности я очень любила переделывать стихотворения, люблю и сейчас). Алексей Алексеевич обещал прислать свои, как он выразился, опусы и обещание сдержал.

Вот так с 25 мая 2013 года мы стали закадычными друзьями по электронной переписке – слава технологиям! Наша дружба началась с ироничной поэзии. Одним из четверостиший, которыми меня не раз радовал Алексей Алексеевич, было про Улитку – ту самую, возле кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ:

Улитка

*Древний моллюск, ответь,
что ты собой воплощаешь –
Темпы движения к знанию
или научный прогресс?*

Ну конечно же, Алексей Алексеевич прекрасно знал, что темпы не причём и что улитка – это милая оригинальная метафора слуховому анализу, который специалисты кафедры фонетики делали на очень высоком уровне, но как тут не «поюморить». В этом он был весь. И стихи писал самые разные, порой жёстко саркастичные – если талантлив, то во всём, даже в сарказме.

2. А. А. Бурыкин и журнал «Теоретическая и прикладная лингвистика» [A. A. Burykin and «Theoretical and Applied Linguistics»]

В 2014 году на одном из научно-технических советов Амурского государственного университета наш ректор Андрей Долиевич Плутенко, недвусмысленно глядя мне в глаза сказал, что пора нам – лингвистам – делать свой журнал. Сказано – сделано. Новоиспечённый «главред» взялся за работу. Журнал изначально задумывался с претензией на ведущий, но тогда мы делали только первые шаги, и до включения в Перечень было ещё пять лет напряжённого труда. Первым человеком, с которым мы с Ольгой Николаевной Морозовой, заведующей нашей кафедрой иностранных языков АмГУ обсудили эту идею, был Павел Анатольевич Скрелин. Он горячо поддержал нас, согласился вступить в редколлегия и посоветовал, кого ещё можно было бы включить в нашу тёплую научную компанию. Разумеется, первым в этом списке был Алексей Алексеевич, который с радостью присоединился к нам и с тех пор поддерживал журнал и своими статьями, и работой рецензента.

Трудно представить более эрудированного человека и учёного – казалось, он знал всё о разных языках, разных языковых уровнях, в синхронии и диахронии, мог легко дать профессиональную оценку работе по любому языку, даже самому экзотическому. И, конечно, не было лучшего специалиста по фонетическим реконструкциям, чем А. А.

Как рецензент Алексей Алексеевич был строг. Он не терпел серости и занудства, но был всегда готов поддержать статью с оригинальной идеей, хорошим экспериментальным подтверждением и хорошей библиографией, даже если она содержит стилистические погрешности и опечатки – это уже работа редактора. Как-то рецензируя одну из присланных в наш журнал статей по ономастике, он посетовал на то, что список литературы большой, а важнейших фундаментальных работ в нём нет. И не просто посетовал, а предложил, что именно следует включить и почему – всегда старался помочь, а не просто покритиковать. Особую «слабость» Алексей Алексеевич питал к статьям по языкам коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Более 30 раз он выступал рецензентом статей, присланных в наш журнал, иногда даже правильно догадывался чьи – рецензирование у нас хоть и «слепое», но ведущие лингвисты всегда в курсе, чем занимаются другие ведущие лингвисты. Я могла написать ему в любое время суток и попросить о срочной рецензии, и где бы он ни был и как бы не был занят, он всегда был готов сделать рецензию – в отпуске, в командировке, да хоть из горящего танка! Я всегда могла на него положиться и прилагала все силы, чтобы отплатить ему тем же и не разочаровать. 17 декабря 2020 года Алексей Алексеевич прислал последнюю рецензию в наш журнал.

Нашему журналу выпала честь опубликовать 9 его статей. Первой была статья об электронной библиотеке лексикографа, которую создал и представил Алексей Алексеевич [Бурыкин, 2015 а]. Функции этого замечательного ресурса совмещали а) собственно библиотеку с доступом к любому тексту, б) виртуальный тезаурус лексики русского языка, по которому в несколько «кликов» можно было получить подборку текстов, содержащих ту или иную лексическую единицу, в) виртуальную электронную картотеку, включающую более 3 миллиардов употреблений лексических единиц. В Библиотеке собраны тексты с первой трети 18 в. до начала 21 в. самой разной жанрово-стилистической направленности (от русской художественной литературы, публицистики, мемуаров и переписки до переводной литературы) и предметно-тематической отнесённости (от гуманитарных наук до морского дела и авиации) [Бурыкин, 2015 а, с. 14–15]. Для сравнения: на данный момент объём Национального корпуса русского языка (НКРЯ) составляет более 1 млрд. словоупотреблений [НКРЯ, 2021].

Большим авторитетом в области прикладной и математической лингвистики, терминологии и русистики для Алексея Алексеевича был Александр Сергеевич Герд. Его памяти посвящена вторая статья, опубликованная в нашем журнале [Бурыкин, 2016], в которой он дал высокую оценку вклада учёного в развитие статистической лингвистики и опыту применения статистического метода и метода компьютерного моделирования в морфологии, морфемике и словообразовании. Не менее высокую оценку получили труды Герда в области компьютеризации лексикографических исследований. Пристательная библиография содержит более 80 работ Александра Сергеевича. Статья задумывалась и была изначально подана в журнал как хвалебная к юбилею выдающегося учёного, а в итоге получился некролог, ведь 2 мая 2016 года Герда не стало, что повергло в шок А. А. и весь факультет, где работал Герд.

Одной из областей, интересовавших Алексея Алексеевича, была фразеология. Ну как тут не вспомнить статью про «вставить свои пять копеек» [Бурыкин, 2018 а]! Опираясь на созданную им Библиотеку лексикографа [Бурыкин, 2015 а], он отследил появление данного эвфемизма (конец 20 в.) и в лучших статистических традициях А. С. Герда опроверг заблуждения о том, что авторы-женщины используют его чаще, чем авторы-мужчины. Оказалось с точностью до наоборот. Эта единица речевого акта классифицирована по стержневому слову вставить, собрано более 140 реализаций данного фразеологизма, представлена статистика по вариативности его грамматических форм и состава.

Алексей Алексеевич прекрасно разбирался в фонетике – как теоретической, так и экспериментальной. В статье памяти Лии Васильевны Бондарко (которую он считал

своим учителем), посвящённой тому, что же такое чтение [Бурыкин, 2017], Алексей Алексеевич, совершенно в своём стиле, поведал историю о том, как Ходжа Насреддин взялся за 20 лет научить своего ишака читать Коран и как ему удалось на суде эмира легко избежать наказания – ведь, согласно договору, он обещал ишака научить читать, а не говорить по-арабски. После такого конфуза учёные Бухары активно взялись на изучение лингвистики в целом и фонетики в частности, и только слог остался тайной, которую не постигли лучшие арабские лингвистические умы. А мораль сей истории была такова, что читать и читать вслух – это вовсе не одно и то же.

Своим учителем, и очень строгим, Алексей Алексеевич считал и Мирру Вениаминовну Гордину, у которой он получил «тройку с минусом» на зачёте по французскому языку, хотя она лично практических занятий у него не вела [Бурыкин, 2018 б]. И только позже, на спецсеминаре Мирры Вениаминовны по фонетическим системам, он понял, за что. Это Мирра Вениаминовна объяснила и показала ему, что такое кардинальные гласные и как важны максимально точные артикуляционные настройки, дающие правильные акустические характеристики гласных и согласных в том или ином языке.

Как фонетист, Алексей Алексеевич не боялся браться за решение спорных вопросов фонологии, над которыми бились лучшие умы разных фонологических школ. Он виртуозно доказал самостоятельность гласной фонемы /ы/ (возможно, вследствие рефонологизации на фоне исторической фонологии славянских языков), предоставив примеры, позволяющие совершенно иначе взглянуть на дистрибуцию <и> и <ы> [Бурыкин, 2020 б, с. 18–21, 27], ну и, конечно, не обошёл вниманием недавно свершившуюся фонологизацию мягких заднеязычных и явную тенденцию к фонологизации мягких шипящих [Там же, с. 21–27]. Статья получила отклик М. Б. Попова, которого цитировал А. А. Михаил Борисович отметил, что эта насыщенная статья не оставила его равнодушным, и что он нашёл в ней много полезного и интересного, а также поблагодарил за мягкую критику.

Живой интерес Алексея Алексеевича к поэзии вылился в статью о неизвестном стихотворном размере у Б. Окуджавы [Бурыкин, 2020]. В статье отмечена недостаточная изученность метрики и ритмики русской поэзии, начиная со второй половины 20 в. Размер с чередованием двусложных и трёхсложных междуударных интервалов был известен только теоретически. Этот размер впервые появился в песне Окуджавы о Лёньке Королёве как результат более ранних многочисленных экспериментов исполнителя с другими размерами. Наверное, только Алексей Алексеевич с его любовью к поэзии, талантом к стихосложению и глубокими фонетическими знаниями мог такое заметить, когда остальные пропустили.

Ранее [Бурыкин, 2015 б], Алексей Алексеевич выполнил перевод на английский язык текста песни отечественного барда А. Городницкого «Перекаты», бросив вызов точке зрения о непереводаемости безэквивалентной лексики и оборотов (их в стихотворении в изобилии) и не только. Он поставил сложную задачу сохранить оригинальные рифмы и фонику и блестяще справился. Перевод был по достоинству оценён Е. В. Купчик, написавшей рецензию на статью [Купчик, 2020]. Елена Викторовна отметила, что Бурыкин-переводчик не погрешил против поэтической правды в плане содержания и метра стиха; более того, Городницкий получился, несомненно, узнаваемым и получилась, бесспорно, песня. После этого как не признать, что «любой текст может быть переведён с любого языка на любой другой язык – и это будет справедливо как по отношению к естественным языкам, так и по отношению к искусственным языкам или технически ориентированным» [Бурыкин, 2015 б, с. 106].

Последняя в нашем журнале статья Алексея Алексеевича вышла в соавторстве с С. И. Шариной, когда его уже не было с нами [Бурыкин, Шарина, 2021], в которой с успехом был применён огромный опыт Алексея Алексеевича в реконструкциях при

рассмотрении словообразования количественных, порядковых, кратных, разделительных, распределительных, ограничительных, собирательных и прочих числительных тунгусо-маньчжурских языков. Как всегда, железная логика и многообразие примеров.

3. Вечно в разъездах [Always on the road]

Дома Алексею Алексеевичу не сиделось. Просто удивляло, насколько он был лёгок на подъём: на конференцию, в экспедицию, просто в ВАК (чтобы отстоять защитившегося аспиранта или докторанта, по работе которого возникли вопросы), на самолёте, поезде, автобусе, на перекладных, да хоть в калмыцкие степи (ведь там Любимая!), на другой конец страны во Владивосток, ну и, конечно, к нам в Благовещенск. Его вниманием мы никогда не были обделены.

Алексей Алексеевич украсил своими докладами Вторую и Третью международную конференции «Фонетика без границ», проходившую в АмГУ в 2014, 2017 гг. Рабочим языком конференций был английский, но для А. А. это никогда не было проблемой. Алексей Алексеевич свободно говорил и читал на английском, немецком, французском, свободно изъяснялся на эвенском (на нескольких диалектах), эвенкийском, знал фонетические системы, грамматическое устройство и лексику большого количества языков современных и древних. Меня тогда в 2014 году просто потрясло, как он свободно на английском языке рассказывал о нерешённых проблемах фонетики и письменных систем языков народов Сибири – я и терминов-то таких по-английски не знала! И когда в сборнике материалов конференции вышла его статья [Burykin, 2015], я туда частенько ныряла за терминами и названиями языков, когда надо было делать или исправлять переводы аннотаций статей, посвящённых фонетике и письменности этих языков. В 2017 г., на третьей конференции, после того как Алексей Алексеевич сделал блестящий доклад (разумеется, на английском) о фонологических проблемах нивхского языка в синхронии и диахронии, я подошла к нему, чтобы попросить быстренько сдать доклад в Материалы конференции. И тут выяснилось, что Алексей Алексеевич рассказывал глядя в р у с с к и й текст, потому что н а п и с а т ь доклад на английском не хватило времени! Таким он был – талант во всём. К моему огромному сожалению, доклад так и не был опубликован – видеозапись мы тогда не вели, а Алексею Алексеевичу, ввиду чрезвычайной загруженности, просто не хватило времени.

4. Заключение [Conclusion]

В этой памятной статье я постаралась показать Алексея Алексеевича в нескольких ипостасях: Бuryкин-языковед, Бuryкин-поэт, Бuryкин-переводчик, Бuryкин-рецензент. Он был полиглотом, человеком острейшего ума и энциклопедических знаний, талантливым и щедрым учёным (таким же щедрым, как его учитель Лия Васильевна Бондарко, которой он безмерно дорожил). Лингвистические интересы Алексея Алексеевича лежали в самых разных областях: лексикография, фразеология, фонетика и фонология, перевод, словообразование и реконструкции. В нашем журнале опубликовано 9 его статей.

Он был преданным другом. “Дорогой Алексей...”, – так неизменно начинались мои письма Алексею Алексеевичу Бuryкину. Теперь приходится справляться без него, но мысли каждый раз возвращаются к нему. С декабря 2021 года Алексея Алексеевича больше не будет в составе редколлегии журнала, но он никогда не перестанет быть нашим Автором. Его электронный адрес навсегда останется у меня в почте, хоть и обращаться по нему больше не к кому.

Библиографический список

- Бурыкин, 2015 а – Бурыкин А. А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «библиотека лексикографа»: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015 а. Вып. 1, № 4. С. 5–28.
- Бурыкин, 2015 б – Бурыкин А. А. Ещё о непереводаемом в переводе, или если нельзя, но очень хочется – то можно! Опыт работы над английским переводом песни А. Городницкого «Перекаты» (к 55-летию написания русского текста) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015 б. Вып. 1, № 4. С. 105–111.
- Бурыкин, 2016 – Бурыкин А. А. Теоретик во всём. К 80-летию А. С. Герда // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2, № 2. С. 5–25.
- Бурыкин, 2017 – Бурыкин А. А. Что же такое «читать»? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 2. С. 118–120. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_118_120
- Бурыкин, 2018 а – Бурыкин А. А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (вставить свои пять копеек) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018 а. Вып. 4, № 1. С. 5–14. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14
- Бурыкин, 2018 б – Бурыкин А. А. Мирра Вениаминовна Гордина. Взгляд сквозь линзу времени // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018 б. Вып. 4, № 1. С. 95–104. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_95_104
- Бурыкин, 2020 а – Бурыкин А. А. Об одном неизвестном стихотворном размере в русской поэзии и его происхождении (Б. Окуджава. «Песня о Лёнке Королёве») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020 а. Вып. 6, № 1. С. 5–13. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_5_13
- Бурыкин, 2020 б – Бурыкин А. А. Дискуссионные проблемы русской фонологии и способы их решения (с позиций фонологической школы Л. В. Щербы) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020 а. Вып. 6, № 3. С. 17–33. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33
- Бурыкин, Шарина, 2021 – Бурыкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 52–68. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68
- Купчик Е. В. Всё перекаты...: рецензия на статью А. А. Бурыкина (Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 4. С. 105–111) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 178–180. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_178_180
- НКРЯ, 2021 – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения : 03.11.2021)
- Burykin A. A. Phonetics and writing system of languages of the people of Siberia: 150-year experience and unresolved issues // Phonetics without borders: Proc. of the 2nd International Conference, June 9–11, 2014 / ed. by S. V. Androsova. Blagoveshchensk : Amur State University, 2015. P. 17–22.
- Burykin A. A. Great problems of small languages – synchronic and diachronic phonology of Nivkh : oral report // Phonetics without Borders, June 13–14, 2017. Blagoveshchensk : Amur State University.

References

- Burykin, A. A. (2015 a). Elektronnyĭ resurs dlya issledovaniĭ v oblasti russkoĭ leksikologii i leksikografii «biblioteka leksikografa»: opyt raboty, perspektivy popolneniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya [Electronic resource for studies in the field of Russian lexicology and lexicography “lexicographer's library”: experience, outlook for enlarging, possibilities of using]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 5–28. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2015 b). Eshchĕ o neperevodimom v perevode, ili esli nel'zya, no ochen' khochetsya – to mozžno! Opyt raboty nad angliĭskim perevodom pesni A. Gorodnitskogo «Perekaty» (k 55-letiyu napisaniya russkogo teksta) [Again about untranslatable in translation or if it is forbidden but mostly desirable – then it is possible! The experience of translating A. Gorodnitskiy's bard song «Rifts» (to the 55th anniversary of the Russian words of the song)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 105–111. (In Russ.).

- Burykin, A. A. (2016). Teoretik vo vsem. K 80-letiyu A. S. Gerda [Theorist in everything. To the 80th anniversary of Alexander S. Heard]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2 (2), 5–25. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2017). Chto zhe takoe «chitat'»? [What does it mean «to read»?]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (2), 118–120. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2017_3_2_118_120 (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2018 a). Iz opyta izucheniya paradigmاتي frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka (vstavit' svoi pyat' kopeek) [The experience of studying the paradigmatics or Russian phraseological units (Vstavit' svoi pyat' kopeek)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 5–14. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14 (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2018 b). Mirra Veniaminovna Gordina. Vzgl'yad skvoz' linzu vremeni [Mirra V. Gordina. A glance through the time lens]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 95–104. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_95_104 (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020 a). Ob odnom neizvestnom stikhotvornom razmere v russkoy poezii i ego proiskhozhdenii (B. Okudzhava. «Pesnya o Len'ke Koroleve») [One unknown meter in Russian poetry and its origin (B. Okudzhava. A song about Lyon'ka Korolyov)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 5–13. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_5_13 (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020 b). Diskussionnye problemy russkoy fonologii i sposoby ikh resheniya (s pozitsiy fonologicheskoy shkoly L. V. Shcherby) [Challenging issues of Russian phonology and their solutions (The approach of L. V. Shcherba's phonological school)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (3), 17–33. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_3_17_33 (In Russ.).
- Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021). Slovoobrazovanie imen chislitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 52–68. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68 (In Russ.).
- Kupchik, E. V. (2020). [Rifts roar and roar...: A review of A. A. Burykin's article (2015) in Theoretical and Applied Linguistics, 1 (4), 105–111]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (2), 178–180. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_178_180 (In Russ.).
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. (NRC). (2021). Retrieved November 3, 2021 from <<https://ruscorpora.ru/new/index.html>>. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2015). Phonetics and writing system of languages of the people of Siberia: 150-year experience and unresolved issues. In S. V. Androsova (Ed.), *Phonetics without borders: Proc. of the 2nd International Conference, June 9–11, 2014* (pp. 17–22). Blagoveshchensk: Amur State University Press.
- Burykin A. A. (2017). Great problems of small languages – synchronic and diachronic phonology of Nivkh [Conference report]. *Phonetics without Borders, June 13–14, 2017*. Blagoveshchensk: Amur State University.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 22.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.

УДК 81.11

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_4_195_198

Гусева Светлана Ивановна
Независимый исследователь
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
s_guseva@mail.ru

Оборвалась ещё одна нить, связывавшая нас с прекрасной эпохой

Аннотация

Статья является откликом на безвременную кончину талантливого исследователя тунгусо-маньчжурских языков Алексея Алексеевича Бурыкина. Отмечается его вклад в сохранение и развитие традиций советской лингвистической школы. Подчёркивается важная просветительская роль учёного, принимавшего активное участие в научных мероприятиях в разных в том числе отдалённых регионах нашей страны. Приводятся некоторые из его основных публикаций, посвящённых общему языкознанию, русистике, языкам народов Центральной Азии и Сибири, фольклору, этнографии, истории.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, советская лингвистическая школа, просветительская деятельность

© Гусева С. И. 2021

Для цитирования: Гусева С. И. Оборвалась ещё одна нить, связывавшая нас с прекрасной эпохой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 195–198. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_195_198

Svetlana I. Guseva
Independent researcher
Saint Petersburg, Russian Federation
s_guseva@mail.ru

Another thread that connected us to the beautiful era was broken

Abstract

This paper is in commemoration of a talented researcher of the Tungus-Manchu languages, Alexei Alekseevich Burykin who died too early, at the peak of his career. His contribution to the preservation and development of the Soviet linguistic school traditions is outstanding, his educational role for young scientists is remarkable. As a leading researcher, he participated in scientific events in different regions of our country including remote ones, where he shared his precious knowledge concerning the issues he studied. Some of his major publications focused upon general linguistics issues, Russian and Altaic languages, folklore, ethnography and history.

Keywords: Tungus-Manchu languages, Soviet linguistic school, educational activity

© Guseva S. I. 2021

For citation: Guseva, S. I. Oborvalas' eshche odna nit', svyazyvavshaya nas s prekrasnoy epokhoi [Another thread that connected us to the beautiful era was broken]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 195–198. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_195_198

Безвременная кончина доктора филологических и исторических наук Алексея Алексеевича Бурыкина, яркого многогранного учёного, талантливого исследователя тунгусо-маньчжурских языков, отозвалась не только душевной болью, но и осознанием того, что оборвалась ещё одна нить, связывавшая нас с той прекрасной эпохой, когда мы учились в Ленинградском, а затем Петербургском университете у наших замечательных учителей, учёных советской школы, заложивших основы образования, которое сегодня признаётся одним из лучших в мире. Будучи учеником известных советских филологов, А. А. Бурыкин сохранял и развивал в своих исследованиях традиции советской лингвистической науки.

Мы слушали лекции Л. Р. Зиндера, легенды отечественной германистики и автора настоящего шедевра лингвистической мысли – учебника «Общая фонетика». Лев Рафаилович, вспоминая свои студенческие годы, рассказывал нам, аспирантам, как 1 сентября 1924 года на собрании первокурсников ЛГУ попросили поднять руки тех, кто поступил на романо-германский цикл. Руки подняли двое – он и Татьяна Викторовна Строева (вместе с ней они подготовили в дальнейшем все основные учебники для студентов, изучающих немецкий язык). Педагогами и наставниками двоих студентов стали пять профессоров. О таком образовании сегодня можно только мечтать!

Занимаясь разными научными направлениями, мы с Алексеем Алексеевичем мало интересовались исследованиями друг друга. Но время от времени дороги наши все же пересекались: почти в одно время, правда, на разных кафедрах, обучались в аспирантуре, в близком временном интервале защищали кандидатские. И практически одновременно, с разницей в две недели, защищали докторские диссертации. Поэтому несколько раз, озабоченные сбором документов в диссертационный совет, мы встречались на филологическом факультете СПбГУ.

Но судьба оказалась щедра, когда стараниями моей коллеги Ольги Николаевны Морозовой, занимающейся проблемами эвенкийского языка, Алексей Алексеевич был приглашён на 2-ую международную научную конференцию «Фонетика без границ» и приехал к нам в Благовещенск. Приехал за несколько тысяч километров от Санкт-Петербурга, приехал с большим желанием рассказать о своих изысканиях и познакомиться с работами молодых исследователей. Учёные, которые проявляют заботу о молодом поколении, занимаются просветительской деятельностью и способствуют созданию и развитию научной среды, на мой взгляд, заслуживают большого уважения и высокой оценки.

Доклад А. А. Бурыкина «Great problems of small languages – synchronic and diachronic phonology of Nivkh» [Burykin, 2017] на нашей конференции вызвал большой интерес у участников. Предметом доклада была фонологическая система нивхского языка, языка одного из аборигенных народов Дальнего Востока, признающегося изолированным. Автор подробно проанализировал характерные для нивхского языка особенности, не имеющие аналогов в языках соседних регионов. На основе теоретических изысканий и практических исследований, направленных на реконструкцию архаического пранивхского состояния, А. А. Бурыкин пришёл к выводу, что нивхский язык представляет самостоятельную ветвь тунгусо-маньчжурских языков, которая отделилась раньше других языков и подверглась сильному айнскому влиянию.

В перерывах между заседаниями секций мы, конечно, общались. Нельзя было не заметить глубокой лингвистической эрудиции и наличия разносторонних энциклопедических знаний у Алексея Алексеевича. Не случайно среди его многочисленных трудов, перечень которых насчитывает более тысячи наименований (лишь некоторые из основных приводятся в библиографическом списке [Березницкий и др., 1997; Бурыкин, 2002, 2013, 2014, 2015; Бурыкин, Басангова, 2014; Бурыкин, Соловар, 2017]), работы не только по общему языкознанию, русистике, языкам народов Центральной Азии и Сибири,

но и фольклору, этнографии, истории Арктики и Сибири, истории географических открытий, истории флота и авиации.

Нет слов, чтобы выразить грусть от случившегося, от того, что уходят учёные советской школы, которые сейчас, в эпоху дистанционного образования, как воздух, нужны науке и стране в целом. Грустно вдвойне, когда учёный уходит в расцвете творческих сил, не успев реализовать, возможно, свой главный замысел и уж, совершенно точно, не узнав положенной ему прелести осени жизни.

Светлая память Алексею Алексеевичу.

Библиографический список

- Березницкий и др., 1997 – История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / С. В. Березницкий, А. А. Бурыкин, М. Я. Жорницкая, И. А. Захарова, Н. В. Кочешков, Ж. К. Лебедева, А. Б. Спеваковский, В. А. Туголуков, В. А. Тураев, Е. В. Рудникова. СПб. : Наука, 1997. 182 с.
- Бурыкин, 2013 – Бурыкин А. А. Имена собственные как исторический источник (по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков). СПб. : Петербургское востоковедение, 2013. 532 с.
- Бурыкин, 2015 – Бурыкин А. А. Методы сравнительно-исторического языкознания, алтайская теория и тюрко-монгольские языковые связи (Реплика на статью В. И. Рассадина) // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4 (19). С. 93–105.
- Бурыкин, 2002 – Бурыкин А. А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. 2002. № 28. С. 188–213.
- Бурыкин, 2014 – Бурыкин А. А. О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительно объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения. 2014. № 4 (19). С. 21–33.
- Бурыкин, Басангова, 2014 – Бурыкин А. А., Басангова Т. Г. Типология калмыцкого фольклора. Элиста : ЗАОР «НПП „Джангар“», 2014. 212 с.
- Бурыкин, Соловар, 2017 – Бурыкин А. А., Соловар В. Н. Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири. 2-е изд., доп. Тюмень : ООО «ФОРМАТ», 2017. 380 с.
- Burykin A. A. Great problems of small languages – synchronic and diachronic phonology of Nivkh : oral report // Phonetics without Borders, June 13–14, 2017. Blagoveshchensk : Amur State University.

References

- Bereznitskiy, S. V., Burykin, A. A., Zhornitskaya, M. YA., Zaharova, I. A., Kocheshkov, N. V., Lebedeva, Zh. K., Spevakovskiy, A. B., Tugolukov, V. A., Turaev, V. A., Rudnikova, E. V. (1997). *Istoriya i kul'tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Evens: Historical and ethnographic essays]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2013). *Imena sobstvennyye kak istoricheskiy istochnik (po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii i osvoenii Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii XVII–XIX vekov)* [Proper names as a historical source (based on the materials of Russian documents on the discovery and development of Siberia and the Far East The East of Russia of the XVII–XIX centuries)]. St Petersburg : Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2015). *Metody sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaniya, altayskaya teoriya i tyurko-mongol'skie yazykovye svyazi* (Replika na stat'yu V. I. Rassadina) [Methods of comparative historical linguistics, Altai theory and the Turko-Mongolic language relations (Remark on Valentin Rassadin's article)]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 4 (19), 93–105. (In Russ.).

- Burykin, A. A. (2002). Nekotorye problemy sociokul'turnogo razvitiya malochislennykh narodov Severa RF v svete gendernogo podhoda [Some problems of socio-cultural development of the small peoples of the North of the Russian Federation in the light of gender approach]. *Rasy i narody. Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy* [Races and peoples. Modern ethnic and racial problems], 28, 188–213. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2014). O vzaimnom sootnoshenii otдел'nykh grupp altayskikh yazykov i ob otnositel'nom ob"eme izmeneniy v otдел'nykh gruppakh altayskikh yazykov: «drevnie», «novye», i «noveyshie» altayskie yazyki [About a mutual relation of separate groups of the Altaic languages and about the relative amount of changes in separate groups of the Altaic languages: "Ancient", "new", and "latest" Altaic languages]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 4 (19), 21–33. (In Russ.).
- Burykin, A. A., Basangova, T. G. (2014). *Tipologiya kalmyckogo fol'klora* [Typology of Kalmyk folklore]. Elista : Dzhangar Press. (In Russ.).
- Burykin, A. A., Solovar, V. N. (2017). *Issledovaniya po etnografii i fol'kloru narodov Severo-Zapadnoj Sibiri* [Research on ethnography and folklore of the peoples of North-Western Siberia]. 2nd ed. with addenda. Tyumen : FORMAT Press. (In Russ.).
- Burykin A. A. (2017). Great problems of small languages – synchronic and diachronic phonology of Nivkh [Conference report]. *Phonetics without Borders*, June 13–14, 2017. Blagoveshchensk : Amur State University.

Статья поступила в редакцию 29.04.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.

The article was submitted 29.04.2021; approved after reviewing 30.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.

Наши авторы

- Алексеева Инга Дмитриевна*, старший преподаватель кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского гос. ун-та им. Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, email: inga-alex@rambler.ru
- Андросова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru
- Булатова Надежда Яковлевна*, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингв. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovanyu@gmail.com
- Бурая Елена Анисимовна*, канд. филол. наук., доцент кафедры фонетики английского языка Московского гос. лингв. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: helen812@list.ru
- Васина Ксения Сергеевна*, студент МГТУ им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация, email: superstep17@gmail.com
- Гусева Светлана Ивановна*, д-р филол. наук, проф., независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: s_guseva@mail.ru
- Дашиева Соелма Цырен-Дашиевна*, канд. филол. наук., доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского гос. ун-та им. Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, email: soelma_d@mail.ru
- Ермакова Людмила Витальевна*, канд. филол. наук., доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: yuqilhit@126.com
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Коряжкина Оксана Витальевна*, <https://orcid.org/0000-0002-7850-9179>, канд. филол. наук., доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. технологич. ин-та (технич. ун-та), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: lilac_kor@mail.ru
- Лаухина Светлана Сергеевна*, <https://orcid.org/0000-0002-1357-2679>, канд. филол. наук., доцент Омского автобронетанкового инженерного ин-та, г. Омск, Российская Федерация, email: svetlau@mail.ru
- Лельхова Федосья Макаровна*, <https://orcid.org/0000-0002-2879-0628>, канд. филол. наук, зав. научно-исследовательским отделом хантыйской филологии Обско-угорского ин-та прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, email: lelhovafm@yandex.ru
- Ли Вэньгэ*, Харбинский политехнический университет, г. Харбин, КНР, email: yuqilhit@126.com
- Морозова Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Мэн Шусянь*, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлунцзян, КНР
- Озонава Айяна Алексеевна*, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>, канд. филол. наук., старший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: ajanao@mail.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Семенова Татьяна Ивановна*, <https://orcid.org/0000-0002-8929-699X>, д-р филол. наук, проф., проректор по научной работе Иркутского гос. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: tisemenova54@mail.ru
- Становая Лидия Анатольевна*, <https://orcid.org/0000-0002-1702-4506>, д-р филол. наук, проф., зав. каф. романской филологии Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: lida_stan@mail.ru
- Стрельцов Алексей Александрович*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры перевода и ИТЛ Южного фед. уни-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: al-astr@yandex.ru
- Сюй Хун*, Харбинский политехнический университет, г. Харбин, КНР, email: yuqilhit@126.com
- Тё Ольга Евгеньевна*, <https://orcid.org/0000-0003-2092-0800>, канд. филол. наук, преподаватель МГТУ им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация, email: tyo_olga@bmstu.ru
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, проф. Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, член-кор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Хань Юфэн*, Научно-исследовательский ин-т по межнациональным отношениям, г. Харбин, КНР
- Шуйская Татьяна Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8540-8333>, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского гос. технологич. ин-та (технич. ун-та), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: T.Shuiskaya@mail.ru

Our authors

- Inga D. Alekseeva*, Senior Lecturer, Department of Buryat Language and Teaching Methods, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, email: inga-alex@rambler.ru
- Svetlana V. Androsova*, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru
- Nadezhda Ya. Bulatova*, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com
- Elena A. Buraya*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, email: helen812@list.ru
- Ksenia S. Vasina*, student, Bauman University, Moscow, Russian Federation, email: superstep17@gmail.com
- Svetlana I. Guseva*, Doctor of Philology, Professor, independent researcher, St Petersburg, Russian Federation, email: s_guseva@mail.ru
- Soelma Ts.-D. Dashieva*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Buryat Language and Teaching Methods, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, email: soelma_d@mail.ru
- Lyudmila V. Ermakova*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: yuqilihit@126.com
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Oksana V. Koryazhkina*, <https://orcid.org/0000-0002-7850-9179>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg State Institute of Technology St Petersburg, Russian Federation, email: lilac_kor@mail.ru
- Svetlana S. Laukhina*, <https://orcid.org/0000-0002-1357-2679>, PhD in Philology, Associate Professor, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russian Federation, email: svetlau@mail.ru
- Fedosia M. Lelkhova*, <https://orcid.org/0000-0002-2879-0628>, PhD in Philology, Head of the Scientific Research Department of Khanty Philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, email: lelhovafm@yandex.ru
- Li Wenge*, Harbin Polytechnical University, Harbin, China, email: yuqilihit@126.com
- Olga N. Morozova*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, PhD in Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Meng Shuxian*, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China
- Aiiiana A. Ozonova*, <https://orcid.org/0000-0003-0136-7499>, PhD in Philology, senior researcher, Department of the Siberian Peoples' Languages, the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: ajanao@mail.ru.
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Tatiana I. Semenova*, <https://orcid.org/0000-0002-8929-699X>, Doctor of Philology, Professor, Vice President for Scientific Affairs, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, email: tisemenova54@mail.ru
- Lydia A. Stanovaia*, <https://orcid.org/0000-0002-1702-4506>, Doctor of Philology, Professor, Head of The Roman Philology Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russian Federation, email: lida_stan@mail.ru
- Aleksey A. Streltsov*, <https://orcid.org/0000-0002-7882-0495>, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: al-astr@yandex.ru
- Xu Hong*, Harbin Polytechnical University, Harbin, China
- Olga E. Te*, <https://orcid.org/0000-0003-2092-0800>, PhD in Philology, senior lecturer, Bauman University, Moscow, Russian Federation, email: tyo_olga@bmstu.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Han Youfeng*, Research Institute for Interethnic Relations, Harbin, China
- Tatiana V. Shuiskaya*, <https://orcid.org/0000-0002-8540-8333>, PhD in Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, St Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russian Federation, email: T.Shuiskaya@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бурая Е. А.</i>	Просодический ритм в австралийском варианте английского языка (гендерный аспект)	5
<i>Васина К. С., Тё О. Е.</i>	Неологизмы в общественнополитических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID19)	16
<i>Гусева С. И.</i>	К вопросу о небуквенных знаках письма. Восклицательный знак	29
<i>Дашиева С. Ц-Д., Алексеева И. Д.</i>	Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии	39
<i>Ермакова Л. В.</i>	Языковая репрезентация категории модальности в новостном дискурсе	47
<i>Коряжкина О. В.</i>	Особенности формирования семантики компонента <i>-out</i> в глагольно-наречных композитах	56
<i>Лаухина С. С.</i>	Коннотативная окраска как критерий омонимичности терминологических словосочетаний и фразеологизмов	67
<i>Лельхова Ф. М.</i>	Мотивационные признаки номинаций дикорастущих ягодных растений в хантыйском языке: этнолингвистический анализ	77
<i>Озонова А. А.</i>	Структурные типы целевых конструкций в алтайском языке (в сопоставлении с тувинским и якутским)	86
<i>Семенова Т. И.</i>	Когнитивные механизмы конструирования имиджа растительного мяса в англоязычном медиадискурсе	97
<i>Становая Л. А.</i>	Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия?	112
<i>Стрельцов А. А.</i>	Блендинг: краткая история заблуждений	135
<i>Сюй Х., Ли В.</i>	Грамматическая стилистика научно-технического перевода в аспекте теории первого плана и фона	148
<i>Хань Ю., Мэн Ш., Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.</i>	Сопоставительные характеристики союзов в ороchonском и эвенкийском языках	159
<i>Шуйская Т. В.</i>	Ротацизм и параротацизм в детской речи	169

Рецензии

<i>Федуленкова Т. Н.</i>	О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации [Рецензия на монографию: А. Ю. Багиян, О. И. Натхо, Т. А. Ширяева «Мудрость веков в языке бизнеса. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: когнитивно-дискурсивный аспект»]	179
--------------------------	--	-----

Memoria

<i>Андросова С. В.</i>	Рождѣнный, чтобы спорить и совершать открытия (памяти коллеги и дорогого друга А. А. Бурыкина)	187
<i>Гусева С. И.</i>	Оборвалась ещё одна нить, связывавшая нас с прекрасной эпохой	195
Наши авторы		199

CONTENTS

Original Papers

<i>Buraya E. A.</i>	Prosodic rhythm in Australian English (Gender differentiation)	5
<i>Vasina K. S., Te O. E.</i>	Neologisms in socio-political texts in Chinese during the coronavirus (COVID19) pandemic	16
<i>Guseva S. I.</i>	To the question of non-letter characters of the letter. Exclamation mark	29
<i>Dashieva S. Ts.D., Alekseeva I. D.</i>	Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology	39
<i>Ermakova L. V.</i>	Language representation of modality category in news discourse	47
<i>Koryazhkina O. V.</i>	Patterns of semantics forming for the <i>-out</i> component in verb-adverbial compounds	56
<i>Laukhina S. S.</i>	Connotative coloration as a criterion of homonymity of terminological phrases and phraseological units	67
<i>Lelkhova F. M.</i>	Motivational features of wild berry plant names in Khanty: Ethno-linguistic study	77
<i>Ozonova A. A.</i>	The structural types complex sentences with clauses of purpose in the Altai language (Compared to Tuvan and Yakut)	86
<i>Semenova T. I.</i>	Cognitive operations of plant meat construal in English media discourse	97
<i>Stanovaia L. A.</i>	Old French nominal declension – reality or illusion?	112
<i>Streltsov A. A.</i>	Blending: A brief history of misconception	135
<i>Xu H., Li W.</i>	Grammatical stylistics of scientific and technical translation in the aspect of Theory of Grounding	148
<i>Han Y., Meng Sh., Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya.</i>	Comparing conjunctions in Orochon and Evenki	159
<i>Shuiskaya T. V.</i>	Rhotacism and pararhotacism in child’s speech	169

Reviews

<i>Fedulenkova T. N.</i>	On deconventionalization of modern English business communication [Book review: A. Yu. Bagiyan, O. I. Natkho, T. A. Shiryayeva «Wisdom of the ages in the language of business. Proverbs in the English-speaking popular scientific business discourse: Cognitive-discourse aspect»]	179
--------------------------	--	-----

Memoria

<i>Androsova S. V.</i>	Born to face challenges and make discoveries: A commemorative paper in honor of my colleague and dear friend Alexis A. Burykin	187
<i>Guseva S. I.</i>	Another thread that connected us to the beautiful era was broken	195
Our authors		199

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 7, No 4, 2021.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 04.12.2021. Подписано к печати 02.12.21. Дата выхода в свет 21.12.2021.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 23,71. Тираж 1000. Заказ 198. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.